

А.Н. АСМОЛОВ

ФРОНТ В ТЫЛУ ВЕРМАХТА

А.Н. АСМОЛОВ

ФРОНТ В ТЫЛУ ВЕРМАХТА

Издание 2-е, дополненное

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1983

Есть книги, читательский интерес к которым предопределяется и темой, и новизной материала, и самой судьбой ее автора. К таким можно отнести и книгу Алексея Никитовича Асмолова «Фронт в тылу вермахта».

С первых дней Великой Отечественной войны и до конца ее А. Н. Асмолов занимался организацией партизанской борьбы, был одним из тех коммунистов, кому партия дала ответственное поручение — руководить партизанскими действиями, обеспечивая взаимодействие партизан с войсками некоторых советских фронтов, которые сражались с гитлеровскими армиями в северо-западных районах РСФСР, на юго-западе Украины, в Молдавии и других местах. А с конца сентября 1944 года товарищ Асмолов был одним из непосредственных руководителей партизанского движения в Чехословакии.

Эта география и время, которое А. Н. Асмолов отдал партизанской борьбе, определяют характер и особенности книги «Фронт в тылу вермахта».

Нельзя пожаловаться, что наша литература о партизанском движении в годы минувшей войны скудна. Тем не менее А. Н. Асмолов открыл некоторые малоизвестные и новые страницы народной борьбы в тылу гитлеровских войск, вглядываясь в происходившее глазами организатора и руководителя партизанских действий на различных участках советско-германского фронта, а также за пределами Советской страны. В нашей литературе о партизанском движении в годы минувшей войны еще не было произведения, в котором бы так подробно освещалась роль Военных советов фронтов, фронтовых штабов партизанского движения, их тесная связь с партийными комитетами в руководстве борьбой в тылу фашистских армий.

Одна из главных особенностей борьбы советских людей в тылу фашистских захватчиков состояла в том, что ею руководила Коммунистическая партия. Партия стояла во главе всенародной партизанской войны, развернувшейся с невиданной мощью на всей

захваченной врагом советской территории. Борьбу с фашистскими захватчиками за линией фронта непосредственно возглавляли десятки обкомов, сотни окружкомов, горкомов, райкомов и других партийных органов. Вместе с тем руководство партизанскими действиями на оккупированной фашистами советской территории осуществлялось и через специальные органы партии — штабы партизанского движения. При Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения во главе с членом ЦК ВКП(б), секретарем ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко. Этот штаб являлся военно-оперативным органом ЦК ВКП(б).

На территории республик и областей действовали республиканские и областные штабы. Одновременно при Военных советах фронтов были сформированы штабы партизанского движения, а при армиях оперативные группы. Вот о таких штабах при Военных советах и ведет речь А. Н. Асмолов.

Всенародная партизанская война, охватившая тыл гитлеровской армии на всей оккупированной советской территории, была войной народной, боевым ответом советских людей на попытку врага покорить нашу страну, лишить трудящихся первого в мире социалистического государства их завоеваний.

Небывалый размах и активность партизанской борьбы были самым убедительным свидетельством того, как советские люди дорожат своей народной властью, как преданы они коммунистическим идеалам.

Книга «Фронт в тылу вермахта» воссоздает страницы этой все-народной борьбы, раскрывает ее особенности и закономерности, обусловленные социалистическим общественным строем. Главное внимание в книге уделяется тому, что происходило по ту сторону линии фронта, рассказу о партизанах и подпольщиках, чей массовый героизм и высокое боевое искусство нанесли фашистскому вермахту невосполнимый урон. Перед читателем проходят широко известные и неизвестные герои партизанской борьбы, коммунисты и беспартийные, мужчины и женщины, рабочие, колхозники, интеллигенты, люди разных национальностей, вступившие в бескомпромиссную схватку с врагом. Мы видим, как действуют партизаны и подпольщики на вражеских коммуникациях, как они уничтожают живую силу и боевую технику противника, громят карательные экспедиции, как население, оказавшееся на оккупированной территории, саботирует все мероприятия гитлеровцев. Раскрывая боевые действия партизан, автор освещает их взаимодействие с советскими войсками, приводит интересные факты и обобщающие данные, свидетельствующие об эффективности действий партизанских формирований в интересах Советской Армии, показывает значение разведывательной информации, поступавшей из вражеского тыла.

В книге рассказывается не только о партизанских действиях. Автор воссоздает также страницы жизни советских людей на территории, занятой врагом или освобожденной от него совместными усилиями партизан и населения под руководством партийных органов. Читатели познакомятся с жизнью Партизанского края, возникшего на захваченной врагом ленинградской земле еще в августе 1941 года, деятельностью созданных там органов Советской власти, неутомимой работой коммунистов, всего населения этой своеобразной советской территории за линией фронта. Яркие страницы книги — свидетельства неисчерпаемости партизанских резервов, всенародной поддержки партизанской борьбы.

Рассказывая о партизанской борьбе в тылу армий вермахта, Алексей Никитович Асмолов показал ее органическую связь с партийным руководством, осуществлявшимся ЦК ВКП(б) и Государственным Комитетом Обороны через рабочий орган Ставки Верховного Главнокомандования — Центральный штаб партизанского движения, а также республиканские и областные штабы, в том числе Украинский штаб партизанского движения, полномочным представителем которых автор являлся в годы войны.

Тему партийного руководства партизанской борьбой А. Н. Асмолов раскрывает и через освещение деятельности местных партийных органов, партийных организаций партизанских отрядов и бригад. Со страниц книги встают яркие образы коммунистов — организаторов, руководителей и непосредственных участников партизанской борьбы, отражается авангардная роль коммунистов и комсомольцев в решении конкретных задач партизанского движения. В их стойкости и самоотверженности нашли конкретное проявление безграничная преданность партии, интересам народа. идеям марксизма-ленинизма, бесстрашие перед лицом смертельной опасности.

Особый интерес представляют главы книги, в которых рассказывается о партизанской борьбе в Чехословакии. Генеральный секретарь ЦК Компартии Чехословакии, президент ЧССР Густав Гусак в книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании» назвал Алексея Никитовича Асмолова «душой Главного штаба партизанского движения». Непосредственный участник и очевидец героических событий Словацкого национального восстания, А. Н. Асмолов показывает ход и значение одного из крупнейших антифашистских выступлений трудящихся Европы. Важное место в книге отводится отражению деятельности Коммунистической партии Чехословакии в организации партизанской борьбы и руководству ею, самоотверженности чехословацкого народа, вступившего под руководством коммунистов в открытую вооруженную борьбу против фашизма за свое национальное и социальное освобождение.

Читатели увидят, как достойно исполнили свой интернациональный долг советские партизаны, сколь велик был их вклад в борьбу чехословацкого народа с фашистскими захватчиками.

«Благороднейшими гражданами подвергшейся нападению страны» назвал партизан М. И. Калинин. Такими они и предстают со страниц книги А. Н. Асмолова «Фронт в тылу вермахта» — мужественные, благородные рыцари непобежденного народа.

Генерал-полковник *С. Бельченко*,
заместитель начальника
Центрального штаба
партизанского движения
при Ставке
Верховного Главнокомандования
в годы Великой Отечественной войны

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ ВОЙНЫ

Сколько лет прошло, а те первые дни войны так свежи в памяти — хоть дневник пиши...

Последняя мирная ночь была короткой и душной. Расположившись в одной из землянок на командном пункте 8-й армии, штаб которой три дня назад был выведен в район литовского города Шяуляй на командно-штабное учение, я пытался заснуть. Накануне довелось побывать в Таураге, где находился штаб одной из стрелковых дивизий Прибалтийского особого военного округа. Все только и говорили о приближении войны.

В 4 часа утра 22 июня 1941 года над нашим расположением раздалась стрельба. Несколько десятков самолетов завязали воздушный бой. Натянув сапоги и гимнастерку, я сразу направился на командный пункт 8-й армии. Командующий армией генерал-майор П. П. Собенников был внешне спокоен, хотя чувствовалось, что он уже во власти новых забот и дум.

— Что, началась война?

— Да, это война, — отозвался генерал.

— Какие поступают сообщения с границы?

— Противник наступает на участке всей армии.

В ту пору я служил в штабе Прибалтийского особого военного округа, переименованного в первый день войны в Северо-Западный фронт.

Командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, когда я появился в его землянке, разговаривал по телефону правительственной связи с начальником Генерального штаба РККА. Закончив говорить и закулив, генерал повернулся ко мне и сказал:

— Вот оно, товарищ Асмолов, какие дела.

Из рассказа Ф. И. Кузнецова стало ясно, что наши приграничные части подверглись нападению немецко-фашистских войск. Вражеская авиация нанесла удары по некоторым аэродромам, портам и железнодорожным узлам. Бомбили Ригу, Лиепаю, Шяуляй, Каунас, Вильнюс и другие города. 8-я и 11-я армии, входившие в состав округа, отражали удары противника.

К утру 23 июня сведения стали более полными. Стал ощутим размах приграничного сражения, развернувшегося в Прибалтике. Повсеместно наши войска оказывали врагу сильное сопротивление.

Уже в самом начале фашистского нашествия в активную борьбу с захватчиками включилось население охваченных войной районов Прибалтийских республик, как, впрочем, и население других районов страны. Это были первые проявления того могучего партизанского движения, которое впоследствии потрясло весь вражеский тыл. Во время отхода 125-й дивизии из Таураге к ней присоединилось много литовских солдат-резервистов. В местечке Кяльме взял в руки винтовки отряд юношей, а девушки стали санитарками.

Отряды литовских активистов вместе с 466-м полком этой дивизии в течение нескольких дней — с 24 по 29 июня — отбивали вражеские атаки на подступах к Шяуляю, разгромили моторизованный полк врага. На западе от Шяуляя отряд местных жителей, созданный Тельшайским уездным комитетом партии, в ночь на 24 июня уничтожил вражеский парашютный десант.

Вместе с воинскими частями отважно бились с захватчиками отряды местных активистов, созданные в Плунгеском, Акмянском и Паневежском уездах. А когда фашисты ворвались в Шяуляй, рабочие городской нефтебазы открыли резервуары и выпустили 11 тысяч тонн оставшегося там горючего.

С невиданной стойкостью защищалась Лиепая. Гитлеровцы намеревались захватить город в первый день войны, но стянутые под Лиепайю вражеские войска не смогли справиться со своей задачей, и фашистское командование вынуждено было направить сюда дополнительные силы. В ряды защитников города влились батальон городского партийного и советского актива, боевые отряды работников милиции, Осоавиахима, торгового порта и железнодорожных мастерских, а также отряды рабочей гвардии, созданные в 1940 году после падения буржуазного правительства. Все эти формирования выросли за счет добровольцев из других учреждений и предприятий города. Молодежь объединилась в комсомольско-молодежный отряд под командованием члена ЦК ЛКСМ Латвии и секретаря Лиепайского укома комсомола, впоследствии выдающегося организатора партизанского движения в Латвии Героя Советского Союза Иманта Судмалиса. В сравнении с вражескими полчищами, осаждавшими Лиепайю, это были крайне незначительные силы. Но дрались они вместе с частями Красной Армии героически и удерживали город до 28 июня.

Одна из гитлеровских газет в то время так писала об этих боях: «Чтобы попасть в другую часть города, нужно было пройти через мост, который красные удерживают всеми возможными средствами... Со стороны старой Лиепайи немецкие войска обстреливаются

одетыми в штатское платье коммунистами. В тылу стреляют из окон, с крыш, из погребов: там прячутся большевики. В уличных боях коммунисты, видимо, чувствуют себя прекрасно. Борьба разгорается со всех сторон. Цветущий город превращается в развалины. В ночь на субботу Лиепая пылала, как древний Рим».

Сообщения об участии населения в борьбе с врагом, партизанских действиях поступали отовсюду. Это не было случайностью. Многие местные партийные работники прошли суровую школу подполья при буржуазных режимах. Они обладали опытом конспирации, умением в нелегальных условиях руководить трудящимися массами. Бесконечна была и патриотическая готовность советских людей, воспитанных Коммунистической партией, драться с врагом с оружием в руках в любых условиях.

Однако, несмотря на героическое сопротивление войск Северо-Западного фронта, фашистские танковые клинья все глубже врзались в нашу оборону. В начале июля 1941 года штаб фронта оказался в Пскове, а вскоре и в Новгороде. На одной из улиц Новгорода я встретил прибывшего из Москвы генерал-майора В. М. Бочкова, с которым был знаком еще до войны по совместной учебе в военной академии. Оказалось, что Бочков назначен членом Военного совета нашего фронта. Увидев меня, он пророкотал своим раскатистым баском:

— Это вы, товарищ Асмолов?

— Как видите.

И Бочков, прихватив меня, направился к начальнику штаба фронта генерал-лейтенанту Н. Ф. Ватутину. Тут же был решен вопрос о моем назначении заместителем начальника разведотдела фронта. Однако на этой должности я пробыл недолго. В июле 1941 года Военный совет принял постановление о создании при политуправлении отдела, на который возлагалась работа по организации партизанских отрядов и руководству их боевой деятельностью. Он получил наименование 10-го отдела политуправления — по дате принятия постановления. Меня назначили начальником этого отдела. В последующем по решению ЦК ВКП(б) такие отделы были созданы во всей действующей армии.

В эти дни член Военного совета фронта корпусной комиссар В. Н. Богаткин познакомил меня с директивой ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 года.

— Как видите,— сказал Богаткин,— наряду с другими важными вопросами, связанными с организацией отпора фашистским захватчикам, Центральный Комитет партии придает особое значение развитию партизанской борьбы в тылу врага. Партия призывает сделать все, чтобы в занятых врагом районах развернули активные боевые действия партизанские отряды и диверсионные

группы, чтобы партизанская война велась повсюду, чтобы в захваченных районах были созданы невыносимые условия для вторгшихся в нашу страну гитлеровских захватчиков.

Поднявшись из-за стола, Богаткин широким шагом прошелся по комнате.

— Обстановка на фронтах складывается так,— продолжал он,— что у нас с вами нет времени на раскачку. Создавайте отдел и одновременно связывайтесь с местными партийными органами и действуйте с ними в самом тесном контакте. Всю работу по организации и руководству партизанской борьбой мы должны координировать с Ленинградским обкомом партии. Парторганы на местах знают, что и как им делать. Из обкома туда даны соответствующие указания. Ваша задача — помочь ускорить создание партизанских сил в полосе фронта, заняться подбором и военной подготовкой командного состава, наладить связь с теми, кто уже ведет борьбу в тылу врага. Одним словом, вы должны взять в свои руки оперативное руководство партизанскими действиями на нашем участке фронта.

Разговор с начальником политуправления дивизионным комиссаром К. Г. Рябчим, ставшим моим начальником, закончился так:

— Идите к кадровикам, товарищ Асмолов, отбирайте людей в отдел, а если нужно, и в партизанские отряды.

18 июля 1941 года ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». Указывая на необходимость усиления руководства этой борьбой, Центральный Комитет партии подчеркивал: «...нас беззаветно поддержат в каждом городе и в каждом селе сотни и тысячи наших братьев и друзей, попавших теперь под пяту германских фашистов и ждущих с нашей стороны помощи в деле организации сил для борьбы с оккупантами». В решении ЦК ВКП(б) излагались принципы и организационные основы партийного руководства народной борьбой, развернувшейся в тылу фашистских войск с первых дней войны. Это постановление вооружало партийные и военные органы боевой программой дальнейшего развертывания партизанских действий на занятой врагом советской территории.

Обмениваясь мнениями относительно этой директивы, мы с начальником политуправления пришли к выводу о необходимости создания инструкции, которой бы руководствовались командиры, все партизаны в своей борьбе в тылу немецко-фашистских армий.

— Возьмитесь за ее создание,— сказал Рябчий.— Используйте, насколько это возможно, опыт партизанских действий в годы гражданской войны. Но главное — учтите специфику начавшейся войны, новые возможности советских партизан, техническую оснащенность врага,

20 июля 1941 года Военный совет фронта одобрил Инструкцию по организации и действиям партизанских отрядов и диверсионных групп. Она начиналась словами: «Партизанское движение в тылу врага является всенародным движением. Оно призвано сыграть огромную роль в нашей Отечественной войне». В инструкции говорилось, что партизанские отряды и диверсионные группы надо создавать в первую очередь на направлениях действий главных группировок противника, на его основных коммуникациях. Партизанские отряды должны быть организованы в каждом административном районе, но они могут и объединяться, действовать на территории двух-трех районов. В инструкции подчеркивалось, что только дерзкие, решительные и целенаправленные удары партизанских сил по наиболее важным объектам врага обеспечивают успех и оказывают существенную помощь Красной Армии. Сила партизан в том, что в их руках, а не в руках противника находится инициатива. Они нападают первыми, выбирают объект удара, время его нанесения, способы боя. Подробно излагались в инструкции методы партизанской войны, вплоть до борьбы с мехчастями и авиацией противника. Инструкция заканчивалась требованием «не ждать указаний сверху», действовать самостоятельно, руководствуясь требованиями партии о создании невыносимых условий для врага, уничтожать его на каждом шагу, срывать все мероприятия оккупантов, чтобы «освободить нашу Родину от чужеземного фашистского нашествия».

Отпечатанная в 500 экземплярах, инструкция была разослана в комитеты партии прифронтовых районов, входивших в полосу Северо-Западного фронта. Несколько десятков экземпляров было направлено в Главное политическое управление РККА, откуда они были пересланы на другие фронты. Как свидетельствуют советские исследователи, это была первая инструкция по организации партизанских действий в Великой Отечественной войне. Она, безусловно, сыграла свою роль в обобщении накопленного опыта партизанской борьбы с фашистскими захватчиками.

В связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск» и для решения назревших вопросов в организации и руководстве партизанскими силами Военный совет фронта провел во второй половине июля расширенное совещание, в котором приняли участие многие командиры и политработники, а также партийный актив прифронтовых горкомов и райкомов.

На этом совещании выступил секретарь Ленинградского обкома партии Т. Ф. Штыков, прибывший на наш фронт в середине июля в качестве одного из членов Военного совета. Среднего роста, полноватый, спокойный, он говорил неторопливо, но в его глуховатом голосе слышалась настоящая страсть, когда он обрисовывал

создавшееся на фронте положение, обстановку, складывавшуюся в тылу врага, меры, принимаемые партийными органами по организации партизанских действий. Штыков говорил о роли и месте партизанского движения в борьбе против гитлеровской агрессии. Терентий Фомич хорошо знал партийный актив, места, где разворачивалась или могла развернуться партизанская борьба. Он рассказал о состоявшемся в Смольном в конце июня совещании секретарей райкомов и горкомов партии, на котором были даны четкие указания о развертывании партизанского движения на территории области, занятой врагом, и подготовке к партизанской борьбе в некоторых других прифронтовых районах.

— Работа, товарищи, в этом направлении проводится повсеместно,— заметил Штыков,— и с большим энтузиазмом. Огонь партизанской войны все больше охватывает тыл германских войск. Но надо, чтобы этот огонь превратился в настоящий пожар. Этого нельзя сделать без связи с теми партийными органами, что уже действуют в тылу врага. Ведь там, где сейчас враг, остались тысячи коммунистов — организаторов и участников партизанской борьбы. Они — наша надежная опора за линией фронта в начавшейся войне.

Т. Ф. Штыков рассказал, что Ленинградская партийная организация, имеющая богатые революционные традиции, с первых дней нападения гитлеровской Германии на нашу страну проявила исключительную энергию по выполнению директив и указаний Центрального Комитета партии в организации и развертывании партизанской борьбы в тылу немецко-фашистских войск. В первых числах июля обком возложил на группу партийных работников во главе с секретарем обкома Г. Х. Бумагиным руководство партизанским движением на территории Ленинградской области. Партийному активу районов, которые захвачены врагом или которым угрожает оккупация, дано указание оставаться на местах, переходить на нелегальное положение и осуществлять руководство партизанской борьбой. Одновременно подбираются, а в некоторых местах уже действуют партийные организаторы — уполномоченные обкома. На них возложено непосредственное руководство партизанами и подпольем. Указания они получают от подпольных райкомов партии. Вся территория области условно разбита на секторы, в которые направлены или направляются партийные организаторы, а в прифронтовую полосу — оперативные группы обкома во главе с уполномоченным для организации партизанских сил, непосредственного руководства партизанским движением в своих секторах и установления тесных связей с командованием фронтов и армий. В самом Ленинграде начато формирование нескольких партизанских полков и многочисленных отрядов, которым предстоит в ближайшее время начать действовать в тылу врага.

На Военном совете выступил один из уполномоченных Ленинградского обкома партии, о которых говорил Т. Ф. Штыков, секретарь обкома А. Н. Шинкарев, возглавлявший оперативную группу с центром в Старой Руссе по руководству партизанским движением на юго-востоке области, куда входили Старорусский, Волотовский, Дновский, Дедовичский, Пожеревицкий и Порховский районы, оказавшиеся в полосе действий войск Северо-Западного фронта. Только что вернувшийся из-под Старой Руссы Александр Николаевич подробно рассказывал, сколько и где создается партизанских отрядов, какие вести поступают из-за линии фронта. Он говорил о горячем желании населения оккупированных врагом районов бить врага, развернуть широкие партизанские действия и о той помощи, которую должны оказать им в этом партийные и военные органы.

В ходе обмена мнениями рассматривались конкретные задачи дальнейшего развертывания партизанской борьбы в полосе фронта, а также насущные нужды партизан.

На совещании был решен очень важный вопрос об объединении партизанских отрядов в более крупные единицы — партизанские бригады. Необходимость этого вызывалась тем, что, как показал первый опыт, руководить небольшими партизанскими отрядами, число которых постоянно росло, а тем более подчинить их действия интересам войск фронта было очень трудно. К тому же с большинством из них не было связи, и это еще больше осложняло дело. Разбросанные по всей оккупированной территории Ленинградской области, партизанские отряды действовали, как говорится, по своему усмотрению, всяк на свой лад, зачастую без учета конкретных задач войск и общего положения, складывавшегося в полосе Северо-Западного и других фронтов, защищавших Ленинград.

Объединение партизанских сил в бригады подчиняло их этим задачам. Командование бригад представляло органы управления на местах, которые в создавшихся условиях наиболее отвечали нашим возможностям. С бригадами легче было поддерживать двустороннюю связь, силы бригад позволяли проводить более крупные операции в тылу фашистских войск. Вместе с тем входившие в них отряды могли выполнять многие задачи самостоятельно, но согласуя их друг с другом и действуя под единым командованием.

— Противник вынужден будет считаться с крупными соединениями партизан в своем тылу,— подчеркивал начальник штаба фронта Н. Ф. Ватутин.— Опасаясь ударов партизан, он увеличит гарнизоны в населенных пунктах, усилит охрану коммуникаций, особенно железных дорог и станций, а это потребует от него дополнительных контингентов войск.

— И другое хорошо,— говорил дивизионный комиссар К. Г. Рябчий.— Через бригады можно более действенно вести политическую работу среди населения, осуществлять взаимодействие с подпольными партийными органами.

«Организация партизанских бригад явилась крупным этапом развития вооруженного отпора в тылу врага,— подчеркивается в исследовании Ю. П. Петрова «Партизанское движение в Ленинградской области. 1941—1944».— Она дала возможность партизанским силам сохранить инициативу в трудной и напряженной борьбе с гитлеровской оккупационной армией, успешно решать новые, более сложные задачи. Создание бригад улучшило руководство вооруженными партизанскими силами, позволило направить усилия партизан на уязвимые звенья вражеского тыла, подчинить их действия общим задачам советских войск. Появилась возможность более успешно проводить рейды в тыл врага на большую глубину. Закрепленные за бригадами районы базирования благоприятствовали дальнейшему упрочению связей партизан с местным населением, развертыванию широкой политической работы. Устойчивая связь бригад с местным населением обеспечила постоянный приток нового пополнения, облегчила снабжение партизан продовольствием. Более прочной стала связь с советским тылом, который оказывал партизанам большую помощь вооружением и боеприпасами».

Спустя несколько дней Военный совет фронта утвердил план формирования первых партизанских бригад. Эту инициативу одобрил Ленинградский обком ВКП(б). Впервые в истории Великой Отечественной войны была найдена наиболее целесообразная форма объединения вооруженных партизанских сил, которая позволяла успешно действовать в тылу врага в современной войне.

Своеобразная обстановка царил в эти дни в Доме Красной Армии, где обосновался наш отдел. Имущество Дома Красной Армии, подготовленное к эвакуации, было вынесено во двор. Повсюду в ящиках и на стеллажах лежали винтовки, пулеметы, патроны, гранаты для формируемых партизанских отрядов. По двору сновали люди. Здесь можно было встретить молодого парня в ковбойке, старика колхозника с окладистой бородой, людей среднего возраста в штатской одежде, строгих, подтянутых кадровых военных и призванных из запаса, в новом, часто не по росту выданном обмундировании. Все это были добровольцы, направлявшиеся в тыл врага. Одни из них прибывали, другие, получив оружие и соответствующие наставления, убывали в районы сосредоточения партизанских сил.

Уже в эти июльские дни нам удалось провести инструктаж руководящего состава многих формируемых партизанских бригад и отрядов, поставить конкретные задачи по организации партизан-

ской борьбы. Была разработана четкая структура отрядов. Их возглавляли командир, комиссар и начальник штаба. При штабе создавались группы связных, разведчиков и подрывников. Отряды состояли из двух-трех рот, роты из двух-трех взводов, взводы из двух-трех отделений. На каждый отряд выделялось в среднем 30—50 винтовок, оставшихся еще со времен гражданской войны. На одного партизана выдавались одна граната и несколько сот патронов.

Особой нашей заботой был подбор совместно с местными партийными органами командиров, комиссаров и начальников штабов партизанских бригад и отрядов. Людей, которые имели за плечами опыт партизанской борьбы, было мало. Приходилось тщательно «взвешивать» каждую кандидатуру, как говорится, семь раз отмерить, чтобы один — отрезать.

Судьбе было угодно свести меня с человеком, который сыграл большую роль в развитии партизанской борьбы в полосе Северо-Западного фронта. Это был начальник новгородского Дома Красной Армии старший политрук Николай Григорьевич Васильев. Стройный и подтянутый, он нередко попадался мне на глаза. Я видел его деловито обходившим двор, отдававшим необходимые распоряжения. Старший политрук был всецело поглощен своими работами.

Оказалось, что родом Васильев из здешних мест. В годы коллективизации был избачом в деревне Русские Новики на Валдайщине. Не миновал деревенского активиста кулацкий топор. Но выжил. Продолжал работать в деревне. В 1929 году призвали в Красную Армию. Был пулеметчиком, младшим командиром, возглавлял комсомольскую организацию полка, работал инструктором политотдела, редактировал дивизионную газету.

Присматриваясь к Васильеву, которому в ту пору шел тридцать третий год, я все больше проникался к нему симпатией. Привлекали в старшем политруке и внешнее обаяние, и биография, и организаторская жилка, и столь необходимые в партизанских делах партийные и политические качества. Как мне казалось, из него мог бы выйти неплохой партизанский командир.

Однажды, встретив Васильева, я спросил:

— По всему видно, Николай Григорьевич, эвакуацию своего хозяйства вы заканчиваете. Какие планы на будущее?

— Есть приказ выехать на восток. Но, откровенно говоря, уходить в тыл не хочется.

— Ну, а пошли бы в партизаны?

Васильев словно ждал этого предложения:

— Давно об этом думаю. Смотрю на все, что вы тут делаете, и душу терзают сомнения. Если ваше предложение всерьез, то я немедленно обращусь к своему начальству.

Вскоре Николай Григорьевич был назначен командиром создаваемой под Старой Руссой партизанской бригады. Начальником штаба бригады стал помощник Васильева по Дому Красной Армии лейтенант Александр Семенович Афанасьев.

В один из дней, зайдя к члену Военного совета и секретарю Ленинградского обкома партии Т. Ф. Штыкову, который вместе с другими вопросами занимался и партизанскими делами, я получил его указание выехать вместе с Васильевым и Афанасьевым под Старую Руссу, где формировалась бригада, и оказать партизанам на месте необходимую помощь.

— Там сейчас как раз находится Александр Николаевич Шинкарев,— сказал Штыков.— Всю работу проводите с ним в тесном контакте. Александр Николаевич хорошо знает людей. Это сейчас очень ценное для нас обстоятельство.

По пути мы заехали в Старую Руссу, зашли в райком партии. Оказалось, что в районе и городе уже формируются партизанские стряды, один из которых создает член райкома Иван Иванович Грозный — заместитель директора леспромхоза. С ним первым мы и познакомились. Иван Иванович понравился нам своей энергией, решительностью, хотя внешне он и не выглядел столь боевым — росту был небольшого. Когда мы оказались у первого секретаря райкома Семена Михайловича Глебова, то сразу решили вопрос о назначении Грозного командиром партизанского отряда.

— Уж больно фамилия у Ивана Ивановича подходящая для партизанской борьбы,— заметил Васильев, в чью бригаду вливался отряд Грозного.

И это оказалось так. Проявив незаурядные организаторские способности, И. И. Грозный стал впоследствии боевым командиром одного из партизанских полков и воевал в тылу врага до самого изгнания оккупантов с ленинградской земли.

Семен Михайлович Глебов оказался видным мужчиной крепкого спортивного склада. В каждом его движении чувствовалась уверенность, сила. Так он и говорил — твердо, чеканя слова. Глебов рассказал нам о том, какая работа проводится райкомом партии по созданию партизанских сил, об указаниях, которые поступили по этому вопросу из Ленинграда.

Выяснилось, что в райком все время приходят люди с просьбой записать их в партизанский отряд. Желающих столько, что многим приходится отказывать. К тому же не всех можно принять: кого по состоянию здоровья, кого из-за важности участка работы, которой человек занимается, кого по каким-либо еще причинам. Резервы в районе большие.

— Знаю,— закончил Глебов,— что сейчас везде создаются партизанские бригады. А вот Старорусский райком почему-то обошли. Может быть, считают, что у нас людей на бригаду не хватит? Так

это не так. Предлагаю сформировать в Старой Руссе партизанское соединение.

Так в системе партизанских сил Северо-Западного фронта появилась еще одна бригада, которую возглавил С. М. Глебов.

В Старорусских лесах, там, где создавалась одна из бригад, мы встретились с секретарем Ленинградского обкома партии Александром Николаевичем Шинкаревым, которого мне уже довелось видеть на совещании, проведенном Военным советом фронта. Спокойный и покладистый, Шинкарев оказался исключительно деловым и энергичным человеком. Неумоимо, с большой ответственностью подбирал он людей в бригаду и оказался, как и заметил Штыков, незаменим в главном — расстановке партийных сил в крупной партизанской единице. С его помощью удалось быстро подобрать комиссаров и секретарей парторганизаций отрядов из числа партийных работников. По его же рекомендации комиссаром бригады был назначен член Ленинградского обкома, первый секретарь Порховского райкома партии Сергей Алексеевич Орлов, который, как и Васильев, хорошо знал места, где предстояло действовать бригаде, а также вошедших в нее людей. Будучи на партийной работе, он много лет возглавлял крупнейшие парторганизации в Ленинградской области. В момент нашего приезда Орлова на месте не оказалось, и его назначение произошло заочно.

Васильев и Афанасьев остались под Старой Руссой, а я вернулся в Новгород. Зайдя к Т. Ф. Штыкову, я увидел сидевшего перед ним мужчину в коверкотовой гимнастерке и галифе.

— Знакомьтесь,— дружески сказал Терентий Фомич,— это первый секретарь Островского райкома партии Алексей Алексеевич Тужиков. По предложению Ленинградского обкома партии товарищ Тужиков поступает в ваше распоряжение.

Так произошла наша встреча с Алексеем Алексеевичем Тужиковым, который стал заместителем начальника 10-го отдела. А. А. Тужиков оказался на редкость чутким, отзывчивым, добросовестным и трудолюбивым человеком. Ленинградский рабочий и пограничник в прошлом, он с 1933 года был на партийной работе — сначала инструктором горкома партии в Пскове, затем секретарем Псковского райкома и окружкома, а с конца 1938 года первым секретарем Сошихинского райкома. В июне 1940 года А. А. Тужиков был избран первым секретарем Островского райкома партии. Большой опыт партийной работы позволял Алексею Алексеевичу быстро сходитьсь с людьми, а высокое чувство ответственности и личная отвага помогали выполнять различные поручения Военного совета фронта в тылу врага. Никогда не унывающий, всегда полный замыслов и планов, а главное — всегда готовый взяться за их осуществление и осуществлявший их,— таким был А. А. Тужиков. Благодаря ему было многое сделано для усиления ударов по тылам

врага, в снабжении партизан всем необходимым, осуществление ряда дерзких операций. С именем Тужикова связаны не только первые, самые сложные страницы партизанской борьбы в полосе Северо-Западного фронта, но и все последующие, когда он после моего отъезда на другой фронт возглавил этот участок работы.

В конце июля 1941 года Алексей Алексеевич Тужиков, которому было присвоено звание старшего батальонного комиссара, выехал в район Боровичей, где создавалась еще одна партизанская бригада.

Напряженные июльские дни 1941 года, связанные с организацией партизанских бригад и отрядов, закончились формированием значительных партизанских сил в прифронтовой полосе. Можно было доложить Военному совету фронта и Ленинградскому обкому партии, что на территории юго-восточных районов Ленинградской области создано 43 партизанских отряда, насчитывавших около 4 тысяч бойцов и объединенных в шесть партизанских бригад. Часть партизан уже развернула боевые действия в тылу 16-й немецкой армии из группы армий «Север», противостоявшей войскам Северо-Западного фронта.

О начале этих действий начальник Управления политпропаганды Северо-Западного фронта К. Г. Рябчий сообщал члену Политбюро, секретарю ЦК ВКП(б), первому секретарю Ленинградского обкома партии и члену Военного совета Северо-Западного направления А. А. Жданову: «В ночь с 25 на 26 июля группой партизан в количестве 25 человек Уторгошского отряда под командой зам. начальника отряда тов. Андреева в районе дер. Мелковичи произведен налет на отдельную автоколонну противника. Немцы боя не приняли, в панике разбежались и скрылись в лесу, побросав машины, мотоциклы и часть оружия. В результате этого налета партизаны уничтожили 3 грузовые автомашины и 6 мотоциклов. Взяли трофей: 2 ручных пулемета, 3 винтовки, несколько десятков гранат. В одной из брошенных машин обнаружены боевые документы, которые отряд сдал части Красной Армии.

30 июля 1941 года Сольцевский отряд в количестве около 40 человек совершил в районе северо-западнее Сольцы налет на подходившую из глубины колонну пехоты. Пропустив разведку и охранение этой колонны, отряд внезапно, из засады, открыл из ручного пулемета и винтовок огонь. В результате колонна противника разбежалась по лесу, оставив на дороге убитых и раненых. По сообщению отряда, в этом налете у противника уничтожено огнем не менее 120 человек.

27 июля 3 партизана Уторгошского отряда — Кузьмин, Федотов и Ламов — были посланы руководством отряда на усиление засланной разведки одной части. В районе села Мелковичи, встретившись с разведкой противника, в перестрелке они убили мотоциклиста,

мотоцикл захвачен. Затем эта объединенная разведка доставила в часть ценные сведения о расположении противника. Уторгошский партизанский отряд приобрел свыше 20 комплектов разного немецкого обмундирования, в том числе и офицерское. Нередко партизаны-разведчики выходят днем в немецком обмундировании для наблюдения за расположением войск в открытых местах.

Два партизана Уторгошского отряда в разведке 25 июля утром в селе Мелковичи внезапно встретились с 8 фашистскими мотоциклистами. Партизаны, не растерявшись, открыли из винтовок огонь по мотоциклистам и одного из них ранили. Фашисты боя не приняли, подобрав раненого, скрылись на мотоциклах.

От остальных отрядов за отчетный период сведений не поступало».

Эти первые, довольно скромные успехи партизан, действовавших в полосе фронта, дополнялись другими выступлениями советских патриотов против захватчиков, о которых в наших сводках не сообщалось. Партизанская борьба, начавшаяся с первых дней войны в оккупированных врагом районах, разворачивалась независимо от политуправления Северо-Западного фронта. Партизанская война против гитлеровских армий, вторгшихся на территорию Советского Союза, являлась ответом народа на фашистское нашествие, выражением его непреклонной воли защищать социалистические завоевания Великого Октября.

Поступали сведения о действиях партизанских отрядов и подпольных организаций, созданных в тылу врага партийными органами или возникших по инициативе беспартийных патриотов. Вот короткая история только одного подобного отряда. Он был создан в городе Дно. Поначалу отряд обосновался между деревнями Одернишино, Липовец и Бельское у небольшого озера Белое, вокруг которого раскинулось зыбучее, поросшее мелким кустарником болото. Сюда, на берега глухого озера, привел в июльские дни 1941 года партизанский отряд из 40 человек председатель Дновского райисполкома коммунист Василий Иванович Зиновьев. В прошлом путиловский рабочий, он в начале 30-х годов был направлен в Дновский район для проведения коллективизации. Был директором совхоза «Искра», а незадолго до войны трудящиеся района избрали В. И. Зиновьева председателем райисполкома.

В тревожные июльские дни 1941 года, когда в городе Дно была уже слышна артиллерийская канонада, сюда по пути в штаб Северо-Западного фронта заехал секретарь Ленинградского обкома партии Т. Ф. Штыков. В райкоме партии он встретился с В. И. Зиновьевым. Зиновьев доложил о подготовке города к обороне и начале эвакуации. Затем пошли осматривать город. Оказались в железнодорожном депо. По приветливым улыбкам на исхудавших, усталых лицах, по тому, как машинисты и рабочие разговаривали

с Василием Ивановичем, Штыков понял, что Зиновьев здесь не просто свой, но и весьма уважаемый человек. В очерке Н. Масолова «Большевик с Путиловского» так передан разговор секретаря обкома с председателем райисполкома — Т. Ф. Штыков спросил В. И. Зиновьева:

«— Ну и сколько, ты думаешь, тебе осталось председательствовать?»

— Судя по информации командира дивизии, отступившей от Порхова, — ответил Василий Иванович, — неделю.

— Считай меньше. Поторопись с эвакуацией. — Штыков испытующе посмотрел на Зиновьева. — А после в Ленинграде ждать тебя, что ли?

Зиновьев вскинул на секретаря обкома глаза. Помолчав немного, Василий Иванович тихо ответил:

— Терентий Фомич, не сомневайтесь: дновские подпольщики выполняют свой долг до конца».

Сердце рабочего и партийный долг подсказали Василию Ивановичу, где его место в трудный для Родины час. Вскоре у озера Белое вырос партизанский лагерь.

Однажды утром в деревне Ботаног женщины, шедшие по воду, с изумлением и радостью увидели, что все немецкие приказы и объявления сорваны с досок и стен, а на их месте наклеены листки бумаги с четко написанными заголовками: ««Дновец» — орган Дновского райкома ВКП(б) и исполкома райсовета». На листках было всего несколько строк: «Мы здесь, мы с вами, дорогие товарищи! Мы вас не бросим. Срывайте мероприятия немецких властей. Уходите к нам в леса. Партия с нами, победа будет за нами! Дновские партизаны».

В глубоком тылу врага — в Хотовани и Гаврове, Куровке и Липовке, в Бельском и Одернишино, прямо по соседству с немецкими гарнизонами, люди собирали на полях оружие и шли в лес к партизанам. Из города Дно, где разместился большой гарнизон противника, подпольщики по горстке, по килограмму вынесли партизанам больше пуда припрятанного типографского шрифта. Достали краску и бумагу. Газета «Дновец» стала печататься типографским способом. Вскоре экземпляр газеты обнаружил у себя на столе под стеклом начальник дновской полиции.

Спустя год после создания партизанского отряда дновцы писали: «За год борьбы с врагами мы пустили под откос 9 вражеских эшелонов с живой силой и техникой. В двенадцати местах взорвано железнодорожное полотно. Уничтожена дрезина с 8 офицерами, уничтожено 3 автомашины с немецкими автоматчиками, взорвано 8 мостов на шоссе и 3 на железных дорогах, истреблено 895 гитлеровцев в открытых боях, сбито 2 самолета. Мы знаем, что впереди еще трудная борьба, но мы готовы бороться до победы...»

Подобные отряды возникали повсюду и сразу включались в борьбу с фашистскими захватчиками. В Дедовичском районе коммунисты создали два партизанских отряда. Два отряда было организовано в Поддорском районе, один — в Пожервицком, по три — в Псковском и Сланцевском районах, восемь отрядов создал Лужский РК ВКП(б) и т. д. К началу августа 1941 года в оккупированных районах Ленинградской области, по неполным данным, действовало 20 отрядов и около 60 партизанских групп, а к концу августа в юго-западных, западных и центральных районах области боевые операции проводили свыше 80 партизанских отрядов.

Большую помощь в развертывании партизанской борьбы коммунистам захваченных врагом районов оказывала партийная организация Ленинграда — колыбели пролетарской революции. Непосредственно в Ленинграде уже в первые дни и недели войны было сформировано 10 партизанских полков и множество отрядов из рабочих, инженеров, техников, служащих и студентов города. 6 из этих полков и 30 отрядов уже в июле 1941 года стали активно действовать за линией фронта, помогая местным партизанским силам дезорганизовывать и громить тылы наступавшей на Ленинград группы фашистских армий «Север», в том числе и в полосе действий войск Северо-Западного фронта, куда были переброшены из Ленинграда 5-й и 6-й партизанские полки под командованием К. Н. Воловича и Н. П. Петрова. Это были боевые полки ленинградцев. Душою их стали коммунисты. В полку К. Н. Воловича из 1000 добровольцев, основную массу которых составляли судостроители Балтийского завода, было, например, 400 коммунистов — больше половины партийной организации этого завода.

«Всесторонняя помощь партийной организации Ленинграда в развертывании партизанского движения в области во многом предопределила его размах, — пишет Ю. П. Петров в упоминавшемся уже исследовании. — Вооруженные партизанские силы Ленинградской области в начальный период войны были более многочисленны и лучше оснащены, чем отряды многих других областей. Они раньше других стали получать и необходимую партизанскую технику для диверсий. Некоторые отряды, формировавшиеся в Ленинграде, получали даже радиостанции — редкое явление в начале войны... Благодаря созданию партизанских частей и подразделений в Ленинграде обком ВКП(б) с самого начала войны добился значительного размаха партизанского движения на оккупированной врагом территории. Помощь Ленинграда районам области в развитии партизанского движения продолжалась и в дальнейшем, хотя и в меньших размерах».

31 июля 1941 года линию фронта перешла партизанская бригада под командованием Н. Г. Васильева, получившая наименование 2-й партизанской бригады. Ее костяк обосновался в Серболов-

ских лесах у озера Полисто, а штаб — в деревне Вязовке. Перед бригадой стояла задача развернуть боевые действия в четырехугольнике между городами Дно — Старая Русса — Холм — Локня. Именно здесь, в сплетении железных и шоссейных дорог, по которым проходили важнейшие коммуникации 16-й немецкой армии, предлагалось прежде всего использовать партизанские силы. Крупные Серболовские и примыкавшие к ним Полистовские леса, а также большие лесные торфяные болота, среди которых особо непроходимыми были Рдейские, обеспечивали наиболее благоприятные условия как для боевых действий партизан, так и для их базирования.

Вскоре командование бригады объединило созданные местными коммунистами партизанские отряды в Порховском, Дедовичском, Белебелковском, Сошихинском, Славковичском, Островском, Ашевском и других районах. Влился в бригаду и дновский отряд В. И. Зиновьева. Из советских воинов, оказавшихся в этом районе и перешедших на партизанские методы борьбы, были созданы отряды «Боевой» и «Храбрый». Спустя немного времени в бригаде оказалось 10 партизанских отрядов общей численностью около 1000 человек.

Особенно активно в этот период действовали в тылу группы армий «Север», в том числе и 16-й армии, партизаны, засланные непосредственно из Ленинграда и оказавшиеся в полосе Северо-Западного фронта. Некоторым из этих партизанских формирований боевые задачи ставило непосредственно командование Северо-Западного фронта. Так, например, упоминавшимся 5-му и 6-му ленинградским партизанским полкам давали инструктаж начальник штаба фронта Н. Ф. Ватутин, члены Военного совета Т. Ф. Штыков и В. М. Бочков. Объектом ударов ленинградских партизан стал Псковский железнодорожный и шоссейный узел, через который проходили основные коммуникации вражеских войск, наступавших на Ленинград и Старую Руссу. 5-й полк действовал в секторе Струги Красные — Псков — Дно и на прилегающих к нему шоссейных и проселочных дорогах, а 6-й полк в основном совершал диверсии на дорогах Остров — Псков — Дно.

Ленинградские партизанские полки действовали в тесном взаимодействии с местными партизанскими отрядами и отрядами, направленными из Ленинграда. «В районе деятельности были объединены для оперативного и политического руководства, — сообщал в отчете комиссар 5-го полка Н. Ф. Сенкевич, — партизанские группы и отряды: отряды Косицына, Власенко, Богданова (институт имени Лесгафта), отряд военфельдшера Жукова и местные небольшие партизанские группы».

Начав действовать в тылу врага во второй половине июля 1941 года, партизаны 5-го полка, например, уже вскоре произвели

восемь разрушений воинских эшелонов, прерывая движение вражеских поездов на отдельных железнодорожных участках от нескольких часов до нескольких суток. За 10 дней с середины августа было совершено 18 нападений на автотранспортные колонны и гарнизоны противника, во время которых было уничтожено свыше 460 гитлеровцев, подорвано 24 моста, уничтожена проводная связь на значительном протяжении. В связи с активными действиями партизан в секторе Струги Красные — Псков — Дно гитлеровцы были вынуждены отвести свои войска из многих сел. До середины сентября 1941 года партизаны удерживали в своих руках значительную освобожденную территорию.

Напряженные бои партизан с захватчиками развернулись и в других районах оккупированной территории Ленинградской области. Весь тыловой район вражеских армий «Север» в июле — августе 1941 года оказался под ударом целой армии советских патриотов.

Партизанская борьба, развернувшаяся на дальних и ближних подступах к Ленинграду, не имела себе равных. Это было первое в Великой Отечественной войне участие партизан в стратегической оборонительной операции Красной Армии. Партизаны в известной мере дезорганизовали руководство боевыми действиями войск противника, затруднили подтягивание его пехотных частей к вырвавшимся вперед танковым дивизиям, мешали перегруппировке частей и соединений, доставке горючего, боеприпасов, уничтожали живую силу и военную технику врага. Действуя главным образом на коммуникациях рвущихся к Ленинграду немецко-фашистских войск, партизаны вносили значительную лепту в ослабление их наступательных возможностей. Без преувеличения можно сказать, что партизаны помогли советским войскам остановить врага у стен Ленинграда.

29 июля 1941 года начальник политуправления фронта К. Г. Рябчий направил А. А. Жданову донесение, которое как нельзя лучше характеризует возникшую перед гитлеровским командованием проблему. Документ, составленный на основании обзора писем, найденных у убитых и плененных фашистских солдат, назывался «По вопросу о партизанском движении в тылу германских войск».

«В письмах солдат и особенно солдатам от их родных и близких, — сообщал Рябчий, — с начала июля впервые начинают упоминаться партизаны, действующие в тылу германских войск, наводящие панику не только на солдат, но и на население Германии».

Солдату Вальтеру Веме пишет 9.VII.41 г. жена: «Как видно из твоего письма, вы находитесь все время в опасности, так как у вас действуют партизаны. Это безусловно опаснее, чем на фронте».

Унтер-офицер Альберт Шуберт пишет своей невесте Лизе Пакулат 15.VII.41 г.: «Эта война является настоящей войной нервов, ибо здесь мы имеем дело с партизанами. Красные так натравили народ против нас, что он способен идти на все... Поэтому предложено быть осторожными и смотреть в оба. Иными словами, пистолет нельзя выпускать из рук ни на минуту».

Приведя еще множество писем, К. Г. Рябчий делал вывод о том, что опасность партизанской борьбы учитывалась германским командованием еще до войны. Это видно, например, из «директивы войскам об образе поведения в России», которая требует «беспощадных и энергичных мер по отношению к партизанам» (издана 19.VI.41 г.).

Теперь известно, что 1 июля 1941 года начальник гитлеровского генерального штаба сухопутных сил Гальдер записал в своем дневнике, что подавление сопротивления советского населения представляет серьезную заботу и что для этих целей не хватает охран-ных дивизий.

19 июля командующий 16-й немецкой армией генерал Буш, бывший до войны начальником русского отдела генерального штаба вермахта и слывший «специалистом по русским делам», издал приказ, в котором признал, что «необходимо считаться с фактом планомерной подготовки противником партизанской войны».

В начале августа 1941 года командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Лееб вынужден был утвердить план, предусматривавший контрпартизанские меры в масштабе всей группы армий.

Послевоенные советские и зарубежные исследования подтверждают, что партизаны, действовавшие в тылу армий «Север», не давали покоя в прямом смысле этих слов даже высшему командованию противника. Западногерманский историк В. Гёрлиц в связи с этим замечает: «В Ленинградской области партизанская деятельность была временами столь активной, что командующий группой армий «Север» фельдмаршал фон Лееб вынужден был прекращать свои поездки на фронт». Ограничили поездки в войска командующие армиями, командиры корпусов и даже дивизий.

Признавая появление в тылу своих войск нового стратегического фактора, главное командование вермахта сообщало, что партизанское движение, развернувшееся на захваченной советской территории, создает угрозу «руководству войной». Принимая меры для «ликвидации» этого фактора, ставка Гитлера 16 сентября 1941 года издала документ «О подавлении коммунистического повстанческого движения», в котором, в частности, говорилось: «С начала войны против Советской России на оккупированных Германией территориях повсеместно вспыхнуло коммунистическое повстанческое движение. Формы действий варьируются от пропагандист-

ских мероприятий и нападений на отдельных военнослужащих вермахта до открытых восстаний...

Проводившиеся до сего времени мероприятия, направленные против этого всеобщего коммунистического повстанческого движения, оказались недостаточными. Фюрер распорядился, чтобы повсюду пустить в ход самые крутые меры для подавления в кратчайший срок этого движения. Только таким способом, который, как свидетельствует история, с успехом применялся великими народами при завоеваниях, может быть восстановлено спокойствие».

К концу октября 1941 года ставка главного командования немецкой армии разработала «Основные положения по борьбе с партизанами».

В наиболее «популярной», если так можно выразиться, форме «правила» борьбы с советскими партизанами были изложены в широко известных «10 заповедях немецкого солдата по борьбе с партизанами». Приведу небольшие выдержки из этого документа:

«Мы, немцы, совершаем ошибку, думая, что если мы не наступаем или не обороняемся в прямом смысле этих слов, то и вообще не воюем. На самом деле война продолжается и тогда, когда мы выезжаем на поле за кормом для лошадей, жарим картофель себе и когда мы спим. Нельзя допускать того, чтобы русские, которые не могут с нами справиться в открытом бою, нападали на нас врасплох благодаря нашей беспечности, недопустимой в военное время...»

«Главный результат партизанской борьбы — беспокойство: страх, возможные слухи среди населения. Навредить нам партизаны смогут лишь в том случае, если у нас будет недостаточное охранение, т. е. если мы сами предоставим им такую возможность.

Оружие иметь при себе! Всегда и всюду!

Тот, кто смеется над этим правилом и во время сна оставляет свое оружие в соседней комнате, тот не герой, а глупец. Где, когда бы партизан ни появлялся, он всегда должен встретить огонь нашего оружия!»

Это была «всеобъемлющая» программа контрпартизанской борьбы, которая, по замыслу ее составителей, должна была привести к «умиротворению» захваченных территорий, поставить советских людей на колени.

Известно, как просчитались гитлеровцы. Партизанское движение выразило непреклонную волю нашего народа до конца бороться за честь и независимость своей Советской Родины, за свои социалистические завоевания.

Все это время до конца августа 1941 года на фронте шли непрекращающиеся ожесточенные бои. Противнику удалось еще потеснить наши войска. Штаб фронта перебрался в Валдай. Здесь, в небольшом каменном домике, обосновался и наш отдел. Новгород оказался в руках врага. Однако это было одно из последних серьезных продвижений гитлеровцев на нашем участке. К началу сентября 1941 года линия фронта стабилизировалась на реке Луге. Планы гитлеровского командования с ходу захватить Ленинград были сорваны. Трещал по швам и весь блицкриг — попытка разбить Красную Армию и покорить СССР за несколько недель.

Постепенно нам удалось наладить «живую» связь с партизанскими силами через линию фронта, что позволило целенаправленно руководить действиями партизан, входивших к нам в оперативное подчинение. Связники шли из отрядов в бригады и, пользуясь явочными квартирами или тайниками — «почтовыми ящиками», доставляли донесения, развединформацию и пр. Затем связные из бригад и некоторых самостоятельных отрядов переходили линию фронта и приносили донесения в отдел или в ближайший войсковой штаб, откуда они пересылались нам.

Налаженная через линию фронта связь позволяла командованию, а также партийным органам не только управлять партизанскими силами, но и активно вести политическую работу среди партизан и населения, оказавшегося на оккупированной территории, быть в курсе событий и дел, происходивших в тылу немецко-фашистской армии.

Наибольших успехов в этот период добилась бригада, которой командовал Н. Г. Васильев. Она стала главной силой среди партизанских формирований, оказывавших непосредственную помощь войскам фронта. Развернув бои вначале в Белебелковском районе Ленинградской области, партизаны бригады затем расширили сферу своих действий и стали проводить операции в соседнем Дедовичском районе близ железных дорог Дновского узла, в Волотов-

ском районе с охватом шоссеиной дороги Чихачево — Старая Русса и в Ашевском районе, который входил в Калининскую область.

Бой за боем партизаны выбивали гитлеровцев из занятых ими деревень и сёл. Не в силах противостоять этим все усиливавшимся ударам, фашисты перебирались в города или другие крупные населенные пункты под защиту более сильных гарнизонов. В освобожденных деревнях, а также в тех местах, где фашистских войск не было, партизаны упраздняли аппарат оккупационных властей и восстанавливали советские порядки. Проведя более 30 боев, партизаны 2-й бригады освободили значительную территорию юго-востока Ленинградской области (по новому территориальному делению сейчас сюда входят частично Псковская и Новгородская области), а также часть Калининской области. Обширный район между рекой Ловатью и железнодорожной линией Дно — Локня в тылу 16-й армии гитлеровцев был полностью занят партизанами. Простираясь с севера на юг на 120 километров и с запада на восток на 80 километров, он занимал площадь около 9600 квадратных километров.

Появление освобожденного района в тылу группы армий «Север», который стал называться Партизанским краем, было неожиданностью для врага. Вместе с тем такой оборот дела поставил и перед Ленинградским обкомом ВКП(б), Военным советом Северо-Западного фронта, местными партийными органами и партизанскими силами ряд проблем, связанных с образованием свободной советской территории по ту сторону советско-германского фронта.

Совместными усилиями Ленинградского обкома партии, Военного совета и политуправления фронта, командования партизанских сил и партийных активистов на местах была разработана программа организации политической и экономической жизни в освобожденных районах. В каждом из них создавались так называемые организационные тройки, в которые, как правило, входили секретари или члены райкомов партии, работники райисполкомов и военно-административных органов. Эти тройки стали своеобразными органами Советской власти, осуществлявшими руководство политической и хозяйственной жизнью на освобожденных территориях в условиях военного времени. Были восстановлены сельсоветы, а в деревнях и селах подобраны и утверждены их уполномоченные.

С чего начинали оргтроечки свою деятельность? Приведу отрывок из протокола первого заседания оргтроечки Белебелковского района, которую возглавлял секретарь райкома партии Н. А. Сергачев.

«...Для живого и оперативного руководства колхозами, сельисполкомами, а также оказания помощи в работе находящемся в районе партийному, советскому и комсомольскому активу создать при тройке аппарат из бывших партийных и советских работников

в количестве 10 человек за счет выделения их из партизанских отрядов и групп...

В ближайшие дни... провести собрания колхозников, на которых доизбрать членов правлений колхозов и ревизионных комиссий взамен выбывших в РККА и неработоспособных...

Потребовать от председателей колхозов безусловного выполнения планов осеннего сева, строго руководствуясь спущенными планами райзо еще до начала военных действий...

Обязать председателей колхозов немедленно закончить вывозку старых озимых с полей в сараи и гумна, а также быстрее окончание уборки яровых: овса, ячменя, пшеницы и т. п., не допуская гниения и прорастания яровых на полях в бабках...

Распределение колхозных доходов, как денежных, так и натуральных, проводить строго в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР, т. е. после создания в колхозах страховых и семенных фондов. Помощь семьям красноармейцев и многодетным колхозникам проводить по усмотрению правлений... Потребовать от колхозов, чтобы семьи красноармейцев были обеспечены всем необходимым...

Учитывая, что руководство и директивные указания от обкома ВКП(б) и областного Совета получать затруднительно, больше проявлять своей собственной инициативы и сметки...

В случае, если территория Белебелковского района будет занята немцами, районное руководство остается и переходит на строго нелегальное положение...

Принять меры к открытию школ в районе, для чего провести по школам совещания с учителями и с родителями. Оплату учителям производить в денежном и натуральном выражении».

Возглавивший оргтрояку Дедовичского района председатель райисполкома А. Г. Поруценко в одном из своих писем указывал на следующие основные задачи, которые тройка решала в то время: «Проведение широкой массово-разъяснительной и агитационно-пропагандистской работы среди населения. Восстановление работы органов Советской власти. Восстановление и укрепление колхозов. Организация населения на оказание всяческой помощи партизанским отрядам. Борьба с предателями».

На одном из заседаний оргтрояки Дедовичского района побывал фотокорреспондент «Красной звезды» С. Лоскутов, опубликовавший свой дневник тех лет. Его удивила спокойная, деловая обстановка в крестьянской избе, где на заседании тройки присутствовали председатели колхозов. «...Люди говорили обстоятельно, спокойно,— писал С. Лоскутов,— деловито заглядывали в записные книжки. Я никак не мог отделаться от ощущения, что это не самые обычные мирные заседания где-нибудь в далекой от фронта полосе. Первым выступил один из руководителей тройки — невысо-

кий, пожилой челсчек с окладистой бородой. Он говорил о том, что задача колхозников — всячески саботировать приказы немецкого командования, хлеба немцам не сдавать, прятать по ямам. Партизанам помогать всеми мерами, снабжать хлебом, мясом и другими продуктами.

По очереди говорили председатели. Рассказывали о своих делах».

Молодая женщина, Анна Зубкова, кладовщица одного из колхозов, рассказала, что заготовила в своем колхозе для партизан 1000 килограммов сухарей.

— И еще тысячу заготовлю. Даже две тысячи,— закончила она под общие аплодисменты.

Разные вопросы обсуждала и решала тройка, в том числе и как детей учить — немцы закрыли школу на замок.

«Встал старичок, председатель другого колхоза, и крикнул:

— Черт с ними, с немцами! Мы замки посбивали и опять детей учим... По-нашему, по-советскому...»

Хочу и от себя кое-что добавить.

Поражала оперативность и деловитость парторганизаций, оргтроек, сельсоветов, правлений колхозов, уполномоченных сел и деревень. Все вопросы решались быстро, намеченное обязательно выполнялось. Никто из руководителей не страшился взять на себя ответственность и принять необходимое решение.

К ноябрю 1941 года в Дедовичском районе действовало 7 сельсоветов и 60 колхозов. Около 19 сельсоветов и 100 колхозов было восстановлено в Белебелковском и Ашевском районах. Советская власть была восстановлена в 400 деревнях. Все колхозы стали выполнять государственные поставки. Вскоре в «госфонде» Партизанского края накопилось 326 тонн муки, 1700 голов скота, большое количество крупы, меда, овощей, сена и т. д. Помимо сдачи продуктов в «госфонд» колхозники по своей инициативе выделяли часть продуктов для улучшения питания больных и раненых партизан.

В Белебелковском районе осенью 1941 года возобновились занятия в 23 школах. Всего в крае начали работу 53 школы. Учителя получали из «госфонда» по 12 килограммов муки в месяц на себя и по 6 килограммов на иждивенца, а также мясо, сало, крупу, мед и другие продукты.

На территории края работали сельские больницы; медицинские и ветеринарные пункты. К концу 1941 года туда была доставлена кинопередвижка. Партизаны и население смотрели кинофильмы «Чапаев», «Александр Невский» и другие, киножурналы, а затем и документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой».

В дни празднования 24-й годовщины Великого Октября, как и до войны, на улицах освобожденных партизанами сел и деревень

были вывешены лозунги, плакаты, портреты руководителей партии и правительства. Во всех колхозах прошли торжественные собрания, а кое-где состоялись даже парады партизанских подразделений.

Партизанский журналист К. П. Обжигалин так писал о праздновании годовщины Октября: «Деревня П. (Папоротно) Белебелковского района. На стене одной избы — большой лозунг: «Да здравствует колхозное крестьянство, оказывающее помощь Красной Армии, красным партизанам в разгроме и уничтожении гитлеровских мерзавцев!»

Комната, где проходит собрание, полна... Двоих только не было — они сторожили улицу. Бдительные колхозники усилили в этот день охрану.

Война наложила свой отпечаток и на торжественное собрание. Очень мало молодых мужчин — они бьются на фронте против гитлеровских банд. Докладчик держал под рукой заряженную винтовку, на ремне у него висел наган. Вооружен был и председатель сельсовета... Остальное все напоминало довоенное время. Настроение приподнятое, бодрое. Фашистский тыл... по названию, советский — по существу».

Вместе со всей страной население Партизанского края участвовало в военно-политических кампаниях, направленных на быстрой разгром гитлеровских захватчиков: в создании фонда обороны, в подписке на военный заем и т. д. В фонд обороны колхозники Белебелковского района внесли 35 тысяч рублей наличными и на 86 тысяч рублей облигациями государственных займов. В Дедовичском районе подписка на военный заем составила 66 тысяч рублей, из них более двух третей было внесено наличными. Партизанский край жил полнокровной советской жизнью, теми же интересами и заботами, что и вся страна. Побывавший там корреспондент «Известий» В. Стариков в «Письмах из Партизанского края» писал: «Жизнь в этих местах напоминает обычную жизнь советских сел и деревень. Временами забываешь, что находишься в глубоком тылу у немцев».

С большой охотой откликалось население на любые просьбы партизан. Когда специальная партизанская группа отправилась для поисков оружия в район реки Ловать, к месту минувших боев, и нашла там дот, в котором оказалось 350 тысяч винтовочных и пистолетных патронов и 700 артснарядов, колхозники трех селений выделили 48 подвод для перевозки найденных боеприпасов.

Широкий размах среди населения приобрел сбор оружия. Жители деревень Журавлиха, Горки, Дерглец Волотовского района, Куровка, Егольское, Чащицы Дновского района, Дубоновицы, Б. Загорье Карамышевского района и многих других собрали большое

количество винтовок, автоматов, гранат, ручных пулеметов и патронов. Это оружие и боеприпасы они передали партизанам.

Во многих населенных пунктах колхозники проводили большую работу, помогая партизанам подготовиться к боевым действиям в зимних условиях. По предложению женщин деревни Татинец сотни колхозниц обязались связать для партизан по паре носков и по паре перчаток. Колхозники скатали для партизан 500 пар валенок, сшили 160 полушубков, связали 450 шерстяных вещей. Нашлись мастера, которые изготовили партизанам около 500 пар лыж. Кожевники обрабатывали кожи, сапожники шили сапоги. Было сделано или отремонтировано для отрядов бригады множество саней и дровней. Колхозные кузнецы обслуживали ковочными работами все партизанские отряды. Они же изготовляли «ежи» для установки их на дорогах, по которым проходил вражеский транспорт.

Огромную заботу население проявляло о раненых и больных партизанах, размещая их по своим избам в деревнях и селах. Население всегда гостеприимно принимало партизан, кормило их, топило для них бани, женщины стирали белье бойцов.

Большое значение имела и моральная поддержка. Она проявлялась во всем. Но особенно трогательными были письма, которые партизаны получали от населения вместе с подарками. Вот лишь некоторые из них.

«Шлю носки теплые для доблестной Красной Армии. Я еще больше со всей радостью дарила бы, но я сама сижу в чужой квартире... Громите врага, а мы позаботимся о вас. Привет от Григорьевой Елены Ивановны. Деревня Надино, Дедовичский район».

«Дорогой товарищ! Этот подарок придаст тебе силы и удесятрит в тебе стойкость, мужество и героизм, чтобы разбить бешеных собак, которые не дают жить мирным жителям захваченных этими злодеями районов... Мы надеемся, что вы их уничтожите в скором времени... Вновь по нашей территории пойдут красные войска, и мы оживем и будем дышать советским воздухом... Жена красноармейца Ленинградской области Дедовичского района Бродковского сельсовета деревни Крутец Щербакова Пелагея Васильевна».

В начале октября 1941 года я был вызван в Москву, в Главное политическое управление РККА. С собой я увозил доклад, в котором всесторонне рассматривался накопленный опыт по руководству партизанскими действиями и политической работой среди населения в полосе боев войск нашего фронта.

На 15 октября 1941 года совместно с партийными органами юго-восточных районов Ленинградской области было создано 8 партизанских бригад, состоявших из 68 отрядов, общей численностью 6515 бойцов. В тылу противника действовало 6 бригад, или 36 отрядов. Остальные находились в своих районах в полной готовности

начать партизанские действия в случае, если эти районы окажутся в руках врага, и составляли резерв, который время от времени переправлялся в Партизанский край для пополнения и усиления действующих там сил.

С 15 июля по 15 октября партизанами в полосе фронта уничтожено 3760 солдат и офицеров противника, выведено из строя 176 грузовых автомашин, из них 30 автомашин с боеприпасами, 20 — с горючим, остальные с продовольствием и живой силой противника, уничтожено больше 19 автоцистерн с горючим, 11 танков, 18 легковых машин, 107 мотоциклов, 42 велосипеда, 3 войсковые радиостанции, пущено под откос 49 воинских эшелонов, более чем в 100 местах подорваны железнодорожные рельсы, взорвано 5 железнодорожных и 234 шоссежных моста.

Вместе с тем говорилось и о нуждах партизан. «Связь с отрядами у нас до сих пор является самым слабым местом. Связь у нас только живая. Радиосредств нет. В условиях большой отдаленности отрядов в тылу противника (до 300 км) живая связь ни в коей степени не обеспечивает руководства отрядами. Отсутствие радиосредств для связи с отрядами самым серьезным образом срывает руководство партизанским движением. Наличие радиосвязи с отрядами своевременно обеспечивало бы также командование фронта ценными разведывательными данными о противнике в его тылу».

Ставился также вопрос о необходимости создания центрального органа по оперативному руководству партизанскими действиями, материально-техническому снабжению партизан.

В Москве со мною встретился заместитель начальника Главпура армейский комиссар 2-го ранга Ф. Ф. Кузнецов, которому я и доложил о проделанной работе и наших нуждах. Кузнецов обещал прислать нам несколько радиостанций, а также распорядился выдать пять фотоаппаратов и все необходимое к ним.

— Созданные при политуправлениях отделы должны запечатлеть историю советского партизанского движения и в фотодокументах, — заметил он.

Вскоре нами был создан радиоузел, который сыграл свою роль в руководстве партизанскими силами в полосе фронта.

Удача, как и беда, говорят, одна не приходит. После моего возвращения из Москвы Тужиков доложил, что ему удалось связаться с летчиками авиационного полка гражданского воздушного флота, который располагался в 30 километрах от Валдая в селе Едрове. Это был 3-й отдельный авиаполк рижского управления ГВФ, переданный с началом войны в распоряжение штаба нашего фронта. В основном он состоял из машин У-2 — «кукурузников». Летчики этого полка вывозили из полевых госпиталей тяжелораненых бойцов и командиров, доставляли на фронт из Москвы, Яро-

славы и других городов донорскую кровь, свежие газеты и журналы, почту, а также выполняли другие поручения командования.

Тужиков рассказал летчикам, что в полосе Северо-Западного фронта отважно действуют партизанские отряды и бригады. Но с ними нет регулярной связи. Трудно направлять их боевую деятельность, а от партизан получать своевременно разведывательные данные о противнике, которые так необходимы командованию фронта.

Командир полка П. С. Рассказов без колебаний откликнулся на предложение Тужикова сделать несколько вылетов в интересах партизан. Нашлись и добровольцы среди летчиков. Оставалось получить согласие Военного совета фронта.

— Отплатите боевыми делами,— сказал Ватутин, когда стало известно решение Военного совета.

Тут же мы договорились о деталях использования авиаполка для нужд партизан.

В ночь на 4 ноября, в канун 24-й годовщины Великого Октября, захватив с собой радиостанцию и первые ордена и медали, которыми командующий войсками фронта от имени Президиума Верховного Совета СССР награждал большую группу партизан, в Партизанский край вылетел А. А. Тужиков. Самолет вел опытный летчик А. Тимлер, который благополучно совершил посадку на поле недалеко от деревни Глотова Дедовичского района, ставшем основным партизанским аэродромом.

«Авиатрасса» между Большой землей и Партизанским краем стала действовать регулярно. Это было чрезвычайно важно. Полеты в тыл противника поднимали боевой дух партизан. Они хорошо понимали, что появились новые возможности надежной связи партизанских сил с командованием фронта. Самолеты доставляли партизанам оружие, боеприпасы, медикаменты, листовки, газеты, одежду, обувь, некоторые виды продовольственных товаров, а также предметы обихода. С их помощью в Партизанский край были переброшены кинопередвижки, походные типографии и даже музыкальные инструменты. Наконец исполнилась заветная мечта партизан, чьи семьи находились по эту сторону линии фронта. Они могли теперь послать письмо живущим в советском тылу, сообщить о себе своим родным и близким, получить ответную весточку от них. Летчики вывозили из тыла противника тяжелораненых бойцов и командиров, доставляли по вызову командования в штаб фронта партизанских командиров. Они очень выручали партизан во время карательных экспедиций противника, нанося по просьбе партизанского командования бомбовые удары по скоплениям войск врага, сообщая маршруты движения его карательных подразделений.

Это был первый опыт подобного взаимодействия партизан с авиацией. Командир авиаполка П. С. Рассказов писал в Ленин-

градский обком партии: «До этого ни на каком другом фронте и ни в какую другую временно оккупированную гитлеровцами область полеты с посадкой у партизан не практиковались». Начальник Главного управления гражданского воздушного флота рекомендовал опыт летчиков 3-го отдельного авиаполка другим авиационным частям, находившимся в действующей армии.

Как показали дальнейшие события, авиация сыграла исключительную роль в партизанской войне.

В середине ноября Военный совет заслушал доклад о состоянии и действиях партизанских сил в полосе фронта и мерах по дальнейшему развитию партизанской борьбы. Обсуждение доклада приняло неожиданный оборот. Выслушав мнение собравшихся, новый командующий фронтом генерал-лейтенант П. А. Курочкин сказал:

— Судя по тому, что говорит товарищ Асмолов, и по тому, что мы знаем, партизаны неплохо помогают войскам фронта, но могут действовать еще лучше, если решить некоторые их нужды, увеличить боевую мощь партизан, наладить более тесное взаимодействие с ними. Мне думается, что оперативное руководство партизанами надо передать непосредственно штабу фронта и Военному совету, а в политуправлении иметь специальный отдел по партийно-политической работе среди населения. Нужен сугубо «партизанский» отдел, может быть, так его и назвать.

14 ноября 1941 года Военный совет принял постановление, в котором говорилось, что «в целях дальнейшей активизации партизанского движения в полосе Северо-Западного фронта, усиления боевой деятельности партизан выделить из непосредственного ведения политуправления фронта вопросы организационно-оперативного и административно-хозяйственного характера, связанные с партизанским движением. Для непосредственного руководства организацией и действиями партизанских отрядов в полосе СЗФ создать специальный партизанский отдел, подчинив его непосредственно Военному совету фронта. Организацию отдела возложить на начальника штаба и начальника политуправления фронта».

Военный совет четко определил задачи нового отдела. На него возлагалась организация партизанских отрядов в полосе фронта, руководство их оперативной деятельностью, координация работы с партийными органами по вопросам создания партизанских сил, материальное снабжение их, подбор руководящих кадров и подготовка их, организация истребительных подвижных отрядов и групп из военнослужащих для действий в ближайшем тылу врага, разработка боевых заданий для партизанских отрядов и посылка своих представителей в отряды для руководства и помощи им в опера-

тивно-боевой деятельности, изучение и обобщение опыта партизанской войны.

Военный совет предложил укомплектовать личный состав партизанского отдела фронта наиболее опытным командно-начальствующим составом за счет штаба и управлений фронта. Начальнику управления связи и начальнику разведывательного отдела фронта предлагалось обеспечить отдел радиосредствами для связи с партизанскими формированиями. Партизанский отдел и разведотдел фронта обязаны были в ближайшее время организовать краткосрочные курсы руководящего состава партизанских отрядов и диверсионных групп.

Одновременно в постановлении Военного совета предусматривалось создание специального отдела в составе политуправления фронта для организации партийно-политической работы среди партизан и населения оккупированных районов.

Создание партизанского отдела, который непосредственно подчинялся Военному совету фронта, имело чрезвычайно важное значение. Теперь это был орган не только с обязанностями, но и с правами. Отдел стал, как говорится, на законном основании получать с фронтовых складов оружие, боеприпасы, медикаменты, снаряжение, различное другое имущество. Хотя в засадах и при налетах партизаны захватывали значительное количество трофеев, добывали оружие и боеприпасы на полях сражений, получали многое от местного населения, все же кое в чем, очень необходимом для боевых операций и жизни, они нуждались, особенно во время напряженных боев или когда гитлеровцам удавалось блокировать партизанские силы. Однако, несмотря на это, бытовало мнение, что снабжать партизан с Большой земли не только трудно, но и вредно. Партизаны, мол, должны все добывать себе сами. Военный совет по-иному взглянул на дело, и это окупилось сторицею.

А партизаны все прочнее закреплялись в «четырёхугольнике», ограниченном железными и шоссейными дорогами, шедшими из Дно в Старую Руссу и в Новосokolьники и от Старой Руссы до города Холм. Хотя дороги и названные города находились в руках гитлеровцев, партизаны постоянно угрожали этим коммуникациям. Карательные отряды, посылаемые против партизан, неизменно терпели поражение: иногда они рассеивались, а иногда уничтожались полностью. Партизанские отряды буквально оседлали важные железнодорожные и шоссейные линии врага, сделав их объектом постоянных и все усиливающихся ударов.

Важным результатом деятельности командования партизанских бригад явилось проникновение партизан в города и другие населенные пункты. Хотя дело это было крайне трудным, ибо сколько-нибудь крупные населенные пункты кишели войсками, разведывательными и контрразведывательными органами противника,

почти в каждом из них партизаны имели своих людей, посылали туда разведчиков.

Взаимодействие с подпольем позволяло партизанам добывать важные разведывательные сведения, держать под наблюдением практически всю оккупированную врагом территорию, вести целеустремленную политическую работу среди населения, согласовывать отдельные вооруженные выступления, помогать подпольщикам проводить диверсионные акты, саботаж.

Особенно прочными были связи партизан с подпольщиками Пскова, Дедовичей, Дно, Старой Руссы, Порхова, Острова и других городов. В Острове, например, действовала подпольная организация, которую возглавляла комсомолка Клавдия Назарова. Организация была связана с партизанским командованием. Подпольщики переправляли к партизанам вызволенных из вражеского плена советских воинов, организовывали массовые побег в Партизанский край населения, мобилизованного оккупантами на строительство оборонительных сооружений, как, например, побег к партизанам нескольких сот человек из лагеря в селе Симанском. Совместно с партизанскими разведчиками островские подпольщики собирали разведанные на железной дороге и в самом городе Острове. Они добывали бланки вражеских документов, которыми широко пользовались партизаны. По данным островских подпольщиков, советская авиация разбомбила крупную нефтебазу и несколько других важных объектов врага. В конце 1941 года сами подпольщики сожгли здание школы, где расположился карательный отряд, действовавший против партизан.

Клаву Назарову, отважную комсомолку-патриотку, хорошо знал Тужиков. Она работала пионервожатой в 1-й средней школе города Острова. Незадолго до войны Тужиков встречался с ней. Девушка ему очень понравилась своей целеустремленностью, волей, энергией, неудержимым оптимизмом. В райкоме партии уже было принято решение рекомендовать комсомольцам города избрать Клаву одним из секретарей райкома комсомола, но началась война. Назарова сразу вступила в истребительный батальон, а потом возглавила молодежную подпольную организацию города. Однако в ноябре 1942 года гитлеровцы схватили Клавдию Назарову и казнили ее. Посмертно мужественной комсомолке было присвоено звание Героя Советского Союза.

Чувствуя близость и поддержку партизан, население примыкавших к Партизанскому краю районов активно включалось в борьбу с захватчиками. Все более широкий размах принимал саботаж распоряжений немецкого командования. В Ашевском районе в деревне Марыни, например, староста Евстратов не выполнил требований оккупантов о вывозке хлеба. Он не вывез ни килограмма зерна, раздав его колхозникам. Гитлеровцы расстреляли Евстрато-

ва, но хлеба не получили. Староста деревни Хлеборадово Дедовичского района выгрузил колхозный хлеб из амбаров и роздал его колхозникам. Амбары сжег, а потом заявил немцам, что хлеб полностью сгорел. Подобных фактов становилось все больше.

Саботаж охватывал и города. В Дновском депо немцы пытались наладить ремонт паровозов. Однако рабочие делали все, чтобы саботировать приказы оккупантов. Принимая паровозы, приемщики не находили в них никаких дефектов. Но в пути паровозы останавливались. В бункерах оказывались песок, железная стружка. Дышло в депо крепилось так, что через несколько километров выходило из строя.

Возрастающая активность партизан и населения в тылу 16-й немецкой армии вызывала все большее беспокойство не только у командующего армией, руководства группы армий «Север», но и в главной ставке фашистских войск.

Убедившись в том, что эпизодическими мерами, даже с привлечением полевых войск, подавить партизанскую борьбу в тылу 16-й армии невозможно, гитлеровское командование приступило к планомерной контрпартизанской борьбе.

К концу ноября 1941 года гитлеровцы подготовили первую крупную карательную экспедицию против Партизанского края. Свыше 4 тысяч солдат и офицеров сосредоточились в городах Дно, Старая Русса, Дедовичи, а также в населенных пунктах Чихачево и Поддорье. Войскам были приданы самолеты, артиллерия, бронемашины, танки. Возглавлял карателей комендант тылового района 16-й армии генерал Шпейман. Наступление началось 30 ноября 1941 года с четырех сторон. Оккупанты заняли несколько населенных пунктов, перекрыли все дороги, идущие через освобожденный край, уничтожили ряд партизанских баз. Оперативный отдел штаба группы армий «Север», контролировавший ход экспедиции, отметил 3 декабря 1941 года: «Окружение котла закончено. В ходе этого окружения в районе озера Полисто и мелких окрестных деревень были захвачены и частично уничтожены партизанские лазареты, склады продовольствия и боеприпасов, бойни и хлебопекарни. Причастные к партизанам деревни сожжены. Расстреляно 116 партизан».

Когда началась карательная экспедиция, основные силы 2-й бригады во главе с Васильевым совершали переход в Локнянский район Калининской области для проведения боевой операции. В Партизанском крае оставался небольшой отряд во главе с комиссаром бригады Орловым. Он принял решение не вступать в бой с карателями. Глухими тропами партизаны отошли в глубь лесов, на острова посреди незамерзших болот, где были заблаговременно созданы запасные базы с боеприпасами и продовольствием. Обнаружив рейдирующий сводный отряд Васильева, который,

не подозревая о развернувшейся крупной карательной экспедиции, разгромил вражеский гарнизон в деревне Вихрище, фашисты попытались окружить партизан. Однако Васильев разбил свой отряд на несколько групп, и они незаметно перешли в Серболовский лес через незамерзающие Татинские болота. Соединившись, Орлов и Васильев решили уйти из Серболовского леса.

Партизаны шли по бездорожью, через буреломы и лесные завалы, шли снежной целиной. Стоял сорокаградусный мороз, и это делало переход еще более мучительным. Десятки километров были пройдены без привала. Положение складывалось отчаянное. Людям во что бы то ни стало нужен был отдых, тепло. Дошли до деревни Сусельницы. Зная, что в деревне должны быть каратели, решили выбить их во что бы то ни стало и отогреться. Однако, к удивлению партизан, фашистов там не оказалось. Они сами покинули село. Еще догорали подожженные ими постройки. Послали разведку. Карателей нигде не было. Все недоумевали: что бы это могло значить? И только выйдя к основной базе бригады и развернув рацию, партизаны слышали о контрнаступлении советских войск под Москвой, Ростовом-на-Дону и Тихвином.

Гитлеровцам стало не до партизан. Из-за необходимости срочной переброски войск на фронт карательная экспедиция прекратилась.

Столкновение с первой крупной карательной экспедицией врага многому научило партизан. Оно показало, что разрозненные отряды не могут в зимних условиях самостоятельно отразить крупный натиск врага, сохранить свои базы. В связи с этим вставал вопрос о концентрации партизанских сил на отдельных участках и направлениях. Возникла необходимость в создании какой-то промежуточной боевой единицы между отрядом и бригадой, которая была бы способна отстоять тот или иной объект, вступить в открытый бой с карателями или напасть на крупный вражеский гарнизон.

Со всей очевидностью встала задача решительно улучшить разведку. О приближении гитлеровцев партизаны узнали от населения края, да и то с опозданием. Если бы планы врага были разгаданы заранее, бригада могла бы успешно отразить натиск карателей, как это случалось позднее.

Не сумев ликвидировать Партизанский край, фашисты окружили его плотным кольцом гарнизонов, установив между ними надежную связь, построив где только можно массу оборонительных сооружений. В наиболее крупных населенных пунктах были созданы специальные подвижные отряды, которые постоянно патрулировали дороги и в случае надобности приходили друг другу на помощь. Гитлеровцы задумали полностью блокировать партизан края, запереть их как бы в «мешке».

Однако сделать это не удалось. Партизанские отряды, зная хорошо местность, обходили деревни, занятые врагом, выходили далеко за пределы края, нанося разящие удары по гарнизонам, коммуникациям и базам противника. Уже 10 декабря отряды бригады успешно атаковали несколько гитлеровских гарнизонов и очистили ряд сел и деревень от карателей. К середине декабря 1941 года контроль над территорией Партизанского края был восстановлен полностью. Вновь были «оседланы» все дороги, ведущие к фронту. Попытки гитлеровцев использовать даже отдельные участки дорог решительно пресекались партизанами. «На шоссе Старая Русса — Холм, — подтверждает западногерманский исследователь Э. Гессе, — любое движение немецких войск стало невозможным».

В начале января 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования, пытаясь воспользоваться благоприятной обстановкой, сложившейся на советско-германском фронте в ходе контрнаступления под Москвой, отдала приказ нашим войскам начать наступление на широком фронте от Ленинграда до Крыма. Перед войсками, действовавшими на Северо-Западном направлении, прежде всего на Ленинградском и Волховском фронтах, была поставлена задача разгромить немецко-фашистскую группу армий «Север» и деблокировать Ленинград. В этом им должен был оказать большую помощь и Северо-Западный фронт.

В начале января 1942 года начальник штаба фронта генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин при очередном докладе спросил меня:

— Какое положение сейчас у партизан?

Я ответил, что бригады и отряды пополняют свои ряды, накапливают боевой опыт, проводят диверсионную работу, ведут разведку. Выслушав это, Ватутин заметил, что в настоящее время необходимо активизировать все действующие в тылу врага партизанские силы, так как дело идет к наступлению войск нашего фронта.

— Хорошо бы, — сказал Ватутин, — чтобы кто-либо из работников отдела вылетел за линию фронта, помог товарищам на месте. Нас особенно интересует район, где дислоцируется бригада Васильева.

В ночь на 5 января 1942 года в Партизанский край вылетел А. А. Тужиков.

В первой половине января войска нашего фронта, взломав вражескую оборону, продвинулись вперед на несколько десятков километров и окружили около Демянска почти всю 16-ю немецкую армию. Оказались в кольце и части врага под Старой Руссой. Наступление продолжалось в направлении городов Торопец и Холм.

13 или 14 января я снова прибыл к Н. Ф. Ватутину. Мне предстояло доложить план взаимодействия партизанского истребительного полка, созданного по решению Военного совета фронта в ноябре 1941 года для ведения боевых действий в ближайшем тылу противника, с нашими передовыми частями, которым надлежало захватить отдельные опорные пункты в немецкой обороне вокруг «Демянского мешка». Выслушав мой доклад о том, где и как действуют подразделения истребительного полка, Ватутин спросил, указывая на развернутую перед ним огромную карту с нанесенной на ней обстановкой:

— Взгляните сюда, товарищ Асмолов. На каком участке фронта партизаны могли бы оказать наиболее существенную помощь наступающим частям?

Мое внимание привлекла одна из красных стрел, направленная на город Холм.

— А когда наши войска должны взять Холм?

— В ближайшие дни,— отозвался Ватутин.

— Вот там, примерно в 70 километрах северо-западнее города, сосредоточены наиболее крупные партизанские силы — не менее полутора тысяч человек, в основном из 2-й бригады. Там сейчас как раз находятся Тужиков, Васильев и Орлов.

Ватутин обрадовался:

— Садитесь, товарищ Асмолов, и пишите приказ вашим партизанам о нападении на город Холм. Взять его мы намечаем 20 января.

Тут же, в присутствии Ватутина, я составил радиogramму Тужикову, Васильеву и Орлову, где предложил в ночь с 19 на 20 января совершить нападение на Холм, который в это время будут атаковать передовые части Красной Армии.

Прочитав радиogramму, Ватутин задумался и сказал:

— В ночь на двадцатое, пожалуй, будет поздно.

И собственноручно внес исправление: вместо «с 19 на 20 января» написал «с 17 на 18 января» и расписался. Для обеспечения этой операции по указанию Военного совета фронта бригаде было переброшено самолетами более 4 тонн оружия и боеприпасов.

Получив приказ о захвате вместе с наступающими частями Красной Армии города Холм, командование бригады провело тщательную разведку. Было установлено, что гарнизон города насчитывает 1300 солдат и офицеров, есть артиллерия и минометы. Вокруг — широкая сеть дотов и дзотов, обширные минные поля и проволочные заграждения. Враг мог рассчитывать на поддержку гарнизонов соседних населенных пунктов. Были выявлены и уязвимые места. Имелась возможность перерезать дороги, по которым к противнику могло подойти подкрепление. На стороне партизан была внезапность.

Ранним утром 15 января восемь отрядов, в которых находилось более 1000 партизан, тронулись на санях к Холму. Стоял сильный мороз. Ехали по глубокому снегу, через овраги и балки, замерзшие реки. Как и было приказано, в ночь с 17 на 18 января ворвались в город и к 11 часам заняли его большую часть. Остатки фашистского гарнизона укрылись за стенами собора и в тюрьме. Оттуда доносилось пение «Интернационала» — это пели узники гестаповского застенка. Партизаны окружили собор и тюрьму, но взять их, не имея артиллерии, не смогли.

На помощь холмскому гарнизону враг направил два батальона. У деревни Сопки их задержали отряды, контролировавшие дороги. В середине дня, когда выяснилось, что передовые части наших наступающих войск еще находятся в 20 километрах от города, а у партизан оказались на исходе боеприпасы, был дан приказ отойти на исходные позиции.

Хотя налет на Холм и не завершился полной удачей из-за отсутствия поддержки со стороны частей Красной Армии, которые подошли к городу несколько позже, он все же явился большим успехом партизан.

Это была одна из самых крупных партизанских операций на советско-германском фронте зимой 1941/42 года. При налете на Холм партизаны уничтожили около 500 вражеских солдат и офицеров, 70 автомашин, разгромили радиоузел и две радиостанции.

Обеспокоенные нападением на Холм, гитлеровцы спешно принимали меры к укреплению всех городов и крупных населенных пунктов. Пополнялись гарнизоны, усиливались оборонительные сооружения, налаживалась связь и т. д. А для поднятия духа своих войск гитлеровское командование учредило специальную медаль, которой были награждены все оставшиеся в живых солдаты и офицеры вермахта, отражавшие атаку партизан в городе Холм 18 января 1942 года.

Командование Северо-Западного фронта, высоко оценив боевые действия партизан при нападении на Холм, наградило наиболее отличившихся орденами и медалями. Среди награжденных был и А. А. Тужиков, на груди которого появился первый орден Красного Знамени.

В боях за город Холм пал смертью храбрых командир партизанского отряда председатель Дновского райисполкома коммунист Василий Иванович Зиновьев. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Вот как описывала газета «Ленинградский партизан» его подвиг:

«Когда основные силы партизан подошли вплотную к городу, успех операции должен был решить внезапный удар. Зиновьев хорошо оценил создавшееся положение и, подняв вверх ручной пулемет, первым ринулся на врага. За ним устремились и его боевые

товарищи. Ворвавшись на окраину города, партизаны завязали уличные бои. Немцы шквальным огнем прижали партизан к земле. Оставался выход — или отползать, или атакой сокрушить врага. Зиновьев поднял людей в атаку, во главе отряда бросился на ливень свинца. Вдруг он споткнулся и упал.

Смерть оборвала жизнь славного большевика».

А партизанские силы продолжали взаимодействовать с наступавшими частями Красной Армии. 18 февраля партизаны совершили успешный налет на деревню Ясски, куда прибыл эсэсовский карательный батальон. Об этом бое в сводке Совинформбюро сообщалось:

«Несколько объединенных партизанских отрядов Ленинградской области под командованием тт. В. и О. атаковали ночью немецкий гарнизон в одном населенном пункте. Подавив огневые точки противника, партизаны штыком и гранатой выбивали гитлеровцев из каждого дома. Большая группа немецких офицеров и солдат пыталась бежать, но попала в засаду и была полностью уничтожена. Ночной бой закончился полной победой партизан. Противник потерял убитыми 20 офицеров и 151 солдата. Захвачены трофеи...»

В. и О. — начальные буквы фамилий Васильева и Орлова.

Бой в Ясках заснял фронтовой кинооператор Борис Шер, который в те дни оказался в бригаде. Эти кадры затем демонстрировались в одном из киножурналов на экранах страны.

В конце 1941 года в передовой статье «Партизаны и партизанки, уничтожайте немецких оккупантов!» газета «Правда» писала: «Разгром немецких войск под Ростовом, под Тихвином, в районе Ельца, поражение немецких войск на подступах к Москве, переход инициативы военных действий в наши руки на важнейших участках фронта еще раз свидетельствуют о том, что наша Красная Армия оказалась значительно сильнее, чем предполагали фашистские заправилы, а немецкая хваленая армия слабее, чем можно было бы предположить, судя по хвастливым рекламным немецких захватчиков».

В газете давалась высокая оценка боевым делам советских партизан: «Исключительную роль сыграли партизаны Азовских планей при борьбе Красной Армии за Ростов. Партизаны проводили через камыши наши части в тыл врага и на штурм города. Они вместе с бойцами Красной Армии выбивали фашистов из населенных пунктов. Большую активность проявили тульские партизаны в борьбе с оккупантами под Тулой. Они помогли частям Красной Армии отстоять Тулу и отбросить врага от города — кузницы советского оружия».

Газета призывала: «Партизаны и партизанки! На Красную Армию и вас, ее помощников, смотрит весь мир как на силу, способ-

ную уничтожить грабительские полчища немецко-фашистских захватчиков. Великая, ответственная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!

Истребим немецких оккупантов!

Смерть фашистским разбойникам!»

Эта исключительно высокая оценка деятельности партизан вдохновляла на новые, еще более значительные боевые дела.

Нападения на Холм, Яски и другие населенные пункты свидетельствовали о росте активности партизанских сил и в полосе Северо-Западного фронта, об их возросшем тактическом и боевом мастерстве. Несмотря на суровые зимние условия, партизаны все сильнее беспокоили оккупантов, хотя те принимали различные меры для противодействия им.

Одна из скандинавских радиостанций, комментируя события, происходившие на северо-западном участке советско-германского фронта, заявила, что «действия партизан — самое поразительное явление в войне». О Холмской операции как одной из наиболее дерзких для этого времени упоминается во многих послевоенных советских и зарубежных исследованиях.

Эти и подобные партизанские операции, а также усиливавшееся сопротивление советских людей на оккупированной территории свидетельствовали о том, что захватчиков ждут впереди еще более тяжелые времена.

Замкнув у Демянска кольцо окружения вокруг 16-й немецкой армии, войска Северо-Западного фронта приступили к ее уничтожению. Пользуясь тем, что в обороне противника появились большие бреши, а его главные силы оказались в «Демянском мешке», мы в начале февраля перебросили в Партизанский край несколько бригад и отрядов, в частности 1-ю партизанскую бригаду под командованием Н. П. Буйнова, насчитывавшую 400 человек, 5-ю бригаду во главе с Ю. П. Шурыгиным общей численностью 236 человек, а также другие партизанские формирования. Такая концентрация сил позволяла наращивать удары по врагу, выполнять все более широкие и сложные задачи, связанные с истреблением фашистов, оказавшихся в окружении под Демянском, уничтожать его гарнизоны, разрушать коммуникации в других местах.

К февралю 1942 года назрели организационные перемены, которые вытекали из опыта борьбы с первой крупной карательной экспедицией врага, а также из всего опыта восьмимесячной борьбы за линией фронта. Были и другие вопросы, которые нужно было решить в Партизанском крае. Хотелось лично познакомиться с жизнью и бытом партизан, их боевыми делами, самому побывать в тылу врага. С этими целями я с согласия Ватутина и вылетел в Партизанский край.

Вечером 11 февраля 1942 года с аэродрома Выползово мы перелетели на нашу передовую зимнюю партизанскую базу, созданную в Калининской области в городе Осташкове. Приземлились на озере Селигер, рассчитывая с наступлением темноты перелететь линию фронта. Однако погода не позволила вылететь в эту ночь. Шел снег, мела пурга.

На следующий день погода несколько улучшилась, но с вечера опять занялась выюга. Ночь снова оказалась нелетной. Решили дальше вылет не откладывать и, если с утра будет более или менее ясно, лететь в тыл врага днем.

Утро 14 февраля выдалось как по заказу. Ровно в 10 часов три самолета У-2, загруженные автоматами, ручными пулеметами, патронами, толом, газетами и письмами для партизан, взяли курс на озеро Полисто. Шли на высоте 60—80 метров над лесом. Пере-

летели линию фронта. Полет вроде протекал благополучно. Но вот лес кончился. И тут на заснеженной равнине показалась длинная колонна фашистской пехоты, которая двигалась из Холма по дороге к Старой Руссе. Заметив внезапно вынырнувшие из-за леса самолеты, немцы вначале стали разбегаться, но вскоре смекнули, что это всего лишь «кукурузники», и открыли по ним беспорядочный, но довольно плотный огонь. Наш самолет летел последним, поэтому оказался под сильным и прицельным обстрелом. Когда вражеская колонна осталась далеко позади, летчик Захруддинов, который вел самолет, доложил, что ранен в ногу. Мы находились уже над территорией Партизанского края, я попросил летчика продолжать, дотянуть самолет до места.

— Попробую,— сказал Захруддинов.

Около часу дня самолеты успешно сели на озеро Полисто. Нас всех, особенно летчиков, трогательно встречали партизаны. Они были крайне удивлены, что мы прилетели днем. Конечно, это было опрометчиво. В какой-то мере оправдывало лишь то, что нас ждали тяжелораненные бойцы, которых предстояло отправить на Большую землю. И все же так рисковать не стоило. Со мной были планы дальнейших действий бригад и отрядов всего Партизанского края, целый портфель орденов и медалей для награждения партизан, другие важные документы. Были сделаны необходимые выводы. Полеты через линию фронта днем были категорически запрещены.

Самолеты разгрузили, отвели ближе к лесистым берегам озера, замаскировали. Захруддинову тут же, в ближайшей деревне, где располагался партизанский медпункт, сделали перевязку. При осмотре его самолета обнаружили несколько десятков пулевых пробоин.

Вместе с Васильевым прибывших встретил и комиссар партизанской бригады Орлов, с которым мы теперь познакомились лично. Это оказался невысокого роста крепко сбитый человек, с удивительно открытым, добрым и веселым лицом. Рукопожатие его было крепким, даже сильным. Так пожимают руку люди, уверенные в себе. О том, что Орлов оказался настоящим комиссаром, именно тем партийным руководителем, который был нужен бригаде и всему Партизанскому краю, я уже был наслышан. Вместе с Васильевым они составляли единое целое, тот монолит, на который можно было опереться надежно и спокойно.

Прав был поэт-партизан, когда написал такие стихи:

И врагу не удержаться,
Коль пойдут против него
Партизаны-ленинградцы
Из бригады В. и О.

На командире и комиссаре лежала особая ответственность за бригаду и весь освобожденный в тылу врага край. И я был рад отметить, познакомившись с Орловым ближе, что выбор А. Н. Шинкарева оказался столь удачным.

Васильев сообщил, что на «аэродромном» медпункте, где сделали перевязку Захруддинову, нас ждут раненые партизаны. Медпункт располагался в большой комнате рыбацкой избы. Прямо на застеленном сеном полу, под одеялами лежало около десяти раненых партизан. Я поздоровался со всеми, а Васильев, указывая на лежащих, называл их:

— Это командир отряда Невский Петр Николаевич. Это товарищ Тараканова Анна Петровна — секретарь Пожеревицкого райкома партии, комиссар роты отряда «Грозный». Это Володя Доценко — отважный командир молодежной группы подрывников, большой мастер пускать под откос вражеские эшелоны...

О командире отряда Невском я знал из донесений. Незадолго до захвата гитлеровцами Поддорского района он прибыл в Поддорье как представитель Ленинградского обкома партии, чтобы помочь организовать здесь партизанский отряд. Когда отряд был создан, П. Н. Невский и возглавил его. Это был один из самых первых партизанских отрядов, который стал активно действовать в юго-восточных районах Ленинградской области. Имя Петра Николаевича значилось в списках награжденных. Мы тут же вручили ему орден Красного Знамени.

Оказалось, что награждены и некоторые другие товарищи, находившиеся в медпункте и собиравшиеся улетать в Валдай. Среди них — Тараканова и Доценко, Тараканова — орденом Красной Звезды, Доценко — Красного Знамени. Орлов заметил, что секретарь райкома партии, а теперь и комиссар одной из рот отряда «Грозный» Анна Петровна Тараканова — исключительно дельный и бесстрашный политработник, частый гость в домах колхозников, которым она несет большевистскую правду. От всей души мы поздравили с наградой эту энергичную, волевою и отважную женщину — любимицу партизан и населения района, настоящую большевичку.

Высокий орден был вручен и Доценко. Еще раз поздравив награжденных, мы пожелали им скорого выздоровления и возвращения в Партизанский край.

По пути от озерного «аэродрома» к штабу бригады нас то и дело встречали сторожевые посты.

— Стой! Кто едет? — раздавалось в самых неожиданных местах из-за кустарника или из-за придорожных сосен, вплотную прилежавших к зимней санной дороге.

— Свои! — кричал в ответ Васильев, сидевший в санях рядом со мной.

— Пропуск?

— Псков.

— Пуля,— слышался отзыв.— Проезжайте.

Чем ближе мы приближались к месту расположения штаба бригады, тем чаще нас окликали:

— Стой! Кто едет? Пропуск?

Я спросил Васильева:

— Николай Григорьевич! Зачем столько сторожевых постов? Ведь для этого требуется немало партизан, которые нужны для активных действий.

Васильев пояснил: на постах стоят главным образом местные жители из вооруженных групп самообороны, которым необходимо проходить соответствующую военную подготовку.

Группы самообороны были созданы почти во всех населенных пунктах. Они выполняли роль народной милиции и в то же время вооруженных защитников сел от мелких групп противника, всевозможных провокаторов и шпионов. Во многом за их счет при необходимости шло пополнение партизанских формирований. Они же нередко несли сторожевую службу, ходили в разведку. Особенно была усилена в этом направлении их роль после декабрьской карательной экспедиции. Дальние подходы к месту базирования бригады охраняли также вооруженные бойцы из групп самообороны.

Мы прибыли в лесной лагерь партизан, в штаб бригады, сердце Партизанского края. После короткого отдыха пошли осматривать лагерь, знакомиться с людьми и их жизнью. Все землянки были устроены в густых лесных зарослях, хорошо замаскированы хвойными ветвями от воздушной разведки противника. Каждый такой партизанский «дом» был рассчитан на 15—20 человек. Правда, полностью землянки были заняты редко. А когда отряды уходили на выполнение заданий, они вообще пустовали. Землянки были добротно оборудованы. Нары двусторонние, в один ярус. У каждого партизана — соломенный матрац, подушка, байковое одеяло. Посередине помещения — чугунная или железная печь, приспособленная и для подогрева пищи.

Переходя от землянки к землянке, Васильев пояснял:

— Это бригадная. Тут находится командование бригады. А это штабная — для командиров и политработников рот и отрядов.

Мы осмотрели склады, баню, кухни, хлебопекарню, оружейную, пошивочную и сапожную мастерские, конюшню. В одной из землянок находился радиоузел для внутренней и внешней связи. Побывали и в главном госпитале Партизанского края. Обошли землянки для нового пополнения. В партизанские силы почти ежедневно вливались добровольцы из местного населения и вышедшие из окружения бойцы и командиры Красной Армии. Сюда же приходили на переформирование, доукомплектование многие парти-

занские отряды, действовавшие в полосах Волховского, Ленинградского и Калининского фронтов.

К вечеру Васильев, Орлов, Афанасьев и я собрались в бригадной землянке. Васильев подробно рассказал об обстановке в крае. В свою очередь я кратко информировал собравшихся о последних событиях на фронте. Наметили план на ближайшие дни. Первое, что предстояло сделать, это реорганизовать 2-ю бригаду. К этому времени она состояла из разбросанных в разных местах крупных и мелких отрядов, насчитывавших в общей сложности более 2 тысяч человек. Численность бригады постоянно увеличивалась. Решили для лучшего руководства отрядами бригаду разбить на три полка. Каждый полк, по нашим расчетам, был бы способен выполнять самостоятельно любые задачи: бороться с карателями, нападать на вражеские гарнизоны. Командование полков оперативнее руководило бы повседневными боевыми действиями отрядов. В дальнейшем на базе полков мы намеревались создать бригады и вывести их в новые районы боевых действий.

Встретившись перед вылетом в Партизанский край с членом Военного совета фронта Богаткиным, я получил от него предложение создать во 2-й бригаде политотдел.

— И бригада большая, и задачи у нее особые,— сказал он.— Ведь она не только воюет, а, по существу, руководит всем Партизанским краем. Нужно вести большую политическую работу и с партизанами, и с многотысячным населением. Это мнение и Ленинградского обкома партии. Обком признал целесообразным организовать в бригадах политотделы. Вопрос явно назрел.

Васильев и Орлов поддержали предложение.

— Мы сами об этом уже думали.

Так был создан в бригаде политотдел, а при нем редакции двух газет: для партизан и для населения. Для издания газет я привез небольшую печатную машинку «Бостон», типографский шрифт, бумагу, краски.

К утру реорганизация бригады была закончена. В бригаде стало три полка. Командиром 1-го был назначен полковник артиллерии М. Я. Юрьев, командиром 2-го — майор П. Ф. Скородумов, командиром 3-го полка — Н. А. Рачков, один из секретарей Дедовичского райкома партии, в свое время более 10 лет находившийся на политработе в Красной Армии. Начальником политотдела бригады стал бывший секретарь Дедовичского райкома партии А. Ф. Майоров, опытный партийный работник. Начальником штаба бригады был назначен работник штаба В. А. Головай. Позднее в бригаде было создано еще два полка, общая численность бригады превысила 2500 партизан. Отдельную вооруженную силу составляли боевые дружины и группы самообороны, имевшиеся почти в каждом из 400 населенных пунктов Партизанского края.

На следующий день было проведено совещание командования бригады, на котором обсудили и ближайшую боевую задачу: было решено совершить налет на вражеский гарнизон в городе Дедовичи.

Операцию предстояло провести в ночь на 22 февраля 1942 года, в канун 24-й годовщины Красной Армии. Вечером в район Дедовичей ушли партизанские разведчики. С помощью подпольщиков им предстояло выяснить расположение вражеского гарнизона.

В середине следующего дня на широкой улице деревни Семеновщина, расположенной в центре Партизанского края, перед строем нескольких отрядов был зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении большой группы партизан, отличившихся в боях. С большим удовольствием я вручил ордена Ленина командиру бригады Васильеву и комиссару бригады Орлову, а затем остальным награжденным — ордена Красного Знамени и Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Всего было награждено свыше 100 человек.

Отряды разъехались по местам базирования, а командно-политический состав бригады собрался на совет, где были уточнены детали подготовки к нападению на Дедовичи. К операции привлекались 1-й и 3-й полки с приданными им двумя 76-миллиметровыми пушками. Выступать со своих баз партизанам предстояло вечером следующего дня, так как район сосредоточения для операции находился в 50 километрах от них. Особые указания были даны по подготовке оружия. Подразделениям выдали керосин для смазки оружия перед боем — если будет сильный мороз.

Поступили данные о вражеском гарнизоне в Дедовичах. Подпольщики сообщали, что в городе размещается штаб 218-й пехотной дивизии и 603-й отдельный батальон войск СС. Численность гарнизона вместе с карателями — около 900 солдат и офицеров. Здесь же находился штаб одного из главарей гитлеровской контрразведки, опутавшей своей паутиной территорию Северо-Запада. Это был пожилой офицер, в погонах майора, но начальник гарнизона, полковник, первым поднимал руку к козырьку при встречах с ним. В Дедовичах недалеко от железнодорожной станции находились крупные склады с вооружением, боеприпасами и продовольствием, предназначенные для снабжения окруженных войск 16-й армии. Кроме того, около Дедовичей находился крупный железобетонный мост через реку Шелонь.

Укрепляя после партизанских ударов по Холму и Ясскам крупные населенные пункты, гитлеровцы и вокруг Дедовичей соорудили многонакатные блиндажи из бревен и рельсов, а из снега, политого водой, — ледяные валы с амбразурами. В ряде мест они закопали в землю танки. В самом городе значительная часть больших зданий — усадьба МТС, школы, здание НКВД, Дом Советов

и другие — была опоясана многорядными проволочными заграждениями и подготовлена к круговой обороне. Особенно сильно враг укрепил северо-восточную часть города. Вместе с тем подпольщики установили, что южная, юго-восточная и северо-западная окраины Дедовичей сравнительно слабо прикрыты оборонительными сооружениями, а это значило, что здесь гитлеровцы не ожидали нападения партизан.

На этом и был основан план налета на Дедовичи. Составив подробные схемы расположения всех объектов, занятых врагом, изучив пути подхода к ним, систему охраны и обороны города, штаб бригады разработал окончательный вариант операции, предусматривавший в деталях действия каждого партизанского полка и отряда. Согласно плану, за несколько минут до нападения специально выделенные группы должны были перерезать все телефонно-телеграфные линии, связывающие город с другими населенными пунктами, а другие в момент нападения взорвать железнодорожное полотно, соединяющее Дедовичи со станциями Дно и Чихачево, чтобы не допустить подхода бронепоездов и подкреплений к дедовичскому гарнизону. Нападение на город намечалось совершить одновременно с четырех направлений: двумя отрядами с северо-запада и северо-востока и пятью — с юго-запада и юго-востока. Каждый полк и каждый отряд точно знал свою задачу: кто выбивает гитлеровцев из Дома Советов, кто истребляет их в школах, кто громит вокзал и железнодорожные сооружения на станции, кто штурмует бывшее здание НКВД. По всем дорогам, идущим в Дедовичи, выставлялись заслоны-засады, которые не должны были пропустить подкрепление из других гарнизонов.

До 21 февраля полки и отряды бригады все ближе подходили к городу. 21 февраля, как только сгустились сумерки, из окрестных деревень и лесов тронулись партизанские подводы. КП бригады расположился в небольшом хуторке Прушково около восточной окраины Дедовичей. К 3 часам 30 минутам ночи сюда отовсюду прибыли связные с донесениями о выходе полков и отрядов на исходные рубежи.

Ночь выдалась по-настоящему партизанской. Полная тишина. Безлунье. Густой морозный туман, как дымовая завеса, окутывал город.

В 4.30 начальник штаба бригады Головай дал ракету. Это был сигнал «северным» отрядам начать атаку. Вскоре раздались глухие взрывы — подрывники взорвали железнодорожное полотно со стороны Дно и со стороны Чихачево. Еще через несколько минут взлетел на воздух мост через Шелонь. Вслед за «северными» отрядами в город ворвались «южные». Стучали пулеметы, стрекотали автоматы, рвались гранаты. Особенно слышны были взрывы противотан-

ковых гранат, которые партизаны бросали в окна зданий, где размещались гитлеровцы. Раскатисто и методично били орудия. Штаб бригады перенес командный пункт ближе к месту боя.

Здесь, под Дедовичами, я еще раз убедился, что Васильев не только прекрасный политработник, но и замечательный партизанский командир, организатор народной партизанской борьбы. Налет на Дедовичи закреплял за Васильевым добрую славу среди партизан и населения как крупного партизанского вожака, на счету которого были Холмская, Ясская и многие другие операции.

Уже брезжил рассвет, а бой в Дедовичах не прекращался. Неожиданно в предрассветном тумане показалась санная упряжка. На ней в полный рост стоял старик в лохматой шапке и овчинном полушубке, подпоясанном простой веревкой. Подъехав к нам, он впопыхах задал вопрос:

— Куды?

Я спросил:

— Что куды, дедушка?

— Куды раненых вывозить?

Поблагодарив старика за предложенную помощь, мы направили его в полк Рачкова.

— Если Рачкова не найдете, папаша,— добавил Васильев,— подбирайте раненых партизан, где увидите, и вывозите их в деревню Прутково.

Патриот-старик, у которого мы даже не спросили имени, вывез из Дедовичей несколько раненых бойцов.

Дедовичи почти полностью были очищены от противника. Только небольшие группы фашистов еще отстреливались из подвалов на северо-восточной окраине города.

— Не пора ли давать отбой, Николай Григорьевич? — обратился я к Васильеву.

Васильев подал условленный сигнал.

Вечером 22 февраля Военному совету фронта была направлена радиограмма:

«В результате налета на районный центр и железнодорожную станцию Дедовичи, совершенного 2-й партизанской бригадой в ночь с 21 на 22 февраля, уничтожено 650 немецких солдат и офицеров, большой склад с вооружением и боеприпасами, взорван мост через реку Шелонь, разрушена станция и путевое хозяйство. Движение на железной дороге прервано. Наши потери в этой операции — 58 убитых и 72 раненых».

Полки и отряды возвращались на свои базы. Васильев, я и еще несколько командиров ехали в санях по заснеженной проселочной дороге к деревне Яски. Это были те самые Яски, где в середине февраля партизаны разгромили эсэсовский батальон. Не до-

ежжа до Яссок примерно 4—5 километров, мы услышали у деревни пулеметную стрельбу.

— Там отряд Бундзена,— заметил Васильев.— Оставлен для прикрытия Дедовичей с тыла.

Действительно, вскоре галопом к нам подскочил всадник — партизан из отряда Бундзена и доложил, что от деревни Тюриково на Ясски наступают немцы. Отряд отражает атаку пулеметным и ружейным огнем.

Тут же командиру базировавшейся в 10 километрах от Тюриково 5-й бригады Ю. П. Шурыгину было передано письменное распоряжение:

«Между Тюриково и Ясски появился неустановленной численности отряд противника. Примите все меры к его окружению и уничтожению». Связному растолковали, где находится штаб бригады. Через него же был передан приказ Бундзену ни в коем случае не допускать противника в Ясски, так как через деревню пройдут несколько отрядов, участвовавших в нападении на Дедовичи.

Эту задачу Бундзен выполнил. Фашисты не только не прошли в Ясски, но и были отогнаны на несколько километров. Участвовавшие в Дедовичской операции отряды беспрепятственно прошли через село.

Теперь гитлеровцами занялась 5-я бригада. К исходу 22 февраля разведка установила, что отогнанный от Яссок карательный отряд остановился на ночлег в селе Тюрикове. Партизанские разведчики вместе с начальником разведки бригады Никитиным и бойцы из входившего в бригаду отряда «Боевой» блестяще справились с задачей.

Командир роты Павел Долинин пробрался к зданию штаба. В одном из окон горел свет. Вот туда и швырнул Долинин первую противотанковую гранату. Сигнал для общей атаки был подан. Сразу загрохотало все вокруг. Из помещения штаба вырвались языки пламени, осветив улицу. Гитлеровцы в панике выскакивали в двери и окна. Большинство были в нижнем белье, в сапогах на босу ногу. Они метались по улице, стараясь укрыться от автоматного и пулеметного огня партизан.

Не обошлось без курьеза. Когда бойцы укладывали в сани тяжелораненого партизана Алексева, рядом с ним плюхнулся фашист в кальсонах и накинутом наспех тулупе хозяина дома, где он ночевал. В таком виде он и был доставлен на командный пункт бригады — «рыцарь железного креста первого класса» с майорскими погонами пан Шпицкий. Забыв о подчиненных, он пустился наутек. Перебежав через огороды, каратель выбрался из деревни и, увязая в глубоком снегу, уходил к лесу, отстреливаясь из автомата. Однако был сражен партизанской пулей.

Тюриковская операция продолжалась всего полтора часа. Она закончилась полным разгромом карателей. Более 200 фашистских вояк и жандармов нашли в селе Тюрикове свою бесславную смерть, а около 50, побросав оружие, сдались в плен. Потери партизан составили шесть человек убитыми и восемь ранеными. Богатыми оказались трофеи: 131 винтовка, десятки автоматов, 7 ручных пулеметов, 4 радиостанции, 16 тысяч патронов, 68 санных подвод с продовольствием.

Утром 24 февраля командир 5-й бригады Ю. П. Шурыгин донес о разгроме карательного отряда в Тюрикове. Вместе с донесением он прислал четыре захваченные у врага переносные радиостанции, а также сани, груженные консервами, сигаретами и шоколадом.

Мы допросили пленных. Среди них были два немецких офицера, которые вначале держали себя довольно надменно. Свою фамилию, имя, место рождения они назвали. Но когда стали задаваться вопросы военного характера, оба карателя высокомерно заявили, что они не будут отвечать на них, так как, мол, допрашивать военнопленных запрещено Гаагской конвенцией.

Ссылка на Гаагскую конвенцию крайне возмутила нас. Мы ведь знали, как фашисты обращаются с нашими военнопленными. Между присутствовавшими на допросе партизанами произошел диалог, из которого каратели, видимо, поняли, что они зря завели об этом разговор, и, одумавшись, дали исчерпывающие ответы на все вопросы, которые нас интересовали. Потом оба офицера обратились с просьбой написать письма в Германию своим родственникам о том, что они находятся в плену у партизан под Ленинградом и что с ними как с военнопленными обращаются хорошо.

— Пишите,— сказал я,— но фашистская цензура все равно их не пропустит. А вот своим сослуживцам стоило бы написать, порекомендовать им, если они хотят остаться в живых, переходить к партизанам. Мы позаботимся, чтобы эти письма без фашистской цензуры пришли к адресатам. Все, кто отзовется на ваш призыв, будут самолетами переправлены в советский тыл в лагерь для военнопленных, а после победы вернутся в Германию.

Пленные согласились, и каждый из них написал письма своим сослуживцам с просьбой ознакомить с их содержанием и других офицеров. Через несколько дней подпольщики подбросили эти письма в здание военной комендатуры в городе Дно.

В те дни почти ежедневно через территорию края на небольшой высоте пролетали тяжелые транспортные немецкие самолеты Ю-52, доставлявшие в окруженную демянскую группировку противника вооружение, боеприпасы и продовольствие. Всем бригадам было дано указание организовать массовые засады на трассах полетов самолетов. Для обстрела их использовались не только винтовки,

автоматы, пулеметы, но и противотанковые ружья. И эта «охота» была небезуспешной. Партизаны сбили около двадцати Ю-52.

Однажды ночью, когда мы с Васильевым и Орловым обсуждали очередные вопросы, под самыми окнами бригадной землянки бухнули выстрелы. Мы выскочили наружу.

— Кто стрелял?

— Я,— взволнованно ответил часовой.— Только что тут были гитлеровцы, небольшая группа.

— Где они?

— Убежали.

Пришлось послать связного на лыжах в один из отрядов с приказом перехватить немцев. Это удалось — четверо из пятерых были убиты, один убежал.

На рассвете он заскочил в какую-то деревню и стал требовать у женщин, собравшихся у колодца, лошадь, чтобы добраться до города Дно.

Недолго думая, женщины скрутили фашиста, который оказался летчиком со сбитого самолета, и доставили в штаб бригады. После допроса немецкого офицера вместе с другими пленными отправили в советский тыл.

Корреспондент одной из наших центральных газет, побывавший в Партизанском крае, был поражен, увидев однажды, как партизаны конвоируют немецких военнопленных через линию фронта, рискуя собственной жизнью.

«Как могу я, бывший офицер вермахта, забыть 19 июля 1942 года — тот самый день, когда, будучи раненным, попал в плен в районе «Демянского котла»? — вспоминает главный редактор еженедельника «Зоннтаг» из ГДР Бернт фон Кюгельген.— Не скрою, я ожидал худшего: допросов, издевательств, пыток. Однако первый вопрос, с которым ко мне обратился советский офицер, был ошеломляюще неожиданным. Он спросил тогда по-немецки: «Что вы знаете о Генрихе Гейне?...».

В том же госпитале под Валдаем я однажды увидел, как принесли солдата Берзике. Тяжело раненный, он пролежал без пищи в лесу около 10 суток. Когда его подобрала советские солдаты, жизнь в нем едва теплилась. С какой самоотверженностью советские врачи боролись за него! Они спасли молодого берлинца.

Позже в лагере для военнопленных близ Горького лейтенант Рудольф Барбарин с волнением рассказывал мне, как советская женщина-врач, по национальности еврейка, дала свою кровь, чтобы спасти ему жизнь, а ведь Барбарин был немцем, как и те эсэсовцы, которые в Бабьем Яре под Киевом зверски убили ее мужа и двух сыновей.

Так в плену немецкие солдаты и офицеры постигали высочай-

ший смысл и глубину советской морали, советского гуманизма, советского интернационализма».

Никогда не забудется, как относились советские люди к нашим листовкам и газетам. Однажды, когда самолеты сбросили газету «Ленинградская правда» и листовки над деревнями Готово, Татинец, Паревичи, Шушелово и другими, колхозники послали своих детей на поле и в леса, чтобы разыскать эти дорогие весточки с Большой земли. В деревнях собирались целые толпы народа. Газету и листовки читали вслух.

Особенно большим уважением пользовалась газета-листовка «Вести с Советской Родины», которая стала издаваться со второй половины августа 1941 года Главным политическим управлением РККА.

После того как мы оказались в Валдае, меня вызвал начальник политуправления фронта и показал телеграмму, в которой говорилось: «Начальнику политуправления Северо-Западного фронта Рябчему. Передаю текст листовки «Вести с Советской Родины». Отпечатайте немедленно тиражом один миллион экземпляров на русском языке и разбросайте самолетами и наземными средствами в населенных пунктах оккупированной советской территории...»

Это была первая листовка, называвшаяся «Вести с Советской Родины». Она начиналась словами:

«Братья и сестры советских районов, временно оккупированных фашистскими разбойниками!

Гитлеровские бандиты распространяют небылицы о положении на фронте и о жизни Советского Союза. Не верьте фашистским брехунам. Читайте правду о нашей Родине и о Красной Армии...»

В листовке сообщалось о разгроме фашистских дивизий на Юго-Западном направлении, перечислялись номера этих дивизий, назывались советские командиры, отличившиеся в боях.

Очень важным было сообщение о том, что в газете «Правда» за 18 августа 1941 года напечатана статья командира партизанского отряда товарища Т. П. Бумажкова, которому за отвагу и героизм, проявленные в партизанской борьбе против германского фашизма, одному из первых среди партизан присвоено звание Героя Советского Союза. В листовке приводились выдержки из статьи Т. П. Бумажкова, в которых партизанский командир делился опытом борьбы в тылу врага. Он писал о военном обучении партизан, методах их действий и т. д. Этот первый, но уже сослуживший хорошую службу партизанам опыт был бесконечно ценен в ту пору для советских патриотов, которые начинали боевые действия в тылу фашистских захватчиков.

Листовка давала широкую информацию о ходе войны на других театрах, сопротивлении оккупантам в различных странах, а также о внутренней жизни Советского государства. В частности,

в ней говорилось о создании народного фонда обороны, Всесоюзном комсомольско-молодежном воскреснике и других важных событиях.

Листовка заканчивалась призывом:

«Братья и сестры советских районов, временно оккупированных гитлеровскими бандитами! Держитесь стойко! Ни грамма хлеба и мяса немцам! Организуйте партизанские отряды, бейте врага на каждом шагу!»

Показав мне листовку, Рябчий сказал, что договорился уже с авиаторами о ее распространении, но часть тиража нужно доставить через линию фронта наземным путем, чтобы «Вести с Советской Родины» сразу попали в нужные руки. А еще через несколько дней дивизионный комиссар показал мне новую телеграмму, в которой на политуправление фронта возлагался самостоятельный выпуск листовок и плакатов для населения, попавшего под пяту фашистских захватчиков.

Вскоре наши первые листовки были переправлены через линию фронта. По данным политуправления, только с 1 сентября по 10 октября 1941 года в тылу противника было распространено 8 миллионов 818 тысяч экземпляров газеты-листовки «Вести с Советской Родины», 1 миллион 588 тысяч других различных листовок, в том числе обращения «К партизанам и партизанкам», «Товарищи партизаны!», «К партизанам Ленинградской и Калининской областей», «К населению Ленинградской и Калининской областей», «Что несут фашисты колхозникам», «Ко всем колхозникам и колхозницам», «Товарищи колхозники и колхозницы, к вам обращается ваша Родина» и т. д. За линию фронта было переправлено также 99 тысяч 800 экземпляров газеты «Правда», 5700 экземпляров «Известий», 1400 экземпляров «Комсомольской правды».

Таким образом, всего за этот срок в тыл врага было переброшено более 10 миллионов экземпляров различных печатных материалов. В это число вошло и то, что было создано руками работников политуправления. Тираж этих листовок и брошюр «Партизаны в Отечественной войне», в которых популяризировался опыт лучших партизанских отрядов, действовавших в полосе нашего и других фронтов, составил 326 тысяч экземпляров.

С начала 1942 года до момента моего прилета в Партизанский край в полосе фронта было сброшено с самолетов и распространено другим путем свыше 7 миллионов газет и листовок, а до конца апреля 1942 года — 15 с лишним миллионов. Командование, партийные и комсомольские организации бригад и отрядов использовали советскую печать с максимальной эффективностью.

Листовки вдохновляли партизан, всех советских людей на священную борьбу с врагом. Командование партизанских бригад и отрядов, партийные органы и оргтроечки делали все, чтобы как можно

шире распространялась советскую печать, чтобы она доходила до каждого советского человека, оказавшегося во вражеском тылу. Специальный отряд Орехова, состоявший из нескольких десятков бойцов, проникал в глубокий тыл противника и распространял там советскую политическую литературу, а где это было возможно, проводил и устные беседы с населением. Из патриотов, которые по возрасту или по состоянию здоровья не могли участвовать в боевых действиях, создали группы распространителей газет и листовок. Для них оборудовали специальные повозки или сани с двойным дном, на которые сверху грузили сено, солому или хворост, а в специальный тайник упаковывали газеты, листовки, брошюры. Эту литературу передавали доверенным людям или доставляли в тайники, служившие своеобразными почтовыми ящиками. В городах газеты и листовки обычно распространяли подпольщики, которым они доставлялись в условленные места.

Со временем у нас появились специальные распространители печати в каждом районе. В деревне Ляды, например, этим занималась Катя Егорова. У нее был свой тайник, куда партизаны регулярно доставляли политическую литературу. Катя ежедневно возила молоко на станцию, а заодно передавала местным жителям газеты и листовки. На воротах, дверях домов, у колодцев, в банях, других местах можно было видеть наклеенные листовки.

В Пскове и иных крупных населенных пунктах советские газеты и листовки нередко опускались прямо в почтовые ящики граждан.

23 февраля 1942 года, в День Красной Армии, в Партизанском крае вышел первый номер газеты «Народный мститель» — орган партийной организации 2-й бригады. Он был отпечатан на привезенной мною из Валдая машинке «Бостон», переданной партизанам Военным советом фронта. Газета, издание которой было согласовано с Ленинградским обкомом партии, предназначалась специально для партизан, но распространялась и среди населения. Первый ее номер, вышедший сразу после разгрома дедовичского и яского гарнизонов врага, был посвящен эпизодам героической борьбы партизан и колхозников края.

А спустя несколько дней мне показали и другую газету, которая стала выходить в Партизанском крае. Это была газета «Коммуна» — орган Дедовичского райкома партии и райсовета. Для населения сельсоветов вне Партизанского края начали выпускаться специальные номера «Коммуны», которые доставлялись в занятые противником села и деревни. Вскоре было налажено и издание «Порховской правды» — органа Порховского райкома партии и райсовета. Помимо этого в Дновском районе выходила подпольная газета «Дновец».

В отчете о работе газеты «Коммуна», составленном спустя не-

скольким месяцам, говорилось: «Газета «Коммуна» имеет то же название, что и районная газета Дедовичского района, выходившая до войны. Первый номер вышел 2 марта. Сейчас насчитывается 16 номеров. Тираж газеты — 600 экземпляров. Ведущим вопросом в газете является мобилизация населения на помощь фронту и партизанам, на борьбу с ненавистным врагом. Этому вопросу газета посвятила 8 передовых статей: «Раздувайте пламя партизанской войны», «Сорвем перешивку железной дороги», «Поднимем всенародное восстание в тылу врага», «Патриотки Родины», «Все силы народа — на разгром врага» и другие. Газета неустанно призывала не оставаться безучастным в борьбе с фашистским зверем. «В разведке ли, в бою, в качестве проводника,— писала газета,— и малому и старому найдется место в строю защитников нашего счастья, свободы и независимости. Все более властно, все более мощно звучит голос грядущего возмездия: к оружию, товарищи, к мщению за кровь, грабежи и насилия».

21 мая газета вышла с лозунгом «Чем ты помог фронту?». На эту тему было опубликовано шесть писем трудящихся, присланных в редакцию. О самой разнообразной помощи рассказывалось в письмах: о сборе продуктов Ленинграду, о посылке подарков партизанам, о подписке на заем и т. д.

Два номера «Коммуны» были выпущены специально для сельсоветов, расположенных по ту сторону нашей оборонительной линии. Эти номера печатались увеличенным тиражом. В газете, вышедшей 28 июня, говорилось: «Все громче в тылу немцев раздается голос народного гнева, все больше накапливается злоба к врагу. Выльем же эту злобу во всенародное восстание против оккупантов».

Широко велась и устная политическая работа среди партизан и населения. При партийных организациях отдельных отрядов, в бригадах и полках под руководством комиссаров работали агитпропколлективы. Они разоблачали лживую пропаганду оккупантов, вскрывали их преступления, призывали население к срыву всех мероприятий захватчиков. В партизанских отрядах и бригадах ежедневно принимались по радио сообщения Совинформбюро и другие материалы о положении на фронте и в советском тылу, о международных событиях. В итоге всей этой работы партизаны и население Партизанского края, а также население прилегающих к нему деревень и сел хорошо ориентировались во внутренней и международной обстановке, знали действительное положение на фронтах.

Все это находило в сердцах советских людей горячий отклик. Партизанское движение росло, опираясь на все более активную помощь населения.

Каждый день приносил вести о подвигах многих героев, самоотверженно боровшихся с врагом. Вспоминается пятнадцатилетний

партизанский разведчик Юра Иванов. Случилось так, что в одной из операций Юра, подорвавшись на mine, попал в плен. Пытали его долго и изощренно, но добиться чего-либо от юноши фашисты не смогли. Тогда молодого партизана решили повесить. И тут перед самой казнью Юра попросил немецкого офицера развязать ему руки, чтобы он мог напоследок помолиться. Обрадованный гитлеровец приказал освободить пленнику руки, но вместо молитвы Юра из всех сил ударил фашиста со словами:

— Вот тебе партизанская молитва!

Взбешенный офицер застрелил отважного партизана.

На всю страну стал известен подвиг семидесятилетнего колхозника Михаила Семенова.

В один из дней карательный отряд противника оказался в селе Мухарево. Гитлеровцам нужно было пройти к партизанскому лагерю, однако сельчане твердили, что не знают дороги туда. Тогда фашисты выбрали одного из самых пожилых жителей деревни Михаила Семенова, не без основания полагая, что он-то, наверняка знает в окрестностях все тропки, и под угрозой оружия заставили вести их к лагерю партизан. Семенов действительно хорошо знал окрестности и место, где находились партизаны, но повел врагов другой дорогой. Всю ночь бродили каратели по лесным урочищам и болотным трущобам, а утром снова оказались у деревни Мухарево. Разъяренные фашисты, многие из которых за ночь сильно обморозились, набросились на старика и учинили над ним дикую расправу. Семенов не молил о пощаде. Перед смертью он бросил в лицо палачам:

— А вы думали, русский человек вам, гадам, помогать будет? Шиш!

Большим событием в жизни Партизанского края, свидетелем которого мне довелось стать, была организация и отправка продовольственного обоза для трудящихся блокированного Ленинграда.

Все началось с того совещания, на котором обсуждались вопросы, связанные с нападением на фашистский гарнизон в городе Дедовичи.

У меня был номер «Ленинградской правды» с извещением городского отдела торговли о нормах выдачи хлеба на февраль: по 250 граммов рабочим и инженерно-техническим работникам и по 125 граммов служащим, иждивенцам и детям. Конечно, те, кто собрался на совещание, знали о крайне бедственном продовольственном положении трудящихся Ленинграда, но конкретные цифры совершенно удручающе подействовали на присутствующих. В наступившей тишине кто-то сказал:

— Надо помочь Ленинграду.

По-видимому, товарищ обратился с этими словами к соседу, но их услышали все. Вечером во время ужина Орлов вспомнил об

этих словах, сказанных ненароком, добавив, что продовольствие в Партизанском крае имеется. А спустя несколько дней Сергей Алексеевич сообщил, что население собирает продукты и хочет послать их ленинградцам. Причем сбор продовольствия происходит очень быстро и отмечен величайшим подъемом.

В деревне Броды один из старейших колхозников П. С. Васильев, узнав о сборе продовольствия, заявил:

— Пока не поможем ленинградцам, нам совесть не позволит садиться за стол. Мы должны обеспечить хлебом не только себя и партизан, но и найти хлеб для Ленинграда.

Даже в деревнях, сожженных и ограбленных гитлеровцами, люди отдавали голодающим ленинградцам все, что могли — откапывали из-под снега ящики, мешки с запасами, доставали продукты из ям и потайных складов, вели овец, телят, несли домашнюю птицу.

Сбор продовольствия для ленинградцев проходил в чрезвычайно сложной обстановке. После нападения на Дедовичи оккупанты направили несколько крупных карательных отрядов к границам Партизанского края. На территории Дегожского, Малышевского, Ефимовского, Станковского и других сельсоветов не утихали упорные бои партизан с карателями. Тем не менее даже из этих районов на сборный пункт прибывали санные обозы с продовольствием. Об этом стало известно гитлеровцам. В деревни на границе Партизанского края и за его пределы прибыли дополнительные карательные силы, которые должны были не допустить отправку продовольствия в Ленинград.

Фашисты рыскали по деревням, расправляясь со всеми, кто проводил сбор продовольствия или прятал его. От рук карателей погибли председатель Сосницкого сельсовета Воробьев и председатель колхоза «Красная горка» Смирнов. В деревне Зеленый Клин за сбор продовольствия были расстреляны председатель сельсовета Виноградов, председатель колхоза Григорьев, его жена, дочь и несколько колхозников. В другом селе фашисты учинили расправу над кладовщицей Марией Михайловой, узнав, что у колхозной кладовщицы находится около 100 пудов мяса и крупы для продовольственного обоза.

Марию схватили.

— Где продовольствие? — допытывались каратели.

— Никакого продовольствия у меня нет.

Тогда ее стали бить. Но ни побои, ни угроза смерти не поколебали решимость советской патриотки.

Марию расстреляли и начали пытаться ее отца. Однако и он ничего не сказал фашистам. Был расстрелян и отец Марии. Потом тела отца и дочери гитлеровцы облили керосином и сожгли.

Пытаясь помешать отправке обоза, фашистское командование

использовали бомбардировку Партизанского края. Нескольким деревням сгорело. Но сорвать сбор продуктов для города Ленина не удалось. Даже из подвергшихся бомбардировке деревень, из многих сел, где рыскали каратели или близ которых шли бои, как это было на территории Дегожского, Малышевского, Ефимовского, Станковского и других сельсоветов, на сборный пункт прибывали санные обозы с различными продуктами.

К 25 февраля 1942 года обоз был в основном готов к отправке. Только колхозники Дедовичского района собрали 80 центнеров мяса, 94 центнера ржи, 25 центнеров пшеницы, 56 центнеров гороха, 132 центнера овса, 238 килограммов крупы, 51 килограмм масла. Это составило 161 подвод. Из Шушелевского сельсовета Белебелковского района поступило 180 килограммов продуктов, а из Переездовского сельсовета 420 килограммов свинины. Всего из Белебелковского района прибыло 37 подвод. Из Поддорского и Ашевского районов поступило 25 подвод. А весь обоз составил 223 саны, на которые уложили 8 тонн мяса, 9 тонн ржи, 2,5 тонны пшеницы, 5 тонн гороха, 238 килограммов различных круп, 51 килограмм масла и другие продукты. Обоз сосредоточился у лесной деревушки Нивки Дедовичского района.

В ходе сбора продовольствия родилась мысль написать письмо в ЦК ВКП(б) от имени партизан и населения Партизанского края. Текст письма обсуждали в партизанских отрядах и бригадах, на собраниях колхозников. Участники обсуждений ставили свои подписи под письмом. Нередко возникали трогательные сцены. В деревне Круглово старушка колхозница попросила:

— Может быть, и мне разрешите подписать письмо? Хотя я и старая, мало помогаю партизанам, но у меня такие же думы, как у всех.

Другая колхозница, Дарья Иванова из деревни Тычково, оказалась неграмотной, и ей пришлось просить соседку:

— Напиши мою фамилию. Только поставь Дарья, а не какая-нибудь другая Иванова. Пускай в Москве знают, что это я.

Сбор подписей под письмом повсеместно превращался в своеобразные митинги. Колхозники и партизаны заявляли о своей готовности, не щадя жизни, бороться с врагом.

— Пусть знает страна, что и в тылу у врага мы живем по-советски и участвуем в борьбе с оккупантами,— заявил колхозник Лобанов из артели «Красный камень».

13 школьных тетрадей, в которых стояло около четырех тысяч подписей, были приложены к письму, начинавшемуся так:

«Пусть эти простые слова пройдут через линию фронта, достигнут стен Кремля, возвестят о делах и чувствах советских граждан, временно попавших под фашистское ярмо».

Письмо заканчивалось клятвой:

«Кровачье фашисты хотели сломить наш дух, нашу волю. Они забыли, что имеют дело с русским народом, который никогда не стоял и не будет стоять на коленях».

Вместе со сбором продовольствия возник вопрос о санях, лошадях, возчиках.

В селе Острый Камень об этом состоялся такой разговор на общем колхозном собрании:

— Как насчет коней, граждане? — спросил председатель колхоза Федор Миронов. — Надо самолучших коней. Не в лес за дровами ехать. Путь предстоит долгий.

— Вот и отбирай лучших, — ответили ему.

— Ну, а кто готов сопровождать обоз? — спросил председатель.

— А женщин берут? — спросил чей-то женский голос.

— Можно.

— Тогда нас посылайте! Пусть мужики здесь воют!

Пришлось объявить голосование. Собрание выбрало в возчики самых достойных: и мужчин и женщин. Среди них были старейший колхозник Роман Русаков, дочь председателя колхоза знатная трактористка Лидия Миронова и другие.

Когда собрание подошло к концу, кто-то с задней скамьи поднял руку.

— Ну, что там еще? — спросил Миронов.

Поднялась Нина Сафонова:

— Третьего дня мы газету партизанскую читали, там написано, что в советском тылу деньги в фонд обороны собирают. Вот я и подумала: а что, если и нам собрать да вместе с обозом и отправить...

Колхозники идею одобрили. На стол к председателю стали класть деньги. Захлопали двери. Это многие поспешили домой за сбережениями. Кто-то положил на стол пачку облигаций.

— Граждане! И облигации можно! — пронеслось по рядам.

Поднялся дед Тимофей.

— Три сына моих на фронте. Сам-то я староват стал, с винтовкой не совладаю, а деньгами своей державе помогу.

Татьяна Игнатовна положила на стол обручальное кольцо. Вскоре рядом с ним легли чьи-то золотые серьги, браслет от часов, янтарное ожерелье...

И так было повсеместно.

В один из дней вместе с Васильевым и Орловым мы отправились к работникам дедовичской оргтройки, чтобы решить некоторые вопросы, связанные с отправкой обоза на Большую землю. Нас встретил председатель тройки А. Г. Поруценко:

— Обоз готов, но часть подвод укрыта в лесу, другая спрятана в сараях и на хуторах. Собрать все это можно за одни сутки.

— А как с санями, лошадьми, возницами?

— Все в порядке. Сани все в исправности. Лошадей по особой мерке брали, таких, каких понукать не надо, понимающих, чтоб без крика и шума управлять можно было. А на 223 упряжки возчиков нашлось больше тысячи. Так что выбрали самых лучших, надежных. Среди них — больше 30 женщин.

— А кто начальник обоза?

— Федор Потапов, коммунист, надежный товарищ.

Решили основную часть обоза собрать в деревне Нивки. Намести маршрут, разведанный партизанами заранее — через села Мухарево, Татинец, реку Полисть, вокруг озера Прудское, через обширные Рдейские болота. К линии фронта обоз должен был выйти у деревень Жемчугово и Каменка. Почти 120 километров по вражеским тылам, вне территории Партизанского края. 60 партизан из отряда имени Бундзена и 80 бойцов из групп самообороны сопровождали обоз.

Партизанским разведчикам удалось связаться через линию фронта с командованием 8-й гвардейской имени Панфилова стрелковой дивизии, переброшенной сюда из-под Москвы. О подготовке обоза сообщили радиограммой в Смольный.

Федору Потапову вручили топографическую карту с нанесенной на ней извилистой красной линией — маршрутом обоза с продовольствием для ленинградцев.

В ночь на 5 марта 1942 года командование бригады прибыло в Нивки, чтобы проводить продовольственный обоз. Решили разбить его на группы — по два-три десятка подвод в каждой. Они должны были двигаться на определенной дистанции друг от друга. Охрана — в голове и хвосте колонны, разведка впереди. Общий сбор был назначен близ линии фронта у деревни Лопари.

Напутствуя людей, Васильев сказал:

— Тяжелый поход вам предстоит, товарищи. Хочу вам пожелать успеха. Сделайте все, что зависит от вас, и больше того...

Несколько слов сказал Орлов:

— Помните, друзья, как ждут вас в голодном Ленинграде.

Мы посоветовали не ввязываться ни в какие бои с гитлеровцами, стремиться обойти их, действовать умно, расчетливо.

Обоз, охраняемый партизанами и бойцами самообороны, которыми командовал комсомолец Михаил Харченко, тронулся в путь. Вспоминает партизан Н. П. Быстров:

— Помню эту картину: тихая ночь, длинная вереница саней. Передние сани уже у Татинца, а замыкающие еще в Нивках. В первую ночь все 200 возов чередой шли, а после обоз разделили на семь частей, на случай бомбежки.

Рассказывает одна из возниц, А. И. Егорова:

— Вторая и третья ночь перехода вконец измотали нас. Как ни

лютовал в ту зиму мороз, а в низинах сквозь снег хляби проступали. Часто то впереди, то сзади раздавался условный свист — проваливались в талый наст сани, и мы осаживали коней и спешили вытаскивать тонущую подводку. Недалеко от Заполя мы и вовсе остановились. Разведчики донесли начальнику обоза Федору Потапову, что впереди фашисты. И тогда мы отвернули от Заполя, обошли село.

У Заполя была назначена встреча с 37 подводами из Белебелковского района, которые вел председатель белебелковской тройки Н. А. Сергачев. «По плану начальника штаба бригады Василия Головая мы должны были выйти к Заполю в ночь на 8 марта... — вспоминает он в одном из своих писем. — До встречи с обозом Потапова оставались считанные часы, когда на дороге мы увидели шест с насаженным веником — условный знак: в ближней деревне немцы. Пришлось сворачивать в поле. А там снег по пояс, лошади стали... Впереди саней пошли возницы — путь протапывать. Но скоро и они выбились из сил. А тут еще ветер потянул поземку, жжет холодом. Залепило лицо снегом, слезы на щеках стынут... Но надо спешить. Мы валились на этот проклятый снег, а потом приминали его ногами, пока не обогнули село. А когда наконец выехали на дорогу, я подошел к измученным женщинам и сказал им спасибо за ратный труд. И еще поздравил. Ведь шла ночь на Восьмое марта... А перед самым рассветом мы встретили разведку, посланную Федором Потаповым.

Я вспоминаю эту ночь и снова, в который раз, восхищаюсь нашим народом. В ту лихую годину до конца раскрылась его душа».

После заминки у Заполя обоз двинулся к Рдейским болотам. Теперь здесь были все 223 подводы.

На рассвете остановились в селе Березняки. Как и на других дневках, груз внесли в хаты, лошадей и сани спрятали в сараях, чтобы обоз не обнаружили немецкие летчики, усиленно разыскивавшие «продовольственный поезд» для голодающих ленинградцев. Мы знали: врагу известно об обозе, и он сделает все, чтобы уничтожить его, как только вереница саней будет обнаружена.

Как раз в эти дни был задержан гитлеровский агент с радиостанцией, засланный в Партизанский край. По его сигналу фашистские летчики уже разбомбили несколько деревень. Когда его спросили, что он передал еще о Партизанском крае, вражеский лазутчик ответил:

— Немцы знают, что готовится письмо в Москву и обоз для Ленинграда.

Разыскивая «партизанский караван», гитлеровские летчики оказались и над Березняками. В полдень над селом прошла группа самолетов. Летели низко, словно присматривались. Со второго захода открыли по деревне огонь из пулеметов зажигательными

пулями. Загорелись четыре дома. Но никто из партизан и колхозников не появился на улице. Не обнаружив ничего подозрительного, фашисты улетели.

В одном из загоревшихся домов оказался партизан Артемий Терентьев. Уже после войны я прочитал его короткий рассказ: «Запнялась огнем крыша. В окно видим: еще три хаты горят. В избе человек 15, да в тех домах, что в огне, не меньше. Но никто не выходит. Приказ для всех одинаков — не покидать хаты, пока враг над нами. А пожар дела не меняет, нельзя выдать немцам стоянку обоза... Полведра воды — все, что в сенах нашли, — на стропила выплеснули. Но солома на крыше разгорелась вовсю, обдаёт жаром. Дым режет глаза, кашлем раздражает грудь. Все легли на пол, натянули на головы полушубки. Лопнуло, видно, терпение у немца. Решили летчики, что нежилое это село. И ушли. А мы, как стемнело, двинулись напрямик к фронту».

На старой двухверстке написано, что Рдейские болота «непроходимые». Такими они считались издревле, такими считаются и поныне. Но обоз прошел по ним напрямик. Многие участники перехода рассказывали о той ночи. Вспоминали, как качался болотный лёд, как змеились под полозьями ржавые трещины. Рвались из постромок кони.

На подходе к переднему краю партизаны встретились с разведчиками 8-й гвардейской дивизии. Самым опасным местом перехода через линию фронта было шоссе Холм — Старая Русса, охраняемое гитлеровцами. Вozы были собраны вместе, чтобы одним махом преодолеть последний отрезок пути до Большой земли. Охрана расположилась вдоль перехода. Наконец была дана команда:

— Вперед!

Вскоре фашисты заметили переправу. Поднялись в небо ракеты. Загрохотали выстрелы. Но участок перехода был выбран удачно. Сплошной линии обороны тут у врага не было. Когда заговорила немецкая артиллерия, последние сани были уже вне опасности.

Среди тех бойцов, которые видели, как обоз пересекал линию фронта, был Алексей Жердев. Вот что он написал спустя 30 с лишним лет после войны:

«Зимой сорок второго я служил в Панфиловской дивизии. Наш батальон стоял на реке Ловать, недалеко от города Холм... Часто вспоминаю я мартовскую ночь у деревни Каменка. В ту ночь нас подняла на ноги стрельба за вражеской линией. Слышались разрывы гранат, пулеметные очереди... Не сразу мы поняли, что происходит в немецком тылу. Вскоре на нейтралку прошла полковая разведка, а за ней двинулись минеры и стали вежами обозначать проходы в минных полях. И вдруг на «ничейной» земле показались...

крестьянские сани, запряженные лошадьми. Они мчались к нашим окопам. А мы не верили своим глазам. Ведь не танки — обоз прорывал фронт! Волнение охватило бойцов. Многие даже поднялись на бруствер... «Давай!» — слышалось из наших окопов. Скоро груженные сани уже пронеслись мимо. Возчики — среди них были женщины и подростки — во всю мочь гнали коней. На следующий день командование объявило, что через фронт прошел обоз с хлебом для Ленинграда».

О прибытии обоза командир дивизии генерал-майор Н. М. Чистяков позвонил начальнику штаба фронта Н. Ф. Ватутину.

— Как быть дальше? — спросил Чистяков.

— Продукты ленинградцам нужны сейчас. Везти их туда на санях — долгая история. Перегрузите продукты в вагоны и доставьте их по железной дороге.

Обоз ушел на станцию Черный Бор.

Из Ленинграда по радио в Партизанский край была передана горячая благодарность за продукты. Ленинградский обком партии попросил направить в осажденный город специальную делегацию из партизан и колхозников. Командование бригады подобрало 22 человека. Тут были партизаны, отличившиеся в боях, и колхозники, особо проявившие себя при сборе продовольствия. В состав делегации вошли вернувшийся из-за линии фронта пулеметчик Михаил Харченко, на счету которого было более 100 уничтоженных гитлеровцев, Дмитрий Ипатов, сбивший из автомата немецкий транспортный самолет, Катя Сталидзан — отважная партизанская разведчица, комиссар одного из наиболее боевых отрядов Иван Ступаков и другие. Возглавил делегацию председатель дедовичской тройки Александр Георгиевич Поруценко. Делегации было передано 135 тысяч рублей наличными и в облигациях, собранных одновременно с продовольствием в фонд Красной Армии, и письмо ленинградцам. Вот строки из этого письма:

«Ни карательные экспедиции, ни жестокие расправы с мирными жителями — ничто не сломило и не сломит нашей воли к победе. Вооруженная рука партизан поддерживает и охраняет в районах, в тылу у немецких захватчиков советские порядки. Вооруженная рука партизан пускает под откос вражеские поезда, останавливает немецкие транспорты, везущие боевые припасы и солдат на фронт. За время Великой Отечественной войны партизаны двух районов истребили более 3 тысяч фашистских солдат и офицеров. Борясь и работая в тылу врага, мы живем единым дыханием, волей, чувствами со всем советским народом...»

21 марта делегация выехала в Ленинград той же дорогой, по которой прошел обоз. 25 марта она была в Валдае.

На митинге, состоявшемся на центральной площади Валдая, выступил секретарь райкома партии А. В. Коленов.

— Товарищи, сегодня мы встречаем героических сынов и дочерей нашей Родины, прибывших из далекого Партизанского края,— сказал он.— Эти люди прошли через линию фронта и провели большой партизанский обоз. Они везут более трех тысяч пудов продовольствия рабочим города Ленина. Вот на какие подвиги во имя Родины способны наши люди!

29 марта машина с делегатами вступила на лед Ладожского озера и пошла по знаменитой ледовой трассе — Дороге жизни. В селе Кабона посланцев Партизанского края встретили заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР А. Н. Косыгин, секретарь Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов, начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин, председатель Леноблисполкома Н. В. Соловьев, председатель исполкома Ленсовета П. С. Попков и другие.

— Спасибо, герои,— сказал А. Н. Косыгин, обращаясь к делегатам,— от всех ленинградцев спасибо.

В город делегаты въехали через дымные улицы Охты, накануне подвергнутой беспощадному артобстрелу. Встречала делегацию масса людей. С Суворовского проспекта пришла группа женщин с заводским флагом «Красной работницы». На набережной стоял военный оркестр. Вверху поперек настила плескался привязанный к проводам плакат: «Ленинград благодарит сестер и братьев партизанской земли!» Среди встречавших тогда наших посланцев оказался будущий журналист О. Скуратов, так передавший впоследствии свои впечатления: «Кто-то крикнул: «Идут!», и мы их увидели... В чумазах полушубках, в ушанках, перехваченных наискось лентой, партизаны входили на гулкий от мороза мост. А мы рванулись навстречу и кричали «ура» застывшими, чуть слышными голосами...»

А на следующий день делегаты Партизанского края были приняты в Смольном. Глава делегации А. Г. Поруценко вручил А. А. Жданову трофейный автомат и квитанцию о сдаче денег, собранных в фонд обороны Родины. Трофейные автоматы были вручены также командованию Ленинградского фронта и другим руководителям героической обороны Ленинграда.

— Это оружие захвачено в боях,— пояснил Поруценко.

Состоялась беседа, в заключение которой А. А. Жданов сказал:

— История не забудет, как вы несли красное знамя в тылу у врага. Держите это знамя крепко. До полной победы!

От имени ленинградцев он горячо поблагодарил партизан и колхозников за дорогой подарок и посоветовал им побывать на заводах, в воинских частях, встретиться с рабочими и воинами, совместными усилиями отстаивающими город Ленина от фашистских мерзавцев.

Делегаты побывали на Кировском, Балтийском и Металлическом заводах, на заводе «Большевик» и фабрике имени Урицкого, на линкоре «Октябрьская революция» и крейсере «Киров». Несколько партизан оказались в частях 63-й армии, занимавшей оборону у Колпино. Прибыв к артиллеристам, они произвели несколько выстрелов из орудия по окопавшимся вокруг Ленинграда гитлеровцам.

Делегаты Партизанского края увидели на деле стойкость ленинградцев, их мужество, решимость во что бы то ни стало отстоять родной город.

На одном из заводов, где ремонтировались танки и авиационные моторы, обращаясь к делегатам, рабочие заявили:

— Передайте партизанам, населению оккупированных районов, что камни есть будем, а Ленинград врагу не отдадим!

Спустя несколько дней делегацию принял Военный совет Ленинградского фронта. Проходила встреча в историческом Смольном. Тут были представители предприятий, воинских частей, Краснознаменного Балтийского флота, партийный актив города. Председатель Ленсовета П. С. Попков вручил партизанам ордена и медали. К званию Героя Советского Союза был представлен Михаил Харченко, орденом Ленина награжден Александр Порученко, орденом Красного Знамени получили начальник обоза Федор Потапов, председатель белебелковской тройки Николай Сергачев и другие. Награжденных тепло поздравил А. А. Жданов.

— Передайте партизанам и колхозникам тех районов, от коих вы делегированы,— сказал Жданов,— что мы, ленинградцы, и вся наша великая советская Родина горды вашей работой, горды тем, что вы в невероятно трудных условиях, окруженные со всех сторон противником, в его глубоком тылу сумели высоко пронести знамя советских патриотов, сумели пронести и отстоять советский строй, колхозный строй и показать не только нашей стране, но всему прогрессивному и передовому человечеству, что означает советский человек, знающий, за что он борется.

Передайте жителям и воинам края, всем советским людям, оказавшимся по ту сторону фронта, что Родина их не забывает, что недалек тот день, когда враг будет разбит и все наши люди будут вызволены из фашистского плена. Передайте всем, что Ленинград — колыбель Октября — был, есть и будет советским. Фашисты в город не пройдут! Их нога никогда не ступит на ленинградские улицы.

П. С. Попков зачитал письмо трудящихся Ленинграда партизанам и населению Партизанского края в тылу врага, где было сказано следующее:

«Нет таких слов, в которых можно было бы выразить наше восхищение вами, нашу благодарность вам за подарки, которые вы

прислала трудящимся Ленинграда, за великоопное мужество, за железную стойкость, которую вы проявляете в тылу врага, не прекращая ни на минуту борьбы с немецко-фашистскими оккупантами, защищая свою родную землю, защищая свой великий русский народ, его честь, свободу и независимость, защищая родной советский, колхозный строй».

После торжественной части всех пригласили на ужин. В непринужденной обстановке текла товарищеская беседа. Спели несколько песен. Один из секретарей райкомов сказал Поруценко, чтобы он попросил сыграть на баяне Жданова. Сначала Жданов отказывался, а потом взял в руки баян и развернул мехи. Когда делегаты прощались с гостеприимными хозяевами, Жданов остановил Поруценко:

— А это вам подарок от старого гармониста.

И протянул баян. В Партизанский край делегаты улетали самолетами.

Весть о посылке из вражеского тыла обоза с продовольствием в блокадный Ленинград облетела всю страну. «Правда» посвятила этому событию передовую «Советские люди никогда не будут рабами!».

«Дорогие братья! — обращалась газета к партизанам и населению Партизанского края в тылу армий «Север». — Ваши слова, проникнутые беззаветной любовью к матери-Родине, прошли через линию фронта, они достигли стен Кремля, они станут достоянием всего нашего народа, они дойдут до свободных народов всего мира, ведущих борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, они станут известны народам, которые, как и вы, томятся под фашистским игом, ведут непримиримую борьбу и твердо верят в свое недалекое освобождение... Ваши дела и чувства наполняют великой гордостью сердце каждого советского патриота. Народ, как величайшее сокровище, сохранит простые школьные тетради, в которых записаны ваши святые чувства и ваши великие дела...

Письмо колхозников и партизан — это ответ и на подлые насилия, и на подлый обман. Не запугать, не одурачить русских, советских людей! Они были и остаются хозяевами на своей родной земле. Они держат связь через линию фронта с Красной Армией, со всей Родиной...

Письмо рассказывает нам, как живут советские люди в районах, временно захваченных гитлеровцами, и мы видим — идет, продолжается советская жизнь!.. Немцы говорят, что они «заняли» советские районы. Но в этих районах они сидят, как в осажденной крепости, и почва горит под их ногами. Нет такой силы, которая могла бы разорвать кровную связь советских людей в захваченных районах со всей Родиной. Тяжко русским людям в районах Ленинградской области под игом фашистских палачей, безмерно тяжело. Но в

обстановке свирепого, бесчеловечного террора, среди сожженных деревень, над трупами замученных близких людей они думают о Родине, их мысли и чувства с родным, любимым Ленинградом. Драгоценные продукты — хлеб, крупу, жиры, — запрятанные от воров-фашистов, они тайно собирают по селам, вывозят к линии фронта, чтобы доставить в Ленинград... Навсегда останется в памяти волнующая картина этих 200 подвод, которые по глухим дорогам, с величайшей опасностью для жизни возчиков, неизвестных колхозников, везут продовольствие для братьев в Ленинграде.

Дорогие товарищи! Ваши имена, запечатленные в тетрадях... пока неизвестны. Но придет момент — он уже близок, — когда вся страна узнает ваши имена...»

ПРОВАЛ КАРАТЕЛЬНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

В апреле 1942 года партизанские силы, базировавшиеся на освобожденной советской территории, снова совершили ряд дерзких налетов на вражеские гарнизоны. В ночь на 5 апреля были разгромлены гарнизоны противника в деревнях Большая и Малая Зуевка, уничтожено 265 фашистов, взорван склад с боеприпасами. Результатом нападения на гарнизон в деревне Большой Клинец стало уничтожение еще 200 фашистов и ликвидация складов с горючим и боеприпасами. При налете партизан на деревню Кипино гитлеровцы только убитыми потеряли 245 солдат и офицеров. Было также уничтожено несколько танков и складов с военными запасами.

С наступлением теплых дней партизаны стали широко применять так называемую подвижную оборону, заманивая врага в огневые «мешки». Таким путем было уничтожено немало гитлеровцев, ввязавшихся в бои с партизанами или пытавшихся преследовать их. Вместе с тем далеко за пределы края — к Пскову, Острову, Пушкинским Горам и даже в Эстонию и Латвию — посылались партизаны для действий на глубоких коммуникациях врага. Противник по-прежнему не мог полностью использовать важные для него дороги между Холмом и Старой Руссой, Чихачево — Дно — Волот и Старой Руссой, Великими Луками — Новосокольниками и Дно. Под систематическим воздействием находились железная и шоссейная дороги между Псковом и Дно, Старой Руссой и Лычково. Тут постоянно происходили крушения воинских эшелонов, совершались налеты на автомобильный и гужевой транспорт врага.

Весной 1942 года фашистское командование попыталось деблокировать окруженные под Демянском войска. Вместе с частями Красной Армии этой попытке противодействовали и партизаны. Они нанесли ряд ударов по врагу. Это вынудило гитлеровское командование выделить специальный полк, с которым партизанские отряды вели непрерывные бои.

Постоянно возрастающая активность партизан в тылу армий «Север» все больше беспокоила оккупантов. Усиливавшиеся партизанские действия продолжали серьезно нарушать работу вражеского тыла, деморализовывать подразделения противника, подвергавшиеся нападению партизан. Гитлеровская ставка требовала от

командования 16-й армии ликвидировать партизан в районе Демянска, используя для этого все возможности.

С конца апреля 1942 года от Васильева и Орлова стали поступать радиодонесения о том, что противник подтягивает к границам Партизанского края как специальные части и подразделения СС, так и полевые войска, снятые с фронта. Значительно усиливались находившиеся поблизости фашистские гарнизоны. Сюда прибывали военная техника, автомашины с боеприпасами и горючим. Это, а также данные разведки подтверждали намерение гитлеровского командования организовать против партизан, активно действовавших в районе Демянска, крупную карательную экспедицию.

Понимая это, Ленинградский обком ВКП(б), Военный совет фронта стремились всячески укрепить партизанские силы в этом районе. Ленинградский обком партии и Военный совет одобрили переброску в Партизанский край еще трех бригад, общая численность которых составляла свыше 1300 человек. По решению ЦК Компартии Латвии в Партизанский край ушли также отряды, организованные из партийно-советского актива Латвийской ССР и воинов-добровольцев латышской стрелковой дивизии, закаленных в боях под Москвой и Старой Руссой. Эти отряды, насчитывавшие в общем 230 человек, были объединены в полк «За Советскую Латвию».

Таким образом, к началу мая 1942 года вместе со 2-й бригадой партизанские формирования, базировавшиеся в крае и входившие в наше оперативное подчинение, составили почти 4 тысячи хорошо вооруженных и обученных бойцов.

Пользуясь разрывами в линии фронта, мы направили в эти дни в Партизанский край несколько колонн автомашин с боеприпасами и взрывчаткой. Несмотря на то что враг не мог помешать нам, дело это оказалось непростым. Особенно трудной была переправа через реку. Лед уже отошел от берегов метров на шесть. Пришлось разгружать машины, перетаскивать десятки тонн боеприпасов, взрывчатки сначала по мосткам на лед, потом на другой берег... Партизаны с помощью местных жителей работали без отдыха несколько дней и ночей.

В то же время принимались все меры для укрепления обороны Партизанского края, особенно на вероятных направлениях вторжения врага. Условия местности благоприятствовали этому. Постепенно на границах края была создана линия обороны с огневыми точками, блиндажами, ходами сообщений. Партизаны все больше и больше закапывались в землю.

Однако и противник продолжал усиливать свои войска. Васильев докладывал, что обстановка обостряется. Крупная карательная экспедиция может начаться со дня на день.

В первых числах мая я оказался у Ватутина.

— Есть какие-либо осложнения со снабжением партизан? — спросил он.

— Нет, — отозвался я, — переброска за линию фронта оружия, боеприпасов и всего необходимого идет неплохо. В летные ночи мы используем и авиацию. А вот обстановка вокруг нашего края обостряется. По сообщениям Васильева, у врага серьезные намерения, осуществлять которые он, видимо, начнет в ближайшее время.

— Есть какие-либо предложения?

— Разрешите вылететь к Васильеву.

— Думаете, дело так серьезно?

— Сейчас мы разрабатываем планы дальнейшей активизации партизанской борьбы в полосе фронта, думаем через некоторое время усилить удары по глубоким тылам противника. Партизанский край — основное место базирования наших партизанских сил. Нельзя допустить его ликвидации.

— Ну что ж, — сказал Ватутин, подойдя к карте, на которой красным карандашом была нанесена граница свободной советской территории по ту сторону линии фронта, — пожалуй, вам и в самом деле нужно быть там.

В ночь на 8 мая вместе с уполномоченным Ленинградского штаба партизанского движения В. П. Гординым, который в начале 1942 года прибыл в Валдай вместо А. Н. Шинкарева, мы вылетели в тыл врага.

На небольшой полянке в центре Партизанского края, куда приземлились наши самолеты, нас встретили Васильев и Орлов. Сразу поехали в штаб бригады, по-прежнему находившийся в Глотова, и почти до рассвета познакомились с обстановкой.

— Отдельными ударами враг стремился прощупать нашу оборону, — рассказывал Васильев. — Эти атаки успешно отражаются. Мы не только обороняемся, но и совершаем внезапные вылазки против войск, прибывших на границу края. 1 мая совершен налет на вражеский гарнизон в деревне Корольково. Уничтожено около 100 гитлеровцев, взорвано железнодорожное полотно, сожжен укрепленный пункт. 4 мая разгромлены гарнизоны сразу в четырех деревнях — Дорошкино, Заполье, Рыси и Дегтярево. По уточненным данным, противник потерял более 400 солдат и офицеров убитыми и ранеными. Как видите, мы не ждем, когда каратели обрушатся на нас всеми силами, треплем их понемногу.

— Правда, и нас фашисты не оставляют в покое, — заметил Орлов. — За последнее время они усилили воздушные налеты. Непрерывными бомбежками противник стремится ослабить оборону края, подавить волю партизан и населения к сопротивлению. Зачастую фашистские летчики бомбят и обстреливают все, что попадает им на глаза. Почти на все деревни края сброшены зажигательные бомбы. Во многих случаях села бомбят по два и три раза.

налет на небольшую деревушку Городовик участвовало 27 самолетов. Пытаемся отбиваться от фашистских стервятников, устраиваем пулеметные засады. Уже сбили пять самолетов.

— На каких направлениях враг сосредоточивает главные силы?

— Таких направлений три,— пояснил Васильев.— С запада — со стороны Дедовичей, с севера — от Тюриково и с юга — от Чихачево. По сведениям, поступившим в штаб бригады из разных источников, в том числе от подпольщиков, которые передают нам сведения из всех населенных пунктов вокруг края, общий замысел карательной экспедиции состоит в расчленении партизанских сил и их уничтожении по частям.

— Каково состояние бригад и отрядов?

— Все бригады и отряды приведены в полную боевую готовность, а многие из них, как я уже говорил, действуют, не дожидаясь, пока противник перейдет в наступление.

— Не застигнет ли это наступление нас врасплох, как это было в декабре 1941 года?

— Нет,— уверенно отозвался Васильев.— Теперь не те времена, да и мы уже не те. Тем более, что все только и ждут, когда начнут фашисты. Планы их раскрыты.

Наутро Васильев, Головай, Гордин и я верхом на лошадях обследовали несколько отрядов 1, 2, 4 и 5-й бригад, занимавших оборону на наиболее вероятных направлениях действий противника. Партизаны и в самом деле окопались на границах края, как полевые войска. Но еще более важной была готовность командиров вести маневренные бои. На всех дорогах были устроены завалы, подходы к ним заминированы, вблизи них находились партизанские засады.

Поражала огромная работа, проведенная Васильевым и Орловым вместе с командирами других бригад и председателями оргтроек для отражения наступления противника. К нему были готовы как партизаны, так и население края. Специальные команды в деревнях тушили «зажигалки». Были выделены люди и подводы для подброски боеприпасов к партизанским позициям. В готовности к отражению атак карателей находились группы самообороны.

В штаб бригады мы вернулись 10 мая. К этому времени стало известно, что карательная экспедиция должна выступить с часу на час. И действительно, 11 мая наступление противника началось. Наиболее интенсивные действия при поддержке танков и авиации враг развернул на западных границах края со стороны Дедовичей. Главный удар пришелся по деревне Большое Заполье — важному опорному пункту партизан. Ожесточенные бои, доходившие до рукопашных схваток, продолжались здесь несколько дней. Карателям удалось поначалу потеснить партизан, но затем положение было восстановлено.

Все эти дни мы поддерживали постоянную радиосвязь со штабом фронта. На помощь партизанам была брошена бомбардировочная эскадрилья 3-го отдельного авиационного полка. Васильеву удалось даже переправить летчикам схему объектов, которые надлежало в первую очередь подвергнуть бомбардировке. «Прошу вас бомбить объекты, которые указаны на прилагаемой схеме,— писал комбриг.— Надо сбить с немца спесь».

Летчики хорошо помогли партизанам. Несмотря на плохую погоду, самолеты отыскивали цели. Всего было сделано 85 боевых вылетов. По нашим данным, в результате было убито около 300 вражеских солдат и офицеров, уничтожено семь танков и бронемашин и одна зенитная установка. Одновременно самолеты доставили в край дополнительно около 20 тонн боеприпасов и вывезли десятки тяжело раненых бойцов.

Бои с карателями изобиловали примерами отваги и мужества, смекалки и военной партизанской хитрости. Они свидетельствовали о возросшем боевом мастерстве партизан, их командиров. Как оборонительные, так и наступательные операции тщательно продумывались, даже «проигрывались» заранее на местности. В полную меру использовался фактор внезапности, хорошо организовывалось взаимодействие между бригадами и отрядами. Важное значение имела оснащенность партизан автоматическим оружием, пулеметами, противотанковыми ружьями и противотанковыми гранатами, боеприпасами. В итоге при относительно небольших потерях партизаны наносили врагу значительный урон в живой силе и технике.

Всего в мае было проведено около 100 боев. Успех фашистов оказался мизерным. Им удалось потеснить партизан лишь от дороги, идущей из Чихачево на Старую Руссу. Однако пользоваться ею они так и не смогли. Налеты на шоссе продолжались почти с прежней интенсивностью. К концу мая бои поутихли.

Все это время руководство Партизанским краем получало ценную разведывательную информацию о возможностях и намерениях противника, а также важные сведения об оккупационной политике гитлеровцев на захваченной ими ленинградской земле.

Со многими разведчиками, доставлявшими эти сведения, мне приходилось встречаться, многих из них я запомнил навсегда. Особо хочется рассказать о работнике газеты «Коммуна» из города Порхова, разведчике по тылам врага Александре Иосифовиче Шабанове. Это был крепкий, исключительной физической силы мужчина, прямо-таки былинный богатырь, с серьезным, даже несколько суровым взглядом из-под низко посаженных бровей. Большая рыжая борода и сливавшиеся с нею такие же рыжие усы завершали его по-настоящему крестьянский облик. Александр Иосифович выполнял особенно ответственные разведывательные задания, проникая туда, где с иной внешностью он быстрее вызвал бы подозрение

у оккупантов. «Простой» крестьянин меньше бросался в глаза. Не раз высокое самообладание, исключительная воля, незаурядный ум в сочетании с внешними данными позволяли А. И. Шабанову выходить из самых, казалось бы, трудных ситуаций. Александр Иосифович обладал великолепной памятью, что позволяло ему держать в голове уйму важных сведений, о которых он потом мог подробно рассказать.

Многие из тех сведений, которые доставил в Партизанский край А. И. Шабанов, легли в основу обширных донесений, направленных в Ленинградский обком партии и Военному совету фронта. В то время материалы политической разведки имели исключительно важное значение, так как позволяли оценивать те изменения, которые происходили в оккупационной политике гитлеровцев, и делать из этого необходимые выводы. Внимательный анализ этих материалов позволял прогнозировать дальнейшие намерения фашистского командования, повышать эффективность нашей пропаганды среди населения оккупированных районов, использовать все это для укрепления подполья и дальнейшего развития партизанской борьбы.

Вспоминая сегодня рассказы А. И. Шабанова, замечательного советского патриота, настоящего коммуниста, хочу еще раз отдать должное его личной отваге и мужеству. Вместе с тем следует сказать, что, несмотря на исключительные личные данные, Шабанов не был разведчиком-уникумом, разведчиком-одиночкой. Везде, где бы он ни появлялся в тылу врага, он находил себе замечательных помощников — коммунистов и беспартийных, людей пожилых и совсем юных, советских патриотов самых разных профессий, которые снабжали его ценными политическими и военными сведениями. В любом городе он чувствовал себя, как дома. Его знали во многих селах. Опираясь на эту огромную и все разрастающуюся патристическую сеть, А. И. Шабанов делал порученное ему дело основательно и оперативно.

Несмотря на карательные экспедиции врага, Партизанский край продолжал жить по-советски. Повсюду — и там, где шли бои и где их не было — разворачивался весенний сев. На полях работали все кто мог. Партизаны выделили колхозникам часть лошадей. Многие и сами с большой радостью встали бы за плуг, да обстановка не позволяла. Работать на полях в основном приходилось по ночам, чтобы избежать обстрела вражеской авиации. Но случалось, что и во время налетов и обстрелов колхозники не уходили с полей. «Колхозники героически работают на полях, все больше и больше помогают партизанам», — сообщала «Коммуна» в статье «Сеяли под пулями».

В памяти народной навсегда останутся сеяльщики, идущие по полям с лукошками в руках и винтовками за плечами. В Военный совет фронта и Ленинградский обком партии из края передавались

в эти дни две сводки: одна — о ходе весеннего сева, другая — о ходе борьбы с карателями.

А гитлеровцы между тем готовили новое наступление на Партизанский край. Однако заставить партизан врасплох и на этот раз не удалось. Нам точно стал известен день и даже час вражеского вторжения. В ночь накануне основным силам партизан был отдан приказ сняться с занимаемых рубежей и скрытно сосредоточиться на флангах изготовившейся к наступлению группировки врага. Была создана маневренная противотанковая группа, состоявшая из бойцов с захваченными немецкими орудиями и противотанковыми ружьями. Наличие у партизан противотанковых средств дало возможность успешно бороться с танками врага.

После длительной артиллерийской подготовки, не встречая сопротивления, гитлеровцы стали продвигаться в глубь края. Это были главным образом снятые с фронта подразделения 163-й пехотной дивизии. Фашисты рассчитывали одним ударом покончить с партизанами. По проселочным дорогам ползли тяжелые и легкие танки, бронемашины, колонны пехоты. Казалось, ничто не могло остановить этой армады. Но полное безмолвие лесов и болот было кажущимся. Когда растянувшаяся вражеская колонна углубилась в лес, поступил приказ нанести по ней фланговый удар. Он оказался настолько внезапным и сильным, что ошеломленный противник не смог ничего предпринять. Бросая оружие и раненых, каратели стали поспешно отходить. Однако не тут-то было. Фашистов всюду встречали партизанские засады. Командованию противника пришлось ввести в бой все свои резервы. Но спасти ударную группировку от разгрома не удалось. Изрядно поредев, она отступила к границам Партизанского края.

Партизаны и в дальнейшем успешно применяли обходы и охваты, заманивали врага в огневые ловушки. Сочетание ударов крупных сил с действиями мелких подвижных групп, хорошее знание местности, умелое маневрирование, дерзость и внезапность нападений приносили партизанам неизменный успех. Ни артиллерийские обстрелы, ни авиационные бомбежки, ни многократное превосходство гитлеровцев в живой силе и технике не поколебали их стойкости.

До середины июня продолжались напряженные бои, вошедшие в историю края как отпор третьей карательной экспедиции. Эти бои завершились полной победой партизан. Потеряв почти половину привлеченных к борьбе с партизанами войск, гитлеровцы были вынуждены перейти к обороне. 10 июня 1942 года они повсеместно отступили на свои исходные рубежи, которые занимали до 11 мая — начала карательных действий.

Успех в борьбе с карательными экспедициями объяснялся и огромной поддержкой, которую оказывало население края своим во-

оруженным защитникам. Даже многие старики и женщины взялись за оружие, помогали партизанам во всем. Это дало основание С. А. Орлову доложить в Ленинградский обком партии: «Народ еще больше закалился в эти дни и всеми силами возненавидел гитлеровских разбойников. Судьба трудящихся и партизан стала общей судьбой. Борьба партизан с врагом стала общей борьбой всего Партизанского края».

В ходе майских и июньских боев было уничтожено свыше 2500 фашистских солдат и офицеров, не считая раненых и взятых в плен, подбито 20 вражеских танков, 2 бронемашин, 8 автомашин с боеприпасами и горючим, разрушено 47 дзотов. Партизаны захватили четыре танка, много пулеметов и минометов, сотни артиллерийских снарядов, десятки тысяч патронов, большое количество винтовок и автоматов. Кроме того, во время борьбы с карательными экспедициями группы подрывников пустили под откос бронепоезд и пять воинских эшелонов с живой силой и боевой техникой, шедших к фронту, а также нарушили телеграфно-телефонную связь между штабом группы армий «Север» и 16-й немецкой армией в районах Пскова, Порхова, Дно, Старой Руссы, Чихачево, Бежаниц.

Таким образом, вторая и третья карательные экспедиции оккупантов против Партизанского края не только не достигли цели, но завершились, по существу, поражением участвовавших в них сил. По этому поводу партизанами была сложена даже песня. Начиналась она словами:

Отогнали вражьи тучи
За крутые берега.
Партизанский край могучий
Отстояли от врага.

В край пришла радиограмма: «Военный совет приветствует славных народных мстителей и удовлетворен итогами боев против карательной экспедиции...»

Об успешной борьбе партизан с карателями сообщали Совинформбюро, газеты «Правда» и «Красная звезда». По просьбе корреспондента «Красной звезды» на нашем фронте я после возвращения в Валдай написал статью, которая появилась в газете под названием «Крах немецкого наступления на Партизанский край».

Приведу некоторые данные из этой статьи. Карательная экспедиция имела весьма сильное вооружение. В среднем на каждую тысячу солдат приходилось до 120 автоматов, до 25 ручных и станковых пулеметов, примерно 30 минометов и 5—6 орудий. Впервые враг применил здесь танки, причем в достаточно больших количествах — до 35 боевых машин.

Сам факт, что немцы были вынуждены использовать танки и авиацию против партизан, явился, пожалуй, наиболее убедитель-

ным доказательством мощного роста партизанского движения, приобретшего черты, свойственные большим повстанческим армиям с разветвленной сетью штабов, тылов и баз. Неудивительно, что немцы, весьма озабоченные наличием у них в тылу стольких организованно действующих враждебных сил, так технически оснастили свою экспедицию. Враг и тут делал ставку на мощь огня.

Ни на одном направлении наступление на Партизанский край успеха не имело. Всюду противник нес большие потери, ничего не добившись. Своими активными действиями партизаны сорвали замыслы врага, сохранили за собой инициативу, заставив гитлеровцев обороняться. Имелись сведения и о том, что немцы приводили свою потрепанную карательную экспедицию в порядок, пополняли ее людьми и техникой. Но и партизаны не дремали. Они готовились к новым упорным боям.

Поздно вечером 13 июня в одной из лесных деревушек состоялось совещание командиров, комиссаров и начальников штабов всех бригад по итогам борьбы с карательными экспедициями врага и дальнейшим задачам партизанских сил. На совещании выступили командир 1-й партизанской бригады Никита Петрович Буйнов и комиссар бригады Александр Константинович Кириллов, командир 4-й партизанской бригады Семен Михайлович Глебов, командир 5-й бригады Юрий Павлович Шурыгин и комиссар бригады Матвей Иванович Тимохин, командир 2-й бригады Николай Григорьевич Васильев, комиссар бригады Сергей Алексеевич Орлов, начальник политотдела Александр Федорович Майоров.

И хотя совещание затянулось далеко за полночь, присутствовавшие активно, по-деловому участвовали в обсуждении поднятых вопросов. Отмечались положительные и отрицательные стороны в боевых действиях бригад и отрядов, в политико-массовой работе среди партизан и населения в период борьбы с карателями. Немало говорилось о необходимости дальнейшего улучшения разведки как в интересах партизанских сил, так и в интересах войск фронта.

В ходе совещания обсудили разработанную на основе опыта борьбы с карательными экспедициями памятку, основным содержанием которой стали рекомендации о способах борьбы с противником в конкретной обстановке Партизанского края. Помимо того, в памятке рекомендовалось создавать группы охотников-снайперов из трех — пяти человек, которые уходили бы на несколько дней с запасом продовольствия в глубокий тыл врага и там из засад уничтожали мотоциклистов, всадников, одиночные машины, конные подводы. Эти группы при необходимости могли захватить «языка», документы и т. д.

Были рассмотрены на совещании и многие другие вопросы, связанные с дальнейшим развитием партизанской борьбы в тылу группы армий «Север». На июнь и июль 1942 года намечался выход не-

которых бригад и отрядов за пределы Партизанского края в новые районы базирования и действий. Перед остававшимися партизанскими силами ставилась задача быть готовыми к отражению карательных экспедиций, которых следовало ожидать. Решили всеми мерами сохранить Партизанский край, который давал возможность дезорганизовать тыл врага на пересечении его важнейших коммуникаций, проводить боевую стажировку вновь созданных партизанских сил, полностью использовать выращиваемый урожай для нужд партизан и населения, осуществлять различные партизанские акции на большой территории, опираясь на мощь и силу края. В случае крупного наступления войск фронта партизаны, базировавшиеся тут, могли оказать нашим частям и соединениям существенную помощь.

Глубокой ночью все разъехались по своим местам. А на следующую ночь в Партизанский край прилетел А. А. Тужиков и сообщил, что в Валдай прибыл секретарь Ленинградского обкома партии, начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин. Алексей Алексеевич остался в крае, чтобы принять участие в первой партийной конференции 2-й бригады, намеченной на 18 июня, а также проверить готовность 1-й и 4-й бригад к выходу в новые районы, а латышских отрядов — в Латвию. Я с Гординым в ночь на 16 июня вылетел на Большую землю.

Встреча с Михаилом Никитичем Никитиным оказалась очень полезной. Сын питерского рабочего, с пятнадцатилетнего возраста слесарь-путиловец, окончивший в 1935 году Институт красной профессуры, М. Н. Никитин уже несколько лет работал в аппарате Ленинградского обкома ВКП(б). Это был человек с широким политическим кругозором, неумной энергией, талантом организатора. Хорошо зная партийный актив, места, где развернулась партизанская борьба, Михаил Никитич оказался именно той фигурой, которая могла успешно осуществлять руководство этой борьбой. Он близко к сердцу принимал успехи и неудачи ленинградских партизан, стремился к согласованным действиям всех партизанских сил, которые находились на территории Ленинградской области. Сейчас он хотел познакомиться с опытом оперативного руководства партизанскими действиями в полосе Северо-Западного фронта, побывать в прифронтовых райкомах партии, решить ряд вопросов по координации действий ленинградских партизан.

Вместе с М. Н. Никитиным мы побывали на аэродроме в Выпolzово, где он познакомился с летчиками, действовавшими в интересах партизан, а также в Боровичах, где начальник Ленинградского штаба партизанского движения встретился с представителями райкома партии, командованием и партизанами 6-й бригады, составлявшими одно из наших резервных формирований. Везде М. Н. Никитин был желанным гостем. Он беседовал с людьми об-

стоятельно, даже, я бы сказал, дотошно, глубоко вникая в суть дела, высказывал важные, компетентные советы. В общем, он остался доволен и людьми, и своей поездкой на Северо-Западный фронт.

Перед возвращением в Ленинград Михаил Никитич поделился соображениями, рожденными в Ленинградском обкоме партии, по поводу создания в тылу врага крупных центров по руководству подпольем, которые могли бы взять на себя заботу по координации деятельности подполья сразу в нескольких районах области.

— Надо еще активнее мобилизовывать население на срыв политических и экономических мероприятий фашистских захватчиков, — говорил Никитин. — Организовать диверсионные группы в городах и крупных населенных пунктах, развернуть в них по-настоящему партизанские действия, более масштабно и целенаправленно проводить политическую работу с населением. Эти центры могли бы поддерживать тесные связи с Ленинградским обкомом партии, Ленинградским штабом партизанского движения, партизанскими силами, организовывать в их интересах разведку, подготовку резервов и т. д. В конце концов, когда придет время, вместе с партизанским командованием они могли бы поднять в тылу врага восстание.

Это была ценная инициатива. Межрайонные партийные центры на оккупированной врагом Ленинградской области были созданы в конце 1942 года. В полосе нашего фронта стали действовать Псковский, Островский, Порховский, Дедовичский, Дновский и Новгородский центры. Это значительно улучшило руководство борьбой советских людей в тылу врага.

18 июня 1942 года состоялась первая партийная конференция Партизанского края. Ранним утром на заливой летним солнцем небольшой лесной поляне на берегу реки Шелонь собралось 56 делегатов. «На этот раз не двери клуба распахнулись перед нами, — писал в газете «Народный мститель» ее редактор и участник конференции И. В. Виноградов, — не нарядный зал встретил делегатов, а лес... Делегаты проходили, не предъявляя мандатов и документов, с полевыми сумками, винтовками, автоматами. А все остальное так же, как и раньше. Сбор, регистрация, президиум... Даже цветы за столом президиума...»

Не все делегаты смогли прибыть на конференцию. То там, то здесь вновь начались стычки с врагом, и некоторые делегаты дрались с гитлеровцами. В нескольких километрах от места, где проходила конференция, тоже шел бой.

Доклад о работе партийных организаций Партизанского края сделал С. А. Орлов. В докладе подводились итоги боевой и партийно-политической работы партизанских полков, отрядов и бригады в целом, отмечалось, что партизаны приобрели большой боевой опыт, выработали свою тактику. Если вначале в отрядах не было

другого оружия, кроме винтовок, пулеметов и гранат, то теперь имеются автоматы, минометы, пушки, партизан поддерживает авиация. Бригада обзавелась большим хозяйством — своим транспортом, продовольственными базами. Главной же силой ее являются люди, обогащенные опытом партизанской борьбы, славные бойцы, командиры и политработники.

Цементирующей силой бригад и отрядов остаются коммунисты и комсомольцы. Осенью 1941 года во 2-й партизанской бригаде было 10 партийных организаций, в которых насчитывалось около 300 коммунистов. Теперь количество партийных организаций увеличилось в три раза, а число коммунистов возросло более чем вдвое: за 10 месяцев вступило в партию 480 человек. Партийные организации созданы не только во всех полках и отрядах, но и во многих ротах.

Выросли и комсомольские организации. Число комсомольцев также более чем удвоилось, и теперь их в бригаде 460 человек.

Кроме того, на территории Партизанского края работают еще 15 партийных и 23 комсомольских организации.

— За 10 месяцев партийные организации партизанских сил и края накопили большой опыт, — говорил Орлов. — Необходимо обобщить все лучшее из этого опыта и широко распространить, сделав достоянием всех партийных организаций.

На конференции выступили многие командиры, комиссары, секретари партийных организаций партизанских полков и отрядов.

От имени всех коммунистов делегаты направили приветственное письмо Центральному Комитету ВКП(б) и Ленинградскому обкому партии: «Мы, коммунисты Партизанского края, находящегося на территории оккупированных районов Ленинградской области, собравшись на первой конференции, шлем вам свой горячий, идущий от всего сердца большевистский привет! — говорилось в письме. — ...Прошло 10 месяцев, как наши районы оказались в тылу германской армии. Эти месяцы нас многому научили, вселили уверенность в наши силы. Наши небольшие разрозненные партизанские отряды, созданные 10 месяцев назад, переросли в партизанские полки и бригады, хорошо оснащенные, вооруженные автоматами, пулеметами, минометами, противотанковыми ружьями и артиллерией.

10 месяцев назад мы базировались главным образом в лесу, изредка на время выгоняли немцев из той или другой деревни. Сейчас мы полностью освободили от оккупантов большую территорию с многими десятками населенных пунктов. Благодаря тому, что наш советский строй, наши советские порядки и обычаи пустили свои глубокие корни в народных массах, у нас в Партизанском крае полностью восстановлены советские органы. Трудящиеся своим героическим трудом в колхозах, артелях и мастерских куют победу над

ненавистным врагом и создали прочную базу для оснащения и продовольственного снабжения партизанских частей...

Мы не преувеличиваем своих успехов и не преуменьшаем силу озлобленного врага, но знаем, что в жарких схватках с фашистами мы закалились, наши люди стали неустрашимыми, наши отряды стали смертельной грозой для ненавистных фашистских мерзавцев.

Не сломить волю большевиков ни танковой броней, ни каленым железом. Сердце большевика крепче стали...

Да здравствует наша победа!

Да здравствует великий и непобедимый советский народ!»

3 июля 1942 года это письмо было напечатано в «Ленинградской правде».

Пока я находился в Партизанском крае, Н. Ф. Ватутин убыл на другой фронт. На его место был назначен генерал-лейтенант И. Т. Шлемин. Я доложил новому начальнику штаба об итогах своего пребывания за линией фронта, разгроме карательных экспедиций, а также изложил план дальнейшего использования партизанских сил. Шлемин предложил согласовать этот вопрос с командующим войсками фронта П. А. Курочкиным.

Павел Алексеевич Курочкин попросил передать партизанам от имени Военного совета фронта поздравление в связи с разгромом карателей. Затем, обращаясь к Шлемину, заметил:

— Думаю, что партизанам могут позавидовать некоторые наши войсковые командиры. Потрепать пехотную дивизию, заставить ее убраться восвояси — это свидетельство возросшей зрелости и мощи партизанских сил. Вот что значит сочетание огня и маневра, хорошее использование местности и внезапности! Дерзко, умело дерутся наши партизаны. Надо сообщить об этом в войска, рассказать бойцам и командирам о героизме и стойкости партизан. Глубоко вникайте в их дела и нужды, товарищ Шлемин, всемерно помогайте им, как это делал Ватутин. Недалеко то время, когда в планах операций мы будем учитывать партизан как наш «стратегический фактор», ставить перед ними еще более сложные задачи.

Вскоре Военный совет принял решение о переименовании партизанского отдела в оперативную группу партизанского движения при Военном совете Северо-Западного фронта по аналогии с оперативными группами Ленинградского штаба партизанского движения, которые действовали на Ленинградском и Волховском фронтах. Укрепились наши связи и с Ленинградским штабом партизанского движения. После приезда М. Н. Никитина стали еще более активно работать находившиеся на нашем фронте уполномоченные этого штаба, координировавшего действия партизанских сил в масштабах всей Ленинградской области.

Несмотря на крупный провал карательных экспедиций, противник не оставлял в покое партизан. Впрочем, не давали покоя врагу и партизаны. В июне — июле 1942 года происходили по-

стоянные стычки на рубежах края. Множество партизан-подружников действовали на коммуникациях гитлеровцев. Мелкие партизанские группы ежедневно перебирались через вражеское окружение, пускали под откос эшелоны, уничтожали автомашины, минировали дороги, рвали связь. Особенно результативным был июль, когда партизаны пустили под откос 21 эшелон противника. Это был новый поворот в тактике партизанских действий — сосредоточение усилий против железнодорожного транспорта врага. Ощутимые удары наносили партизаны в это время и по автомобильным дорогам.

Летом 1942 года мы постоянно получали массу ценных разведывательных сведений из-за линии фронта, которые передавались штабу и Военному совету, а также Центральному штабу партизанского движения, созданному в мае 1942 года. Особенно важные сведения поступали из городов и других населенных пунктов. С помощью подпольщиков и партизанских разведчиков мы знали о дислокации многих частей, подразделений и штабов врага, его складов, аэродромов и даже отдельных батарей, ремонтных мастерских, почт, госпиталей, офицерских общежитий. Все это в той или иной мере помогало войскам фронта, было важной составной частью обширной разведывательной информации, стекавшейся по разным каналам в штаб СЗФ.

В июле 1942 года в Партизанский край вернулись 1-я и 4-я бригады, которым не удалось развернуть боевые действия в новом районе базирования. Была переброшена в край и вновь созданная 3-я бригада под командованием А. В. Германа. Бывшая 3-я бригада была расформирована, так как к лету 1942 года она оказалась на территории, полностью освобожденной советскими войсками.

Назначение Александра Викторовича Германа командиром крупной партизанской бригады было не случайным. До этого А. В. Герман долгое время находился в тылу врага в составе 2-й Особой бригады, подчинявшейся непосредственно разведотделу фронта, выполняя обязанности заместителя командира бригады по разведке. Человек сильный, с цельным характером, он пользовался среди партизан непререкаемым авторитетом. Это был человек беспредельной отваги, мужества и неиссякаемого оптимизма. В самых тяжелых ситуациях, в которые подчас попадали партизаны 2-й Особой бригады, никто не видел А. В. Германа унылым или растерянным. Эта бригада совершила первый в истории Великой Отечественной войны глубокий многомесячный рейд по тылам врага до Белоруссии и Латвии, начав его в сентябре 1941 года и закончив в апреле 1942 года. Герман всегда был бодр, опрятен, в чистом, ладно пригнанном обмундировании. Даже в самых трудных условиях из-под ворота его гимнастерки виднелся белоснежный подворотничок. Собранный, подтянутый, деятельный командир

пользовался глубоким уважением подчиненных, они тянулись к нему, чувствуя силу духа этого человека.

Незадолго до ухода в тыл врага во главе 3-й бригады Александр Викторович отправил жене письмо, в котором, в частности, писал: «Сейчас наша страна переживает тяжелые дни своей истории. Каждый гражданин Советской России обязан отдать все, что он может, вплоть до своей жизни, если она потребуется, для того, чтобы восторжествовала правда на земле русской. Мы выдерживаем смертельную схватку не с человеком, каким мы представляли фашиста в начале войны, а с бешеной собакой — лютым зверем в человекообразном виде. Ты, находясь в тылу, можешь иметь представление только из газет, радиопередач обо всем том, что этот лютый зверь делает на фронте и особенно во временно оккупированных им областях нашей Родины. Я видел все это своими глазами, когда на протяжении почти года был в тылу немцев. Я прошел много районов — Молвотицы, Пено, Сережино, Андреаполь, Холм, Торопец, Великие Луки, Локня, Новосокольники, Пустошка, Опочка, Идрица, Себеж, был у самой границы Латвии. Я видел немца в звериной шкуре в роли молодца, когда он издевается над мирным населением — детьми и стариками, видел, как изверг убивает ребенка на глазах обезумевшей матери... В селе Санники Новосокольнического района немцы сожгли и истерзали 480 человек населения. Видел фашиста в роли овечки, когда он попадает в руки партизан, когда он бежит, как заяц, от частей Красной Армии...

Жизнь я люблю безумно, она хороша и своими горестями, и своей радостью, но если придется умереть, то знай, что умру честно, самоотверженно, я не посрамлю земли русской, не посрамлю своей семьи. Сыну будет что вспоминать об отце его. И если когда-либо еще повторится столь грозный час, то будет с кого взять пример. Ну, а если буду жив после того, как наши части займут фашистское логово — Берлин, после того, когда будет физически уничтожен Гитлер и его хозяева, тогда заживем по-новому, и сам я буду учить народ наш люто ненавидеть врагов наших, в каком бы облачении они ни были...»

А. В. Герман сыграл заметную роль в партизанской борьбе в юго-восточных и других районах Ленинградской области. Он одним из первых применил рейдирующую тактику партизанских сил, смелый и искусный маневр в боевых действиях. Эта тактика была рождена новыми условиями борьбы, ростом боевой мощи и военного искусства партизан. Хорошо подготовленный командир, закончивший до войны Военную академию имени М. В. Фрунзе, Александр Викторович был вместе с тем чутким и отзывчивым человеком. Горячо любили Германа партизаны за личную отвагу, умение командовать, принципиальность, близость к людям, душевность.

Те, кто знал его близко, отмечали, что Александр Викторович почти никогда не повышал голоса, не терпел нервозности, суеты, всегда старался глубоко разобраться в том или ином деле, не выходил из себя по мелочам, был доброжелателен к людям. В одном из очерков об А. В. Германе, написанном после войны его соратником — командиром штабного отряда 3-й бригады Н. А. Бурьяновым, рассказывается, как однажды в деревне Дубицы, где размещался штаб бригады, шло совещание командного состава. И вот в хату во время совещания ворвался запыхавшийся, крайне взволнованный партизан Дмитрий Маслов.

— Товарищ командир, — крикнул он, — фашисты!

— Успокойтесь и доложите вразумительно: где фашисты, сколько их и что делает боевое охранение, — невозмутимо отозвался Герман.

Выяснилось, что Маслов заметил вдали от деревни группу гитлеровцев и решил сообщить об этом в штаб.

Герман приказал одному из командиров разобраться в обстановке, а сам продолжал совещание. Он не только не пожурил партизана за сбивчивый, суматошный доклад, но даже похвалил его за бдительность, посоветовав только в следующий раз в подобных ситуациях относиться к появлению врага более спокойно, хладнокровно.

Доброжелательный и внимательный к людям, Герман вместе с тем не терпел расхлябанности, неорганизованности.

— Чтобы победить сильного, хорошо организованного противника, мы должны противопоставить ему свою, еще более высокую дисциплинированность и организованность, — говаривал Александр Викторович и был непреклонен во всем, что касалось дисциплины.

Особую заботу Александр Викторович проявлял о разведке. Сам прирожденный разведчик, он учил и своих подчиненных тщательно собирать разведывательную информацию, используя для этого все возможности. Н. А. Бурьянов так вспоминает об этом качестве А. В. Германа: «Знали и уважали партизанского командира люди русских селений, оказавшиеся под пятой врага. С ними Герман при первой возможности охотно встречался, беседовал по душам, укрепляя веру в грядущую победу. Поговорит, бывало, с жителями деревни — и хоть не ходи в разведку: крестьяне выскажут много интересных сведений, а если попросит их Герман в чем-то помочь, тоже не откажут. Как-то понадобилось разведать обстановку в Порхове. Эту миссию Герман решил поручить одному старику из деревни Хозаново. Комбриг потолковал с ним, и крестьянин согласился. За 50 километров пешком отправился он в Порхов, разведал то, что следовало, вернулся и обо всем обстоятельно доложил. Полученные таким путем сведения пригодились при подготовке важной операции».

Начав боевые действия в конце июля 1942 года, 3-я партизанская бригада стала вскоре одним из самых сильных и боевых соединений, нападавших на гитлеровцев в самых неожиданных местах. До сентября 1943 года водил Александр Викторович в боевых походах по тылам врага свою бригаду. Но в сентябре вражеская пуля оборвала жизнь отважного и искусного командира. Посмертно А. В. Герману было присвоено звание Героя Советского Союза.

С хорошим настроением встречали партизаны и население Партизанского края годовщину со дня его образования. Этой датой считалось 1 августа, когда 2-я бригада, перейдя линию фронта, начала боевые действия в тылу врага. Свой юбилей партизаны бригады отметили по-боевому. В ночь на 31 июля они совершили одновременный налет на занятые гитлеровцами деревни Изобную, Яблонец, Роговую и Дровяную. Противник был полностью разгромлен в деревне Изобной и сильно потрепан в других населенных пунктах. В Изобной партизаны уничтожили 145 фашистов, подавили 40 огневых точек.

1 августа 1942 года на берегу реки Полисть состоялось торжественное собрание, посвященное годовщине Партизанского края. Это был общий праздник партизан, населения, партийных и советских органов, так много сделавших для восстановления и упрочения Советской власти в тылу врага. Выступали ораторы, партизанские поэты читали стихи. Прилетевший на торжество А. А. Тужиков вручил отличившимся в боях партизанам ордена и медали. К этому времени правительственными наградами было уже награждено 445 бойцов и командиров. В Ленинград на имя А. А. Жданова ушло письмо, в котором говорилось:

«Вот уже год борется наша бригада на территории трех районов Ленинградской области, временно оккупированных врагом. Мы провели в боях дождливую осень, суровую зиму с ее глубокими снегами и весеннюю распутицу. Мы научились воевать в любых условиях, переносили и переносим все лишения. Партизаны закалялись в боях, стали опытными воинами народной армии. Более 100 бойцов выросли в командиров и политработников. За свой боевой год бригада истребила 9470 солдат и офицеров германской грабьармии, пустила под откос 28 воинских эшелонов, уничтожила 26 танков, 25 дзотов, 26 самолетов, 130 автомашин с пехотой и грузами и т. д. В весенне-летних боях разгромлена партизанами 163-я немецкая пехотная дивизия. Партизаны бригады вместе с трудящимися края гордо несут в тылу врага красное знамя... Впереди еще много борьбы, лишений и жертв. На отдельных участках враг рвется вперед, шагая через реки своей крови и горы своих

группов. Усилением партизанской борьбы мы поможем Красной Армии остановить, разгромить и прогнать с советской земли захватчиков».

В начале августа 1942 года я получил из Ленинградского обкома партии радиogramму, в которой говорилось, что товарищ Жданов просит меня прибыть в Ленинград с информацией о партизанских делах.

С большим волнением улетал я в город Ленина для доклада члену Политбюро ЦК ВКП(б), первому секретарю Ленинградского обкома партии о состоянии партизанской борьбы в полосе Северо-Западного фронта. Вместе со мной летели также член Ленинградского обкома партии, комиссар 2-й бригады С. А. Орлов и командир одного из лучших партизанских полков, участник гражданской войны Н. А. Рачков, награжденный к этому времени орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

8 августа мы прибыли в Ленинград.

На следующий день вместе с начальником Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитиным мы поехали в Смольный. Во дворе стояли зенитки, закрытые маскировочными сетями, а сам двор был весь засажен капустой.

Жданов принял нас в своем кабинете. Впервые я оказался рядом с человеком, облеченным в партии столь большими полномочиями. Жданов был человеком простым, душевным, с чутким сердцем, исключительно тактичным, доброжелательным.

Он встретил нас обаятельной улыбкой на болезненном желтоватом лице. Чувствовалось, что Жданов видит в нас своих товарищей по партии, по общей борьбе, что он рад нас принять в Смольном как самых дорогих гостей.

Мы понимали, какая ответственность лежит на Жданове за оборону города Ленина. Это чувствовалось и по обстановке в его рабочем кабинете. В довольно просторной комнате стояло множество столов, уставленных макетами реактивных минометов, пушек, а также образцами пулеметов, автоматов, ПТР и другого оружия. Практически в кабинете Андрея Александровича было почти все из того, что производил для нужд фронта блокадный Ленинград.

Познакомившись с нами, Жданов заговорил первым:

— Как видите, товарищи партизаны, обстановка у нас тяжелая. Каждый день обстрелы. Враг бьет по городу почти прямой наводкой, бомбит Ленинград. У нас по-прежнему голодно. Сейчас основная масса горожан эвакуирована. Но, несмотря на многие трудности, ленинградцы борются. Работают заводы, фронт получает все необходимое. Помогает Большая земля. Враг просчитался, думая задушить нас блокадой, стереть с лица земли огнем. Из этого ничего не получилось и не получится.

Андрей Александрович оперся на спинку стула:

— Да и вы, партизаны, хорошо помогаете нам. Большое спасибо за ваши боевые дела. Огромное спасибо вам за продукты, которые доставлены нам из Партизанского края. У гитлеровцев есть временные успехи, но с первых дней войны стали видны и их стратегические просчеты. Они явно недооценили волю, дух, сплоченность советских людей.

В кабинете появились командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров и член Военного совета, секретарь Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов.

— Познакомьтесь,— сказал Жданов,— это партизаны с Северо-Западного фронта.

Теперь уже в присутствии Л. А. Говорова и А. А. Кузнецова Жданов стал подробно расспрашивать нас о партизанских и других делах. Особо Андрей Александрович интересовался бытом, питанием, вооружением партизан, а также лечением раненых. По вопросам, замечаниям Жданова чувствовалось, что он хорошо осведомлен о деятельности партизанских сил, находившихся в оперативном подчинении Военного совета нашего фронта, а также был в курсе военно-политической обстановки на оккупированной врагом советской территории. Эта территория, особенно образовавшиеся на ней освобожденные партизанами края и зоны, была тысячами зримых и незримых нитей связана с Большой землей, Ленинградом, обкомом партии.

Жданов взял со стола одну из лежавших перед ним бумаг и, взглянув на нее, сказал:

— Тут вот к вашему приезду мне сделали подборку из иностранной печати — германской и наших союзников. Тон, естественно, разный. Но там и там удивление: ни союзники, ни враги не ожидали, что наш народ, наша армия так самоотверженно будут отстаивать социалистические завоевания, проявят такую верность идеям Коммунистической партии. Особенно всех поражает наше партизанское движение. В жесточайших условиях кровавого оккупационного режима миллионы советских людей не только не смирились, а развернули могучее партизанское движение и, что особенно тревожит наших прямых и скрытых недругов, борются не только против захватчиков, но и за восстановление Советской власти. Убедительнее доказательства глубокой народности Советской власти трудно представить. Это не может не оказывать глубокого воздействия и на сознание трудящихся капиталистических стран — раз наш народ так стойко сражается за Советскую власть, значит, она этого стоит. Так что партизанское движение — это не только военный, но и политический фактор нашей неминуемой победы.

Жданов обратился к Орлову:

— А как вы, товарищ Орлов, оцениваете деятельность ваших партийных и комсомольских организаций в тылу врага? Как ра-

бывают партийные и комсомольские организации в Партизанском крае? В общем картина мне известна. Но хотелось бы услышать об этом из ваших уст.

— Костяк партийных организаций, как и везде,— отозвался Орлов,— составляют секретари и работники райкомов, председатели и члены райисполкомов, сельсоветов, колхозов, комсомольские работники. Это в основном коммунисты Дедовичского, Дновского, Белебелковского, Порховского, Старорусского и многих других районов. Все партийцы беспредельно преданы нашей борьбе, на любом участке они делом доказывают свою принадлежность партии коммунистов. Несмотря на потери, наши партийные организации постоянно пополняются, растут, крепнут, закаляются в боях, приобретают важный опыт работы в особых условиях. Мы сообщали вам об этом. Как и в мирные дни, коммунисты и комсомольцы сейчас — опора командиров и местных органов Советской власти. Они хорошо помогают и громить врага, и сеять хлеб.

Орлов так закончил свой короткий отчет:

— Коммунисты и комсомольцы, товарищ Жданов, хорошо знают, где их место в бою. Они первыми врываются в расположение вражеских гарнизонов, первыми идут на самые опасные диверсии, они сплывают и воодушевляют людей. Члены партии не щадят себя в борьбе. Как член обкома партии с глубоким удовлетворением докладываю вам об этом.

Выслушав Орлова, Жданов задумался.

— И все же,— мягко заметил он,— берегите людей. Мы взяли за оружие не на месяц, нам предстоит еще долгая борьба...

Обратив внимание на награды Рачкова, Андрей Александрович поинтересовался, за что они получены, как вообще отмечаются боевые успехи партизан. Выслушав ответы, Жданов сказал:

— Теперь я бы хотел знать, товарищи, о ваших нуждах.

Я ответил:

— Основная нужда, товарищ Жданов,— радиостанции, их у нас очень мало. Нужны также автоматы и пулеметы, особенно ручные. Мы понимаем, что это все необходимо не только нам, но раз уж вы спросили...

— Не стесняйтесь, товарищ Асмолов, вы рассуждаете правильно. С таким врагом, какой пришел на нашу землю, с берданкой воевать нельзя. Партизаны должны иметь оружие, которое ни в чем не уступало бы вооружению врага, а может быть, даже превосходило его. Сейчас еще нам трудно. Но поверьте, скоро наступит перелом.

В три часа дня, когда мы еще находились в Смольном, начался очередной артиллерийский обстрел города.

Жданов заключил беседу:

— Очень хотел бы, товарищи, чтобы вы побывали на передо-

вой, рассказали бойцам, что не только они воюют за Ленинград, но вместе с ними это делают в тылу врага партизаны и подпольщики, может быть, в еще более тяжелых условиях.

Потом Жданов обратился к Никитину:

— Надо представить наших гостей партийному активу города. Пусть расскажут, как советские люди сражаются с врагом в его тылу.

На встречу, которая произошла на следующий день, пришло около 300 партийных работников. Михаил Никитич Никитин представил нас собравшимся и дал слово мне. Я сказал:

— Вы, товарищи, наверное, часто встречаете в сводках Совинформбюро сообщения о боевых делах партизан, которыми командуют В. и О. Так вот перед вами один из них, товарищ О. Это комиссар 2-й партизанской бригады, член Ленинградского обкома ВКП(б), первый секретарь Порховского райкома партии Сергей Алексеевич Орлов. Товарищу Орлову доверено ответственное дело, и он делает его, как и подобает настоящему большевику. Успехи бригады, создание Партизанского края, кипучая работа органов Советской власти во вражеском тылу — это во многом заслуга и Сергея Алексеевича Орлова. Вы видите на груди его высшую награду Родины — орден Ленина. Он вручен ему за линией фронта в начале этого года за боевые и партийные дела. А командует бригадой товарищ В. — Николай Григорьевич Васильев, в прошлом начальник новгородского Дома Красной Армии. Он также награжден орденом Ленина вместе с товарищем Орловым.

Орлову долго аплодировали, а когда ему было предоставлено слово, слушали его с большим вниманием.

О многом рассказал собравшимся Сергей Алексеевич. И о том, как возникла бригада, как зарождался Партизанский край, и о том, как отставали его партизаны и население от карательных экспедиций врага, как под носом у немцев было собрано продовольствие для ленинградцев и переправлено через линию фронта. Он говорил о бешеной злобе оккупантов, творящих на советской земле неслыханные злодеяния, и об изумительной твердости советских людей, оказавшихся в оккупированных противником районах, о народном характере партизанского движения, руководстве им со стороны партийных органов.

— Мы находимся вдали от Ленинграда, вдали от обкома партии, но мы никогда не чувствуем себя одинокими или оторванными от больших дел Ленинградской партийной организации, — говорил Орлов. — Мы частица этой организации, работающая в особых, специфических условиях вражеского тыла. И вся наша борьба — часть той великой борьбы, которую ведут сейчас наша партия и народ против фашистских захватчиков. Мы заверяем вас, обком партии, заверяем ленинградцев, что будем бить гитлеровских про-

дов еще лучше, что поступит час и мы сможем доложить вам: большевики, которым поручено возглавить партизанскую борьбу в юго-восточных районах нашей области, где сражаются с врагом войска Северо-Западного фронта, честно выполнили свой партийный долг, свою святую обязанность перед народом в трудный для него час.

Около 10 дней находилась наша партизанская делегация в осажденном Ленинграде. Мы побывали в воинских частях, на передовой, на кораблях Балтфлота, выступали перед рабочими на заводах. А однажды Никитин свозил нас даже на балет в один из ленинградских театров.

— Балет в блокаде? — высказал общее удивление Орлов.

А когда мы возвращались из театра, заметил:

— Какое же еще нужно доказательство неодолимости духа ленинградцев?

Однако дальнейшее пребывание в Ленинграде нам пришлось прервать. Поступило сообщение, что гитлеровцы начали новую крупную карательную экспедицию против Партизанского края. Мы вылетели в Валдай. Оттуда Орлов с Рачковым улетели в свою бригаду.

Почти полтора месяца готовило гитлеровское командование новый мощный удар по партизанским силам, действовавшим в полосе Северо-Западного фронта. На этот раз вокруг Партизанского края скопилось еще больше фашистских войск. К карательным акциям привлекались 218-я пехотная дивизия, 4-й заградительный полк СС, 16-й карательный отряд, специальное бронетанковое подразделение 3-АА, различные части и подразделения, стянутые от Старой Руссы, Пскова, Дна, Великих Лук, Холма, а также части 8-й танковой дивизии, введенные в бой позднее. По сути, враг двинул против партизан почти весь 39-й армейский корпус. Не оставалось сомнений в замысле противника — навсегда покончить с партизанами в тылу 16-й армии.

Этому должна была способствовать и общая обстановка, сложившаяся на советско-германском фронте к августу 1942 года. Фашисты успешно развивали наступление на Сталинградском направлении и прочно удерживали позиции под Ленинградом и в других местах.

Алексей Алексеевич Тужиков сразу ввел меня в обстановку. Оказалось, что наступление фашистов началось с утра 8 августа, как раз в день нашего прибытия в Ленинград. Проведя интенсивную артиллерийскую и авиационную подготовку, гитлеровцы, во много раз превосходившие партизан в живой силе и боевой технике, хлынули в Партизанский край со всех сторон.

— Враг пытается разобщить бригады, полки и отряды и разбить их поодиночке, — заметил Алексей Алексеевич. — Однако пока это ему не удастся. Несмотря на то что противник ввел в бой тан-

ковые подразделения, он смог овладеть лишь несколькими населенными пунктами. Правда, гитлеровцы переправились через реку Полисть, но дальше партизаны их не пускают.

Однако через некоторое время обстановка осложнилась. Введенная в бой 8-я танковая дивизия гитлеровцев начала наступление на Партизанский край из района озера Цевло. Оборонявшиеся здесь партизанские отряды под напором превосходящих сил врага вынуждены были отойти. Возобновилось наступление и на других направлениях. Фашистам удалось захватить новый плацдарм на реке Полисть и переправить через нее танки. Партизаны отошли в центр края к Вязовке. Теперь здесь разгорелись наиболее ожесточенные бои. Вязовка и другие населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки.

По указанию Военного совета фронта партизанам доставили 500 тысяч патронов, но их хватило лишь на три дня. Переброска боеприпасов по воздуху продолжалась.

«...Враг продолжал наедать на Партизанский край,— вспоминает командир партизанского отряда Н. А. Бурьянов из бригады А. В. Германа.— Пылали деревни, по всей округе лютовали каратели. На позициях нашей и соседних бригад днем и ночью шли жаркие боевые схватки. За деревню Папоротное, от которой остался лишь один сарай, бои продолжались целые сутки. Гитлеровские солдаты, напившись шнапса, ошалело лезли вперед. Их поддерживало несколько танков. Деревня неоднократно переходила из рук в руки. Оборонявшиеся здесь отряды Пахомова и Тарасюка выдержали бешеный натиск. Каратели вынуждены были отойти».

Тяжелая обстановка сложилась и у деревни Починово, которую также защищал один из отрядов бригады Германа. За один день партизаны отразили здесь пять яростных атак врага. В эти дни исключительный героизм проявили многие партизаны, а многие из них пали смертью храбрых в неравных боях. Героически погиб и командир отряда Виталий Тарасюк.

Даже в условиях подавляющего превосходства противника командир 3-й бригады А. В. Герман применял смелую тактику маневрирования, нападал на врага с флангов и тыла. В одном из донесений он сообщал: «Иду на риск. Снимаю всех с обороны. Наступаю». 20 августа Герман радиogramмой донес в оперативную группу: «Бригада дерется с 9 августа ежедневно. В боях убито солдат и офицеров 570. Подбито танков — 5, из них 1 сожжен. Уничтожено 11 пулеметных точек. По документам убитых выявлено: дерется против нас 4-й заградительный полк и бронетанковая часть».

Как стало известно после войны, все это время в штаб группы армий «Север» и верховному гитлеровскому командованию в Берлин уходили сводки об «успешном подавлении партизан в районе

западнее Холма». На самом деле эти реляции были далеки от действительности. В течение всей второй половины августа продолжались исключительно напряженные бои. Противник отводил свои потрепанные части и подразделения и заменял их свежими, бросал против партизан все новые танковые подразделения и самолеты. За три недели августа четвертая карательная экспедиция противника потеряла только убитыми свыше 3 тысяч солдат и офицеров. Партизаны подбили 14 танков, уничтожили много другой вражеской техники, было взорвано несколько складов с боеприпасами. Пятнадцать раз за это время партизаны совершали дерзкие нападения на гарнизоны карателей. Даже тогда, когда в руки гитлеровцев попали партизанские аэродромы и прекратилась доставка с Большой земли оружия и боеприпасов, партизаны продолжали сопротивляться, нередко вступая с врагом в рукопашные схватки.

Разгар боев в Партизанском крае совпал с поступлением приказа народного комиссара обороны от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения». В нем подводились итоги партизанской борьбы за минувшее с начала войны время, говорилось о необходимости вовлечения в нее еще большего числа советских людей, оказавшихся за линией фронта. «Теперь, когда Красная Армия на фронтах, напрягая все свои силы, отстаивает свободу и независимость своего государства,— говорилось в приказе,— народное партизанское движение на нашей территории, временно захваченной немецкими оккупантами, становится одним из решающих условий победы над врагом.

Захватив территорию, немцы не смогли покорить советский народ».

В приказе определялись пути дальнейшего развертывания партизанского движения: «Необходимо прежде всего добиться, чтобы... партизанская борьба охватила широчайшие массы советского народа на оккупированной территории. Партизанское движение должно стать всенародным... Нужно наряду с организацией новых партизанских отрядов создавать среди населения проверенные партизанские резервы, из которых и черпать пополнения или формировать дополнительно новые отряды. Нужно повести дело так, чтобы не было ни одного города, села, населенного пункта на временно оккупированной территории, где бы не существовало в скрытом виде боевого резерва партизанского движения».

В приказе были изложены важнейшие задачи боевой деятельности партизанских сил: разрушение тыла противника, уничтожение его штабов и других военных учреждений, разрушение железных дорог и мостов, поджог и взрыв складов и казарм, уничтожение живой силы противника, захват в плен или уничтожение представителей немецких властей.

«В настоящий момент,— говорилось в приказе,— разрушение

путей подвоза врага имеет важнейшее значение. Враг сейчас вынужден перебрасывать резервы, боевую технику, горючее и боеприпасы на фронт из далекого тыла, а также перебрасывать из нашей страны в Германию награбленный хлеб, мясо и всякое другое имущество. Железные, шоссейные дороги, по которым враг питает свои войска, растянулись на тысячи километров. Во многих местах они пересекаются лесами. Это создает благоприятные условия для действий партизанских отрядов по разрушению путей подвоза. Закрывать пути подвоза — значит лишить врага возможности пополнять фронт живой силой, техникой, горючим, боеприпасами, а также вывозить в Германию награбленное в нашей стране народное добро и тем самым облегчить Советскому Союзу разгром врага».

Касаясь улучшения разведки, нарком обороны требовал, чтобы она велась непрерывно и максимально отвечала задачам, выдвигаемым советским командованием. Особо подчеркивалась необходимость развернуть борьбу в городах, расширить там разведывательную и диверсионную работу. В приказе намечались и новые меры по улучшению политической работы среди населения, оказавшегося на оккупированной врагом территории, разоблачению лживой немецкой пропаганды. Одной из важнейших задач было улучшение координации боевой деятельности партизан и Красной Армии, усиление их взаимодействия. В приказе содержались важные указания по тактике партизанской борьбы.

С получением приказа народного комиссара обороны от 5 сентября 1942 года командующий войсками фронта приказал разработать план мероприятий по его выполнению. В середине сентября Военный совет Северо-Западного фронта, членом которого к тому времени стал и я, утвердил план боевых действий партизанских сил на осенний период. Главные усилия партизан сосредоточивались на разрушении коммуникаций врага — железных, шоссейных и грунтовых дорог. Особое внимание обращалось на уничтожение железнодорожных эшелонов. Для борьбы на коммуникациях нацеливалось около половины активно действовавших партизанских сил, которые входили в наше оперативное подчинение.

В связи с приказом народного комиссара обороны, ранее принятыми решениями, согласованными с Ленинградским штабом партизанского движения, а также обстановкой, сложившейся в Партизанском крае, Военный совет признал целесообразным ускорить выход 1-й, 3-й и 4-й бригад в новые районы боевых действий, завершив это к 20 сентября 1942 года.

Военный совет предложил совместно с партийными органами приступить к организации в городах и других населенных пунктах широкой сети подпольных групп, основными задачами которых должны были стать партийно-политическая работа среди насе-

ния, разведка, диверсии на вражеских объектах, уничтожение гитлеровцев и их прислужников, выявление и переправка в партизанские отряды патриотов, стремившихся с оружием в руках сражаться с захватчиками. Такие подпольные группы намечалось создать в Дновском, Порховском, Карамышевском, Псковском, Островском, Дедовичском сельских районах, а также в городах Дно, Порхов, Псков, Остров, Старая Русса.

Выполняя постановление Военного совета фронта, согласованное с ЛШПД, мы начали переброску партизанских отрядов и бригад на запад, в намеченные районы новой дислокации. Ушла в Стругокрасненский район и обосновалась у озера Радиловское бригада С. М. Глебова. Развернули боевую работу в новом месте бригады Н. П. Буйнова и Ю. П. Шурыгина. В Стругокрасненский район вышли бригада А. В. Германа и несколько полков из бригады Н. Г. Васильева.

Но закрепиться партизанам тут не удалось. Район был наводнен гитлеровскими войсками. Лес, где обосновалась 3-я бригада, оказался блокированным. Тогда А. В. Герман совершил дерзкий рейд. Бригада перебазировалась в болотистые леса северо-западнее Порхова.

Труднее всего пришлось штабу 2-й партизанской бригады. Васильев и Орлов оставались в Партизанском крае до последней возможности.

Вот как описывает эти последние дни участник событий В. Федоров в документальном очерке «Командир «Лесной республики»»: «С 7 сентября партизаны находились в болотах, кочевали с места на место. Люди смертельно устали. Беспрестанные бои, переходы по болотам, бессонные ночи измотали их. Кончилось продовольствие. Несколько дней ели пареную рожь, но потом не стало и ее. Партизаны были одеты по-летнему, а в лесу уже становилось холоднее. По утрам над болотами и над кустами висели холодные, сырые туманы. Появились больные. Сам комбриг частенько подносил ко рту кулак и заходил в долгом, надсадном кашле. А 18 сентября радист доложил:

— Товарищ подполковник, нет больше радиопитания...

Васильев знал, что бойцы, как всегда, верят ему. Скажи он сейчас — бросятся на врага и умрут в неравной схватке... Но теперь это было бы напрасной жертвой. И Васильев принял решение:

— Будем выходить к своим. Выйдем, передохнем — и снова в немецкий тыл.

Бригада пошла к линии фронта. Опасной и изнурительной была эта дорога. Округа кишела гитлеровцами, и чем ближе к фронту, тем их было больше. Но Васильев умело провел свой отряд и в ночь на 22 сентября перешел линию фронта недалеко от местечка Княжий Клин...»

Так случилось, что мне не удалось увидаться в те дни ни с Васильевым, ни с Орловым. А жаль. Не знал, что с одним из них не придется свидеться никогда. Вскоре я получил новое назначение, и о судьбе комбрига Н. Г. Васильева узнал много времени спустя.

Рассказывают, кто-то из новых штабных работников, не знавших хорошо Васильева, спросил его:

— Это верно, что бригада, которой вы командовали, распалась, перестала существовать?

— Бригада действует. Ее отряды бьют врага под Псковом и Карамышевом. Часть партизан, которые вышли со мной, тоже готовы в поход.

— Значит, вы готовы вести бригаду обратно в тыл врага?

— Готов.

В короткий срок была вновь сформирована 2-я бригада. Ее возглавили, как и прежде, Николай Васильев и Сергей Орлов. В конце ноября 1942 года бригада пересекла линию фронта и направилась к прежнему месту действия — в Серболовский лес.

Снова полная лишений партизанская жизнь, снова почти непрерывные бои. Не успела бригада ступить на землю бывшего Партизанского края, как гитлеровцы встретили ее карательной экспедицией. Партизаны отразили атаки врага. Но, учитывая его многократное превосходство, Васильев решил вывести бригаду из Дедовичского района в Новоржевский.

«Болезнь начала быстро прогрессировать,— вспоминает в очерке о комбриге Н. Г. Васильеве бывший партизанский журналист И. В. Виноградов.— Какие только меры ни принимала фельдшер Нина Романовна Щербакова! Ничто не помогало. Состояние Васильева ухудшалось. Но он все еще командовал бригадой.

— Ты же совсем болен! — убеждал его Орлов.

— Чепуха! Все пройдет.

Комбриг продолжал отдавать распоряжения, хотя временами голос его снижался до шепота. Выход был один: немедленно вывести комбрига на самолете в советский тыл. Но, как назло, стояла вьюжная, нелетная погода. Не было у партизан и подходящей площадки, чтобы принять самолет: лед на озере оказался тонким, ровной полянки тоже не находилось. Николай Григорьевич терял последние силы. Во время переходов его несли на носилках».

11 декабря в Валдай была подана тревожная радиограмма: «Васильев тяжело болен. Немедленно шлите самолет озеро Сусельница. Вылет самолета радируйте. Орлов».

В тяжелом состоянии, с резкой одышкой вывезли комбрига на Большую землю и положили в госпиталь. 25 марта 1943 года Николай Григорьевич умер от скоротечного туберкулеза легких.

Похоронили комбрига на центральной площади, в его родном городе Валдае.

В день похорон от имени партизан 2-й бригады пришла радиограмма: «Мы не имеем возможности сегодня своими руками увидеть венками и обложить цветами могилу своего замечательного командира. Но придёт время, эта могила будет святым местом для нас. Клянемся перед прахом друга и боевого товарища высоко держать честь 2-й партизанской бригады. Наш грозный удар по врагу, уничтоживший 608 фашистов в последнем бою,— это боевой салют у могилы нашего любимого Николая Григорьевича Васильева Партизаны и партизанки 2-й партизанской бригады».

Посмертно Николаю Григорьевичу Васильеву было присвоено звание Героя Советского Союза. Бригада, которой он командовал, стала называться бригадой имени Н. Г. Васильева.

Сохранилось одно из последних писем Николая Григорьевича жене. Оно было написано в октябре 1942 года, вскоре после выхода Васильева из-за линии фронта.

«Здравствуй, Нина! — писал Васильев.— Сообщаю тебе о том, что я жив и здоров.

За последние два месяца мною и моими товарищами много пережито и вряд ли может такое повториться в жизни... Только русский народ в борьбе за Родину-мать в состоянии драться и переносить такие тяжести и нечеловеческие лишения. Мы дрались с фашистскими гадами до последнего патрона, до последнего вздоха, но мы вышли победителями.

Я отдыхаю вместе с товарищами. Как только встану на ноги и окрепну, приеду к тебе. Прошу тебя, мать и отца не волноваться за состояние моего здоровья. Ничего страшного не произошло,— несколько недель находились в тяжелых условиях, но фашистов били без устали. Немного истощал и простудился, как только поднимусь, окрепну, так скоро буду у тебя.

Температура у меня нормальная, потихоньку начинаю ходить, ноги окрепли. Еще раз прошу тебя, мать и отца не беспокоиться за мое здоровье, силы восстановлю быстро.

Скоро настанет час, когда мы будем вместе.

Ну вот, кажется, все. Ждите!

Целую. Коля».

Хотя нам и не удалось сохранить территорию Партизанского края, но и на этот раз было сделано главное: мы сохранили свои силы, героическая борьба партизан в юго-восточных и других районах Ленинградской области продолжалась, удары по врагу крепились день ото дня.

Оценивая значение Партизанского края, можно сказать, что он сыграл исключительную роль не только в партизанском движении в полосе Северо-Западного фронта. Ему принадлежит боль-

шая заслуга в развитии партизанской борьбы в полосах Волховского, Ленинградского и Калининского фронтов, а также в Прибалтике. Партизанский край, образовавшийся в полосе действий войск нашего фронта, стал колыбелью организованной массовой народной войны на северо-западном участке советско-германского фронта. Здесь родились и прошли проверку многие формы и методы партизанской борьбы, которые получили затем признание во многих других местах.

Создание Партизанского края не было самоцелью. Не потому он появился, что кто-то хотел иметь в тылу врага «советский район». Не эта цель преследовалась, когда принимались меры к укреплению и усилению Партизанского края, когда туда посылались многочисленные партизанские отряды, забрасывались вооружение и боеприпасы, выделяли для обеспечения партизан авиацию. Конечно, было приятно сознавать, что в самый трудный начальный период Великой Отечественной войны, когда враг на весь мир трубил о своих победах, в его тылу оставались значительные районы непокоренной советской земли. Но все же главное значение Партизанского края заключалось в том, что он был основной базой развития партизанского движения на северо-западе страны в начальный период войны. Благодаря Партизанскому краю имелась возможность в массовом масштабе готовить опытные партизанские кадры. Партизанский край был боевым университетом, откуда отправлялись люди во многие районы Ленинградской области, а также в Прибалтику.

Первый на оккупированной гитлеровскими захватчиками советской земле освобожденный край существовал более года. Он ярко свидетельствовал о силе и мощи восставшего против фашистских агрессоров народа. История края — славная и незабываемая страница советского партизанского движения в минувшей войне. Это вынуждены признать и те, кто далек от стремления по достоинству оценить стойкость и героизм советского народа в минувшей войне. В книге американского историка Э. Хауэлла «Советское партизанское движение. 1941—1944», в которой большое место отводится партизанскому движению в Ленинградской области, содержатся важные материалы, подтверждающие выводы об эффективности партизанской борьбы в тылу армий «Север» — одной из важнейших и крупнейших группировок Вермахта на советско-германском фронте. Это признают и западногерманские историки.

Да и трудно не признать тот факт, что наличие в тылу врага Партизанского края вынуждало гитлеровское командование выделять значительные силы для охраны железных и шоссейных дорог, складов, штабов, гарнизонов, аэродромов и т. п. По приблизительным подсчетам, ежедневно в среднем только в полосе Северо-Западного фронта враг отвлекал на охрану своих объектов и

коммуникаций, а также на борьбу с партизанами не менее 20 тысяч солдат и офицеров. Безусловно, отсутствие на фронте такого количества вражеских войск являлось большой помощью Красной Армии. Кроме того, фашисты отрывали дополнительно с фронта целые дивизии полевых войск, усиленные авиацией и танками, для карательных экспедиций против Партизанского края.

Немаловажно, что нередко целые вражеские гарнизоны были прямо-таки деморализованы близким присутствием партизан, не говоря уже о том, как удручающе действовали на противника внезапные нападения вооруженных советских патриотов.

Партизанский край не позволял гитлеровцам в полной мере использовать такие важные, идущие вдоль фронта и к фронту дороги, как Холм — Старая Русса, Великие Луки — Чихачево — Дно — Волот — Старая Русса и другие. Эти важные для фашистов коммуникации находились под систематическими ударами партизан. Здесь совершались крушения воинских эшелонов, устраивались засады, совершались всякого рода другие нападения. Начиная с весны 1942 года партизаны Северо-Запада сначала мелкими группами, а затем с выходом некоторых отрядов и бригад в районы северо-восточнее и южнее Пскова, нападали крупными силами на железную и шоссейную дороги на участке Псков — Луга.

Приведу некоторые данные из отчета за 15 месяцев борьбы в тылу врага. Как свидетельствуют документы, партизаны уничтожили за этот период более 26 тысяч вражеских солдат и офицеров, пустили под откос 159 воинских эшелонов и 2 бронепоезда, подбили и уничтожили 59 танков, 26 самолетов, более 800 грузовых и легковых автомашин, почти 300 мотоциклов, 8 бронемашин, 17 тракторов, 29 орудий, разбили около 100 блиндажей, взорвали 158 шоссейных и железнодорожных мостов, сожгли более 70 складов, вывели из строя 21 радиостанцию. Партизаны разгромили 28 вражеских гарнизонов, 4 штаба, освободили 480 военнопленных и вывели из окружения свыше 6 тысяч советских воинов.

Таким был итог боевых действий партизан, боровшихся с врагом на Ленинградской земле в полосе Северо-Западного фронта с начала июля 1941 года по 1 октября 1942 года.

В начале октября 1942 года меня вызвали в Москву, в Центральный штаб партизанского движения.

Начальник ЦШПД генерал-лейтенант П. К. Пономаренко сказал:

— Хотим предложить вам возглавить штаб партизанского движения на другом фронте. В связи с прорывом гитлеровских войск к Сталинграду Верховный Главнокомандующий требует развернуть более активную партизанскую борьбу на Дону и Кубани. На Донском и Юго-Западном фронтах создаются соответствующие партизанские штабы. Как вы смотрите, если один из них возглавите вы?

— Готов поехать на любой фронт,— ответил я.

— И все-таки,— спросил Пономаренко,— на какой?

— А кто командует фронтами?

— На Донском командующий Рокоссовский, на Юго-Западном.— Ватутин.

— Направьте меня к Ватутину: и он меня знает, и я его.

— Ну что ж, поедете к Ватутину,— заключил Пономаренко.

В Центральном штабе партизанского движения мне дали список партизанских отрядов, действовавших в Ростове-на-Дону и в Ростовской области. По данным штаба, там числилось девять отрядов и групп, с которыми с августа 1942 года была потеряна связь.

В город Калач, где размещался штаб Юго-Западного фронта, я прибыл в середине декабря 1942 года.

Калач, небольшой районный центр на юго-востоке Воронежской области, основанный три с лишним столетия назад, никогда еще не имел такого значения, как в ту военную зиму — исторические дни Сталинградской битвы. Здесь заканчивалась единственная железнодорожная ветка, по которой доставлялись войска и военная техника в район Среднего Дона. Через Калач скрытно подтягивались к линии фронта резервы. Тут сосредоточились управления и службы крупного штаба, руководившего несколькими армиями. Той зимой Калачу предстояло стать и оперативным центром по руководству партизанскими действиями в полосе Юго-Западного фронта.

— Знал, что вы едете к нам,— сказал Ватутин, когда я появился в его кабинете.— Значит, будем продолжать воевать вместе.

Несмотря на глубокую ночь — я прибыл в Калач поздним вечером, — Ватутин был бодр, в хорошем настроении.

— При организации штаба партизанского движения вам, видимо, — продолжил Ватутин, — надо использовать опыт вашей работы на Северо-Западном фронте. Правда, здесь несколько иной театр военных действий. В полосе наступления нашего фронта оказалась территория Харьковской, Луганской, Сталинской, Днепропетровской и Запорожской областей, а в перспективе она охватит Полтавскую, Кировоградскую, Николаевскую, Одесскую и Винницкую области. Это наиболее развитые в промышленном отношении центры страны, с густой сетью железных, шоссейных и грунтовых дорог, превращенных оккупантами в важнейшие коммуникации. По ним в основном подвозятся людские резервы и военная техника для борьбы с войсками не только Юго-Западного, но и Воронежского и Южного фронтов. Этим же путем враг вывозит в Германию награбленное промышленное сырье и сельскохозяйственную продукцию. В военном и экономическом отношении это, возможно, наиболее важная часть советской земли, оказавшаяся в руках оккупантов. Однако в географическом отношении она не благоприятствует партизанским действиям. В основном это безлесные, степные районы Украины.

Ватутин подошел к большой карте, расстеленной на его рабочем столе.

— И все же, — заметил он, — партизаны в этих местах действуют. Из сообщений видно, что и на Украине партизанская борьба приняла всенародный характер. Мне нередко докладывают о боевых делах партизан и подпольщиков, действующих в городах и других населенных пунктах. Они ведут напряженную борьбу с врагом: совершают диверсии, не прекращают партизанскую разведку, организуют саботаж мероприятий фашистов, проводят большую агитационную работу с населением. Так что, несмотря на своеобразную, «непартизанскую» географию, и здесь таятся большие возможности для дальнейшего усиления партизанской борьбы, чему должна способствовать и организация вашего штаба.

Я показал переданные мне в Центральном штабе партизанского движения документы о партизанах Ростовской области, согласно которым там осенью 1942 года действовало шесть партизанских отрядов и три диверсионные группы.

— Возможно, какие-то конкретные сведения об этом есть в опергруппах при штабах наших армий, — отозвался Ватутин. — Но мне о ростовских партизанах пока ничего не докладывали.

Мы договорились с командующим фронтом по некоторым организационным вопросам, связанным с созданием фронтового штаба партизанского движения. Прощаясь, Ватутин сказал мне:

— Как и раньше, можете всегда рассчитывать на мою помощь.

Через некоторое время Военный совет фронта, выполняя постановление Государственного Комитета Обороны, создал фронтовой штаб партизанского движения, который одновременно являлся представительством Центрального штаба партизанского движения на Юго-Западном фронте. Были выделены кадры для формирования штаба, а также радиосредства, вооружение, боеприпасы, обмундирование, финансы, транспорт и т. д. Уже в начале января 1943 года фронтовой партизанский штаб стал функционировать наряду с другими управлениями и службами. При его организации во многом была использована структура партизанского отдела и оперативной группы при Военном совете Северо-Западного фронта.

Из окна дома, где я жил, мне не раз приходилось видеть у хаты на другой стороне улицы прихрамывающего капитана в авиационной форме. Как-то мы с ним разговорились. Оказалось, капитан Михаил Цареградский гостил у родителей в Калаче после выписки из госпиталя. Это было не первое его ранение. Войну Михаил Семенович встретил на границе. Затем воевал в десантных частях под Белой Церковью, в Крыму, на Северном Кавказе, под Керчью и Феодосией, под Сталинградом.

— Боюсь, что теперь мне не позволят служить в строевых частях,— посетовал капитан.

— Идите к нам,— предложил я.— Нам нужны опытные офицеры. А вы к тому же хорошо знаете десантную службу, парашютное дело.

Цареградский охотно дал согласие перейти в новое «ведомство». Михаил Семенович оказался очень ценным человеком в подготовке партизанских кадров. Он был назначен начальником учебного пункта и с большой ответственностью относился к своим обязанностям.

Большие заботы поначалу выпали кадровикам. Выручило то, что на первых порах отделение кадров возглавил майор Сергей Владимирович Прохоров, который занимался одно время этим участком на Северо-Западном фронте, и теперь, приехав вместе со мной в Калач, в полной мере использовал накопленный опыт. Старый член партии, бывший заместитель командира партизанской бригады, С. В. Прохоров умел расположить к себе окружающих. Особенно ценным качеством Сергея Владимировича было чутье на нужных людей. Среди множества добровольцев он неизменно находил не только тех, кто наиболее подходил для полной опасности и лишений партизанской борьбы, но и безошибочно определял, кем им лучше всего быть: бойцами, разведчиками, связными, минерами, командирами или политработниками.

Спустя некоторое время С. В. Прохорову был поручен новый участок работы. Он стал руководить не предусмотренным штатным

расписанияем «политпарпаратом», необходимостью которого в штабе диктовалась жизнью. Сергей Владимирович и его помощники направляли деятельность партийных и комсомольских организаций бригад и отрядов, изучали и обобщали опыт их работы, проводили семинары с партийно-комсомольским активом, составляли листовки, собирали факты о героических делах партизан, действовавших в полосе Юго-Западного, а затем 3-го Украинского фронтов, готовили печатников для походных типографий, забрасывавшихся в тыл врага, и т. д. Все это было очень нужно для развития партизанской борьбы. И Прохоров и другие «политотдельцы» справились с задачей, как говорится, дай бог каждому.

Не могу не сказать доброго слова и о начальнике материально-технического снабжения майоре М. М. Новаковском, который, как и С. В. Прохоров, прибыл в Калач с Северо-Западного фронта. Опыт создания материальной партизанской базы на голом месте у Новаковского был. Теперь этот опыт «сработал» в полную силу. Несмотря на большие трудности, у нас в короткий срок появилось достаточно материальных средств — вооружение, боеприпасы, обмундирование, медикаменты и многое другое, необходимое партизанам для действий в тылу врага. Были организованы столовые, подсобное хозяйство, мастерские по ремонту обуви и одежды. Когда осенью 1943 года к нам прибыла комиссия из Украинского штаба партизанского движения для проверки нашей работы, она особо отметила систему организации материально-технического обеспечения партизан, действовавших в тылу противника. Вскоре после этого М. М. Новаковский был переведен в УШПД на должность начальника отдела материально-технического снабжения.

С первых дней к нам стали прибывать добровольцы из запасных полков фронта, выразившие желание воевать в тылу врага. Снова основную заботу по формированию партизанских сил, как и на Северо-Западном фронте, взяли на себя местные партийные и комсомольские органы. Совместно с нашими уполномоченными, посланными во многие районы Воронежской области и другие места, они отбирали для партизанской борьбы наиболее подходящих для этого людей, в основном комсомольцев и молодежь. В Калач прибывали выпускники спецшкол Центрального штаба партизанского движения, а также бывалые партизаны, прошедшие суровую школу борьбы в тылу врага и соединившиеся с наступающими советскими войсками. Это были особенно ценные кадры.

Одним из первых появился в Калаче партизанский отряд под командованием старшего политрука Александра Васильевича Тканко. Интересна история создания этого отряда. Будучи старшим инструктором по пропаганде в политотделе района авиационного базирования, находившегося под Сталинградом, А. В. Тканко, видя, как тысячи фашистских стервятников постоянно висят в воздухе

над нашими позициями, подвергая их жестокой бомбежке, высказал в рапорте в политуправление фронта свои мысли по уничтожению самолетов противника прямо на аэродромах с помощью диверсионных авиадесантных отрядов. Вскоре с одним из таких отрядов он оказался в тылу врага в Волчанском районе Харьковской области. Объектом воинов-парашютистов стал вражеский аэродром возле деревень Великий Бурлук и Белый Колодезь. Благодаря поддержке населения десантники подорвали здесь за одну ночь 14 бомбардировщиков и 2 истребителя. Приняв в замешательстве столь дерзкую операцию за налет советских бомбардировщиков, фашистские зенитчики долго палили по небу, задержанному тучами.

После успешного выполнения задания группа получила разрешение остаться в тылу врага и перейти на партизанские методы борьбы. Так воздушно-десантный отряд Тканко стал партизанским отрядом. В районе Валук в него влилось более 100 местных жителей. Полетели под откос вражеские эшелоны, стали взлетать на воздух мосты. Партизаны уничтожали оккупантов и их прислужников. Был взорван воинский эшелон между станциями Мандрово и Росвигово. В эшелоне оказался вагон с ракетами, которые стали рваться, освещая местность разноцветными огнями, благодаря чему эта операция получила название операции «с бенгальскими огнями».

В Калач вместе с Тканко пришел весь его десантный отряд. Это были обстрелянные, побывавшие в переделках бойцы, горевшие желанием бить ненавистных фашистских захватчиков. Особо запомнились мне двое из них: атлетического сложения и огромной силы учитель из Брянска Николай Бойко, из-под шапки которого постоянно выбивался непокорный чуб, и его тезка — маленький, юркий, с насмешливыми глазами сапер Николай Шабанов.

Хорош был и Александр Тканко, сын сельского кузнеца, тоже учитель по профессии. В армию его призвали в сентябре 1940 года из местечка Любешов Волынской области, где он был директором педагогического училища, а через год Тканко уже работал в политотделе района авиационного базирования. Александр Васильевич рассказывал, что даже в детстве не играл в войну. Он не любил драться, не носился вместе с ребятами с деревянной саблей и пистолетом, отличался добродушным, покладистым характером. Война словно все перевернула в нем. Теперь он хотел бить фашистского зверя собственными руками. Тыл врага оказался именно тем полем деятельности, где наиболее полно раскрылись сильные стороны А. В. Тканко, и он стал таким же партизанским вожаком, какими были в Ленинградской области Н. Г. Васильев и А. В. Герман.

Рассказав о боевой деятельности своего отряда, Тканко заявил от имени всех прибывших партизан, что они готовы вылететь в тыл врага для выполнения любого задания.

В Калач прибывали все новые и новые партизанские отряды, соединившиеся с наступающими частями Красной Армии. В один из дней здесь появился партизанский отряд под командованием Якова Ивановича Сиворонова. Это был наиболее крупный и один из самых боевых отрядов, прибывших в наше распоряжение. Расскажу о нем хотя бы коротко. Создан он был в апреле 1942 года в городе Ворошиловграде, боевую деятельность в тылу врага развернул с июля 1942 года, с момента оккупации Ворошиловградской области, которую теперь освобождали войска нашего фронта. Местом базирования отряда стал Кременский лес на севере Донбасса, откуда партизаны производили вылазки и совершали дерзкие рейды во многие районы Ворошиловградской и Донецкой областей. За полгода отряд Я. И. Сиворонова провел 37 удачных боевых операций.

Кременский лес оказался пристанищем не только для этого отряда. 29 августа 1942 года здесь состоялось совещание командиров и комиссаров шести партизанских отрядов Ямпольского, Краснолиманского и Большеянисольского районов Донбасса, решивших объединить свои усилия в борьбе с врагом. Был создан партизанский совет, в который вошли командиры и комиссары этих отрядов во главе с Е. И. Потирайло. Вскоре состоялась и партийная конференция, избравшая единый руководящий партийный орган отрядов — партбюро из семи человек. Секретарем партбюро стал З. В. Изотов. Объединив свои силы, партизанские отряды стали проводить боевые действия согласованно, по определенному плану. Они совершили ряд успешных рейдов по многим районам Донбасса, в ходе которых разгромили немало вражеских гарнизонов, пустили под откос несколько воинских эшелонов противника, нанесли ему другой ущерб. Особенно удачным был рейд партизан Я. И. Сиворонова в ноябре 1942 года, проведенный вскоре после начала контрнаступления советских войск под Сталинградом. В результате этого партизанского рейда были уничтожены сотни фашистов и захвачены большие трофеи.

Гитлеровское командование предпринимало неоднократные попытки расправиться с «партизанами Кременского леса», однако каждый раз карательные экспедиции заканчивались неудачей. Неся большие потери, противник отступал, порой даже не успевая подбирать с поля боя своих убитых и раненых. Наконец в январе 1943 года сюда было стянуто около 15 тысяч гитлеровских солдат и полицейских с артиллерией и бронемашинами, которыми командовал опытный фронтовой генерал. Однако и из этой затеи ничего не вышло. «Противник пытался полностью уничтожить партизан, и это бы произошло, если бы мы замкнулись в своей скорлупе, — писал Н. М. Михайличенко, начальник штаба отряда Я. И. Сиворонова, — но этого не случилось, так как мы были за могущественной

стены советских людей, жаждавших скорейшего разгрома немецко-фашистских захватчиков...»

О сосредоточении карателей вокруг Кременского леса партизан вовремя сообщили советские патриоты из ближайших сел. Одним из них был местный лесник Моисей Шевченко. Он же, по договоренности с партизанским командованием, вызвался и «проводить» карателей. Моисей Шевченко завел фашистов в чащу леса, в болото, под дула партизанских автоматов. Ни один гитлеровец не ушел живым отсюда. А сам «проводник» одному ему известными тропами вернулся домой. За этот подвиг М. Шевченко был награжден медалью «За отвагу».

15 января 1943 года соединение партизан, состоявшее из девяти отрядов, под общим командованием Я. И. Сиворонова ушло из Кременского леса под самым посом врага в свой последний рейд, маршрут которого пролегал через Кременской, Лисичанский, Новоайдарский и другие районы Донбасса. Партизаны уничтожали разрозненные фашистские подразделения, перехватывали обозы противника, разрушали связь, дезорганизуя управление войсками, производили нападения на различные объекты врага. 20 января они в восьмичасовом бою разгромили гитлеровский гарнизон в селе Пурдовке Новоолександровского района. 27 января партизаны с боем прорвались через линию фронта и соединились в Новоайдаре с Красной Армией, а затем в феврале вместе с частями 4-го гвардейского стрелкового корпуса 1-й гвардейской армии участвовали в бою за станцию Кременная.

За героизм, проявленный в боях с оккупантами, за помощь, оказанную наступающим советским частям, 74 партизана, в том числе и Я. И. Сиворонов, были награждены орденами и медалями. Спустя некоторое время Яков Иванович возглавил партизанский отряд, основу его составили прежние бойцы, а затем организаторскую группу, превратившуюся в мощную бригаду, которая стала одним из прославленных соединений украинских партизан.

Выходившие из вражеского тыла и прибывавшие в Калач партизанские отряды и группы подтверждали, что и в условиях почти безлесных, степных районов юго-запада Украины возможны успешные действия партизанских сил, если их хорошо организовать, вооружить и умело управлять ими. Там, где пока хозяйничают фашисты, есть главное для успешных партизанских действий — всенародная поддержка, стремление миллионов советских людей сбросить фашистское ярмо.

Росло партизанское движение и в других юго-западных районах Украины. В Днепропетровской области во второй половине 1942 года было создано четыре новых отряда. В районах Кировоградской области действовало пять крупных отрядов общей численностью 2760 человек. В Баштанском районе Николаевской области было

сформировано два партизанских отряда. Новые отряды и группы создавались в Запорожской и Одесской областях. Еще более мощным было партизанское движение в северных, лесных районах Украины — в Киевской, Житомирской, Винницкой и других областях. В течение лета и осени 1942 года на Украине стало действовать более 100 новых партизанских отрядов и групп. «Несмотря на значительные потери, понесенные партизанами летом 1942 года,— говорится в трехтомнике «Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг.»,— к концу осени на оккупированной территории республики действовало 5 крупнейших партизанских соединений, около 900 отрядов, свыше тысячи диверсионных и разведывательных групп. Они объединяли в своих рядах десятки тысяч вооруженных бойцов, окруженных вниманием и постоянной поддержкой миллионов советских людей... Изю дня в день наращивая удары по вражеским коммуникациям, гарнизонам и важнейшим военным объектам, партизаны отвлекали на себя огромные силы противника, затрудняли переброску его резервов, нарушали нормальное снабжение фашистских войск на фронте, постоянно держали врага в большом напряжении. В течение 1942 года украинские партизаны отвлекли на себя до 120 тысяч вражеских солдат и офицеров».

Таким образом, к осени 1942 года на Украине почти не было ни одного района, где бы не действовали партизанские отряды или диверсионные группы. Только по данным Украинского штаба партизанского движения, под начало которого вскоре перешел и штаб партизанского движения на нашем фронте, партизаны в течение лета и осени 1942 года уничтожили свыше 20 тысяч оккупантов и их прислужников, пустили под откос 158 вражеских эшелонов, подбили 116 танков, уничтожили 759 автомашин и т. д.

Исключительно напряженная борьба шла в городах, в промышленных центрах, на железнодорожных узлах и станциях. Она проявлялась здесь прежде всего в патриотических действиях подпольных организаций и групп, в массовом саботаже населения.

В начале февраля 1943 года в наш штаб зашел высокий человек средних лет и представился:

— Антон Иванович Гаевой.

Это был секретарь Ворошиловградского обкома партии, член нелегального ЦК КП Украины, который вместе с некоторыми другими работниками аппарата ЦК и учреждений Украины прибыл в Калач в канун освобождения Ворошиловградской области.

Оказавшись в штабе, А. И. Гаевой рассказал об отдельных моментах в работе нелегального ЦК КП Украины, деятельности партийных органов на оккупированной территории области, о борьбе населения под руководством коммунистов с фашистскими захват-

чками. Он говорил, как срываю партизаны и подпольщики попытки гитлеровцев поставить себе на службу промышленность, использовать природные богатства Луганщины, о жестоких расправах фашистов с советскими людьми, о стойкости и мужестве шахтеров, всего рабочего класса.

— На шахте «Богдан» в городе Красный Луч, — рассказывал Гаевой, — не пожелали работать на оккупантов две тысячи шахтеров. Никакие угрозы не заставили их изменить свое решение. Тогда всех их живыми сбросили в шурф шахты.

Антон Иванович подробно говорил о саботаже, развернувшемся повсеместно. Рабочие и инженерно-технические работники прячут инструменты и ценные детали оборудования, портят сырье и готовую продукцию. Порой борьба против попыток захватчиков наладить работу промышленности приобретает характер массовых диверсий. Патриоты почти всюду срываю восстановление шахт, электростанций, других предприятий. В некоторых районах оккупантам не удалось пустить ни одной шахты. Гитлеровцы не смогли, например, до сих пор вывезти из Краснодонского, Боково-Антрацитовского и некоторых других районов ни куска угля. Стоят коксохимические и металлургические заводы, не работают домны. В районах Барвенково, Славянск, Краматорск, Красноармейск ни одно предприятие фашистами полностью не восстановлено. В Славянске частично работает соляной завод, но соли производится так мало, что она не отпускается даже местным жителям. Литейный завод выпускает только брочки и чугунные печки. Остальные заводы Славянска — тюлевый, содовый, фарфоровый и другие — не восстановлены, хотя там и работают немецкие специалисты. В Краматорске частично работают лишь некоторые цехи заводов.

Часто совершались диверсии на железных дорогах и в депо. Патриоты сорвали план захватчиков по вывозу хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Многие сделано и делается, чтобы предотвратить угон советских людей в Германию. Горят биржи труда, похищаются списки населения, подлежащего отправке на фашистскую каторгу. Тысячи советских патриотов помогают подпольщикам и партизанам: снабжают их продовольствием и одеждой, укрывают и лечат раненых и больных, распространяют листовки.

Послевоенные исследования подтверждают, что оккупантам так и не удалось поставить себе на службу промышленность Донбасса. Даже западногерманские историки не без иронии замечают, что угля, который добывался за сутки в Донецком бассейне в период фашистской оккупации, хватало лишь для топки одного паровоза, следовавшего в Германию. Факты таковы: для внутренних нужд в угольную житницу — Донбасс — фашисты вынуждены были доставлять топливо за тысячи километров из Домбровского каменно-

угольного бассейна в Польше. Это был результат активного саботажа рабочего класса Донбасса.

Подобная картина наблюдалась и во многих других районах Украины. Советская территория оказалась единственной из всех занятых фашистами территорий, где им не удалось наладить промышленное и сельскохозяйственное производство. На советской земле гитлеровцы не смогли организовать в сколько-нибудь значительных размерах даже ремонт военной техники. Самоотверженной была героическая борьба населения наших городов, их пролетарского рабочего ядра в оккупированных захватчиками районах.

Несколько раз секретарь Ворошиловградского обкома партии Антон Иванович Гаевой заходил в штаб, интересовался нашими делами и каждый раз говорил о необходимости помогать патриотам, всячески развивать все формы борьбы в тылу врага.

— Советские люди за линией фронта, — говорил А. И. Гаевой, — делают все возможное, чтобы делом ответить на призыв партии оказывать сопротивление фашистам. Только в полосе вашего фронта это не один миллион человек. Всех не вооружишь, в партизанские отряды и подпольные организации не сведешь. Поэтому важно развивать как вооруженные, так и невооруженные способы борьбы.

Мы учли это в нашей последующей работе. Уходившие за линию фронта партизанские организаторские группы непременно связывались с местными партийными органами, подпольем и в тесном контакте с ними наносили удары по врагу где только было возможно. Этот единый сплав партизан, подполья, населения позволил разжечь и на территории Украины в тылу фашистских войск небывалый огонь всенародной борьбы.

Между тем фашистское командование в свою очередь делало все, чтобы погасить этот огонь, сковать силы патриотов, поставить на пути развития партизанского движения как можно больше преград, во что бы то ни стало удержать под своим контролем захваченные области Украины. Поступавшие в наш штаб данные об оккупационных мероприятиях в тылу немецко-фашистских армий «Юг» свидетельствовали, что враг предпринимал неимоверные усилия, пытаясь укрепиться на советской земле и обезопасить тылы своих сражающихся армий. В каждом городе, селе были взяты на строгий учет все «неблагонадежные», введено огромное количество документов, регламентировавших проживание, работу или передвижение людей на украинской земле, захваченной гитлеровцами.

В полосе действий войск Юго-Западного фронта, по сведениям, поступавшим от партизан, гитлеровцы вообще эвакуировали всех жителей из прифронтовых населенных пунктов на глубину около 25 километров. То же население, что находилось в глубине оборо-

ны противника, было взято на строгий учет. Все жители в возрасте от 10 лет и старше носили на руке белую повязку с номером, печатью и особым знаком каждой деревни. В городах было учтено все трудоспособное население. Рабочие носили повязку с номером, на которой, кроме того, была проставлена первая буква названия предприятия. К каждой повязке выдавались справка и пропуск коменданта населенного пункта.

Вскоре штаб партизанского движения располагал целостной картиной оккупационного режима в областях Украины, находившихся на направлении наступления войск нашего фронта, знал условия, в которых жило население отдельных районов, городов и даже сел. Был изучен паспортный, пропускной и другие виды режима, применявшиеся здесь оккупантами. Все это было очень важно. Отправлявшиеся за линию фронта партизаны знакомились с образцами паспортов, выдававшихся фашистами населению, а также другими документами, имевшими хождение на захваченной врагом территории. Отдельные организаторские, разведывательные и диверсионные группы даже снабжались такими документами. Одним из важных моментов была осведомленность о списках так называемых «неблагонадежных». Рекомендовалось при налетах на комендатуры, полицейские участки и сельские управы изымать наряду с другими важными документами и эти списки, которые были составлены по каждому селу и поселку. За счет «неблагонадежных» командиры отрядов могли с меньшей опасностью проникновения вражеской агентуры пополнять партизанские силы. Изучение положения дел и мероприятий врага на оккупированной территории играло важную роль и в проведении агитационно-массовой работы среди партизан и населения.

Большую роль в изучении оккупационной политики гитлеровцев, положения дел в операционном тылу группы армий «Юг» играли опергруппы при Военных советах некоторых наших армий. Подобных групп на Северо-Западном фронте не было. Они были созданы осенью 1942 года. На них возлагалось руководство партизанскими отрядами, разведывательными и диверсионными группами, сформированными из добровольцев частей и соединений армий. Опергруппы должны были самостоятельно организовывать и засылать в тыл врага партизанские, диверсионные и разведывательные группы, небольшие партизанские отряды и отдельных разведчиков. На них возлагались дезорганизация ближайших тылов противника, нарушение его коммуникаций, сбор разведывательной информации о войсках и военной технике врага перед фронтом своих армий. В оперативные группы попадали соединявшиеся с войсками фронта партизанские отряды, к работникам опергрупп приходили подпольщики и отдельные партизаны, оказавшиеся на освобожденной территории, чтобы рассказать о своей деятельности, а также сообщить

другие сведения, которые могли заинтересовать советское командование.

Опергруппы стали хорошими помощниками фронтового штаба партизан. Они расширяли возможности штаба. Опираясь на них, мы могли более оперативно и конкретно направлять партизанские действия в полосе фронта, пополнять партизанские силы за счет отрядов, выходявших из вражеского тыла и встречавшихся с войсками тех или иных армий. На первых порах оказалась очень важной помощь опергрупп штабу в засылке партизан в тыл врага. Связываясь с нашими передовыми частями, они успешно переправляли через линию фронта подготовленные штабом и местными партийными органами партизанские единицы. Кроме того, в этот период опергруппы энергично переправляли для действий в тылу врага самостоятельные партизанские отряды и группы.

Из оперативной группы при Военном совете 3-й гвардейской армии доносили: «27.I.43 г. переправлена через линию фронта в тыл противника для действий в районе Алмазная, Первомайская, Ворошиловск партизанская группа Кобзаря М. П. в составе 6 человек. 9.II в район Артемовска, Дебальцево, Яшиково направлена группа Дмитриченко М. И. из 9 человек. 17.II переправлен в тыл врага партизанский отряд Дерюгина И. М. в составе 12 человек, район действия — Ворошиловск, Родаково, Голубовка, Серго...»

Начальник опергруппы при Военном совете 6-й армии подполковник М. И. Филиппов докладывал: «22.I.43 г. в тыл противника направлена разведывательная диверсионная группа в количестве 5 человек. Командир Казанцев. 27.I переправлена группа Гуляева из 5 человек. 8.II переправлена группа Брагина... 15.II переправлена группа Бушланова... 18.II Казанцев направлен в тыл врага во главе партизанского отряда — 15 человек. Район действий — Красноград — Полтава... 1.III сформирован отряд под командованием Стрельцова и переправлен через линию фронта в районе Балаклея — Чепиль...»

Подобные сообщения поступали и из других оперативных групп. Большинство этих отрядов и групп, действуя в тесном взаимодействии с местными патриотами и наступающими частями, способствовало дезорганизации тыла противника, возникновению в отдельных местах паники, а также сбору ценной разведывательной информации для командования соединений и армий.

Продолжавшееся до середины февраля 1943 года наступление Юго-Западного и Южного фронтов в Донбассе было приостановлено неожиданными встречными ударами противника. Он даже потеснил правое крыло войск нашего фронта, результатом чего явился отвод частей и соединений за Северский Донец. Жаркие бои закончились к началу марта. Затем линия фронта на несколько месяцев стабилизировалась. Это намного ухудшило наши возможности

по переброске партизанских сил в тыл врага, так как теперь у противника образовалась сплошная линия обороны, проходившая по Северскому Донцу, которую он все время совершенствовал. Переходить линию фронта теперь чаще всего удавалось лишь с боем. Это приводило к потерям, иногда отряды даже возвращались обратно.

Помня о том, как в свое время нас выручили летчики из авиаполка Рассказова, я направился к Ватутину, чтобы попросить его помочь нам транспортной авиацией и теперь. Каково же было мое удивление, когда Ватутин сказал, что фронтовая авиация имеет лишь ограниченное число транспортных самолетов, которые позарез нужны войскам. При всем желании Ватутин не мог выделить нам ни одного самолета.

— Вы же знаете, товарищ Асмолов, как я отношусь к партизанам, но помочь сейчас не могу.

— Тогда разрешите вылететь в Москву, в Центральный штаб партизанского движения, и попытаться там достать самолеты?

— Летите.

Однако и в Центральном штабе партизанского движения «свободных» самолетов не оказалось. К тому же стало известно, что ЦШПД в ближайшее время будет расформирован, а его представительство на нашем фронте станет представительством Украинского штаба партизанского движения.

В кабинете у П. К. Пономаренко произошла наша встреча с Тимофеем Амвросиевичем Строкачем, начальником УШПД. Вместе с ним мы поехали на Тверской бульвар, где в большом сером здании размещались ЦК КП(б) Украины и Верховный Совет республики, а во дворе, в отдельном двухэтажном флигеле, «хозяйство» Тимофея Амвросиевича.

Усадив меня в кресло, Строкач присел рядом, и это как-то сразу создало атмосферу делового, товарищеского разговора о партизанских делах. Тимофей Амвросиевич знал о нашем скором переподчинении УШПД, и поэтому его интересовало, как идет подготовка партизанских сил к заброске в тыл врага, какова обстановка в глубине фашистских армий на направлении действий войск нашего фронта, состояние партизанской борьбы там, а также наши нужды, трудности и т. д.

Выслушав меня внимательно, Строкач согласился с тем, что юго-западные районы Украины представляют собой своеобразный театр партизанских действий, рождающий свою тактику и специфику борьбы.

— Наш штаб,— сказал он,— заслал большое число партизанских групп на территорию Украины, занятую врагом. Главным местом их действий являются Киевская, Житомирская, Винницкая и некоторые другие области, где есть леса. На севере Житомирской,

Ровенской и Волынской областей даже образовались партизанские зоны. Однако партизаны не сидят на месте. Эффективным способом партизанских действий в условиях Украины являются партизанские рейды. Вы, конечно, слышали о Ковпаке, Сабурове, Федорове. Рейды их партизан в оперативную глубину противника — да и не только в оперативную глубину — оправдали себя и сыграли исключительную роль в дальнейшем развитии партизанской борьбы. Возьмите эту тактику на вооружение. В условиях степных районов Украины она может оказаться особенно ценной.

Удивительно располагал к себе Строкач. Его серые глаза, казалось, излучали свет, в них словно виделся отблеск его широкой и доброй натуры. Он говорил без назидания, словно рассуждая, советуясь с собеседником, убеждая прислушаться к сказанному и взять самое важное, рациональное. Он ничего не забыл из того, о чем говорил я, и без напоминания сам вернулся к главному, что в то время составляло основную нашу заботу, — трудности переброски партизанских сил через линию фронта. Он не стал обещать, обнадёживать меня.

— Самолетов вам мы тоже не дадим. Самолетов не хватает. Открою вам секрет. Сейчас мы готовимся к весне. Наши наметки по дальнейшему расширению партизанского движения на Украине, о которых я уже докладывал некоторым членам Политбюро ЦК КП(б)У, потребуют интенсивной работы транспортной авиации, находящейся в распоряжении УШПД. Мы хотим вывести партизанские соединения и отряды из Житомирской и Ровенской областей на юг и юго-запад Украины, то есть в ваши районы, где проходят стратегически важные коммуникации противника, в частности к железнодорожным узлам Ковель, Коростень, Сарны, Здолбунов, Жмеринка, Казатин, Шепетовка. Некоторые из этих железнодорожных узлов мы хотим «блокировать» так, чтобы противник практически не мог подбрасывать по ним к фронту живую силу и технику. Но для этого нужно иметь не только достаточное число соответствующим образом подготовленных партизан, но и минноподрывную технику и другое оружие. Все это требуется перебросить в тыл врага. Одной взрывчатки, по нашим расчетам, нужно забросить только для этих партизанских сил около 30 тонн, а весь груз, включающий вооружение и боеприпасы, соль, табак, медикаменты — самое необходимое, — составит около 140 тонн. Это почти 250 самолетовылетов. Но ведь есть и другие дела. Только в январе мы десантировали за линию фронта свыше 60 организаторских и диверсионных групп.

Строкач ладонью поправил светло-русую прядь, спавшую на его высокий лоб, и закончил:

— Как только вы перейдете в наше подчинение, мы вам многим поможем: дадим оружие, радиостанции, взрывчатку, специальные

мины — в общем все, что нужно, что, возможно, не сможет дать Военный совет фронта. Не будет только самолетов. Тут, как говорится, хоть плачь.

Эта откровенность подкупала. Позже я узнал, что генерал Строкач был прям и тверд, если это было надо, но мог быть по-детски веселым и добрым. Все зависело от обстановки и от дела, которое он решал, а также от человека, с которым он имел дело. Неизменна была, однако, его искренность, открытость. Он никогда не лукавил не водил человека за нос, не сулил несбыточного. Он уважал в людях то, что составляет суть человека, его личность в истинном понимании этого слова. Поражала работоспособность Тимофея Амвросиевича, особенно тогда, когда он сам оказывался в тылу врага. И эта самозабвенность, отреченность в работе, неприхотливость в быту не только изумляли, но и вызвали потребность подражания.

Строкача не надо было ни в чем убеждать, он понимал собеседника с полуслова. Кадровый военный, большая часть жизни которого прошла на границе — был он и начальником погранзаставы на Дальнем Востоке, и начальником погранотряда в Молдавии, а незадолго до войны заместителем наркома внутренних дел и начальником Управления погранвойск НКВД Украинской ССР, — он знал цену оружию и мужеству, дисциплине и военной тактике, слову и делу. О партизанской борьбе Строкач узнал еще в детстве — когда помогал своим братьям и отцу, сражавшимся с врагами молоддой Советской республики в Свиягском коммунистическом партизанском отряде в Уссурийском крае. В начале июля 1941 года Т. А. Строкач возглавил республиканское Управление по руководству партизанскими отрядами, диверсионными группами и истребительными отрядами. Тимофей Амвросиевич в полной мере испытал все трудности лета и осени 1941 года. Он заслал в тыл врага первые партизанские отряды, действовавшие под Киевом, затем выходил из Киева с последними частями Красной Армии. Враг замкнул кольцо окружения вокруг войск Юго-Западного фронта, и Строкач с небольшим отрядом прошел по тылам врага, получив первый личный опыт партизанских действий в условиях современной войны.

К весне 1943 года сорокалетний генерал, депутат Верховного Совета СССР, член Центрального Комитета Компартии Украины уже более полугода возглавлял один из крупнейших военных штабов по руководству партизанскими действиями на самом обширном театре партизанской войны — оккупированных областях Украины.

Продолжая разговор, Строкач посоветовал обратить внимание на Знаменские леса на Кировоградчине, где, по его словам, активно действовали партизаны и подпольщики и куда мы также могли

высадить свои организаторские группы, если нам удастся «раздобыть» самолеты.

— В Знаменских лесах находится подпольный Кировоградский обком партии, — сказал Тимофей Амвросиевич, — а также несколько партизанских отрядов. Внимание партизан в этом районе прежде всего приковано к станции Знаменка, которая представляет собой крупный железнодорожный узел, имеющий для фашистов большое значение. Отсюда ежедневно отправляются воинские эшелоны в пяти направлениях, в основном к фронту. В Знаменке для охраны узла находятся крупные воинские части, расположены контрразведывательные органы врага. Хотя, по нашим сведениям, там сильная подпольная сеть и значительные партизанские силы, подбросить новые партизанские подкрепления сюда не мешает. Поищите это в виду.

В ту встречу, не будучи еще моим начальником, Строкач сделал все, чтобы я почувствовал в нем надежного старшего друга, на которого можно было положиться во всем.

— Часть партизанских сил, находящихся в нашем оперативном подчинении, — сказал Тимофей Амвросиевич, заканчивая разговор, — мы вскоре передадим в ваше распоряжение, пришлем радистов и минеров, других необходимых специалистов. Сообщайте в УШПД обо всех затруднениях, с которыми столкнетесь, не стесняйтесь обращаться по любым вопросам.

Напутствие Строкача было коротким:

— Не ждите от нас особых директив. Проявляйте больше инициативы. Действуйте смело, активно. Мы должны все сделать, чтобы максимально эффективно использовать для победы такое уникальное явление в истории, каким оказался безграничный патриотизм нашего народа, его неодолимая преданность партии и Советской власти.

Говорят, что есть любовь с первого взгляда. Если справедливо это, то тем более справедлива возможность глубокого уважения к человеку с первой встречи. Именно к таким людям, вызывающим сразу же глубочайшее уважение, относился коммунист Строкач. И в годы войны, и после нее мне пришлось близко знать Тимофея Амвросиевича, вместе с ним работать. Могу утверждать, что нам удалось развернуть мощное партизанское движение не только потому, что его осеняли светлые коммунистические идеалы, но и потому, что на наиболее ответственные участки этой борьбы партия поставила лучших, талантливых и самоотверженных своих бойцов, каким был и Т. А. Строкач, которые сумели, говоря его же словами, наиболее эффективно использовать для победы безграничный патриотизм советского народа, его преданность делу коммунизма.

В середине марта 1943 года партизанский штаб Юго-Западного фронта был непосредственно подчинен Украинскому штабу партизанского движения, став его представительством на нашем фронте. А в начале апреля мы перебрались ближе к линии фронта — в Старобельск, откуда теперь осуществлялось оперативное руководство партизанскими действиями. Здесь был неплохой аэродром, который в случае появления у нас самолетов мог быть использован для заброски организаторских и разведывательных групп в тыл армий «Юг». Однако транспортный самолет за это время появился у нас лишь один раз. И то потому, что из Украинского штаба партизанского движения прибыла группа разведчиков, которых Т. А. Строкач попросил переправить через линию фронта в нашем районе, так как им предстояло действовать в Херсонской и Николаевской областях.

Разведгруппу возглавлял Феофан Михайлович Кирильченко. С ним были радистка Мария Бурлаченко и еще один человек. Задание разведчиков состояло в том, чтобы изучить систему укреплений на правом берегу Днепра от Херсона и выше в сторону Кривого Рога и передать сведения об этом в УШПД, затем перебраться в Николаев, разведать оборонительные укрепления в городе и вокруг него, вскрыть дислокацию вражеских аэродромов в этом районе, а также выявить некоторые сведения о николаевских судостроительных верфях.

Ф. М. Кирильченко родился и вырос в Николаеве, работал до войны на одном из судостроительных заводов электриком, там же стал комсомольцем. С началом войны завод был эвакуирован в Сормово, с ним и Феофан Михайлович. Просился на фронт, но ему предложили пойти учиться в партизанскую спецшколу в Москве. И вот теперь путь его лежал в родной Николаев, чтобы выполнить ответственное и важное задание командования.

Строкач просил не только переправить группу, но и, если это будет возможно, попытаться надежно устроить разведчиков во вражеском тылу. Выручил счастливый случай. Когда командующий 17-й воздушной армией, входившей в состав нашего фронта, выделил для переброски этой группы самолет, в штаб прибыл начальник парашютно-десантной подготовки армии подполковник В. Т. Разгонов и доложил, что ему поручено сопровождать разведгруппу до места высадки. Узнав о том, куда придется десантироваться разведчикам, он с нескрываемой радостью сообщил, что может помочь группе Ф. М. Кирильченко.

— В селе Ананьевке Великоалександровского района Херсонской области живут мои отец, мать и сестры, — сказал Василий Терентьевич, — у них и могут найти приют разведчики.

Разгонов дал Кирильченко свою фотографию, чтобы отец поверил, что люди к нему пришли действительно от сына. С Кирильчен-

ко мы договорились, что он будет передавать разведывательную информацию и для нашего штаба.

Группа Ф. М. Кирильченко вылетела за линию фронта в ночь с 16 на 17 апреля 1943 года. Наутро она приземлилась в 12 километрах от Ананьевки, близ сел Новокаменка и Трифоновка. Рацию закопали, а с ней еще некоторые вещи, в том числе и фотографию сына старика Разгонова. Пролежали среди бурьяна до вечера. А вечером вышли на дорогу. Неподалеку стоял трактор. Подошли. Тракторист спал. Разбудили.

— Кто такие? — спросил молодой парень.

— С поля, друг, идем.

— Что еще попытать будете? — насторожился парень.

— Много ли в селах немцев? Можно ли найти приют?

— А вы кто такие?

— Мы муж и жена, — сказал Кирильченко, указывая на Марию Бурлаченко, — вот вместе с товарищем освободились из плена. Он живет в Березнеговатом, а я в Николаеве. Что еще треба?

Видимо, парень смекнул, что неспроста его расспрашивают незнакомые люди. Рассказал все, как есть.

И вдруг — конский топот, скрип колес, немецкая речь. Обоз. Разведчики приготовили pistols.

— Кто такие? — спросили с первой подводы.

— Трактор охраняем, — отозвался тракторист.

Обоз пошел дальше.

— Странно, — сказал Кирильченко, когда скрылась последняя подвода, — все в штатском, а говорят по-немецки.

— Чуют фашисты свою погиль, — пояснил тракторист, — вот и перевозят своих подальше, на запад.

Феофан Михайлович достал пачку папирос.

— Московские? — изумился тракторист.

— Кури.

Все закурили.

— Ну что ж, — сказал парень, — пишлы до моей хаты.

Так у разведчиков появилась первая крыша над головой. На следующую ночь Кирильченко с товарищем пробрались в Ананьевку. Постучали в дом, где жил отец Василия Терентьевича Разгонова с семьей. Дверь открыла его жена.

— Вам кого?

— Нам Разгонова Терентия Фомича.

Появился Терентий Фомич:

— Кто такие, что треба?

— С Трифоновки мы.

— С Трифоновки, говорите? Нет, хлопцы, таких розовощеких и чистых там нет. Давно тут живу. Всех знаю.

Тогда Кирильченко сказал:

— Мы от вашего Василия.

Старший Разгонов недоверчиво спросил:

— Чем докажете, что от Василия?

Рассказали, что минувшей ночью сын Терентия Фомича сопровождал их до места высадки, для пароля дал свою фотографию, они ее закопали ночью в степи вместе с рацией, а когда доставали рацию, карточку не нашли.

— Ладно,— сказал Разгонов,— зараз мы вас спытаем.

Он прошел в горницу и принес несколько фотографий.

— Где Василий?

Разведчики сразу указали.

— Теперь верю,— сказал Терентий Фомич,— что от Василия. Не буду допытываться, чего прибыли. Мой дом — ваш дом. И хлеб наш — ваш хлеб, хотя его не густо. Делайте дело свое. Только осторожно. Хотя немцев в селе нема, но в Новокаменке и Трифоновке они есть, оттуда и в Ананьевку наезжают.

Наутро Терентий Фомич пошел к старосте, попросил подводу сушняка и дров привезти. На этой подводе и доставил он Марию Бурлаченко к радиостанцией.

Радиостанцию установили на чердаке, в одной из комнат поселились разведчики. Хоть и тесновато стало семье Разгоновых — кроме жены Ульяны Анисимовны были у старика еще две малолетние дочери Вера и Таисия, совсем маленький сын Володя, — но, как говорят, в тесноте да не в обиде. Еще один сын Терентия Фомича — Андрей был на фронте.

В Украинский штаб партизанского движения и в штаб партизанского движения Юго-Западного фронта регулярно стали поступать радиogramмы от разведгруппы Ф. М. Кирильченко. В самой Ананьевке и во многих селах вокруг нее, в различных населенных пунктах по берегу Днепра, в Николаеве у разведчиков появилось множество помощников — советских патриотов, рисковавших жизнью, благополучием своих родных и близких, но вносивших свой посильный вклад в борьбу с ненавистным врагом. В Ананьевке активно помогали разведчикам местные жители. Особенно важную роль играл Дмитрий Федорович Козорез. К нему главным образом приходили связные и, назвав пароль (мужчины спрашивали: «Где можно купить местного табаку?», а женщины: «Где достать сушеных вишен или лука?»), передавали необходимые сведения для Ф. М. Кирильченко. Сами разведчики тоже обзавелись необходимыми документами и не сидели на месте. Феофан Михайлович часто бывал в Николаеве, его товарищ в Березнеговатом и других селах. На месте оставалась лишь Мария Бурлаченко — «Акация», которая дважды в сутки почти ежедневно выходила на связь: в 10 утра с Москвой, с УШПД, в 2 часа дня — со штабом партизанского движения фронта.

От группы Ф. М. Кирильченко поступали исключительно ценные сведения. Но однажды — это было 10 июня 1943 года — рация Марии Бурлаченко замолчала. Не зная, что случилось, мы ждали знакомых сигналов. Однако проходил день за днем, «Акация» в эфире не появлялась.

А в Ананьевке произошло следующее. Вражеские пеленгаторы засекли рацию Марии. Кирильченко решил перебросить радистку в другое село, где были надежные люди. В одну из ночей разведчики попытались перенести рацию. Однако рассвет застал их в поле. Радиостанцию закопали. Каково же было состояние разведчиков, когда на следующую ночь они не смогли отыскать место, где они зарыли радиостанцию — все поле было перепахано трактором. Так группа лишилась связи. Но беда, как и удача, не приходит одна. В Ананьевке появился вражеский агент. Разведчиков успел предупредить кузнец Дмитрий Федорович Козорез, подслушавший разговор начальника полиции с одним из гестаповцев, остановившихся у кузницы подремонтировать бричку, на которой они приезжали в Ананьевку. Когда гитлеровцы ворвались в дом к Терентию Фомичу Разгонову, разведчиков и след простыл.

Однако события развивались все же не совсем удачно. Лишившись рации, Феофан Михайлович Кирильченко послал через линию фронта несколько надежных людей. Один из них, Андрей Головки из села Березнеговатого, перешел ее. Связавшись с УШПД, товарищи направили в Березнеговатое новую группу с радисткой Идой Лаудой. Но Ида попала в руки врага и погибла в гестаповских застенках.

Озабоченные молчанием рации Марии Бурлаченко, мы послали в Ананьевку Веру Ивановну Ворожко с дополнительным радиопитанием. Она благополучно приземлилась на парашюте, нашла семью Разгоновых, но ее помощь была уже не нужна. Вера Ивановна десантировалась в ночь на 20 августа 1943 года, когда Ф. М. Кирильченко и М. И. Бурлаченко перебрались уже в Николаев, а третий разведчик обосновался в Березнеговатом. С ним и осталась Ворожко.

За домом Разгоновых была установлена слежка. Но так как никого из разведчиков поймать не удалось, гестапо в конце концов арестовало Терентия Фомича. Его били, выкручивали руки, жестоко пытали. Зная, что у гитлеровцев прямых улик нет, Разгонов не поддавался, держался стойко. Так ничего и не добилось гестапо от мужественного помощника партизанских разведчиков. Терентий Фомич никого не выдал. В конце концов его отпустили, но за домом продолжали следить, однако теперь уже впустую.

Мы знали, что В. И. Ворожко находится в надежном месте, однако долго не имели никаких сведений о Ф. М. Кирильченко и М. И. Бурлаченко. 4 февраля 1944 года на запрос Т. А. Строкача о

разведчиках мы отметили, что «судьба Кирильченко и Бурлаченко нам неизвестна». Лишь позднее, когда мы находились уже в Кривом Роге, а Николаев был освобожден войсками нашего фронта, Феофан Михайлович и Мария Ивановна оказались в нашем штабе, как говорят, живыми и невредимыми. Все это время они были в Николаеве, где Ф. М. Кирильченко связался с подпольщиками, в основном комсомольцами и молодежью, и стал руководить группой, в которую вошло около 80 человек. За деятельность в тылу врага Феофан Михайлович был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Самолет, который десантировал в тыл врага разведывательную группу Ф. М. Кирильченко, сбросил за линией фронта еще три разведгруппы — в районах Днепропетровска, Кременчуга и Запорожья. Остальные наши партизанские организаторы переходили линию фронта, нередко с боем прорываясь сквозь все усиливавшуюся оборону гитлеровцев на Северском Донце. Партизаны преодолевали исключительные опасности и трудности: проволочные заграждения, минные поля, сеть дзотов и дотов, траншей и окопов; нужно было не вызвать подозрений у патрульных, войсковых подразделений, полиции, жандармерии и т. д., которыми буквально кишел передний край врага. Да и сам Северский Донец с обрывистым и открытым противоположным берегом, особенно когда река вскрылась, представлял собой серьезную преграду, преодолеть которую не всегда удавалось благополучно. Тем не менее с боем или без боя, большими отрядами или малыми группами наши посланцы проникали через линию фронта и, связываясь с населением, подпольщиками, подпольными партийными органами, партизанами, которые уже действовали в тылу врага, с их помощью или самостоятельно выполняли задачи в интересах войск фронта. До конца апреля 1943 года сквозь вражескую оборону в основном из Старобельска, Миллерово и других мест пробилось 18 отрядов и 38 разведывательных групп, которые насчитывали в общей сложности 680 человек. Это был не весь партизанский резерв, которым мы располагали. К этому времени совместно с местными партийными органами, с помощью УШПД и штаба фронта были подготовлены к действиям в тылу врага значительные партизанские силы.

Создание штаба партизанского движения на Юго-Западном фронте не осталось незамеченным противником. Теми или иными путями разведывательные и контрразведывательные органы врага узнавали о нашей деятельности. Они не только проявляли пристальный интерес к нам, но даже преувеличивали значение нашего штаба в руководстве партизанскими действиями на Украине. Из управления контрразведки фронта сообщали: «Германской контрразвед-

ке известно, что всей деятельности партизанских отрядов на временно оккупированной территории Украинской ССР руководит штаб партизанского движения на Украине. Штаб имеет в своем распоряжении ряд десантно-парашютных школ, готовит разведчиков для переброски в тыл противника... Органы германской контрразведки установили наличие партизанских школ в Миллерово и Старобельске, о чем отмечалось в ряде документов контрразведки противника... Германская разведка считает, что штаб партизанского движения на Украине находится в Старобельске по улице Буденного, 27...»

Это был точный адрес штаба партизанского движения на Юго-Западном фронте.

Такое внимание к нашему штабу, как, впрочем, и к другим партизанским штабам, было не случайным. Возраставшая активность партизан вынуждала гитлеровское командование принимать все новые и новые меры по борьбе с партизанским движением, охватившим к этому времени весь тыл вермахта. Весной 1943 года фашистское руководство принимает еще один документ, подписанный Гитлером, в котором предлагались дополнительные меры по ведению контрпартизанской войны. В документе говорилось:

«Русские ведут партизанскую борьбу в настоящее время все более интенсивно. В качестве руководителей они используют генералов, регулярно снабжают партизан оружием и боеприпасами, поддерживают с ними курьерскую и радиосвязь и даже вывозят их самолетами на отдых в глубь страны... Деятельность партизан в последнее время оказывает существенные помехи железнодорожному транспорту, сельскому хозяйству, парализованы сплавные работы на реках и т. д. В силу этого нам необходимо вести борьбу с партизанами более интенсивно и продуманно...»

В приказе предлагалось «борьбу против партизан рассматривать как боевые действия на фронте». Она должна была планироваться всеми оперативными отделами армий и групп армий, в нее вовлекались все наличные резервы. Для контрпартизанской борьбы привлекались «только способные, энергичные и физически закаленные офицеры». Приказ требовал принимать самые беспощадные меры по отношению к партизанам и поддерживающему их населению. Генеральному штабу сухопутных войск предлагалось издавать бюллетень «Известия о партизанской войне», в котором для ориентировки войсковых штабов отражать сведения о деятельности партизан.

Особое место в контрпартизанской борьбе занимало проникновение агентуры врага в партизанские штабы и формирования. Бесильное подавить народную войну в тылу своих армий, фашистское руководство делало ставку и на «взрыв» партизанских сил «изнутри», на возможность помешать деятельности крупных партизан-

ских штабов путем засылки туда шпионов, предпринимало попытки хоть в какой-то степени взять под свой «контроль» создание новых партизанских формирований, используя для этого все возможные средства.

Еще в Калаче к нам из вражеского тыла в конце марта 1943 года прибыл «партизанский отряд» из 11 человек во главе с неким Гусевым. У партизан оказались убедительные документы, подтверждавшие, что отряд был создан в декабре 1942 года в городе Сватово и нанес немалый урон врагу.

Группу поселили в отдельном домике при учебном пункте. Но однажды проходивший мимо работник штаба обратил внимание на то, что в доме кто-то работает на рации. За домиком установили наблюдение. Обнаружили, что в белье в веревке, на которой сушили свое белье «партизаны Гусева», был вмонтирован провод, служивший антенной. Однако не дремали и наши «гости». Почувствовав, что за ними наблюдают, они попытались бежать, но далеко им уйти не удалось.

В мае 1943 года уже в Старобельске в штаб явился вышедший из вражеского тыла «партизан» Мизяк, который доставил чертеж новейшей немецкой мины, объяснив, что сумел выкрасть его в немецком штабе, в котором он работал. Мы предложили «партизану» отдохнуть и быть готовым через некоторое время снова уйти в тыл врага. Проверка показала, что Мизяк был послан гитлеровской разведкой в штаб партизанского движения со специальным заданием.

Надо сказать, что и в дальнейшем гитлеровская разведка проявляла интерес к нашему штабу. Из управления контрразведки фронта сообщали:

«Немцам известно, что Старобельской партизанской школой в начале апреля 1943 года в 30 км юго-восточнее Лисичанска переброшено 12 человек с заданием общей разведки противника. Один человек захвачен в Троицком (20 км западнее Славянска). Перевоска производилась опергруппой ШПД ЮЗФ».

«Германской контрразведке известно, что из Можняковки (50 км северо-восточнее Старобельска) подполковник Аптерман перебросил в Михайловку (20 км западнее Знаменки) 10 парашютистов с радиоаппаратурой. Из этой группы противником убито 2 человека и ранено 2. Группа имела задание взрывать мосты и железнодорожные линии, обезоруживать всех офицеров и солдат».

Получая подобные сообщения, мы меняли места выброски своих десантников, находя для этого все новые и новые районы.

Летом 1943 года наш штаб впервые отправил за линию фронта немецких антифашистов. Созданный на территории Советского Союза Национальный комитет «Свободная Германия» стал активно помогать Красной Армии в ее борьбе с гитлеровскими войсками. По-

явились немецкий антифашисты и на нашем фронте. Их возглавлял уполномоченный Национального комитета «Свободная Германия» Эбергард Каризиус. Из этих антифашистов и наиболее подготовленных партизан совместно с политуправлением фронта мы стали создавать специальные группы для пропагандистской работы в войсках противника, а также для сбора различной разведывательной информации.

В середине июня 1943 года через Северский Донец была переправлена спецгруппа, состоявшая из трех человек. В нее входили партизаны Волченко и Колос, немецкий антифашист Унгер. Переправились они на участке одной из дивизий 6-й армии. О результатах операции подполковник М. И. Филиппов донес: «Ваше задание по засылке в тыл противника немца Пауля Унгера с нашими проводниками-партизанами полностью выполнено. В ночь с 18 на 19 июня группа при содействии командира 3-го батальона 544-го стрелкового полка 152-й стрелковой дивизии капитана Толкачева и начальника разведки дивизии майора Кожевникова была переправлена в районе южнее населенного пункта Коробово. Переправившись через Северский Донец и замаскировав лодку, группа стала углубляться в лес. Через 1,5 км со всех сторон послышалась немецкая речь. Унгер пошел дальше, а партизаны остались в ложнине. Унгер был обеспечен солдатской книжкой, сапогами, пистолетом парабеллум с кобурой, опознавательными знаками и др.».

Как же действовал Унгер в тылу врага? По дороге он распространял листовки: часть оставил на столе в домике связистов, часть незаметно подсунил в повозку с боеприпасами, часть разбросал при входе в блиндажи и окопы. Две пачки листовок по 15—20 штук вручил двум солдатам 5-й и 10-й рот 371-го пехотного полка 161-й пехотной дивизии, встретившимся по дороге. С одним из них имел разговор в течение получаса. В разговоре солдат выразил недовольство войной, проявил большой интерес к листовкам и охотно взялся их распространить. Со вторым солдатом Унгер вел разговор на отвлеченную тему, а при прощании сунул ему в руку пачку листовок и удалился.

Во время выполнения задания на перекрестке дорог Унгеру встретился обер-лейтенант с «железным крестом», ехавший на коне. Он остановил Унгера и спросил, куда тот идет. Получив ответ: «В Большую Гомольшу», обер-лейтенант обогнал Унгера и проследовал дальше. Но через некоторое время вернулся и спросил его, какой он роты. Унгер назвал. Офицер потребовал предъявить условный опознавательный знак этой роты. Унгер предъявил. Обер-лейтенант, однако, не успокоился и не выпускал нашего «посланца» из виду. Заметив возникшее подозрение, Унгер, не доходя до Большой Гомольши, возвратился обратно и кратчайшим путем через лес вышел к переправе.

В донесении далее говорилось: «Распространив листовки, Унгер собрал следующие разведданные: подтвердил нахождение в районе Коробово — Сухая Гомольша 10-й и 11-й рот 317-го пехотного полка, установил наличие в Большой Гомольше 5-й роты 317-го пехотного полка, выведенной туда на отдых; подтвердил предположение о расположении в Большой Гомольше штаба 3-го батальона, узнав, что там находится главный перевязочный пункт батальона; в районе перекрестка дорог обнаружил не выявленную ранее артиллерийскую батарею; подтвердил сведения о том, что вдоль дороги Сухая Гомольша — Большая Гомольша немцы отрывают замаскированные ячейки — секреты для наблюдения за партизанами; в домике лесничего, что северо-восточнее высоты 143,6, обнаружил радиопередатчик батальонного типа, к которому было протянуто большое количество проводов; подтвердил данные о расположении линии обороны противника в районе между с. Коробово и Большая Гомольша.

Указанные разведданные переданы командованию 152-й стрелковой дивизии.

19 июня в 11 часов группа возвратилась в расположение наших передовых частей...»

Выполняя задание, Унгер действовал смело, решительно, но в отдельных случаях не совсем осторожно. Так, в полутора километрах от Северского Донца при первой встрече с группой солдат-связистов на передовой, не узнав настроения солдат, не поговорив с ними, Унгер оставил на столе пачку листовок, несмотря на то что обратил на себя внимание фельдфебеля, который заинтересовался, откуда он идет. Подобное произошло и с солдатом 10-й роты, которому он без предварительной подготовки вручил пачку листовок. Этот солдат, кстати, при разговоре с Унгером обратил внимание на отсутствие у того противогаза и даже выразил удивление по этому поводу.

При последующих засылках специальных групп за линию фронта мы более тщательно экипировали и инструктировали немецких антифашистов, которые проявляли исключительное мужество и смекалку при выполнении заданий. Все антифашисты были хорошо вооружены. Но применять оружие им не пришлось ни разу. Засланные группы благополучно возвратились обратно.

Не раз уходил за линию фронта и Пауль Унгер, последний раз в феврале 1944 года. Вместе с антифашистами Гейнцем Зейделем и Юлиусом Риммельспахером он был направлен к партизанам, действовавшим в районе Каменец-Подольск. Задачей этой группы было изготовление и распространение антифашистских листовок в близлежащих немецких гарнизонах, вовлечение посетителей солдатских клубов в движение «Свободная Германия», создание нелегальной группы «Свободная Германия» и передача ей

радиостанции для установления связи с уполномоченным Национального комитета на нашем фронте Э. Каризиусом. Помимо того, группа должна была добыть важные документы вермахта. Но это была особая операция.

Задание немецкие антифашисты выполнили и в ходе освобождения Каменец-Подольской области, находясь среди партизан, соединились с частями Красной Армии.

В книге В. Вольфа «На стороне Красной Армии», переведенной на русский язык в 1976 году, есть признание президента Национального комитета «Свободная Германия» Эриха Вайнера о немецких антифашистах, которое хотелось бы здесь привести.

«Был еще особый вид нелегальных борцов-антифашистов во время войны,— отмечал он,— о которых, собственно, еще ничего не сказано, хотя именно они заслужили, чтобы не быть забытыми. Я имею в виду солдат вермахта, которые, попав в плен, стали убежденными антифашистами и возвращались через линию фронта, чтобы вести в тылу гитлеровской армии и непосредственно в войсках пропагандистскую работу. Когда обсуждался вопрос о том, надо ли и как надо было бы вести пропагандистскую работу за линией фронта, многие из наших новых друзей-антифашистов высказали готовность взять на себя эту опасную задачу. На всем протяжении огромного фронта была организована работа по засылке антифашистов через линию фронта... много немцев, отправившихся в поход с верой в Гитлера, стали мужественными и страстными антифашистскими борцами...»

Таковыми на нашем фронте были немецкие антифашисты Э. Каризиус, П. Унгер, Г. Зейдель, Ю. Риммельспахер, Р. Паркер и многие другие.

Начало июля 1943 года ознаменовалось крупнейшим сражением минувшей войны — битвой на Курской дуге. Гитлеровцы решили еще раз попытаться счастья и добиться победы во что бы то ни стало. Однако расчеты фашистского командования не оправдались. Еще не закончились оборонительные бои под Курском, как уже перешли в наступление войска некоторых советских фронтов. 17 июля нанес удар по врагу и Юго-Западный фронт.

20 июля мы передали в опергруппы приказ, в котором потребовали воспользоваться успешным прорывом войск Юго-Западного фронта и использовать все возможности для переброски партизанских сил в глубокий тыл врага: наличие прорывов, рейды танковых частей, разведотряды и т. д. В приказе говорилось: «Пройти где угодно и уйти в свои районы действий... Уходить в глубокий тыл, даже за Днепр».

Однако жизнь неожиданно внесла поправки в эти распоряжения. Оказавшись в конце июля в Беловодске, неподалеку от Старобельска, где располагался Военный совет фронта, я, войдя в столовую Военного совета, увидел там начальника Генерального штаба Советских Вооруженных Сил Маршала Советского Союза А. М. Василевского. Вместе с ним находился генерал-полковник Р. Я. Малиновский, сменивший ушедшего на другой фронт Н. Ф. Ватутина. Василевский прибыл к нам как представитель Ставки Верховного Главнокомандования для координации усилий различных фронтов в летней кампании 1943 года.

Когда я представился, Василевский пригласил меня за стол и спросил:

— Ну, товарищ Асмолов, расскажите, как воюют партизаны, в чем есть нужда?

— Товарищ маршал,— ответил я,— нельзя сказать, что дела наши плохи, но могли бы быть много лучше, если бы в нашем распоряжении были самолеты. Все остальное есть. Нет самолетов.

— И что же вы просите? — живо отозвался Василевский.

— На первый случай нас бы устроило хотя бы пять самолетов-вылетов.

— Так, так,— в раздумье произнес Василевский,— значит, наш партизанский фронт нуждается в самолетах? Надо помочь.

И он продиктовал адъютанту радиogramму для командующего дальней авиацией, в которой генералу Голованову предписывалось направить в распоряжение полковника Асмолова пять самолетов.

Поначалу я подумал, что маршал оговорился и сейчас поправится. Ведь речь шла о пяти самолетов-вылетах, а не о пяти самолетах. Но он обратился с каким-то вопросом к Малиновскому, а адъютант, записав указание Василевского, не стал ничего уточнять. Признаться, я все еще не верил в такую неожиданную удачу.

Спустя несколько дней пять транспортных самолетов Си-47 и Ли-2 совершили посадку на Старобельском аэродроме. Старший группы летчиков, явившись ко мне, доложил, что прибыл в распоряжение штаба партизанского движения Юго-Западного фронта.

Транспортные самолеты, оказавшиеся в нашем распоряжении, несколько изменили направленность работы штаба. Из подготовленных нами партизанских сил были созданы организаторские партизанские группы, состоявшие из 9—12 человек. Эти группы, выброшенные в тыл врага на парашютах, должны были превратиться в крупные отряды за счет населения. Таким группам проще было найти места для базирования, легализоваться в населенных пунктах. Вместе с ними были подготовлены к заброске во вражеский тыл разведывательные и разведывательно-диверсионные группы для самостоятельных действий.

— Решение совершенно верное,— заметил Малиновский, которому я доложил о готовности начать переброску по воздуху в тыл противника организаторов партизанской борьбы.— Согласуйте только места высадки и районы боевых действий партизанских групп с Украинским штабом партизанского движения, а если возможно, и с местными партийными органами. Особенно учтите их мнение, когда наши организаторы партизанской борьбы окажутся на местах. Все это также доложите начальнику штаба фронта, чтобы мы могли использовать партизанские силы как можно лучше в интересах наших наступающих войск.

Все эти указания были выполнены. Когда я появился у начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Ф. К. Корженевича, он, до предела загруженный текущими делами, связанными с продолжавшимся наступлением наших войск, узнав о цели моего прихода, заметил с улыбкой:

— Вот чьей помощи нам как раз не хватает. Ну-ка, какие у вас предложения?

Начальник штаба был за то, чтобы выброску партизанских групп произвести в отдаленные районы, в глубокий тыл группы армий «Юг».

— Партизаны, с которыми мы могли бы поддерживать постоянную связь и передавать им свои указания, должны оседлать основные коммуникации Манштейна. Во многих местах партизаны уже действуют, но у нас нет связи с ними. Хорошо бы согласовывать удары партизанских сил с нашими задачами.

Согласно выработанному плану, выброску организаторов партизанской борьбы, которые были бы связаны по радио с нашим штабом, Военным советом и действовали в интересах войск фронта, предстояло осуществить близ крупнейших промышленных центров Украины. Партизанские десанты намечалось высадить прежде всего у Запорожья, Кировограда, Днепропетровска, Кривого Рога, Никополя, а также близ Полтавы, Сталино, Харькова и некоторых других городов. Корженевич одобрил этот замысел, добавив, что хорошо бы парализовать такие коммуникации врага, как Чугуев — Полтава — Кременчуг, Славянск — Лозовая — Полтава — Сталино — Павлоград — Днепропетровск, Красноармейское — Запорожье, Шевченко — Мелитополь, Харьков — Лозовая, Сталино — Мариуполь и т. д. Большое внимание начальник штаба фронта обратил на разведку.

— Хотелось бы,— сказал он,— чтобы партизанские отряды и разведывательные группы незамедлительно передавали сведения о том, что делается в оперативной глубине противника. Видимо, в некоторых местах, прежде всего на крупных железнодорожных узлах, надо иметь нам свою постоянную партизанскую разведку для всестороннего сбора разведывательной информации о военных перебросках в тылу армий Манштейна, намерениях врага и обо всем другом, что может нас заинтересовать.

Перед тем как начать заброску наших парашютистов за линию фронта, я побывал у начальника управления контрразведки. Хотя мы знали уже о многом, что делается во вражеском тылу, хотелось иметь последние сведения, которыми располагали контрразведчики фронта.

В управлении контрразведки я познакомился с документами, которые свидетельствовали о крупных очагах партизанской борьбы в Донбассе, в районах Павлограда, Кривого Рога, в Винницкой области, Одессе и других местах. Большую активность, по данным нашей контрразведки, проявляли партизаны в районе Таганрога. Сообщалось также об успешной деятельности партизан в болотистой местности южнее Запорожья.

Начальник управления контрразведки фронта познакомил меня с некоторыми документами немецких и румынских разведывательных и контрразведывательных органов, свидетельствовавших об усилении партизанских действий в полосе наступления войск фронта. Многие из этих документов были доведены до командиров организаторских партизанских групп, вылетающих в тыл врага. Эти документы свидетельствовали о все усиливавшейся борьбе украинского народа против захватчиков и росте сети партизанских отрядов во временно оккупированных районах Украинской ССР.

Когда происходило формирование партизанских организаторских групп, работники штаба не смогли удовлетворить все просьбы

добровольцев, стремившихся как можно скорее оказаться в тылу врага. Вспоминаю рапорты и заявления, поступавшие в те дни в штаб от партизан, и не могу не сказать, сколько же было у нас патриотов, как мы были сильны именно этой патриотической готовностью наших людей сделать все для того, чтобы отстоять свободу и независимость Советской Родины, разгромить фашистских захватчиков, умереть или одолеть врага.

У меня сохранился один из тех рапортов, которые теперь принадлежат истории. Он был подан инструктором минноподрывного дела Виктором Михайловичем Бурым 30 июля 1943 года после того, как за линию фронта улетели первые группы. «Я был направлен в вашу часть в качестве инструктора минноподрывного дела из Украинского штаба партизанского движения,— писал В. М. Бурый.— Проработав в этой должности с 23.IV.43 г. по сегодняшний день, я повседневно передавал все свои знания людям вверенной вам части. В этот момент, когда части Красной Армии ЮЗФ перешли в наступление, я хочу быть в рядах славных украинских партизан и на деле применять свои знания, разрушая коммуникации противника, взрывая склады и внося панику в ряды фашистских мерзавцев. Я жизнью обязан своей Родине, которая меня учила и воспитывала, а поэтому прошу вас зачислить меня в группу «полтавцев» (ком. Тканко), которая уходит на задание. Клянусь вам, что буду храбро и смело сражаться против фашистских собак, а если понадобится, отдам и жизнь за освобождение родной Украины и всей нашей великой Родины».

Война застала Виктора Бурого в Днепровском речном пароходстве, где он, студент третьего курса Киевского речного техникума, проходил практику в качестве помощника капитана на одном из судов. Практика оказалась боевой в полном смысле этого слова. Пароход, на котором стажировался Виктор Бурый, перевозил раненых в тыл, а из тыла доставлял на передовую подкрепления. Так продолжалось до тех пор, пока гитлеровские войска не подошли вплотную к Днепру. Затем Бурый оказался на Дону, а осенью 1941 года — в Казани, где продолжал учебу в местном речном техникуме.

Но горячее сердце патриота не позволило Виктору оставаться в тылу. В январе 1942 года в составе Казанской стрелковой дивизии он добровольцем ушел на фронт командиром отделения роты истребителей танков. В бою за населенный пункт Зайцева гора на юновском направлении был тяжело ранен. Лежал в госпитале в городе Коврове Владимирской области, затем поступил во Владимирское пехотное училище. Здесь Виктору Михайловичу предложили продолжить учебу в другом месте, готовиться к действиям в тылу врага. Боевое крещение состоялось на Северо-Кавказском фронте, где Бурого забросили во вражеский тыл катером по морю. В апреле

1943 года он, выполнив возлагавшееся на него задание, прибыл в распоряжение штаба партизанского движения на Юго-Западном фронте.

— Понимаете,— доказывал мне Виктор Бурый, пробивая свой рапорт,— в Москве мне обещали боевую работу, не в штабе, а во вражеском тылу. Вся душа у меня изболелась. А сейчас я занимаюсь только тем, что провожаю своих учеников за линию фронта. Но ведь и там есть кого учить...

На рапорте Виктора Бурого сохранилось указание: «Тов. Бурого включить в группу, которая будет вылетать последней, а до этого его использовать в качестве инструктора по подготовке всех групп».

Трижды В. М. Бурый забрасывался в тыл врага в составе группы А. В. Тканко: в августе 1943 года — в Полтавскую область, в сентябре — в Киевскую, в марте 1944 года — в Черниговскую и в июле 1944 года уже в качестве начальника штаба соединения — в Закарпатье. Находясь за линией фронта, Виктор Михайлович готовил подрывников из местных партизан, сам минировал железные дороги и пускал под откос вражеские поезда на участке Киев — Яготин, уничтожал гитлеровскую технику на автотрассе Полтава — Киев, взрывал мосты через притоки Днепра, участвовал в руководстве партизанскими действиями крупного соединения.

Все это время он вел небольшой дневник, о котором я узнал уже после войны. В одном из последних писем, в 1977 году, В. М. Бурый писал: «У меня сохранились отдельные записки в виде дневников, которые я вел после возвращений из тыла врага. Сейчас они мне кажутся очень наивными, такими, что даже самому за себя стыдно. И все же главное в них сохранилось ярко — беспредельная преданность Родине, вера в окончательную победу над врагом, готовность к самопожертвованию ради Великой Победы».

Таким и в моей памяти остался инструктор минноподрывного дела, а затем начальник штаба партизанского соединения Виктор Михайлович Бурый, рапорт которого сохранился в моем архиве. За образцовое выполнение боевых заданий в тылу врага он был награжден правительственными наградами. После войны генерал-майор Виктор Михайлович Бурый был заместителем министра внутренних дел Украинской ССР.

Одной из первых в ночь с 27 на 28 июля 1943 года высадилась в тылу врага организаторская группа И. Д. Мединского, состоявшая из 12 человек. Ее выбросили на парашютах в Винницкой области, в районе Шабельнянского леса, где, по нашим данным, действовали местные партизанские отряды. Они возникли здесь еще осенью 1941 года, но все это время не имели связи с Большой землей. Особенно досаждали фашистам отряд имени В. И. Ленина

под командованием А. Г. Кондратюка, отряд «За Родину» во главе с И. А. Рыбаченко, отряд Монастырищенского района, которым командовал И. И. Калашник, и другие партизанские формирования. Здесь же, в Шабельнянском лесу, находился межрайонный подпольный партийный комитет, руководимый А. К. Микитенко, который практически выполнял функции подпольного обкома партии. Группе И. Д. Мединского и предстояло наладить связь всех этих партизанских сил со штабом партизанского движения Юго-Западного фронта, координируя их действия с действиями и задачами войск фронта.

Когда группа высадилась, стало известно, что А. К. Микитенко героически погиб в стычке с гитлеровцами в селе Кубличи, и межрайонный подпольный партийный центр Винницкой области возглавил М. С. Корнейчук. 24 августа 1943 года состоялось заседание центра, на котором по предложению И. Д. Мединского было принято решение об объединении партизанских отрядов в соединение под командованием А. Г. Кондратюка. Группа И. Д. Мединского стала выполнять роль оперативного центра по руководству партизанскими действиями, получая указания из штаба партизанского движения фронта. Впоследствии, когда в бригаде появилось больше радиосредств, А. Г. Кондратюк и даже командиры отдельных отрядов стали поддерживать прямую связь с нашим штабом, осуществляя боевые действия в интересах войск фронта.

В начале августа началась высадка организаторских партизанских групп в район Ирдынского леса в Полтавской области. 2 августа самолетом с группой 10 человек вылетел Я. И. Сиворонов. Несмотря на то, что о местности, куда высаживались партизаны, имелись лишь общие сведения, группа приземлилась благополучно. А вот грузы попали к противнику, так как во время выброски по дороге, пролежавшей неподалеку от леса, шли немецкие машины. В эту ночь сюда десантировалась еще одна группа из 10 человек во главе с Г. П. Преймаковым. На этот раз партизаны приземлились менее удачно. Они оказались в 30 километрах от Ирдынского леса близ села Орловец. Часть партизан упала с парашютами прямо на село, где стоял гарнизон противника. Сюда же попали и грузы. Однако партизанам все же удалось оторваться от преследования и уйти в Ирдынский лес.

Спустя три дня в тот же район десантировались еще две группы во главе с Н. П. Михайличенко и П. П. Медведенко. Несмотря на то что уже имелась связь с Я. И. Сивороновым и сигнал-костры выкладывались на месте ожидаемого приземления ежедневно, группа Н. П. Михайличенко, как и группа Г. П. Преймакова, приземлилась в селе Большое Староселье, где находился гарнизон врага. Туда же попали и грузовые мешки. Из-за того что выброска произошла на село, из 11 человек собрались лишь девять. Парти-

зан Кравцов оказался в руках гитлеровцев и под пытками сошел с ума. Отбилась от группы и медсестра Будыльская.

— Когда группа собралась,— рассказывал после выхода из вражеского тыла Н. П. Михайличенко,— и обнаружилось, что нет Будыльской и Кравцова, мы решили сделать дневку в огородах неподалеку от Большого Староселья. День прошел в напряжении, но благополучно. Ночью перешли в лес, стали искать своих товарищей, но вместо них встретили несколько молодых рабочих из лесничества — жителей села Большое Староселье.

Михайличенко представился им как летчик с подбитого советского самолета, разыскивающий членов своего экипажа. Других десантников парни не видели. Ребята охотно согласились помочь «летчику». Договорились, что они поездят по селам, узнают, не слышно ли что о его «экипаже» или каких других советских парашютистах. Условились о «почтовом ящике» в лесу, если по каким-либо причинам встретиться больше не удастся.

Пока партизаны ожидали своих посланцев, в лес нагрянули гитлеровцы и полицейские.

— Когда слышались немецкая речь и еще чей-то говор,— рассказывал Н. П. Михайличенко,— мы приготовились к бою. Немцев и полицейских оказалось многовато. Тогда и пришла мне дерзкая мысль атаковать противника первыми, создав в его рядах панику. Это удалось. Бросив в цепь гранату и открыв огонь, я стал подавать команды членам своей группы: «Первая рота справа, вторая слева...» После этой команды мы сразу открыли огонь с флангов из всех видов оружия. Эффект превзошел все ожидания. Словно договорившись, немцы с полицией шарахнулись в кусты, не сделав ни одного ответного выстрела. Бежали они до самой деревни. Мы захватили трофеи и углубились в лес.

Тут партизаны и нашли медсестру Будыльскую, которая трое суток бродила одна по лесу, встретив на пути партизана Касьяненко, отбившегося от другой организаторской группы. А спустя еще некоторое время наши десантники обнаружили в «почтовом ящике» записку. Ребята сообщали, что карательный отряд, который бежал от партизан, насчитывал 107 человек: 80 немцев и 27 полицейских. В село привезли 19 убитых.

Группа П. П. Медведенко приземлилась близ узкоколейной железной дороги у станции Ирдынь, однако обнаружена не была и благополучно ушла в лес. Пропал лишь командир группы Медведенко.

Постепенно все сброшенные в Ирдынский лес группы установили между собой связь. 22 августа 1943 года они соединились в одном лагере, о чем и сообщили в штаб партизанского движения фронта. Узнав о приземлении советских парашютистов, в Ирдынский лес потянулись местные жители. Вскоре здесь уже стало дей-

становить семь полнокровных партизанских отрядов. Все они вошли в партизанское соединение, командиром которого был назначен Я. И. Сиворонов. Комиссаром соединения стал Н. П. Михайличенко, а начальником штаба Г. П. Преймаков. При штабе были созданы группа связи с четырьмя радиостанциями и разведывательно-диверсионная группа под командованием помощника лесничего Ирдынского лесничества В. Ю. Страхова. Были установлены тесные связи с подпольной организацией города Черкассы во главе с Лазебным. Впоследствии подпольщики влились в соединение Я. И. Сиворонова, получившее наименование «Грозный», как и партизанский отряд, который в свое время возглавлял Яков Иванович.

Соединение Я. И. Сиворонова развернуло боевые действия в районе Белая Церковь — Знаменка — Черкассы. Под ударами партизан оказались железнодорожные магистрали Белая Церковь — Мироновка — Бобринская — Знаменка, Бобринская — Черкассы, Христиновка — Цветково и др. Уже 28 августа 1943 года на участке Сотники — Корсунь партизаны пустили под откос эшелон противника с танками и орудиями. 30 августа, 5 и 7 сентября были подорваны еще четыре воинских эшелона. Один из них оказался с инженерным имуществом и техникой, другие — с живой силой и техникой. 11 сентября партизаны взорвали эшелон с горючим, 15 сентября — эшелон с железнодорожным инвентарем, 17 сентября — эшелон с зерном и лесоматериалами, шедший со станции Перегонь. В этот же день на станции Хировка, разобрав стрелку, группа Страхова произвела крушение пассажирского поезда, в котором ехали в отпуск фашистские офицеры и солдаты. Разбилось восемь вагонов, четыре вагона было повреждено. Свыше 400 гитлеровских вояк не доехали до Германии.

Ирдынский лес оказался столь надежным убежищем партизан, что соединение Я. И. Сиворонова базировалось в нем вплоть до октября 1943 года — до ухода в длительный рейд в Житомирскую область. Все это время в двух километрах от партизанского лагеря располагалась строительная организация фашистов, где постоянно работало до 500 немцев. В трех километрах находились крупные торфоразработки и станция Ирдынь. Всего 13 километров было до города Смела и столько же до железнодорожного узла Бобринская. В 20 километрах находился город Черкассы. Лес со всех сторон окружали крупные населенные пункты, в которых стояли гарнизоны гитлеровцев. И враг не знал, что под самым носом у него действовала бригада, насчитывавшая около 800 партизан. Больше того, в непосредственной близости от партизанского лагеря наши самолеты регулярно сбрасывали взрывчатку, боеприпасы, питание для радиостанций, а однажды в Ирдынский лес десантировались даже печатники с походной типографией.

Довольно удачными были заброски и в Лубненский лес Пол-

тавской области. Сюда также десантировалось несколько партизанских организаторских групп. Подобно высадившимся в Ирдынском лесу, они были преобразованы в крупный партизанский отряд, командиром которого стал М. Р. Соболев. По решению штаба партизанского движения отряду предстояло перебраться в днепровские плавни, до которых было более 150 километров, и оттуда наносить удары по противнику. Однако неожиданно к партизанам пришел местный житель, узнавший о приземлении парашютистов и рассказал, что в их селе гитлеровцы забрали весь скот, зерно, а теперь отбирают детей и хотят увезти их в неметчину.

— Спасите, товарищи, детей, — молил он.

Было принято решение переход в плавни отложить и выручить детишек. Операция удалась. Внезапным ударом партизаны разгромили гарнизон врага. Однако, узнав о нападении на село, фашисты блокировали Лубненский лес. Партизаны заняли оборону и отбили первые атаки врага. Тогда гитлеровцы стали подтягивать подкрепления. Парашютисты отошли к болоту и заминировали его берега, а сами углубились в топь. Шесть дней они провели там и лишь на седьмой нашли место обхода вражеских застав.

Десантники несли двух тяжелораненых. Еда кончилась, остатки продуктов были переданы раненым. Питались корнями камыша. Преодолев на пути еще несколько водных преград, партизаны оказались в степи. Здесь они натолкнулись на крестьян, работавших в поле. Появились продукты, медикаменты, перевязочные средства. Достигнув днепровских плавней, отряд М. Р. Соболева обосновался там и, установив прочные связи с подпольщиками и населением, успешно проводил операции по нарушению коммуникаций врага, разгрому вражеских комендатур, штабов воинских частей.

Уже 1 сентября 1943 года наш штаб принял радиogramму о том, что на перегоне Страстной — Лозовая пущен под откос эшелон противника. Уничтожены паровоз и 11 вагонов с боеприпасами. 2 сентября на перегоне Орелька — Кузьминовка по железнодорожной линии Красноград — Лозовая был пущен под откос еще один эшелон врага с 17 платформами с автомашинами. Через день на перегоне Шляховая — Кягичевка партизаны уничтожили девять вагонов с боеприпасами. 9 сентября в другом месте вновь пошел под откос воинский эшелон врага. За полтора месяца — с 14 августа по 30 сентября 1943 года — отряд М. Р. Соболева подорвал еще несколько эшелонов противника, а также, действуя в основном в Чернобаевском и Золотоношском районах, уничтожил сотни фашистских солдат и офицеров. В период отступления гитлеровцев было спасено от отправки в Германию 8357 жителей этих районов, а также отбито у врага 3110 тонн зерна, 635 рабочих лошадей, 884 вола, 777 голов продуктивного скота, 133 свиньи, 100 свиноматок, много тракторов, комбайнов, молотилок и т. п.

И все же выброска людей и грузов в густонаселенные районы Украины, где нередко стояли крупные вражеские гарнизоны, оказалась куда более сложной, чем в свое время полеты в Партизанский край в Ленинградской области. Там самолеты приземлялись на не занятой врагом земле, их встречали свои. В новых условиях, особенно на первых порах, трудно было предсказать, куда угодят наши парашютисты, в какой обстановке окажутся, с кем столкнутся.

Группе Муханова из 12 человек предстояло выбраться на парашютах недалеко от города Знаменка Кировоградской области. Десантники должны были передать местным партизанам и подпольщикам, о которых в свое время говорил Т. А. Строкач, боеприпасы, взрывчатку, типографский шрифт, после чего уйти в другой район для выполнения своих задач. В группу была включена и комсомолка Мария Приходько, овладевшая перед вылетом в тыл врага специальностью наборщицы походной типографии. Маша, которой шел восемнадцатый год, была подготовлена также как боец-автоматчик и как разведчица. Приходько сама попросилась в тыл врага, хотя в штабе ее и отговаривали, так как нам самим нужны были наборщики, но Маша настояла на своем. И вот теперь она стояла в строю десантников — маленькая, хрупкая, со светлыми косичками, аккуратно перевитыми голубыми ленточками, с парашютом, до отказа набитым вещевым мешком, автоматом на ремне. Груз прямо-таки давил на ее плечики, но Маша держалась твердо, по-военному.

По-человечески мне было жаль направлять Машу в тыл врага, и я осторожно сказал ей:

— Не отложить ли все-таки твой полет? У тебя здесь есть дело не менее важное, начнем на днях обучать новую группу наборщиков.

— Вы не надеетесь на меня, товарищ полковник? — дрогнувшим голосом спросила девушка. — Поверьте, я не могу больше оставаться в тылу. Здесь учителя найдутся, а там нужен наборщик. Я ведь еще и воевать могу, не подведу вас.

Я еще что-то хотел сказать, как вдруг увидел, что по щеке девушки скатывается слеза.

— Я полечу, — коротко и твердо сказала Маша.

Началась посадка в самолет.

Ни в эту, ни в следующую ночь от группы Муханова не приходило никаких известий.

Лишь спустя много дней мы узнали о том, что произошло в Знаменке.

В районе выброски оказалась плохая погода, десант высадился прямо на улицы города и сразу же был окружен фашистами. Все дрались до последнего патрона. Командир группы Муханов, израсходовав боеприпасы, ударил себя финским ножом в сердце. Погиб-

ли и другие десантники. Маша Приходько осталась одна. Но она мужественно продолжала борьбу. Более десятка немцев, пытавшихся захватить ее живой, полегло на одной из улиц города. Наконец патроны в автомате партизанки кончились. Маша стала отстреливаться из пистолета. Ей предлагали сдаться, но она продолжала стрелять. Кончились патроны и в пистолете. Маша достала последний, завернутый в носовой платок, который по партизанскому обычаю хранился отдельно. Однако один из фашистов, пока Маша перезаряжала пистолет, успел перехватить ее руку. Пуля, направленная в висок, прошла чуть выше.

Только одного из десантников фашистам удалось взять в плен. Это была тяжелораненая Маша Приходько. Ее поместили в специальное отделение немецкого госпиталя. Когда девушка очнулась, ее спросили:

— Сколько вас прыгнуло?

Маша молчала. Ее спросили о задании, которое получила группа, о дислокации штаба, забросившего парашютистов, о самом штабе, где она проходила подготовку. Как рассказывают очевидцы, собрав все силы, девушка приподнялась на локтях и плюнула в лицо допрашивавшему ее офицеру.

Три дня находилась Маша в немецком госпитале, отказываясь от пищи и лечения. И все эти дни ее истязали и мучили, пытаясь добиться показаний. На четвертый день фашисты отравили Машу Приходько хлороформом.

В записной книжке, сданной десантницей в штаб перед вылетом, вместе с известными песнями «Синий платочек», «Морячка», «Прощай, любимый город» были такие строки из ее дневника: «...больно смотреть, когда поганый фашистский сапог топчет нашу родную землю, испепеляет города и села, но еще более сознавать, что отомстишь за это не ты...»

В один из дней второй половины августа ушла на задание специальная разведывательная группа во главе с Е. Г. Романовой.

Романова родилась в 1897 году в деревне Шмидово Херсонской губернии в бедной многодетной семье. Читать и писать училась сама. Когда началась гражданская война, ушла в Красную Армию санитаркой, там встретилась с будущим мужем — коммунистом Григорием Матвеевичем Романовым. В 30-х годах они жили в Кадиевке, работали на шахте. Партийная организация направила Григория Матвеевича Романова для работы по коллективизации в села Ворошиловградчины, и Евдокия Григорьевна поехала вместе с мужем. Кулаки убили ее мужа. Евдокия Григорьевна вернулась в Кадиевку на шахту. Здесь вступила в ряды ВКП(б). Выполняла партийные поручения на селе — оказывала помощь сельским партий-

ным ячеейкам. В 1938 году ее направили на работу в детские дошкольные учреждения. Войну Евдокия Григорьевна встретила в Ворошиловграде.

Когда фашисты пришли на донбасскую землю, Романова по собственной воле создала партизанский отряд на севере Ворошиловградской области. Отряд пополнялся попавшими в окружение командирами и бойцами и вел неравную борьбу с врагом до соединения с наступающими частями Красной Армии в районе Кантемировки. Так Евдокия Григорьевна вместе со своим отрядом оказалась в штабе партизанского движения Юго-Западного фронта. Это была смуглолицая, черноволосая плотная женщина, с карими глазами и твердым, большевистским характером.

На задание мы послали Романову не случайно. Выяснилось, что в Никополе, одном из крупнейших железнодорожных узлов Украины, до войны жили ее мать и сестра. И когда Евдокии Григорьевне предложили возглавить партизанскую разведку, которой надлежало обосноваться в Никополе, она с готовностью согласилась, только сказала, что за свои 45 лет никогда не прыгала с парашютом.

Подобрали и других членов группы. Заместителем Е. Г. Романовой был назначен комсомолец Николай Куличенко из села Келембовка Хмельницкой области. Там он родился, там окончил среднюю школу, а в 1940 году был призван в армию. Война застала Николая Куличенко в Молдавии. Отступая с боями по родной земле, он, как и его товарищи, пережил всю горечь начального периода войны, был дважды ранен. После второго ранения лежал в одном из московских госпиталей, а затем попросился на курсы разведчиков-подрывников, после чего оказался в нашем штабе.

Третий член группы, радистка Лида Мулявкина, родилась в поселке Тургаш Ленинградской области в семье служащего. В 1940 году стала студенткой Ленинградского железнодорожного института и успела закончить первый курс до начала войны. На фронт Лиду не брали. Осенью 1942 года через райком комсомола она наконец получила путевку в школу радистов. В феврале 1943 года Лида закончила школу и получила направление в штаб партизанского движения Юго-Западного фронта. Вылет в составе разведгруппы был ее первым боевым заданием. Худенькая, небольшого роста, кареглазая девчушка со вздернутым носиком, она скорее походила на подростка, чем на разведчицу.

Группа была снабжена надежными документами, которые наши партизаны достали в оккупированном Харькове. Легенда, по которой партизанам надлежало легализоваться в Никополе, была проста: «Мать с детьми идут из Харькова в Никополь».

Перед посадкой в самолет я еще раз поговорил с Евдокией Григорьевной.

— Задание понятно?

— Да, товарищ полковник. Сделаю все, что могу,— ответила Романова.

Все трое приземлились благополучно, если не считать, что Евдокия Григорьевна подвернула ногу, а Лида Мулявкина потеряла флягу с водой, которую бессмысленно было искать в темноте.

Когда рассвело, разведчики тщательно замаскировали сухими листьями тайник с рацией, осмотрели все вокруг, не осталось ли следов, и двинулись в путь.

Группа благополучно прибыла в никопольский пригород, на окраину Ново-Павловки. Сестра Евдокин Григорьевны Мария работала в магазине. Романова вошла к ней одна. Сестра бросилась ей на шею.

— Дуся, Дуся! — шептала она. — Неужели это ты?

— Успокойся! — тихо сказала Евдокия Григорьевна, — выйдем, там поговорим. Я не одна приехала. Со мной дети мои — Николай и Лида. Вон они стоят! — сразу же сказала она, как только они оказались на улице. — Я тебе больше пока ничего не скажу, но нам нужно где-то на первое время устроиться.

— Мама умерла, — отозвалась Мария, — пошли ко мне. Хоть и тесновато, но пока устроитесь у меня, а там видно будет.

Ничему не удивилась Мария. Если сестра говорит, что у нее есть дети, значит, так надо.

Мария привела разведчиков в небольшой дом в Пионерском переулке. Быстро собрала на стол скудные припасы.

Регистрация в городской комендатуре прошла без происшествий. Предъявленные аусвайсы и паспорта не вызвали никаких подозрений. С помощью Марии разведчики прописались 27 августа 1943 года по Пионерскому переулку в доме № 7. Но оставаться в этом доме было опасно. Рядом располагались фашисты. Тогда вспомнили о тете Наде.

В доме № 89 на улице Сагайдачного в пригороде Лапинка жила семья Дерновых: Дмитрий Александрович, его жена Надежда Яковлевна и их дети. Во дворе стояло строение, что-то вроде летней кухни. Здесь и поселились приведенные Марией партизаны. В большой комнате была печь с плитой, стояли стол и широкие нары в углу. Комнатка чистенькая, привлекала белизной стен и потолка после недавней побелки.

Разведчикам понравилось новое жилье. Понравились и хозяева — люди не любопытные, спокойные, добрые. Перепрописка по новому адресу не составила труда. Теперь надо было подумать о том, где в этой комнатке спрятать радиостанцию с блоком питания и шифром, где и как работать на рации. Решающее слово принадлежало радистке. Лида предложила вариант, который одобрили и Евдокия Григорьевна и Николай: сделать тайник для рации в

углу, под нарами. В эфир выходить отсюда же, а для этого вывести антенну на чердак по углу комнаты, смазав ее в глиняную стену.

Вечерами Николай и Лида по очереди копали яму, а землю выносили в сумке и рассыпали по огороду. Через три дня укрытие для рации было готово. В субботу 4 сентября Романова попросила у хозяев тачку с небольшим ящиком — якобы для поездки в близлежащие села за продуктами. Николай с Лидой, взяв тачку, отправились за рацией.

Дождавшись вечерних сумерек, они вынули из тайника рацию, питание к ней, шифр и все это уложили на дно ящика. Сверху замаскировали початками кукурузы и шляпками подсолнухов, припасенными заранее. Переночевали в какой-то балке, уже недалеко от города. С восходом солнца перекусили и, немного повременив, пока солнце поднялось повыше, продолжили путь.

Все шло так, как и было задумано. Никто из патрулировавших по городу немцев и полицаев не обратил на разведчиков никакого внимания.

Хозяева дома отсутствовали в тот воскресный день по своим делам. Щетка, мел и глина были припасены заранее, и разведчики приступили к работе. Николай и Лида установили рацию в приготовленный тайник, провели антенну на чердак, замаскировали ее за балками. Угол комнаты, в который была вмазана антенна, Романова тщательно забелила.

Лида забралась под нары, подключила питание к рации, включила ее. В наушниках зашипело.

Торопясь и волнуясь, Лида зашифровала первую радиogramму и посмотрела на часы. Осталось всего несколько минут до начала сеанса. Ровно в 18.00 в эфире прозвучали позывные радиостанции «Солнышко».

Первая радиogramма была короткой. В ней сообщалось о благополучном приземлении, регистрации в комендатуре, был передан и адрес Дерновых, по которому можно было в случае надобности найти разведчиков.

Евдокия Григорьевна и Николай Куличенко внимательно присматривались к окружающим людям, изучали их. Надо было обрабатывать помощниками, поскольку тех сведений, которые приносили они вдвоем, оказалось мало. По всем признакам чувствовалось, что в Никополе действует подпольная организация. Но в условиях строящейся конспирации связаться с подпольем и даже капасть на его след никак не удавалось.

Однажды, когда Лида была дома одна, к ней зашел хозяин квартиры, поздоровался и сказал:

— А я лазил на чердак, табачок развешивал для просушки, так я там ничего не тронул.

Лида молчала. Она сразу сообразила, что он имел в виду антенну, протянутую по чердаку. Не дождавшись ответа, хозяин ушел, ничего больше не сказав. А Лида едва дождалась возвращения Романовой.

Романова давно присматривалась к этому уже немолодому рабочему человеку. Он был старше ее всего на два года, и поэтому они легко находили общие темы для разговора. Работал Дмитрий Александрович на железной дороге и мог стать полезным человеком для разведгруппы. Романовой нравился спокойный и рассудительный Дерновой, который, судя по всему, ненавидел «новый порядок» и его носителей. Надо было только найти подходящий предлог, чтобы помочь этому человеку подключиться к активной борьбе. Лучшего предлога и придумать было трудно. Романова в тот же вечер доверительно поговорила с хозяином дома.

Большой опасности подвергался сам Дерновой и его семья, но он твердо и без оговорок дал согласие собирать нужную информацию. Проинструктированный Романовой, Дмитрий Александрович вскоре стал доставлять ценные сведения о воинских перевозках гитлеровцев. А немного спустя он же устроил на работу в железнодорожный цех бывшего трубного завода и Николая Куличенко, познакомив его с мастером этого цеха Иваном Самсоновичем Келембетом, своим старым товарищем по работе. Впоследствии Келембет был тоже привлечен разведчиками к сбору необходимой информации. Пользуясь положением мастера, Келембет частенько отпускал Николая с работы, и тот использовал это для сбора разведанных на железнодорожной станции.

Ценную информацию о войсках противника Романова получала и от своей сестры Марии. Бывший овощной магазин, где она работала, гитлеровцы превратили в продовольственный пункт снабжения своих частей мясом, сахаром, картофелем, жирами и другими продуктами. В нарядах, которые воинские части предъявляли Марии, значились их номера. Это намного облегчало работу разведгруппы. Разведчики ухитрились даже продукты получать из этого же продпункта, пользуясь плохой постановкой учета.

В штаб партизанского движения Юго-Западного фронта стали регулярно поступать радиogramмы из Никополя:

«18.IX.43 г. По шоссе Никополь — Кривой Рог с 6 по 15 сентября проследовало около 6500 автомашин с различными эвакуационными грузами. Условный знак на машинах — красная лошадь с подковой».

«20.IX.43 г. Южнее Никополя через реку Днепр на Каменку строится деревянный автотранспортный мост».

«1.X.43 г. На огородах, что 500 м восточнее ж.-д. станции Никополь, размещено 600 т горючего в бочках по 80—100 шт. Бочки тщательно замаскированы кукурузой».

«6.X.43 г. В Никополе на территории вагоноремонтного завода, 2 км западнее ж.-д. станции Никополь, находится около 600 автомашин и 27 танков на ремонте, 112 вагонов с боеприпасами (главным образом артиллерийские снаряды), 16 цистерн с горючим и 76 вагонов с различными военными грузами. За время 3 и 4 октября из Запорожья в эвакогоспиталь г. Никополя прибыло 130 вагонов с ранеными немцами».

И так далее. Группа Романовой сообщала о дислокации штабов и войск противника, внимательно следила за всем, что делалось в Николопе и окрест. К разведчикам поступали ценные сведения из других крупных центров юго-запада Украины.

«20.X.43 г. В г. Кировограде рассредоточена танковая дивизия противника, прибывшая с мелитопольского направления. Опознавательный знак на машине «танцующая обезьяна» с номерами от 740 до 956, всего 200 единиц».

«3.XI.43 г. Через Никополь в направлении Кривого Рога продолжается отход частей противника. Отступают тылы артиллерийских частей с опознавательным знаком «И» (латинским шрифтом), саперные части и части связи с опознавательным знаком «лошадиная подкова», танковые части типа «тигр» с опознавательными знаками «большой красный квадрат», «красный квадрат» и рядом «желтый прямоугольник» или «желтый снаряд» с вырезом сверху».

16 октября 1943 года от Романовой пришла радиограмма о скоплении на железнодорожной станции Никополь множества эшелонов с боеприпасами. Этой же радиограммой «Солнышко» сообщало, что группа не слышит нашей приемно-передающей радиостанции, видимо, из-за того, что кончилось радиопитание. Разведчики просили бомбежкой станции подтвердить, что их радиограмма принята. Когда мне доложили об этом, я сразу же поехал в штаб фронта. В ночь на 17 октября наши самолеты подвергли станцию бомбежке. Вся группа выбежала во двор и с великой радостью наблюдала, как от сброшенных бомб на станционных путях вздыбливаются огромные фонтаны красно-бурых разрывов. Часть бомбового груза угодила в цистерны с горючим, от них загорелись стоявшие рядом вагоны с боеприпасами, которые стали поочередно взрываться. И долго после того, как улетели самолеты, на станции продолжались взрывы, полыхало зарево пожаров.

— Ну что ж, ребята, теперь будем поджидать из штаба посланцев, — заметила Романова, укладываясь спать.

Перед ноябрьскими праздниками нам удалось сбросить связника, который благополучно добрался до Никополя. Так как транспортных самолетов у нас к этому времени снова не было, разведчика доставили к месту выброски в бомбовом люке бомбардировщика.

Наш посланец Алексей Потиленко выполнил задание. Рация

ожила. После почти трехнедельного перерыва мы приняли очередную радиограмму из Никополя. Поздравляя наших отважных разведчиков с 26-й годовщиной Октября, мы сообщили Романовой, что вся ее группа награждена боевыми орденами, пожелали дальнейших успехов.

Разведчики благополучно дождались прихода в Лапинку передовых частей Красной Армии и тепло распрощались с гостеприимными хозяевами дома, где они прожили пять месяцев.

За время работы в Никополе разведгруппа Романовой передала 25 разведывательных донесений о противнике в полосе действия нашего фронта, которые высоко оценило командование.

Следует отметить, что в этот период наша партизанская разведка добилась значительных успехов. В штаб партизанского движения фронта стекалась многочисленная и разнообразная разведывательная информация о переброске и дислокации войск противника, местонахождении его аэродромов, крупных военных складов, оборонительных сооружений, других военных объектов. Эта информация передавалась практически всеми опергруппами при Военных советах армий, всеми соединениями, бригадами и отрядами, а также связанными с ними многочисленными подпольными организациями и подпольщиками. Сбором разведывательных данных в интересах войск фронта, кроме того, занимались специально подготовленные для этого разведывательные группы, отдельные разведчики, заброшенные в тыл врага. По сути, весь Юго-Запад Украины был охвачен нашей партизанской разведывательной сетью.

Всего за время существования штаба — с января 1943 года по июнь 1944 года — было сформировано, обучено и заслано за линию фронта 12 разведывательно-диверсионных и 13 разведывательных групп, 16 разведчиков-парашютистов. Донесения и радиограммы из тыла противника мы обобщали и систематизировали, составляли обобщающие разведывательные сводки, которые немедленно передавались в Военный совет фронта и Украинский штаб партизанского движения.

Военный совет и наш штаб находились в разных местах, часто меняли свою дислокацию, постоянно передвигаясь вслед за наступающими войсками (за полтора с лишним года мы сделали остановку более чем в десяти населенных пунктах), поэтому была создана оперативная группа, которая постоянно находилась при Военном совете.

Опергруппа имела принимающую и передающую радиостанции, благодаря чему разведывательную информацию удавалось практически сразу доставлять командующему войсками фронта, другим членам Военного совета. Каждые три-четыре дня направлялись в Военный совет, УШПД и, если требовалось, в штабы партизанского движения на других фронтах обстоятельные письменные разве-

дывательные сводки. Всего было составлено 74 обобщающих разведсводки.

Вынужденное, но правильное признание делают буржуазные исследователи Ч. Диксон и О. Гейльбрунн в своей книге «Коммунистические партизанские действия»: «В условиях, когда существует широко разветвленная сеть боевых партизанских отрядов, оккупационная армия ни на минуту не может рассчитывать на то, что ей удастся скрыть от разведки противника основные передвижения своих войск; именно в таком положении оказались немецкие армии в России, когда вовсю развивалось партизанское движение... Поскольку партизаны могли следить за противником сразу во многих районах, их данные позволяли русским распознавать главные замыслы врага даже в тех случаях, когда агентуре заранее ничего не удавалось узнать. Поэтому партизаны вправе считать, что не только честь завоевания побед на полях сражений, но и честь достижения успехов в разведке отчасти принадлежит и им».

Август, сентябрь, октябрь и последующие месяцы 1943 года, когда гитлеровцы катились на запад под ударами Красной Армии на всем советско-германском фронте, были, пожалуй, самым боевым временем для украинских партизан, в том числе партизан, действиями которых руководил наш штаб. Именно в этот период было совершено наибольшее количество крушений вражеских эшелонов, больше всего уничтожено гитлеровских солдат и офицеров, выведено из строя вражеской боевой техники. Почти ежедневно партизаны нападали на гарнизоны противника, громили его штабы, совершали дерзкие рейды по тылам врага, словом, наносили удар за ударом по самым чувствительным объектам и местам фашистской армии.

Ведомость итогов боевых действий партизанских сил, находившихся в оперативном подчинении штаба партизанского движения при Военном совете Юго-Западного фронта, хранит объективную, но далеко не полную картину результатов борьбы партизан в тылу фашистской группы армий «Юг». С января по октябрь 1943 года включительно партизаны, с которыми был связан наш штаб, уничтожили свыше 30 тысяч вражеских солдат и офицеров. Они пустили под откос 147 воинских эшелонов, состоявших из 1073 вагонов с живой силой, боевой техникой, другими различными грузами врага. Было разрушено 14 железнодорожных и 36 шоссейных мостов, уничтожено 23 самолета, 52 танка, 598 автомашин. В качестве трофеев партизанам попали 181 автомашина, бронепоезд, 6 барж, пароход, 8 мотолодок, 44 катера и много другой военной техники, оружия, боеприпасов.

Особенно жарким было время, когда вместе с войсками фронта многие наши бригады и отряды включились в битву за Днепр. В ту

пору от Военного совета не раз поступали указания о необходимости более четкого взаимодействия партизан с наступающими частями и соединениями.

Еще в начале сентября 1943 года командующий войсками фронта Р. Я. Малиновский вызвал меня и сказал:

— Хорошо бы подтянуть партизан к Днепру. Ставка приказывает форсировать Днепр с ходу. Партизаны могли бы помочь в захвате и обеспечении переправ. В данной ситуации они должны действовать как войска специального назначения.

Подумав немного, Родион Яковлевич добавил:

— Побольше бы сейчас паники в тылу врага. Ох, как нам нужно хотя бы в нескольких местах без задержки перемахнуть через Днепр!

Соответствующие распоряжения были переданы за линию фронта.

Особенно активно в боях на Днестре действовали партизаны, непосредственное военное руководство которыми осуществляла оперативная группа штаба партизанского движения нашего фронта под командованием А. В. Тканко. Посылая Тканко в тыл врага, штаб поручил ему объединить под единым командованием партизанские силы, действовавшие в ряде районов Киевской области, прежде всего в местностях, прилегавших к городу Переяслав-Хмельницкий. И хотя этот район не входил в полосу нашего фронта, забрасывая туда на парашютах оперативную группу во главе с А. В. Тканко, мы рассчитывали, что эти места, богатые лесами, облегчат действия нашей опергруппы на первых порах. Затем оперативная группа А. В. Тканко, имевшая радиостанцию, должна была перейти в полосу войск фронта, координируя по мере возможности действия партизанских сил, выявленных ею и не имевших связи с Большой землей.

Засылка специальной оперативной группы за линию фронта в этот период вызывалась обстановкой, задачами, которые решались нашими войсками на Днестре. Требовалось максимально сосредоточить усилия партизан на выполнении главной цели, стоявшей тогда перед частями и соединениями Красной Армии, вышедшими к Днестру,— во что бы то ни стало форсировать с ходу хотя бы в отдельных местах эту серьезную водную преграду, на которой противник пытался остановить дальнейшее наступление советских войск. К середине сентября 1943 года А. В. Тканко осуществлял взаимодействие нескольких партизанских отрядов, самым крупным из которых был отряд имени В. И. Чапаева под командованием И. К. Примака.

Действуя близ Черкасс, партизаны захватили у противника шесть больших лодок и паром у села Зарубенцы в 25 километрах севернее Канева и частью сил форсировали Днепр. В тот же день

они переправили на правый берег более 500 советских воинов из батальона, которым командовал старший лейтенант А. А. Пищулин. Затем партизаны и бойцы штурмом овладели населенными пунктами Григорівка и Луковниця и, таким образом, захватили плацдарм на правом берегу Днепра. Они удерживали его до подхода остальных частей 6-го танкового корпуса, обеспечивая быстрое форсирование Днепра нашими войсками и дальнейшее их успешное наступление на запад. Эти действия партизан под руководством оперативной группы А. В. Тканко, командира наиболее крупного отряда И. К. Примака и советских воинов под командованием А. А. Пищулина положили начало созданию на правом берегу Днепра первого, так называемого букринского плацдарма, вошедшего в летопись Великой Отечественной войны и сыгравшего важную роль в борьбе за Правобережную Украину.

Однако это был не единственный успех, достигнутый на Днепре партизанами, координацию действий которых осуществлял в этом районе боевой командир. Проведя смелую операцию, партизаны разгромили крупный вражеский гарнизон в селе Хоцки, что находится в 25 километрах юго-восточнее Переяслава-Хмельницкого, в ночь на 21 сентября 1943 года. Бой длился всю ночь. В результате противник был выбит из села. В бою особо отличились комиссар соединения Николай Бойко, который лично уничтожил из автомата 19 фашистов, и боец Галицин, уничтоживший 13 врагов. Галицин совершил и другой подвиг — закрыл своим телом Бойко в момент, когда немецкий офицер стрелял в него. Получив четыре тяжелых ранения, Галицин спас жизнь комиссара.

«Операция партизан по разгрому гарнизона в с. Хоцки,— говорится в отчете штаба партизанского движения,— привела в замешательство немцев, которые, в панике отступая, оставили г. Переяслав».

Передвигаясь вдоль Днепра то по одной его стороне, то по другой, оперативная группа А. В. Тканко, к которой непосредственно присоединились десятки советских патриотов из местных жителей, сама стала, по сути, самостоятельной боевой партизанской единицей. Действуя решительно, смело, находчиво, партизаны под командованием А. В. Тканко использовали любую возможность для оказания помощи наступавшим советским войскам.

Однажды у одной из переправ скопились потрепанные вражеские части: большое количество грузовых машин, бронетранспортеров, мотоциклов, повозок. Офицеры старались перекричать друг друга, споря, кому первому переправляться. Неожиданно к переправе подъехал легкой автомобиль в сопровождении охраны. В машине сидел «немецкий полковник». Окинув суровым взглядом окружающих, он набросился на офицеров:

— Что у вас тут за вакханалия, сбились, как скоты, в кучу и

мнете друг друга. Паникеры! Из-за таких вот вояк и приходится отступать.— И «полковник» стал записывать номера частей, оказавшихся у переправы.

Затем от имени вышестоящего командования он потребовал освободить переправу, так как на подходе к ней находится колонна танков. Все войска «полковник» приказал отвести в лес за 3—4 километра и тщательно замаскировать во избежание артналета большевиков или их бомбежки с воздуха. Вскоре у переправы не осталось ни одного солдата. Все, что было до этого на берегу Днепра, скопилось в лесу, указанном «полковником». Сюда вскоре и был вызван огонь советских гвардейских минометов и артиллерии.

С «немецким полковником» я познакомился после того, как партизаны А. В. Тканко оказались в штабе партизанского движения в селе Малониколаевка. Это был старший лейтенант Советской Армии, немец с Поволжья Роберт Клейн. Выше среднего роста, со светлорусыми волосами, серыми строгими глазами, он, одетый в мундир эсэсовского полковника, и в самом деле походил на заправского гитлеровского вояку.

Родился Р. Клейн в селе Миллер близ города Энгельса в крестьянской семье. Окончил техникум, работал в МТС трактористом, был призван в армию. Окончил Ульяновское танковое училище. Служил сначала на Дальнем Востоке, затем на Украине. Здесь командир танковой роты отдельного разведывательного батальона комсомолец старший лейтенант Роберт Клейн встретил 22 июня 1941 года. В августе 1941 года он оказался на Днепре, где и взял своего первого «языка».

В бою под городом Остер на Черниговщине старший лейтенант Клейн был ранен. Санитарный эшелон, который увозил его на восток, попал под бомбежку. Местные жители разобрали по своим хатам раненых. Целую зиму выхаживала раненого танкиста одна украинская семья, а затем Роберт Клейн попал к партизанам отряда И. К. Примака, а от него к А. В. Тканко. В одной из операций были захвачены «опель-адмирал» и форма немецкого полковника войск СС. Так и стал действовать советский лейтенант-партизан в мундире высокопоставленного эсэсовца, водителем у которого был, кстати, командир опергруппы А. В. Тканко.

В связи с тем что опергруппа А. В. Тканко была высажена в районе, где действовали войска соседнего фронта, вспоминаю свой разговор с Р. Я. Малиновским. Как-то, вызвав меня, он показал мне оперативную сводку нашего штаба и заметил:

— А вы, товарищ Асмолов, оказывается, не патриот нашего фронта.

И, увидев на моем лице удивление, добавил:

— Куда вы посылаете свои организаторские группы? Разве Киевская область входит в полосу действий войск Юго-Западного фронта?

Я объяснил, в чем дело. Присутствовавший при разговоре член Военного совета генерал-лейтенант А. С. Желтов поддержал меня:

— Я уже встречался по этому вопросу с товарищем Асмоловым. Наш партизанский штаб действует разумно. Именно в этот период и именно в такой обстановке благодаря использованию лесистой местности наши организаторские партизанские группы совершили ряд успешных высадок в тылу врага и сейчас возглавляют действия значительных партизанских сил, которые успешно бьют врага. А это главное.

Больше командующий фронтом не возвращался к этому вопросу.

А за личное мужество и умелые действия на Днестре Александру Васильевичу Тканко и Роберту Клейну было присвоено звание Героя Советского Союза.

Успешно действовали на Днестре в эти и последующие дни и некоторые другие отряды, с которыми мы поддерживали связь.

В конце сентября 1943 года в районе черкасских лесов высадились 3-я и 5-я воздушно-десантные бригады, перед которыми ставилась задача захвата новых плацдармов на Днестре. Высадка оказалась не совсем удачной. Парашютисты рассеялись на значительной территории Каневского, Ржищевского, Мироновского и Черкасского районов. Однако благодаря помощи партизанских отрядов десантники все же смогли сосредоточиться и вместе с партизанами приняли участие в боевых действиях, дезорганизуя фашистские войска, отвлекая часть их сил от Днестра и тем самым облегчая советским войскам форсирование реки. Помимо того, партизаны и парашютисты парализовали во многих местах движение по железной и шоссейным дорогам, нанесли ряд ударов по укрепленным пунктам противника.

Среди тех, кто действовал совместно с десанниками, был и партизанский отряд под командованием Т. Ф. Прокина — командира одной из наших организаторских групп, высадившихся в тыл врага в августе 1943 года. Партизанам и десанникам удалось захватить плацдарм западнее и юго-западнее Черкасс. Укрепившись на высотах у важных дорог, они удерживали местность до подхода наших войск. Позже отряд Т. Ф. Прокина, выросший со 100 до 932 человек, развернул диверсионные действия на территории Черкасского, Смелянского и Корсунь-Шевченковского районов, воздействуя на коммуникации врага, по которым он подбрасывал подкрепления в район Черкасс. «За время с конца сентября по конец ноября 1943 года партизанский отряд Т. Ф. Прокина, — говорится в отчете штаба, — парализуя пути подвоза противника на участках железной дороги Смела — Фастов, пустил под откос 10 эшелонов с войсками и техникой врага. При крушении разбито и повреждено

10 паровозов и свыше 100 вагонов. Уничтожено более 1000 немецких солдат и офицеров. Движение задержано на 235 часов».

Большую помощь оказали наступавшим войскам нашего и соседнего 2-го Украинского фронта при форсировании Днепра и освобождении города Черкассы партизаны, действовавшие в Ирдынском лесном массиве. Об этой помощи в статье «На Черкасском направлении» писала в те дни «Правда». Высоко оценил действие партизан на Днепре и Маршал Советского Союза И. И. Якубовский. В своей книге «Земля в огне», в которой доброе слово сказано о партизанах А. В. Тканко, он, как бы подводя итоги, пишет: «Существенную помощь регулярным войскам в битве за Днепр оказали партизаны. Их действия были детально спланированы и четко согласованы по месту и времени с наступлением войск на киевском направлении. Особенно резко возросла боевая активность партизан с подходом советских войск к Днепру. Создались условия для установления бесперебойной связи регулярных войск с партизанскими отрядами и соединениями, действовавшими в полосе фронта. Партизаны захватили и удержали до подхода советских войск 25 переправ на Десне, Днепре и Припяти, освободили несколько районов Киевской, Житомирской, Ровенской, Волынской и Каменец-Подольской областей. Летопись тех дней хранит много примеров помощи партизан и населения нашим войскам при форсировании Днепра».

14 октября 1943 года войска Юго-Западного фронта, вскоре переименованного в 3-й Украинский, освободили Запорожье, а 25 октября очистили от оккупантов Днепропетровск. Наступление продолжалось в направлении Кировограда и Кривого Рога. На правом берегу Днепра образовался плацдарм протяженностью около 450 километров по фронту и до 100 километров в глубину. 7 ноября пришло сообщение об освобождении столицы Украины Киева, куда вскоре переместился из Москвы Украинский штаб партизанского движения.

Наш штаб также продвигался на запад и в один из дней оказался в селе Старый Игрень рядом с Днепропетровском. Здесь мы и остановились на некоторое время.

Оперативные группы при Военных советах армий приступили к сбору сведений о партизанских отрядах и группах, действовавших в районах Запорожья и Днепропетровска.

В начале ноября 1943 года начальник опергруппы при Военном совете 8-й армии подполковник М. И. Филиппов сообщил в боевом донесении: «По освобождении территории Запорожской и Днепропетровской областей нами проведена работа по выявлению партизанских отрядов, групп и партизан-одиночек на освобожденной

территории и по розыску нами засланных отрядов и групп. Личной связью с партизанами, опросом местных жителей и проверкой фактов с выездом на места установлено:

1. Партизанская группа с. Балабино Запорожской области. Командир Самсыка Майя Ивановна, комсомолка, организовала группу в 6 человек из молодежи для партизанской борьбы. Активно группа действовала с октября 1942 года по октябрь 1943 года. Участниками партизанской группы Самсыки совершено 3 крушения воинских эшелонов путем механической порчи железнодорожного пути. Группа распространила большое количество антифашистских листовок и сводок Совинформбюро. Сейчас Самсыка М. И. и ее группа в полном составе находится в с. Балабино Запорожской области.

Материал составлен на основании отчета партизанской группы, проверен на месте и подтвержден местными райорганизациями. Считаю, что группа комсомолки Самсыки Майи в полном составе подлежит представлению к правительственным наградам...»

В группу 16-летней школьницы села Балабино Майи Самсыки входили ровесники Майи комсомольцы Василий Колядко, Иван Швеиц, Володя Говорун, Анатолий Рыбальченко и ее брат Анатолий Самсыка. Ущерб, который нанесли оккупантам отважные патриоты группы, названной «За Советскую Украину», был так велик, что рассвирепевшие гитлеровцы объявили большую награду за головы неуловимых партизан. Но схватить кого-либо из балабинцев фашистам так и не удалось. «Мы без колебаний пошли на очень опасное для нас, но полезное для нашей Родины дело,— писала впоследствии Майя Самсыка.— Не жалея своей жизни, мы решили помочь нашим войскам одержать победу над проклятым фашизмом».

Среди других партизанских отрядов, действовавших на Днепропетровщине, особой активностью отличался отряд, полностью состоявший из воинов Красной Армии. «В феврале 1942 года,— сообщал Филиппов,— группа бойцов в количестве 424 человек из 967-го стрелкового полка 6-й армии с командиром полка майором Большаковым и начальником штаба капитаном Герасимовым, не сумев прорвать вражеского окружения, перешла на партизанские формы борьбы. Местом действий был избран Орловский лес, что 8 км севернее Новомосковска Днепропетровской области...»

Первую операцию воины-партизаны провели 27 февраля 1942 года в селе Орловщина. В результате налета на вражеский гарнизон было убито около 200 гитлеровцев. 28 и 29 февраля партизаны разгромили карательный отряд, уничтожив около 350 фашистов. Но и отряд стал меньше почти наполовину. В марте воины-партизаны совершили налет на жандармерию Новомосковска. Затем отряд захватил железнодорожную станцию Новомосковск. Был сожжен состав из 30 вагонов с сеном, а другой, груженный автомашинами и

тягачами, полетел под откос. В оставшиеся дни марта партизаны вели борьбу с преследовавшими их карателями. В одном из боев был ранен командир полка майор Большаков, командование партизанским отрядом принял капитан Герасимов. Обстановка заставила партизан разбиться на несколько групп. Потом и эти группы были вынуждены рассредоточиться. Филиппов располагал сведениями только об одной из них, которую возглавил Петр Васильевич Суков.

5 апреля 1942 года на станции Узел партизаны под командованием Сукова подожгли состав с нефтью, стоявший рядом с эшелонном, загруженным боеприпасами. Взорвалось 90 вагонов с горючим и боеприпасами. Затем к группе Сукова, состоявшей из 11 воинов, примкнули группа Самсонова из 12 человек и группа Лапина из 9 человек. В ночь на 16 апреля на перегоне Диевка — Горяино объединенная группа пустила под откос воинский эшелон с автомашинами и орудиями. В результате было разбито 40 вагонов и убито почти 200 гитлеровцев. В ночь на 1 мая на железнодорожном участке Сухачевка — Баглей во время приемки эшелона с живой силой, партизаны перевели стрелку, и идущий навстречу состав с ходу врезался в него. 300 фашистов не досчитались вражеские войска.

17 мая на станции Синельниково-2 было разбито 18 вагонов. Между станциями Письменная и Раздоры партизаны отправили под откос 35 вагонов с подбитыми вражескими танками и орудиями и т. д.

В августе 1942 года обстановка вновь сложилась так, что партизаны ушли в разные районы: группа Сукова — в Нижнеднепровск, а группы Самсонова и Лапина — в Сталино. Воины-партизаны из группы Сукова, устроившись работать на разных заводах в Нижнеднепровске, продолжали диверсии. Как сообщал М. И. Филиппов, «27 февраля 1943 года партизаном Лукьяниевым был подожжен цех завода имени Артема, где ремонтировались немецкие танки. 15 марта партизаном Лариным была подожжена силовая станция завода имени К. Либкнехта. 5 апреля Суковым был подожжен вагоноремонтный цех завода имени Кирова, который полностью сгорел. 25 апреля партизаном Борисовым был подожжен нефтесклад завода «Коминтерн». 1 мая на заводе имени Красина были подожжены авторемонтные мастерские. 12 июня на ходу был подожжен состав, груженный сеном, следовавший через Нижнеднепровск на ст. Узел».

В конце июня 1943 года группа Сукова вынуждена была уйти из Нижнеднепровска к Запорожью, а затем и в днепровские плавни. Партизаны использовали все возможности, чтобы причинить ущерб оккупантам. Нападали на отдельных гитлеровцев, обстреливали дороги, забрасывали противотанковыми гранатами бронемашинны,

нарушали связь с переправой. 10 сентября группа совершила налет на паром, уничтожив его охрану.

«14 сентября,— заканчивал свой отчет подполковник М. И. Филиппов,— группа Сукова встретила с передовыми частями Красной Армии. 16 человек партизан вступили в действующую армию».

Донесение М. И. Филиппова свидетельствовало о безграничной самоотверженности советских воинов, оказавшихся в силу тех или иных обстоятельств в тылу фашистских войск. Оно лишний раз подтверждало, что советские люди боролись с врагом всюду, в любых условиях.

В Днепропетровске к подполковнику М. И. Филиппову явился подпольщик, которому суждено было к концу войны сыграть особую роль в одной из операций за линией фронта. Читатели, видимо, хорошо помнят главного героя кинофильма «Майор Вихрь», бесстрашного советского разведчика, который вместе со своими боевыми товарищами спас от разрушения гитлеровцами старинный польский город Краков. Так вот этот «майор Вихрь» в октябре 1943 года, сразу после освобождения Днепропетровска, пришел в нашу опергруппу, чтобы доложить о проделанной им в тылу врага работе.

Тогда Евгений Степанович Березняк, бывший заведующий Львовским горно, член Львовского горкома КП(б) Украины, награжденный до войны медалью «За трудовую доблесть», не был столь знаменит. Тем не менее оставленный в августе 1941 года Петропавловским райкомом партии города Днепропетровска для подпольной работы, он сделал все, что от него зависело, и выполнил свой долг коммуниста и советского патриота.

«До 1 апреля 1942 года Березняк вел систематическую агитационную работу в селах Петропавловского и Межевского районов, привлекая для этого учителей сел Всесвятское, Росишки, Чумаки, Николаевка, Преображенка, Григорьевка, Веселая, Тарасовка и других,— сообщал М. И. Филиппов.— Работа велась путем распространения листовок, газеты «Коммунист» с докладом тов. Сталина 6 ноября 1941 года (сброшена с самолета), сводок Совинформбюро.

В апреле 1942 года Березняку удалось устроиться горнорабочим на железной дороге. Здесь на участке Димурень — Межевая через австрийца Пауля Рубежа ему удавалось систематически срывать работы по прокладке второй железнодорожной ветки... О Рубеже Березняк сообщает, что он разжалован с офицерского поста в армии, близок к германской компартии, до войны работал на железной дороге г. Магдебург, отец его расстрелян фашистами в 1935 году.

В сентябре 1942 года Березняк по подложным документам выехал в город Днепропетровск, привлек для работы группу товари-

шей, распространял листовки среди немецких солдат. Тут он познакомился с итальянцем Анджело Рончетти из города Витербо, рабочим, денщиком офицера, который стал вести пропаганду среди итальянских солдат. В январе 1943 года часть Анджело выехала на фронт в район Ворошиловграда, а во второй половине января с фронта прибыл товарищ Рончетти Бруно, который сообщил, что много итальянцев, в том числе Анджело, с машинами и оружием сдались в плен Красной Армии в районе Миллерово...»

Действуя нередко в одиночку, Е. С. Березняк совершал смелые диверсии и наносил ущерб врагу везде, где только мог. Евгения Степановича отличали хладнокровие и дерзость, риск и находчивость, отличное знание немецкого языка.

— Что вы намерены делать дальше? — спросил отважного коммуниста-подпольщика Филиппов.

— Я бы хотел продолжить борьбу в тылу врага, — ответил Березняк. — Война еще не кончилась, а я приобрел некоторый опыт...

Так Евгений Степанович Березняк оказался в разведывательном отделе фронта как человек, прошедший суровую школу подполья, имевший опыт борьбы в тылу врага, обладавший другими, столь необходимыми настоящему разведчику качествами. Штаб партизанского движения рекомендовал Евгения Степановича для этой цели.

А дальше было все почти так, как в кинофильме. Пройдя соответствующую подготовку, «майор Вихрь» во главе разведгруппы «Голос» 18 августа 1944 года десантировался в тыл врага на польскую землю. Вместе с ним ушел на задание комсомолец А. Т. Шаповалов, возглавлявший в период оккупации комсомольско-молодежную подпольную группу в селе Новая Прага Кировоградской области. Третьим членом разведгруппы была Ася Жукова, работавшая до войны в Новомосковском горкоме комсомола.

Алексей Шаповалов и Ася Жукова приземлились удачно, а Евгений Степанович оказался в гестаповской тюрьме в Кракове. Выручили его хладнокровие и мужество, опыт подпольщика. Он не стал «отпираться» и заявил, что шел на связь с находившимся в городе советским разведчиком. Несколько дней подряд усиленная охрана переодетых агентов гестапо выводила Березняка на центральный Краковский рынок. И случай подвернулся.

— В один из дней, — рассказывал Евгений Степанович после войны, — примерно за час до закрытия рынка внезапно раздалась пальба, лавина разбегающихся в ужасе людей буквально смяла мою «охрану». Сорвав с одного из бегущих шляпу, я натянул ее на самые глаза, снял и бросил под ноги свой пиджак, затем, смешавшись с толпой, скрылся в одном из переулков. Придя в деревню на явочную квартиру, я через несколько дней присоединился к своей группе. Дальнейшее известно по газетам и фильмам.

Незадолго до вступления в Краков советских войск Алексей Шаповалов устроился «работать» в немецкую военную разведку — абвер. Советские разведчики задержали гитлеровского инженера майора Пекеля с планом фортификационных сооружений и переправили документы советскому командованию.

День Победы Е. С. Березняк встретил в Дрездене, служил в штабе фронта в звании капитана. После войны работал в Министерстве просвещения Украинской ССР в Киеве.

Все участники группы «Голос» награждены Золотым знаком Кракова, имена их навечно занесены в списки спасителей этого польского города.

Ярчайшими страницами борьбы народа Украины за свое освобождение стали вооруженные восстания в городах Павлограде и Петропавловске. Они произошли в феврале 1943 года, когда передовые части Красной Армии приблизились к этим городам.

Восстанием в Павлограде руководили подпольный обком и горком партии. 13 февраля 1943 года подпольщики распространили в Павлограде и его окрестностях воззвание к населению, в котором говорилось: «...к оружию, к оружию! Пусть каждый дом даст бойца. Пусть села превратятся в батальоны и города в полки. В бой!.. Сражайтесь всем, что вам попадется под руку. Подымайся, украинский люд!»

Восстание началось в ночь на 16 февраля. Были освобождены из тюрьмы около трехсот заключенных, которые сразу включились в уличные бои. Активное участие в восстании приняли состоявшие из подпольщиков команды дорожной жандармерии. 17 февраля с помощью подошедших частей 4-го гвардейского стрелкового корпуса Павлоград был полностью очищен от захватчиков. Благодаря вооруженному восстанию удалось спасти от разрушения почти все предприятия города, связь, склады с зерном и другим продовольствием. Сразу после освобождения города возобновили работу горком партии и городской Совет депутатов трудящихся.

17 февраля 1943 года в районном центре Петропавловске также произошло вооруженное восстание. Активное участие принял в нем партизанский отряд «Петропавловский» во главе с В. Г. Фесенко. В райцентре и прилегающих к нему селах была восстановлена Советская власть.

В книге бывшего секретаря Днепропетровского обкома партии К. С. Грушевого «Тогда, в сорок первом...», в которой рассказывается и о днепропетровских партизанах и подпольщиках, есть такие строки: «Пламя всенародной борьбы, зажженное партией, разгорелось на Днепропетровщине в полную силу и ширилось, заставляя гитлеровцев дрожать от страха. В пламени этой борьбы

сгорали все планы оккупантов, гибли все их усилия покорить советских людей, заставить их смириться с установленным порядком, заставить работать на «третий рейх»».

В ноябре 1943 года во время упорных боев, развернувшихся на Украине, особо важное значение приобрели крупные железнодорожные узлы, через которые противник подбрасывал к фронту свежие резервы и отправлял в Германию своих раненых, подбитую технику, награбленное имущество и продовольствие. Центральный Комитет Компартии Украины передал всем украинским партизанам указание усилить борьбу на вражеских коммуникациях. В радиограмме каменец-подольским партизанам 19 ноября 1943 года ЦК КП(б)У указывал: «В районе Житомира и юго-западнее Фастова противник оказывает упорное сопротивление наступающей Красной Армии. Шепетовка является узлом, через который противник подвозит резервы к фронту. ЦК КП(б)У предлагает всему личному составу вашего соединения и местным партизанам применить все способы диверсий, дабы парализовать движение на участке Шепетовка — Бердичев и воспрепятствовать движению транспортов противника».

Украинский штаб партизанского движения передал соответствующие указания своим представительством на фронтах. Штабу партизанского движения при Военном совете 3-го Украинского фронта было предложено усилить диверсии на железных дорогах Жмеринка — Вапнярка, Жмеринка — Христиновка, на железнодорожных узлах Знаменка, Смела и в других местах. На выполнении этих задач были сосредоточены партизанские силы, находившиеся в нашем оперативном подчинении. Отдельные отряды и бригады, как, например, бригада А. Г. Кондратюка и И. Д. Мединского, перебрасывались в новые районы действий, в другие места были заброшены организаторские группы.

Особую активность в этот период проявило соединение, которым командовали А. Г. Кондратюк и И. Д. Мединский, действовавшее в основном в Винницкой области. Почти ежедневно из соединения поступали радиограммы о налетах на гарнизоны и разрушении коммуникаций противника, крушениях воинских эшелонов. В дневнике боевых действий нашего штаба сохранились тексты этих радиограмм:

«Соединение Кондратюка:

С 1 по 5.XI.43 г. отрядом имени Ленина на ж. д. Христиновка — Казатин и Гайворон — Винница пущено под откос 18 эшелонов с боеприпасами, продовольствием, зерном и скотом. Разбито 24 паровоза, 190 вагонов. Движение задержано общей сложностью на 551 час. Проведено 5 операций, убито 182 немца, ранено 200.

С 1 по 5.XI.43 г. отрядом «За Родину» пущено под откос 8 эшелонов противника, выведено из строя 3 сахарных завода, сожжено 18 продскладов, уничтожено 7 молотилок и 24 сепараторных пункта, 6 автомашин.

С 1 по 5.XI.43 г. отрядом имени Кирова пущено под откос 3 эшелона, выведено из строя 2 паровоза, 12 вагонов, 1 дрезина. Уничтожены нефтебаза, районный радиоузел. Уничтожено 8 автомашин, 148 немцев».

Постоянно находясь в движении, бригада в течение ноября — декабря 1943 года прошла с боями по территории Гайсинского, Монастырищенского, Теплицкого, Оратовского, Христиновского и других районов, сокрушая все на своем пути. В райцентре Дамев, в 60 километрах юго-восточнее Винницы, 16 ноября один из отрядов бригады разгромил фашистский гарнизон и штаб, захватил районную типографию и радиоцентр. 18 ноября бригада совершила смелый налет на железнодорожную станцию Гайсин. Станция была разгромлена, серьезно повреждено путевое хозяйство, захвачены два паровоза, которые партизаны пустили на ими же заминированный мост через реку Кублич. Мост рухнул, оба паровоза оказались в реке. У противника было отбито около 5 тысяч голов разного скота.

В бригаду вступали новые и новые добровольцы. К исходу года в ней насчитывалось более двух с половиной тысяч партизан. Это было одно из самых крупных партизанских соединений на Украине.

Украинские партизаны выполнили наказ партии и народа. «За три последних месяца 1943 года,— говорится в труде «Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг.»,— они произвели крушение 1660 эшелонов противника, разбив и повредив при этом 1650 паровозов и около 14 тысяч вагонов, платформ и цистерн, уничтожили много живой силы, вооружения и военного снаряжения, взорвали 120 железнодорожных мостов. Всего за весь 1943 год партизаны подорвали 3726 вражеских поездов, вывели из строя 3893 паровоза и около 38 тысяч вагонов и платформ, взорвали 382 железнодорожных моста».

Войска нашего фронта все дальше продвигались на запад, и в Старый Игрень продолжали прибывать партизанские отряды и соединения, встретившиеся с нашими наступающими частями. Почти все они прибывали с большими обозами, трофеями, с отбитыми у врага стадами лошадей и коров. При встрече с передовыми советскими частями партизаны передавали им пленных гитлеровцев.

В штабе шла напряженная работа. Переформировывались и расформировывались некоторые отряды и соединения, часть людей передавалась в Красную Армию, другие в областной военкомат, третьи возвращались к местам своего жительства — на

освобожденную от врага территорию. Командование соединений и отрядов составляло отчеты о боевой деятельности в тылу противника. Штаб партизанского движения фронта в преддверии новых боев, в результате которых должна была быть полностью очищена советская территория, готовил сводные данные, производил перегруппировку остававшихся в нашем распоряжении партизанских сил.

На исходе 1943 года советские войска подготовились к новой кампании, в ходе которой намечалось развернуть мощное наступление на всем советско-германском фронте. На юго-западе предполагалось нанести сильные удары по группе немецко-фашистских армий «Юг» и группе армий «А», созданной на направлении наступления нашего фронта, и освободить всю Правобережную Украину.

В один из дней мы договорились с начальником штаба фронта генералом Ф. К. Корженевичем о заброске новых организаторских и разведывательно-диверсионных групп в тыл группы армий «А», которой командовал генерал-фельдмаршал Клейст. Действующие там партизанские силы должны были нарушать работу вражеского тыла на николаевско-одесском направлении, а также в более глубоких районах Украины. Через них к нам могла бы поступать разведывательная информация о передвижении, оборонительных рубежах и объектах противника вплоть до Молдавии.

— Партизаны прекрасно зарекомендовали себя на Днестре, хорошо помогали войскам фронта во многих других местах,— заметил Корженевич,— теперь перед нами новые задачи. Впереди Южный Буг и Днестр. Трудностей будет не меньше. Командование фронта, товарищ Асмолов, надеется на партизан.

В период подготовки наступления наш штаб сформировал и подготовил для заброски в тыл врага более 30 организаторских и разведывательно-диверсионных групп. Никогда за время войны у нас не было такого выбора организаторов партизанской борьбы, как в конце 1943 — начале 1944 года. В Старом Игрне оказалось около 5 тысяч партизан, соединившихся с частями Красной Армии, имевших большой опыт партизанских действий в тылу противника.

Такая же картина сложилась и с обеспечением убывающих за линию фронта партизан. На складах штаба теперь было столько оружия, боеприпасов, снаряжения и продовольствия, что его вполне хватило бы для снабжения гораздо больших партизанских сил, чем те, которые находились в нашем оперативном подчинении. Разные у нас были периоды. То густо, как говорят, то пусто. Теперь имелось все.

Не без гордости вспоминаю экипировку наших групп, забрасывавшихся за линию фронта в это время. Каждый партизан получал по пять с лишним килограммов взрывчатки, по пять толовых

шашек с бикфордовыми шнурами, по десять мин нажимного и магнитного действия и по три мины с определенным временем взрыва, по пять гранат разного образца. У всех были автоматы, пистолеты ТТ, холодное оружие. В группах имелись «бесшумные» винтовки с оптическим прицелом, бинокли и компасы. Каждый вылетавший за линию фронта имел электрический карманный фонарь. Патроны к пистолетам и автоматам выдавались в неограниченном количестве. Партизаны располагали топографическими картами, двухкилометровками, радиостанциями «Север». Помимо этого каждая группа брала с собой несколько грузовых мешков, в которых находились станковые и ручные пулеметы, противотанковые ружья, большое количество тола, патронов, других боеприпасов.

Времена, когда партизаны испытывали нехватку в оружии, боеприпасах, снаряжении и других нужных для борьбы в тылу врага вещах, остались далеко позади.

ПОСЛЕДНИЕ УДАРЫ НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

10 января 1944 года войска 3-го Украинского фронта перешли в наступление, имея главной задачей разгромить противника на никопольском плацдарме и в районе Никополя. 12 января в Винницкой области в районе Майдан — Голянищенский приземлились первые 45 партизан из числа организаторских групп, которые возглавлял М. Р. Соболев. Близ города Кодыма Одесской области высадилась оперативная группа штаба во главе с майором И. С. Артюховым, на которую возлагалась задача координировать в интересах войск фронта боевую деятельность партизанских отрядов, находившихся, по нашим сведениям, в Одесской области и не имевших связи с Большой землей. Убыли за линию фронта и другие организаторские и разведывательно-диверсионные группы.

Основная задача, которая ставилась всем группам, в приказе была сформулирована так: «Усилить помощь Красной Армии: нападать на гарнизоны противника, громить его тылы, разрушать коммуникации и связь, лишать возможности подтягивать резервы к переднему краю фронта, увозить материальные ценности, принадлежащие нашей Родине, награбленное оккупантами, мешать увозить наших пленных людей в глубь Германии. Бить врага всюду».

Все группы должны были активно собирать разведывательную информацию: устанавливать местонахождение важных военных объектов противника, уязвимые места в его обороне, расположение аэродромов и штабов. Особенно подробная информация требовалась штабу фронта о группировках противника в районах Кодыма — Вапнярка, Кодыма — Каменка, Кодыма — Балта и других местах, прилегавших к реке Днестр. Партизанам предстояло установить тесную связь с партийными и другими подпольными организациями в этих районах, действовать с ними в тесном контакте, опираясь на широкую помощь населения. Мы рассчитывали, что Бритавский лес, находившийся на стыке Винницкой и Одесской областей и Молдавии, куда в основном шло десантирование организаторских групп, станет таким же надежным пристанищем для наших партизан, как в свое время Ирдынский лесной массив.

Нелегко пришлось нашим посланцам на первых порах. Стояла зима. На всех дорогах и лесных просеках лежал глубокий снег. Не затихал ветер, надувая сыпучие сугробы. Только в глубине Бритацкого леса, где поначалу расположились наши парашютисты, было чуть потише. Партизаны жили под открытым небом. Особенно трудно приходилось радисткам, они часами просиживали у радиостанций, отстукивая «точки» и «тире» коченеющими от холода пальцами.

Как могли, партизаны преодолевали эти невзгоды. Из парашютов соорудили шалаши, надежно присыпав их снегом, расчистили площадки для приема новых людей и грузов, соорудили снежные валы с амбразурами и укрытия от морозного ветра. Были организованы круговое наблюдение и оборона.

Все же остальное очень походило на то, с чем доводилось уже сталкиваться нашим организаторским и разведывательно-диверсионным группам на украинской земле. Население беззаветно поддерживало партизан. Уже через несколько дней после высадки от командиров групп стали поступать запросы на вооружение и боеприпасы для создаваемых партизанских отрядов. Н. К. Романов радировал на второй день после высадки: «Прошу вооружение на 180 человек».

Буквально с первых часов после приземления партизанам удалось установить связь с лесниками и жителями ближайших деревень. В селе Бритацк сразу организовалась подпольная группа, в которую первоначально вошли 15 местных жителей. Возглавил ее колхозник А. А. Кирилко. Затем еще 60 человек выразили желание вступить в вооруженную борьбу с захватчиками. Кроме того, оказалось, что в Бритацке и многих других селах прятались люди из различных районов, уклоняясь от угона в Германию. Кое-кто скрывался прямо в лесах. Все они с большой охотой вливались в партизанские отряды.

Подпольные группы были созданы также в селе Пирожном из 30 человек во главе с М. У. Шепитко, в селе Старые Луги под руководством учительницы Н. С. Назарук, на железнодорожной станции Кодыма из 40 человек под руководством М. Н. Бурдейного и А. А. Кучеры и в других местах. На станции Кодыма, кроме того, уже действовала подпольная организация, возникшая еще в мае 1942 года. Руководил ею К. А. Петрик. Роль этих подпольных групп была очень велика. Они помогали партизанам в расширении связей с населением, обеспечивали отряды продовольствием, за их счет партизанские силы пополнялись резервами. Через подпольные группы была создана широчайшая сеть партизанских разведчиков в населенных пунктах. Они же подбирали людей для распространения советских листовок, помогали населению срывать вражеские мероприятия.

Обширная разведывательная информация стекалась отовсюду. В Каменке, например, жили родственники и знакомые подпольщиков станции Кодыма, частенько приезжавшие к ним в гости. Партизаны получали сведения о румынских и немецких частях в окрестностях села Каменки. В Кодыме появлялись рыбаки, торговавшие днестровской рыбой. От них поступала ценная информация о расположении частей врага в портах и других населенных пунктах по реке Днестр, а также об имевшихся там оборонительных сооружениях противника. Возвращаясь домой, рыбаки увозили с собой листовки, сообщения Совинформбюро. Не раз партизанским отрядам удавалось высылать конную разведку к Днестру и в другие места для уточнения особо важных разведывательных данных.

В начале марта 1944 года войска 3-го Украинского фронта возобновили наступление на николаевско-одесском направлении. Военный совет фронта потребовал от партизанских сил усиления ударов по врагу, а также расширения притока развединформации о передвижении отступающих частей и соединений противника, маневре его резервов в глубине. К этому времени в тылу группы армий «А», в основном в тылу 6-й немецкой армии, противостоявшей войскам нашего фронта, действовало около 20 организаторских, разведывательных и разведывательно-диверсионных групп, превратившихся к этому времени, благодаря огромному притоку добровольцев, в мощные отряды и соединения.

Население настолько активно помогало партизанам, что из местных жителей были созданы так называемые «группы маршрутчиков», которые направляли немецкие и румынские части по ложному пути, внося неразбериху в передвижение вражеских войск. Партизаны учли то, что немецкое и румынское командование пользовалось военными картами, выпущенными задолго до войны. На них, естественно, не были указаны многие населенные пункты и дороги. Гитлеровцы вынуждены были в ряде случаев обращаться к местным жителям, выясняя путь движения. «Маршрутчики» сбивали врага с толку. Координируя действия «групп маршрутчиков», штабы партизанских отрядов и соединений усиливали их эффективность.

Обширная разведывательная информация о передвижении немецких и румынских войск между Южным Бугом и Днестром, передаваемая партизанскими силами в штаб, не раз получала высокую оценку Военного совета. Однажды мне позвонил Р. Я. Малиновский и поблагодарил за сведения о 1-й немецкой танковой армии, части которой сосредоточивались у сел Осиевка и Гайворон и были замечены партизанами. Столь же ценными оказались выводы, содержащиеся в наших разведсводках, о том, что противник

стремится во что бы то ни стало удержаться на берегах Южного Буга. Так как своих сил у немцев уже не хватало, туда перебрасывались подкрепления союзников гитлеровцев. Важными оказались сведения, касавшиеся взаимоотношений немецких и румынских войск. Эти отношения значительно ухудшились. Все чаще и чаще между солдатами Антонеску и Гитлера по разным поводам происходили стычки.

Подобно никопольской, в этот период хорошо действовала наша вторая специальная разведгруппа, которую также возглавила женщина, отважная партизанская разведчица Мария Головатая. Она не раз переходила линию фронта, в числе первых разведчиков прошла через оборону фашистов еще весной 1943 года на Северском Донце, выполняя задание одной из наших опергрупп. Вместе с Марией Головатой за линию фронта была выброшена ее сестра Анастасия. Партизанские разведчики обосновались в городах Ямполь и Сороки. Разведывательная информация, переданная группой М. М. Головатой, оказала большую помощь штабу фронта в организации маневра силами и средствами в ходе наступления наших войск. При приближении линии фронта группа М. М. Головатой соединилась с партизанским отрядом, действовавшим в этом районе. В одном из боев при стычке с отступающими немецкими подразделениями за пулеметом смертью героя погибла Анастасия Головатая, которую партизаны называли Анной.

Случилось так, что, когда были отбиты все атаки врага и партизаны собрались в лесу и разожгли костер, раздался неожиданный стон, а затем крик младенца. Это Марфа, жена партизана Терентия Петрика, родила дочь. Роды принял отрядный врач Каркашадзе. Появление на свет нового советского человека в столь необычной обстановке взволновало всех и как бы сгладило горечь утрат. Бойцы отряда единодушно назвали родившуюся девочку Анной — в честь героини павшей в бою Анны Головатой.

28 марта 1944 года войска 3-го Украинского фронта освободили город Николаев. Штаб партизанского движения переместился в село Терновка близ Николаева. Сюда в первые дни апреля прибыл заместитель начальника штаба партизанского движения при Военном совете 4-го Украинского фронта подполковник П. А. Метелев с документами своего штаба. По приказу Т. А. Строкача партизанские силы, входившие в оперативное подчинение этого штаба в связи с переброской войск 4-го Украинского фронта на новое направление, передавались нашему штабу. Это были партизанские отряды имени Сталина, Калинина, Жданова, Дзержинского, Чапаева, Котовского, «Журналист», «Истребитель», «Буревестник», «За Днепр», «За Советскую Молдавию» и т. д., которыми командовали В. Д. Авдеев, С. Ф. Родионов, Д. Б. Мурзин, П. Н. Морозов, Е. И. Петров, Ф. Г. Мысин, С. Д. Автеньев, М. В. Смилевский,

С. Г. Витютнев, И. А. Кухаренко, И. Ф. Чечеткин, А. А. Варфоломеев и другие. С учетом этой «прибавки» партизанские силы, военное руководство которыми осуществлял наш штаб, превысили 15 тысяч человек.

Передавая отряды, Петр Андреевич Метелев дал подробную характеристику каждому командиру и комиссару, рассказал о боевых делах партизан, местах дислокации штабов.

— Партизанский отряд имени Сталина действует непосредственно в Одессе, — заметил Метелев. — Возник он на базе местных подпольных организаций и партизанских отрядов. Чтобы объединить их и поднять в городе восстание накануне прихода наших войск, мы в начале 1944 года направили в Одессу организаторскую группу во главе с опытным подпольщиком, коммунистом Василием Дмитриевичем Авдеевым — его подпольное имя Черноморский. Он прекрасно действовал в Ростове и Донецке, успешно началась его работа и в Одессе. Но не так давно поступили сведения, что Авдеев погиб. Командование одесскими партизанами принял заместитель Авдеева Д. С. Гавшин.

Высокую оценку дал П. А. Метелев и многим другим командирам, в частности командиру отряда «Буревестник» Ивану Афанасьевичу Кухаренко, под руководством которого партизаны действовали особенно активно и в свое время во взаимодействии с соседними партизанскими отрядами буквально парализовали сообщение на железной и шоссейной дорогах в районе Вознесенск — Первомайск — Гайворон — Бершадь — Балта — Любашевка.

— Я лично посылал в тыл врага организаторскую группу Кухаренко, — сказал Метелев. — Замечу, что комиссаром в ней также прекрасный товарищ — бывший парторг ЦК партии на шахте имени Артема в Донбассе Василий Емельянович Нестеренко. Цементирующим ядром «Буревестника» является партийная организация, которой руководит бывший председатель райисполкома из Дрогобычской области Григорий Иванович Глотов. Под руководством партийной организации в отряде действует и комсомольская организация, возглавляет ее Петр Шарендак.

Как вытекало из рассказа Петра Андреевича Метелева, связь поддерживалась не со всеми партизанскими отрядами, а некоторые группы были только-только заброшены в тыл врага. Среди них и состоявший из 11 человек партизанский отряд с необычным названием «Журналист». Оказалось, что им командует бывший заместитель редактора николаевской областной газеты коммунист Георгий Васильевич Смилевский. Парашютисты высажены в ночь на 17 марта в молдавских Кодрах, неподалеку от сел Бравичи и Сесены. Главная задача отряда — разведывательная информация о дислокации фашистских войск и об оборонительных сооружениях

противника в долине реки Кулы, а также диверсионная деятельность на коммуникациях врага.

— Сейчас с отрядом «Журналист» соединился отряд имени Фрунзе во главе со старым коммунистом Иваном Ивановичем Лысовым, десантировавшимся в тыл врага несколько позднее. Судя по последним данным, отряд «Журналист» стремительно растет. Установлены прочные связи с местным населением. От Смилевского и Лысова принята ценная разведывательная информация, партизаны начали боевые действия. К сожалению, сейчас связи с ними нет. Причина молчания рации неизвестна.

Из-за стремительного продвижения наших войск нам практически так и не пришлось вступить в непосредственное руководство партизанскими силами, переданными штабом партизанского движения 4-го Украинского фронта. Большая часть действовавших в тылу врага отрядов оказалась в прифронтовой полосе и дралась с отступавшими гитлеровцами. Некоторые отряды уже соединились с наступавшими частями Красной Армии и давать им какие-либо указания не имело смысла, а с кем-то просто-напросто так и не удалось установить связь, как это случилось и с отрядом «Журналист».

Только много позже нам стало известно о его судьбе. Выяснилось, что 16 апреля 1944 года фашисты сняли с фронта и бросили против партизан более 500 карателей. Отряд вступил в неравный бой с противником и боролся до последнего патрона. В этой схватке пали смертью храбрых 14 отважных партизан, среди которых были командир отряда «Журналист» Георгий Смилевский, комиссар отряда имени Фрунзе Николай Тетянка, радистка Валя Максимова, партизан Александру Буду из села Сесены и другие. В ночь на 1 мая оставшиеся партизаны с боем прорвались по долине реки Кула через линию фронта.

Жестокую расправу учинили фашисты над местными советскими патриотами, которые помогали отрядам и фактически стали активными участниками партизанской борьбы. Только в селе Сесены были варварски замучены 17 человек.

Долгое время об отряде «Журналист» вообще ничего не было известно. Даже местные жители не знали настоящих имен парашютистов, которым помогали и с которыми дрались вместе против ненавистного врага. Лишь весной 1964 года, когда в печати появилось сообщение о том, что одна из бывших парашютисток Клавдия Романовна Крикуненко осталась жива и работает в селе Куйбышево Ростовской области, сесенцы, пригласив ее к себе в гости, узнали наконец обо всем. Вместе разыскали в лесу могилы павших партизан и 9 мая 1964 года торжественно похоронили останки героев в парке села Сесены.

Не прошло и нескольких дней после отъезда П. А. Метелева, как войска нашего фронта освободили Одессу. Это произошло 10 апреля 1944 года. Вслед за наступающими частями в город вошли и работники опергруппы при Военном совете 5-й ударной армии. А через три-четыре дня приехал в Одессу и я, чтобы встретиться с партизанами-парашютистами из группы В. Д. Авдеева, узнать подробности о его гибели, боевых делах одесских партизан.

В доме, где расположилась оперативная группа, начальником которой был майор М. Х. Портнов, и произошла встреча с Д. С. Гавшиным, заменившим В. Д. Авдеева, и некоторыми другими десантниками и подпольщиками.

— Авдеев попал в руки сигуранцы 2 марта, — рассказал Гавшин. — Это произошло почти на моих глазах. Мы только разошлись после очередной встречи, которая состоялась на Большой Арнаутской улице, как Василий Дмитриевич столкнулся с агентом контрразведки, выследившим его с помощью предателя. Завязалась перестрелка. На выстрелы сбежались немцы. Последним патроном Авдеев выстрелил себе в голову, но неудачно. Его доставили в госпиталь. Когда он пришел в себя и увидел, что находится в руках врага, он из последних сил ударился простреленным виском о железную кровать и скончался.

В личном деле В. Д. Авдеева осталось его заявление, написанное 15 июля 1941 года: «Я прошу... направить меня на фронт. Я хочу умереть, защищая Родину». Василий Дмитриевич до конца исполнил свой долг коммуниста, чекиста. Он связал свою жизнь с партией в декабре 1918 года. В 1920 году стал работать в органах ВЧК. За годы чекистской службы был семь раз ранен и контужен. Дважды награждался именными золотыми часами, дважды почетным оружием. Уже в годы войны, действуя в тылу врага в Донецкой области и под Ростовом, был награжден орденом Красного Знамени. Одесское подполье оказалось последней боевой страницей его яркой героической жизни. Под руководством В. Д. Авдеева, направленного в Одессу по рекомендации ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Украины, борьба одесских партизан и подпольщиков достигла особенно большого размаха. «Все руководство партизанской борьбой в городе, — говорится в книге «Герои подполья», — было возложено на В. Д. Авдеева. Человек большой силы воли и незаурядных организаторских способностей, В. Д. Авдеев сделал все возможное для усиления деятельности одесских подпольщиков».

Чем глубже я знакомился с деятельностью одесских партизан и подпольщиков, чем больше приходило людей в нашу оперативную группу, чтобы рассказать о себе или других советских гражданах, патриотах, все эти годы боровшихся с врагом, тем ярче вставала перед глазами картина народной партизанской войны в

одном из важных тыловых районов вермахта. Работники оперативной группы во главе с майором М. Х. Портновым не успевали обрабатывать поступающие к ним материалы о партизанской борьбе в Одессе, и мы создали специальную опергруппу, на которую возложили эту работу. Оперативная группа во главе с капитаном И. С. Цимбалюком пробыла в городе более двух месяцев. Ее работа завершилась оформлением «Итоговой записки о боевой деятельности партизанских отрядов, групп и подпольных организаций на территории Одессы и Одесской области» — самым первым исследованием партизанской и подпольной борьбы на Одессине.

«Несмотря на преследование и террор, чинимые гестапо,— отмечал Цимбалюк,— число подпольных организаций в Одессе, а также людей, состоявших в них, из года в год все увеличивалось. В 1942 году было создано 5 новых самоинициативных организаций, в 1943 году — 6, в 1944 году — 9. Кроме этого в октябре 1941 года по заданию Одесского обкома партии был оставлен для диверсионной работы в тылу противника Одесско-Пригородный райком КП(б)У во главе с товарищем Лазаревым, который организовал два партизанских отряда.

С прибытием в январе 1944 года в Одессу группы парашютистов-партизан под командованием Авдеева-Черноморского на базе действовавших подпольных организаций было создано партизанское соединение имени товарища Сталина, в состав которого входило 10 подпольных организаций...»

«Итоговая записка», составленная на основании 43 отчетов партизанских отрядов, групп и подпольных организаций и проверки их боевой деятельности с выездом на места, заканчивалась словами: «Эти наиболее общие и краткие итоги пропагандистской работы, боевой и диверсионной деятельности свидетельствуют о том, что советские люди, находясь в тылу противника, в трудных условиях не забывали свой долг перед Родиной».

В «записке» справедливо говорилось, что это лишь «наиболее общие и краткие итоги» борьбы советских патриотов в Одессе и Одесской области, но и эти итоги впечатляли размахом борьбы, активностью, глубокой верой советских патриотов в нашу окончательную победу над гитлеризмом, безграничной самоотверженностью советских людей, их готовностью до конца исполнить свой долг перед народом, партией, социалистической Отчизной.

Одесситы не чувствовали себя побежденными в оккупированном врагом городе, они не покорились жестокому режиму захватчиков.

Бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх в книге «История второй мировой войны» пишет: «Оставляя осенью 1941 года Одессу, русские создали в городе надежное, преисполненное величайшего фанатизма партизанское ядро. Партизаны обосновались в

катакомбах, разветвленная сеть которых, общей длиной около 100 километров, не имеет себе равных в Европе... Партизаны совершали ночные нападения на отдельных солдат и плохо охраняемые военные объекты...»

Подземная Одесса! Эти два слова наводили страх и панику на фашистов. Они знали многие входы в катакомбы, но не рисковали войти в подземелье. Фашисты взрывали ходы, минировали их, подсылали провокаторов, делали засады, отбирали у женщин детей и под угрозой их расстрела посылали в катакомбы уговорить партизан выйти на поверхность. Наконец применили отравляющие вещества. Но тщетно. Партизаны продолжали борьбу.

Чтобы изолировать партизан от помогавшего им населения, гитлеровцы снесли все дома вблизи катакомб, установили сложную систему пропусков, убивали на месте всякого, кто появлялся в районе пещер. Для блокирования катакомб оккупанты сосредоточили 16-тысячное войско. Было завалено и забетонировано около 400 входов и выходов из подземелий. Колодцы, стволы которых проходили через катакомбы, отравили мышьяком или залили нефтью.

Ответом были новые, все более дерзкие вылазки одесских партизан и подпольщиков. Более 3 тысяч оккупантов нашли свою смерть от карающей руки одесских подпольщиков. В течение всего периода вражеской оккупации города подпольщики отвлекали на себя значительные силы врага. Они укрыли в катакомбах и спасли от расстрела и угона в Германию около 18 тысяч советских людей, сохранили от разрушения много важных объектов в городе, представляющих большую историческую, культурную и народнохозяйственную ценность.

В том, что партизанская борьба в Одессе достигла такого размаха, большая заслуга партийной организации города. К. Типпельскирх в общем-то прав, утверждая, что в Одессе осталось «преисполненное величайшего фанатизма партизанское ядро». По решению Одесского обкома партии в Одессе оставались подпольный обком и подпольные райкомы в Ильичевском, Ленинском, Воднотранспортном, Ворошиловском, Одесском пригородном и Овидиопольском районах. Подпольный обком партии, как и подпольные райкомы, возглавлялись двумя секретарями, в их распоряжении находились связные, конспиративные квартиры, оружие и боеприпасы.

Особенно тщательно подготовился к боевой деятельности Одесский пригородный райком партии, которым руководил первый секретарь райкома, участник гражданской войны, коммунист с 1919 года С. Ф. Лазарев. Свою основную базу подпольный райком создал в катакомбах неподалеку от пригородного села Усатова. Подпольщики заблаговременно завезли туда винтовки, гранаты,

взрывчатку, годовой запас продуктов, горячее, теплую одежду и обувь. У подпольщиков были приемник и пишущая машинка. Под руководством Пригородного райкома партии активно действовали в течение всего периода оккупации два партизанских отряда.

Большую работу по подготовке подполья провел Ильичевский райком партии Одессы. Он подобрал для подпольной деятельности 38 коммунистов и значительное число беспартийных советских патриотов, оборудовал подземное укрытие на 2-й Лагерной улице, организовал на наиболее крупных предприятиях района партийные группы.

Осенью 1943 года подпольная организация Ильичевского района насчитывала уже почти 200 человек. Они организовали несколько крупных диверсий на железной дороге и предприятиях.

С прибытием В. Д. Авдеева и других парашютистов ильичевцы составили основную силу партизанского отряда имени Сталина, включив в его состав 274 человека. Еще более 1300 патриотов составили партизанский резерв района.

С партизанской и подпольной деятельностью в Одессе связаны имена многих героев, теперь широко известных. Среди них — выдающийся организатор партизанской борьбы Василий Дмитриевич Авдеев, один из первых командиров партизанского отряда Герой Советского Союза Владимир Александрович Молодцов, начавший действовать с октября 1941 года и павший смертью храбрых в застенках сигуранцы, отважный подпольщик-комсомолец Яков Гордиенко и многие другие. Но среди героев-патриотов были сотни и тысячи менее известных или вовсе неизвестных людей, о которых до сих пор мало кто знает.

От партизан и подпольщиков, с которыми я встречался во время поездки в Одессу и в послевоенное время, из докладов работников опергруппы и других товарищей я узнал о многих героях. Назову хотя бы некоторых из них.

Маленькая стройная девушка с пышными волосами — Ольга Кортик. Ее мужество и находчивость спасли от угона в немецкое рабство более 3 тысяч человек. Благодаря ее пламенной агитации перешло на сторону партизан словацкое подразделение с полным вооружением. Ее энергия и смекалка помогли доставить в катакомбы несколько грузовых автомашин с продовольствием.

Кочегар котельной хлебозавода Трофим Мельник, пожертвовавший жизнью, чтобы лишить врагов возможности использовать хлебозавод.

Павел Иванович Карпов, дядя Паня, осуществлявший дерзкие диверсии буквально на глазах врага, среди бела дня.

Профессор Илья Леонтьевич Зайченко, спасший жизни сотням раненых бойцов и офицеров Красной Армии, избавивший от угона в Германию многих одесситов.

Десятки, сотни имен, множество примеров беззаветного героизма, самоотверженности, товарищеской взаимовыручки. Все это не могли ни предусмотреть, ни тем более понять фашистские захватчики.

Особую страницу героической деятельности одесских партизан и подпольщиков составляла их борьба против гитлеровских захватчиков совместно с солдатами-словаками, оказавшимися в Одессе.

В то время, когда наши оперативные группы выявляли картину борьбы патриотов Одессы, я не мог предположить, что все, связанное с партизанами из числа словацких военнослужащих, мобилизованных гитлеровцами на войну с советским народом, вскоре приобретет лично для меня особое значение. Несколькими месяцами спустя по просьбе руководителей Компартии Чехословакии, находившихся в Москве, и по заданию ЦК КП(б) Украины и Украинского штаба партизанского движения я оказался на территории Словакии, чтобы помочь чехам и словакам в партизанской борьбе против общего врага. Хочу поэтому более подробно остановиться на том, как словацкие воины помогали советским партизанам в Одессе.

Они попали туда после того, как гитлеровское командование сняло словацкие части с фронта из-за массового перехода словаков на сторону Красной Армии и попыталось использовать их для борьбы с партизанами на Украине и выполнения различных работ в тылу. Не желавшие и ранее сражаться против советского народа словацкие воины, посланные на советско-германский фронт клерикально-фашистским правительством Словакии воевать за чуждые им интересы, и в Одессе активно проявили свои антифашистские настроения.

— Словаки группами, а иногда и целыми подразделениями переходили на сторону партизан,— рассказывал мне Д. С. Гавшин,— и оказали нам большую помощь в снабжении продуктами и оружием, добывании разведывательных данных, вместе с нами сражались на улицах Одессы накануне вступления в город Красной Армии, участвовали в других партизанских акциях.

А началось все так. Узнав, что солдаты подразделений из 1-й словацкой дивизии, дислоцировавшиеся в Одессе, настроены враждебно к гитлеровцам и не скрывают своих симпатий к советским людям, партизаны и подпольщики стали устанавливать с ними связи. Однажды в один из домов, где жили словаки, партизаны подбросили экземпляр «Правды», в котором было помещено заявление о советско-чехословацких отношениях. Словаки читали газету нарасхват, а потом попросили давать им подобные материалы. Так среди словацких солдат стали распространяться советские газеты и листовки, к которым словаки проявляли огромный интерес.

Некоторые словацкие солдаты захотели встретиться с партизанским командованием. В беседе с советскими партизанами сержант Ян Крошлак и его товарищи высказали желание побывать в партизанском отряде, чтобы потом рассказать обо всем своим сослуживцам. Словаков провели в катакомбы к Д. С. Гавшину. Прощаясь, словацкие солдаты заявили:

— Мы хотим действовать вместе с вами. Мы тоже будем партизанами.

Вскоре Ян Крошлак и другие словацкие военнослужащие прислали партизанам две автомашины с боеприпасами, вооружением и машину с продовольствием и ушли с ними в катакомбы.

Другую группу словацких солдат привел к партизанам Михал Кончители. Ему удалось привлечь на сторону партизан и некоторых словацких офицеров. Вместе со своими солдатами оказались в катакомбах надпоручик Кубат Вавро, подпоручики Пагач Кароль и Ваньо Имрих.

Подпоручик словацкой армии Кароль Пагач рассказывал:

— У меня был радиоприемник. Хозяева квартиры и знакомые часто обращались ко мне с просьбой «включить Москву». Я делал это. Соседи узнали, что мы почти ежедневно слушаем московские передачи, и тоже стали приходить к нам. Мой хозяин Казимир Янковский однажды предложил мне пойти с ним в катакомбы, чтобы встретиться с его друзьями. Я пошел. Так состоялось мое первое знакомство с партизанами, с которыми впоследствии мне и моим солдатам пришлось вести борьбу рука об руку против фашистов.

Сохранилось письмо одного из бывших словацких солдат-партизан Павла Пастухи из Жиара над Гроном. В нем рассказывается о том, как он и его товарищи помогали одесским партизанам.

«Как автомеханик с прикрепленным грузовиком для доставки нужных материалов,— сообщал П. Пастуха,— я мог когда угодно выезжать из мастерской. Потому я перевозил столь ценное для партизан оружие, патроны и все другое, необходимое для борьбы. Хорошо помню, как однажды к воротам мастерской ваши товарищи принесли 3 больших и 4 маленьких ящика, причем об их содержанием говорить избегали и попросили доставить это в другой конец города. Вместе с Йозефом Гринчаром мы выполнили эту просьбу. Еще несколько подобных грузов мы перевезли от пристани до центра города.

Перед рождественскими праздниками в 1943 году мы перевезли на машине три ящика с винтовками, два с револьверами, пять с патронами и семь ящиков с гранатами. Это мы перевозили с товарищем Мевтодовским с рынка «Привоз» на Елизаветинскую улицу в дом 1. Здесь ящики были перенесены в подвал, а затем вместе с супругами Бурлачик, Тимой и Полиной, мы переупаковали оружие и боеприпасы в другие ящики, со стеклом и мылом, и отвезли

их на железнодорожную станцию. Багажом они были отправлены в Первомайск на имя Мевтодовского и в Жмеринку на имя Зеленской. Таким путем мы переправили и две передающие радиостанции.

Однажды вышло так, что моя машина оказалась неисправной. А нужно было переправить в Жмеринку патроны и револьверы. Не оставалось ничего другого, как нести все это на плечах и в руках на вокзал. Там товарищ Зеленская взяла это как багаж до Жмеринки.

За трехмесячное пребывание в Одессе, с декабря 1943 года до февраля 1944 года, я регулярно встречался с членами партизанской группы и перевозил оружие и патроны раз восемь.

Еще хочу рассказать, как сохранились многие одесские здания, намеченные немцами к уничтожению. Мой товарищ Йозеф Гринчар был главным поваром в офицерской столовой. Как-то вечером он пришел с сообщением о том, что словацкий офицер старший лейтенант Кухта привел сегодня в столовую двух немецких офицеров. После ужина велели подать вина и пригласили к столу и Йозефа Гринчара, который в совершенстве владел немецким. Когда все оказались навеселе, офицеры стали говорить о том, что в Одессу прибудет группа немцев, которая заминировует здания, отмеченные буквой «О», а в удобный момент при отступлении их взорвет. Как они говорили, таким путем должны быть взорваны около 80 зданий. Об этом я сообщил на следующий день товарищу Орсик, которая, конечно, позаботилась об уничтожении знака «О». Я сам, когда видел этот знак, сразу же ставил об этом в известность жителей дома и велел им стереть его. Насколько мне известно, там, где этот знак был стерт, здания при отступлении немцев остались нетронутыми.

Чехословацкий патриот П. Пастуха помогал советским людям и другими способами. Возвращаясь однажды из поездки с другими словацкими солдатами, он заметил, как недалеко от их мастерской трое немецких вояк вели двух граждан, которых били и подталкивали. Словаки спросили: «Куда вас ведут?» Один из пленников ответил: «На расстрел». Немцы-конвоиры пояснили, что это партизаны и их надо прикончить. Словаки потребовали освободить советских людей. Между словаками и немцами произошла стычка. Дело чуть не дошло до перестрелки. Воспользовавшись этим, партизаны скрылись в темноте.

В 1964 году у меня побывал московский корреспондент чехословацкой газеты «Руде право» Б. Хнеупек, ныне министр иностранных дел ЧССР, которому стало известно о том, что в моем архиве хранится список словацких солдат, перешедших в Одессе на сторону партизан. В этом списке было 160 имен. Богумил Хнеупек выехал в Одессу. Результатом его поездки был очерк «Словаки из каткомб», переведенный на русский язык и опубликованный в книге

«Генерал с орденом льва». Автор очерка сумел очень хорошо передать атмосферу первых и последующих контактов словацких солдат с населением и партизанами:

«Подполье готовится к последним боям.

В эти дни вдруг приходит сообщение: в городе появилась колонна солдат в незнакомой форме. Перед заходом солнца они расположились в школе на Прохоровской улице и в помещении джутовой фабрики.

Подполье насторожилось, оно ждет. Все новые и новые сообщения. Незнакомые солдаты спокойно ходят по улицам города над катакомбами. У солдат сытый вид, на их лицах не видно утомления, офицеры, не лишенные элегантности, спокойно расхаживают в своих мундирах, напоминающих французские. Одесса знает немцев, румын, итальянцев, венгров, хорватов, но таких солдат еще не видала.

Подземелье прощупывает эту воинскую часть. Случайно, подслушанный разговор, брошенное вскользь замечание, косой взгляд на немца, ломоть хлеба, протянутый ребенку, сходный язык — все это вызывает интерес. Первые сведения приходят с фабрики. Молодые работницы заводят знакомство с солдатами. В результате сообщение:

«26.X.1943 г. на одесскую джутовую фабрику пришла словацкая часть. Командир Павел Гайдучко. Симпатизирует нам. В. Пучков».

К сожалению, штаб не имеет связи с Большой землей и поэтому не знает, что значит «словацкая часть». Иначе в штабе стало бы известно, что именно в тот день, когда прибыли словаки, их бывшая дивизия, насчитывавшая две тысячи шестьсот солдат и офицеров, перешла под Мелитополем на сторону Советской Армии. Вот почему партизанскому штабу приходится приложить максимум усилий, чтобы узнать то же самое, но уже от самих словаков. Они узнают также, что часть, которая находится в Одессе, — сто восемьдесят человек — является техническим тылом этой дивизии. В условиях прифронтовой неразберихи они передвигались с конца сентября из Днепропетровска и Знаменки через Кривой Рог, Херсон и Николаев и попали в Одессу. Если это соответствует действительности, то впервые в истории подпольной борьбы рождается заманчивая идея — использовать вражескую часть в своих целях.

Подполье расставляет невидимые сети. Следит за каждым шагом словацких солдат. Сотни глаз проверяют их. Действительно ли они такие, как утверждают и какими кажутся? Или это ловушка, которая раз и навсегда покончит с катакомбами? Как узнать, кто агент, кто предатель, кто шпион, провокатор, а кто друг? В этом партизанам помогают сами словаки. В ресторане «Европа» они

поют «Широка страна моя родная», а немцев, пытавшихся протестовать, выкидывают на мороз; со стены срывают портрет фюрера и зал ресторана разносят в щепы.

Слишком непосредственно, слишком по-славянски открыто, чтобы могло быть провокацией.

И когда на другом конце города словаки, конвоировавшие двух партизан, создают суматоху и дают им возможность бежать, партизанский штаб решает: «Связаться!»

Спустившись в катакомбы, Б. Хнеупек увидел на одной из стен старый словацкий герб — алые Татры, голубое небо и белый двойной крест, рядом — серп и молот и дату «1 апреля 1944» с подписью «Густ. Безак». Виднелся еще рисунок: словацкий солдат вешает Гитлера. И тут же — солдат в словацкой форме обливает девушку водой. Над картиной надпись: «С веселой пасхой». Были и другие рисунки и два календаря, сделанные углем на стене. Первый — русский, от августа 1941 года, то есть еще времен обороны Одессы, второй — словацкий, от 1944 года.

«Писать о доблести никогда не поздно, — заканчивает Б. Хнеупек свой очерк. — Тем более что большинство словаков попало на Восточный фронт лишь потому, что имело несчастье родиться в том году, который оказался тогда призывным... На Кавказе, Украине, в Белоруссии — всюду можно найти живых свидетелей исторического факта, когда словацкие солдаты занимали твердую антифашистскую позицию. С оружием в руках они отстаивали свободу своей Родины...

Мы долго о них ничего не говорили, ничего не писали. Те, кто вместе с ними дрался с фашистами, по сей день помнят песни, которые они пели... и хранят об этих солдатах самые теплые воспоминания... Ведь словацкие солдаты поддерживали Одессу в ее легендарной борьбе».

В партизанских отрядах Одессы находилось несколько сот словацких солдат и офицеров. Только с 8 марта по 3 апреля 1944 года в партизанский отряд Ильичевского района перешло 133 словацких солдата и офицера. При этом они передали отряду 3 трехтонные автомашины продуктов, 700 килограммов взрывчатых веществ, 14 тысяч патронов, 67 винтовок, 2 ротных миномета, 180 мин, 237 гранат, 6 автоматов и шанцевый инструмент. Основную массу оружия, которым были вооружены партизанские отряды Ворошиловского, Центрального и других районов Одессы, доставили словаки.

— Машинами и подводами возили словаки оружие, боеприпасы и продовольствие для партизанских отрядов. Поэтому мы не ощущали острой нехватки боеприпасов и продуктов, — рассказывал после войны командир партизанского отряда С. Костенко,

Одной из боевых групп, состоявшей из словацких солдат, командовал сержант Штефан Счастливый. Командир партизанского отряда К. Глаголев так оценивал ее деятельность:

— Словацкая группа показала себя как боевая единица, успешно выполнявшая все задания. Группа уничтожила несколько немецких патрулей, захватила важные документы.

В книге «Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза» говорится: «Командование фашистского гарнизона в Одессе, будучи бессильным предотвратить массовое бегство к партизанам словацких солдат, издало приказ о немедленном расстреле любого словака, задержанного в городе. Это не помогло им. В одесские партизанские отряды и подпольные группы перешло 300 словаков. Они активно включились в борьбу против фашистских захватчиков».

Так, боевая группа Имриха Ваньо в конце марта захватила в плен несколько десятков гитлеровских солдат. Переодевшись в их форму, антифашисты беспрепятственно проникали на военные склады и вывозили оттуда необходимые партизанам продовольствие и вооружение. В этих операциях особенно отличились поручик Вавро Кубат, подпоручик Грегор Стегура, солдаты Васил Лысы, Йозеф Калман и другие. Партизанская пресса писала о героическом поступке, который совершил в те дни словацкий солдат Лаучик Владимир. Будучи связным между двумя группами партизан, он попал в западню. Однако Лаучик не растерялся: ручными гранатами отбил от фашистов, которые пытались его задержать, и своевременно доставил ценные сведения в условленное место. В начале апреля, когда советские войска развернули бои за Одессу, словацкие боевые группы приняли участие в уличных боях. На захваченных у врага автомашинах они быстро приезжали в те районы города, которым угрожало разрушение от рук фашистских минеров и факельщиков, и вместе со своими советскими товарищами препятствовали разрушению города, отрезали гитлеровцам пути отхода. Особенно отличились в боях за освобождение Одессы боевые группы под командованием Яна Радича, Кароля Пагача, Имриха Ваньо, Михала Кончители. Отвагу и мужество в борьбе с фашистами проявили Ян Крошлак, Владимир Лаучик, Ян Павлик и многие другие.

В героических действиях словацких антифашистов нашли свое выражение чувства словацких солдат. «Мы, словацкие партизаны,— писал в своем отчете 9 мая 1944 года Имрих Ваньо,— хотим отомстить немецко-фашистским захватчикам за их злодеяния и издевательства над славянскими народами...»

В день массового вооруженного выступления всех партизанских отрядов и подпольных организаций Одессы—9 апреля 1944 года— словацкие воины, захватив ряд важных опорных пунк-

тов, вместе с советскими партизанами били гитлеровцев, внося в их ряды панику. Они активно участвовали в уличных боях. Солдат Лаучик уничтожил семь гитлеровцев и, будучи тяжело раненным, все же продолжал драться с фашистами. В этих боях смертью храбрых погибли Йозеф Каменко, Ян Павлик и многие другие. С приходом в город Красной Армии словацкие солдаты и офицеры, помогавшие партизанам, обратились с просьбой к советскому командованию отправить их в чехословацкий корпус, сражавшийся на советско-германском фронте.

В преддверии летнего наступления Красной Армии штаб партизанского движения при Военном совете 3-го Украинского фронта подготовил к заброске в тыл врага новые организаторские и разведывательно-диверсионные группы. Их предстояло выбросить прежде всего на территорию Молдавской ССР, а также в Румынию. Это был новый театр действий наших партизанских сил, имевший свои специфические особенности.

В мае 1944 года о состоянии партизанской борьбы в полосе действий войск 3-го Украинского фронта я докладывал новому командующему фронтом генерал-полковнику Ф. И. Толбухину и начальнику штаба фронта генерал-лейтенанту С. С. Бирюзову. Всего несколько дней назад они прибыли к нам и теперь знакомились с состоянием войск и театром предстоящих действий. Услышав, что многие отряды расформированы и оставлено только самое необходимое, Толбухин заметил:

— Ну вот, теперь уже безусловно ясно, что война подходит к концу. Все эти годы мы только и говорили партизанам, чтобы они усиливали борьбу в тылу врага. Теперь мы отпускаем их по домам.

Бирюзов возразил:

— Без партизан, Федор Иванович, нам все же не обойтись.

— Да я и не говорю, что партизаны нам уже не нужны. Просто настали иные времена. Часть партизан уже может возвратиться к мирному труду.

В один из дней мы согласовали с С. С. Бирюзовым план выброски организаторских и разведывательно-диверсионных групп на территорию Молдавии и Румынии в тыл немецко-фашистской группы армий «Южная Украина», бывшей группы армий «А», командующим которой после снятия Клейста был назначен генерал Ф. Шернер.

Выброска организаторских партизанских групп в Румынию была осуществлена по просьбе ЦК Компартии Румынии. Летом 1944 года представители Коммунистических партий Чехословакии, Венгрии и Румынии обратились в ЦК КП(б) Украины с просьбой помочь им в организации партизанского движения в их странах.

Еще раньше такая помощь по решению ЦК ВКП(б) стала оказываться партизанам Польши. ЦК ВКП(б) и ГКО дали согласие на оказание помощи чехословацким, венгерским и румынским партизанам, возложив это на ЦК КП(б) Украины и Украинский штаб партизанского движения. УШПД создал специальные учебные центры по подготовке командного состава, подрывников, радистов и других партизанских специалистов из чехов, словаков, поляков, венгров и румын, которых направляли в учебные центры компартии соответствующих стран.

Часть выпускников этих школ особого назначения прибывала во фронтовые штабы партизанского движения. Несколько десятков румынских антифашистов оказались в штабе партизанского движения 3-го Украинского фронта.

В начале июня 1944 года мы забросили первые группы и продолжали их засылку в тыл врага до конца июля. Удары партизанских сил, среди которых были и те, что входили в наше оперативное подчинение, крепили день ото дня. Проведя с 1 июня по 19 августа 1944 года, то есть до начала нового наступления советских войск, более 20 облав и карательных экспедиций против молдавских партизан, командование 6-й немецкой армии было вынуждено признать, что партизаны «продолжают оставаться господами положения».

Особенно успешно действовала в это время разведывательно-диверсионная группа под командованием Диряева, выброшенная в начале июля 1944 года в районе Гура-Галбеда, в 40 километрах южнее Кишинева. В группу входили два словацких воина из числа одесских партизан, пожелавших продолжить борьбу с фашистскими захватчиками в их тылу. Это были Крошлак и Лаучик.

Группа Диряева вскоре превратилась в партизанский отряд. В течение июля и августа партизаны передали по радио более 60 донесений с ценными данными о противнике, которые немедленно переправлялись Военному совету фронта и в УШПД. Однажды группа партизан, которую возглавлял Владимир Лаучик, напала на штаб противника, разгромила его и захватила документы, содержавшие ценные сведения об оборонительных сооружениях и дислокации фашистских войск, которые оченьгодились нашему командованию в боях за Кишинев.

В один из дней отряд Диряева напал на большую автоколонну и обоз противника. Партизаны подожгли много автомашин, разгромили обоз. Но подошла другая колонна врага, и завязался ожесточенный, неравный бой. В нем особо отличился Ян Крошлак. Раненный в ногу, он продолжал разить врагов из пулемета, пока разорвавшийся вблизи снаряд не прервал огонь отважного пулеметчика. За этот и другие бои на молдавской земле, в которых участвовал Крошлак, он был награжден орденом Красной Звезды и

мелась «За боевые заслуги». Но случилось так, что награды искали героя более 20 лет. Партизаны посчитали его погибшим в том бою, ибо Крошлак лежал бездыханным, и сообщили о его гибели командованию. А Ян Крошлак попал в госпиталь и шесть лет лечился в нашей стране и у себя на родине, перенес 24 операции. Лишь в 1965 году Крошлак оказался в Москве, и ему были вручены заслуженные им награды.

Как написал после войны начальник нашей опергруппы майор М. Х. Портнов, «разведчики Крошлак и Лаучик приносили ценные сведения о расположении немецких частей... Их донесения сыграли большую роль при разработке Яско-Кишиневской операции».

Трудно выразить словами меру мужества и самоотверженности советских партизан в борьбе с фашистами. Когда требовала обстановка, патриоты шли на верную смерть ради победы.

Во время облавы карателей в районе Кишинева вместе с отрядом мужественно отстреливалась из пистолета радистка-комсомолка Ольга Степанова. Положение сложилось безвыходное. Тогда Степанова взорвала гранатой свою рацию и последней пулей застрелилась. В этом же бою начальник штаба отряда Г. Василенко, обеспечивая выход партизан из окружения, первым ворвался в цепи врага. Огнем из автомата он уничтожил немало фашистов. Через образовавшуюся брешь отряд вышел из окружения. Но сам Василенко пал смертью героя.

На территорию Румынии наши партизаны высаживались в основном в районе Трансильванских Альп.

Первой в Румынию близ города Онешты была высажена на парашютах организаторская группа, состоявшая из 14 десантников во главе с Мартыновым. Затем в районе Фокшан десантировалась группа Кузьменко. Туда же высадились группы Карябкина, Джумагалиева, Молоткова. Партизанская группа Полещука была сброшена около Браилова, группа Бондаренко — возле Тульчи и т. д.

Вместе с группой Кузьменко вылетели Феофан Кирильченко и Мария Бурлаченко — члены спецгруппы Украинского штаба партизанского движения, оказавшиеся в нашем штабе после освобождения Николаева. Они попросились снова в тыл врага сами, хотя им предлагали отдохнуть и вернуться в УШПД.

— Не можем мы оставаться в тылу, пока идет война, — говорили мне Кирильченко и Бурлаченко, — понимаєте — не можем.

Группа, которой командовал Кузьменко, действовала совместно с группами Молоткова и Джумагалиева. Всего в сводном партизанском отряде оказалось 38 человек. В одном из своих писем ко мне Ф. М. Кирильченко вспоминает: «Мы нападали на вражеские гарнизоны, громя их. Немцы на нас бросали большие силы ка-

рателей. Когда мы брали «языка», то узнавали, что нас принимают за крупный партизанский отряд, потому что мы действовали в разных местах, не давая врагу покоя. Мы, кроме того, постоянно держали связь с нашим штабом, передавая важные для нашей армии сведения...»

На сводный партизанский отряд гитлеровцы бросали многочисленные силы, но разгромить его не удалось. В отряде было несколько раненых, партизаны переносили их на руках. Но однажды фашисты все же окружили отряд в трех километрах от города Онешты, на горе. Гитлеровцев было около тысячи человек. Партизаны заняли круговую оборону. Как раз накануне штабу партизанского движения удалось сбросить отряду несколько грузовых мешков с оружием и боеприпасами. Бой продолжался с 11 утра до 12 часов ночи. Было отбито семь вражеских атак. Партизаны подпускали фашистов очень близко и, пользуясь условиями местности, разили их в упор кинжальным огнем, забрасывали гранатами. Ночью отряд прорвался сквозь кольцо окружения.

Последней в Румынию вылетела группа под командованием Н. К. Шабанова. Комиссаром в группе был П. К. Поветкин, радистами — А. Г. Константинов и А. С. Лубянова — радистка В. Д. Авдеева. В группу входили немецкие и румынские антифашисты. Немецких товарищей, направленных комитетом «Свободная Германия», возглавлял фельдфебель Карл Шмунг. С ним были унтер-офицер Люст Эрнст, рядовые Макс Швейтнер и Эмиль Зауэр. Румынских товарищей представляли командир группы сержант Вишан Ион и Бучеман Стефан, Попа Ион, Коча Ион.

Вылет этой группы состоялся в двадцатых числах июля 1944 года с аэродрома, расположенного в Одесской области.

Поздним вечером десантников доставили на аэродром, где в это время находились вместе со мной офицеры разведотдела, а также подполковник Разгонов, который и на этот раз провожал наших десантников. На аэродроме находился вагончик, где инструктировали вылетающих в Румынию партизан. Были даны последние наставления.

Партизаны приземлились у Жудец Путны, в горно-лесной местности у истока реки Забала западнее Фокшан. При приземлении Макс Швейтнер и Бучеман Стефан повредили ноги в коленных суставах, но могли ползти. А вот Шура Лубянова получила серьезные травмы. Зависнув на высокой сосне, она обрезала стропы парашюта и упала в ущелье. Вышла из строя и рация. Пока собирались в одном месте, пока маскировали парашюты и снимали их с деревьев, с Шурой Лубяновой оставались Эмиль Зауэр и Ион Попа. Время шло. Шура, у которой были тяжелые переломы, в том числе поврежден позвоночник, попросила пить. Эмиль и Ион пошли за водой, В долине между горами они увидели усадьбу. Пошли

туда, но усадьба оказалась жандармским постом. Партизан схватили. Жандармы бросились к месту приземления группы. Началась перестрелка. Жандармы отошли, но взяли в плен Шуру.

Так в момент приземления группа Шабанова потеряла трех человек. Вечером этого дня второй радист Константинов передал в штаб о случившемся. Мы ответили Шабанову, чтобы действовали сообразно обстановке.

Преследование десантников продолжалось. На руках у партизан было двое раненых, быстро уйти от преследователей не удавалось — на это ушло пять дней. Чтобы облегчить ношу, Шабанов решил разгрузиться от взрывчатки. Партизаны стали минировать все подвесные мосты в горах, которые попадались по пути. Поскольку минирование производилось в основном на дорогах, идущих на запад и юго-запад от Фокшан, помощь нашим войскам была оказана большая. Когда противник несколькими колоннами стал отходить в Венгрию через горы в направлении Фокшан, он не смог переправить через ущелья свою тяжелую технику — почти все мосты оказались разрушенными.

В середине августа десантники пробрались в Фокшаны, чтобы выполнить другую часть своего задания: передать корреспонденцию, которая должна была дойти до адресатов в Германии. Для этого нужно было использовать военно-полевые почты немецких частей. Возглавил группу Николай Шабанов, вместе с ним на задание ушли командир немецкой группы Карл Шмунг и Люст Эрнст, командир румынской группы Ион Вишан и Ион Коча. Ион Коча был родом с Панчи и хорошо знал местность в окрестностях Фокшан. С ранеными и радистом Константиновым остался комиссар отряда Поветкин. Договорились место лагеря не менять, чтобы после выполнения задания легче было соединиться.

«Дней через пять после ухода команды на задание, — писал в своем отчете в штаб П. К. Поветкин, — мы услышали стрельбу в лесу. Она стала приближаться к месту расположения лагеря. Сначала мы подумали, что преследуют группу Шабанова, но когда стрельба началась и с флангов, то поняли: идет облава. Пришлось уходить, укрываться в труднопроходимых скалах, но так, чтобы не потерять связи с прежним местом — ведь туда должен был возвратиться Шабанов с группой. С каждым днем прочесывание леса, где мы находились, усиливалось. Мы направились в сторону Совета — Дорогословени. При переходе задержали мужчину и узнали, что несколько партизан пытались уйти из Фокшан в горы, но около сел Мера и Неружи были схвачены. Их было пятеро: в советской, румынской и немецкой форме. В Неруже всех расстреляли и закопали на краю кладбища. Почти не оставалось сомнений, что это был Шабанов со своей группой. Мужчину мы отпустили, не разглядев в нем шпика. С восходом солнца на нас обрушилась об-

лава. Жандармы шли прямо к месту нашей вчерашней встречи с задержанным. Мы успели перевалить через хребет. Тут нас и прижали. Единственным выходом был спуск по отвесной скале в ущелье. Но все мы спустились неудачно. Константинов и я упали на несчаный откос, а Макс и Бучеман разбились насмерть о камни. Была разбита и рация. У Александра Константинова оказался перелом левой руки выше кисти, я сломал автомат и, упав на него, поранил бок.

Так мы остались вдвоем с Александром Константиновым, покалеченные, но живые...»

В последних числах августа Поветкин и Константинов повстречались в лесу с жителем села Совежа Ионом Паладием. Патриот, антифашист, Ион связал партизан с бежавшими из румынской армии солдатами, скрывавшимися в лесах. Их оказалось 12 человек. Через них партизаны наладили контакт с населением окрестных сел. Начались операции местного характера. Команды из румынских бедняков и вооруженных солдат нападали на обозы бежавших бояр. В составе этой группы Поветкин и Константинов участвовали в разоружении мелких групп противника, которые скрывались в лесах. 7 сентября 1944 года наши партизаны соединились с советским кавалерийским разведотрядом.

После войны П. К. Поветкин писал мне: «Потом мы с Александром Константиновым пытались выснить судьбу наших товарищей. Мы опросили румынских граждан, которые показали, что они не знали, как партизаны под руководством Николая Шабанова проникли в Фокшаны, но им стало известно, что при выходе из Фокшан их преследовали от села Мера до села Неружи, где и схватили ранеными. На краю кладбища в Неруже партизаны были расстреляны и сброшены в яму, которую потом закидали камнями. Отсюда следует, что группа Шабанова задание выполнила, но на обратном пути из Фокшан героически погибла».

Нелегко пришлось нашим десантникам в Румынии. В то время, когда шла высадка организаторских групп на территорию страны, там еще свирепствовал фашистский террор — Румыния воевала на стороне Германии. Но героизм всегда остается героизмом. Посланные в Румынию партизаны исполнили свой долг. Партизанское движение в этой стране внесло свой вклад в борьбу против гитлеровцев, вовлекло в антифашистскую борьбу новые слои румынского населения.

В начале августа 1944 года штаб партизанского движения 3-го Украинского фронта перебравшись в молдавский город Тирасполь. Нам сообщили, что в некоторых румынских тюрьмах содержатся советские партизаны. Особенно много их было в констанцкой

тюрьме. Надеюсь отыскать кого-нибудь из своих десантников, выброшенных в Румынию, я в начале сентября отправился в Констанцу.

Констанцская тюрьма — это несколько огромных каменных тюремных зданий с большим двором между ними. Тысячи заключенных были упрятаны за толстые стены. Теперь пришла свобода.

Среди узников оказалось более 70 партизан. С трудом веря, что пришло освобождение, они радовались нашему появлению, как дети. Я попросил генерала Павлова, начальника охраны тыла фронта, приехавшего со мной в Констанцу, отправить партизан в один из полков, находившихся в городе, чтобы переодеть партизан в военную форму, а затем переправить в Тирасполь.

Спустя три-четыре дня я тоже возвратился в штаб.

Здесь, в Тирасполе, были вручены ордена и медали многим партизанам, отличившимся в боях.

Представительство Украинского штаба партизанского движения при Военном совете 3-го Украинского фронта выполнило поставленные перед ним задачи. Приказом начальника УШПД генерал-лейтенанта Т. А. Строкача от 12 сентября 1944 года и приказом по войскам 3-го Украинского фронта от этого же числа наш штаб был расформирован.

Можно было подвести итоги боевых действий партизанских сил, входивших в наше оперативное подчинение и действовавших в тылу врага в полосе Юго-Западного, а затем 3-го Украинского и некоторых других фронтов. Согласно поступившим отчетам и материалам из партизанских отрядов и соединений, всего партизаны, военное руководство которыми осуществлял наш штаб, уничтожили на территории Ворошиловградской, Харьковской, Сталинской, Полтавской, Сумской, Запорожской, Днепропетровской, Киевской, Винницкой, Житомирской, Николаевской, Одесской областей Украины и в Молдавской ССР свыше 48 тысяч солдат и офицеров противника, пустили под откос 283 эшелона с живой силой и техникой врага, подбили и уничтожили 78 танков и бронемашин, более 1600 автомашин, взорвали свыше 90 железнодорожных, шоссейных и грунтовых мостов и т. д.

К этому нужно присовокупить и то, что сделали оперативные группы при военных советах армий. Так, партизаны, действовавшие в полосе сначала 6-й, а затем 8-й гвардейской армий, уничтожили свыше 2800 вражеских солдат и офицеров, подорвали 18 воинских эшелонов и 119 автомашин. «За время своей деятельности,— писал начальник опергруппы при 8-й гвардейской армии капитан П. Е. Прохоров,— оперативная группа показала себя вполне жизненной и оправдала свое назначение. Несмотря на то что приходи-

лось действовать в открытой местности, в степях, без лесных массивов, оперативная группа добилась систематической засылки мелких групп, которые в тылу противника вырастали в крупные партизанские отряды: Большую помощь опергруппа оказала в даче разведанных армии».

Всего штаб партизанского движения с января 1943 года по июнь 1944 года сформировал 3 партизанских полка, 2 сводных батальона, 20 отрядов, 53 организаторские группы, 35 разведывательно-диверсионных и 15 специальных групп, 2 партизанские разведывательные резидентуры, 2 опергруппы, послал в тыл врага со специальными заданиями 8 разведчиков и 10 связников. Общее число боевых единиц — 150, количество людей — 1908. Расформировано и переформировано 28 единиц, заслано в тыл врага 1114 человек, из них в организаторских группах — 532 человека.

Эти организаторские группы, представлявшие собой ядро, с которым мы поддерживали связь, благодаря непрерывному притоку советских патриотов из местного населения выросли в крупные партизанские отряды и соединения, способные выполнять ответственные задания в интересах войск фронта. Приведу примеры, как увеличивались наши организаторские группы. Объединенная организаторская группа Я. И. Сиворонова, насчитывавшая 70 человек, за короткое время превратилась в партизанское соединение численностью свыше 900 бойцов. Организаторская группа Т. Ф. Прокина, в которой было 30 человек, стала бригадой численностью 932 партизана. Организаторская группа А. В. Тканко из девяти человек стала соединением. Такая же картина наблюдалась и с другими группами, засланными в различные области Украины.

Эти факты начисто опровергают выводы буржуазных ученых о том, что в тылу врага действовали лишь те, кто был послан туда из-за линии фронта. Население оккупированной врагом Украины, как и других советских территорий, воспитанное в духе коммунистических идеалов, было в своем подавляющем большинстве бесконечно предано Советской власти и стремилось к активной борьбе с фашистскими захватчиками. Оно нуждалось лишь в помощи, главным образом в вооружении, боеприпасах, связях с Большой землей.

В. П. Сурков, комиссар одного из партизанских отрядов, развернувшего боевую деятельность сначала в Винницкой, а затем в Каменец-Подольской областях, писал мне после войны: «Нередко бывало так. Приходит к нам парень или девушка и просит принять в партизаны. Тут же появляются их мамы и убеждают командира или комиссара взять детей к себе, добавляя при этом, что ее сын или дочь давно собираются партизанить. «Как я ни отговаривала его, — заявляла какая-нибудь сердобольная мамаша, — еще, мол, тебе годков маловато, только семнадцать исполнилось, а он

все твердит свое — все равно уйду. Пришла я к вам, чтобы доподлинно знать, что сын принят вами в партизанский отряд»».

В. П. Сурков так оценивал помощь местного населения: «Успехи партизанских отрядов нашего соединения в борьбе с фашистскими захватчиками стали возможны благодаря помощи и руководству партии, штаба партизанского движения. Они стали возможны благодаря всесторонней помощи народа, местного населения, оказываемой партизанам. Это была наша главная опора в борьбе. Без необходимой связи партизан с народом, местным населением и взаимно дружеских отношений партизанское движение на Украине и в других районах нашей страны, оккупированных захватчиками, не получило бы такого массового размаха».

Хотел бы также сказать, что засылка организаторов партизанской борьбы в тыл врага, что в условиях лесостепной части Украины стало основным способом оказания помощи партизанскому движению со стороны соответствующих военных штабов, а также переброска за линию фронта специалистов, вооружения и боеприпасов могли быть осуществлены в таких масштабах лишь благодаря транспортной авиации. Выброска людей и грузов самолетами на парашютах в сравнении с засылкой в тыл противника пешим порядком через линию фронта имела огромные преимущества и являлась незаменимым средством в условиях современной партизанской войны. Говоря о роли авиации, опираясь на опыт ее использования в интересах партизан на Северо-Западном, Юго-Западном, 3-м Украинском и других фронтах, следует подчеркнуть, что без самолетов партизаны не достигли бы таких результатов.

Советские летчики устанавливали и поддерживали связь с партизанскими формированиями, доставляли в тыл противника оружие, боеприпасы, минноподрывное имущество, средства радиосвязи, продовольствие, медикаменты и другие материалы. Выброшенные по воздуху специалисты-инструкторы подготовили в тылу врага десятки тысяч диверсантов, подрывников-минеров, разведчиков, чем способствовали умелому применению партизанами современных технических средств, повышению эффективности боевых действий партизан. Летчики эвакуировали раненых, содействовали партизанам в их борьбе с врагом бомбовыми и огневыми ударами. Нередко во взаимодействии с партизанами наносили удары по объектам вражеского тыла. Летчики военно-транспортной авиации, сбрасывая в тылу противника советские газеты и листовки, оказывали большую помощь партизанской борьбе, способствовали созданию в тылу врага многих партизанских отрядов, усилению сопротивления советских людей оккупантам.

В свою очередь партизаны оказывали помощь нашим летчикам. Они спасали экипажи самолетов, сбитых в тылу врага, вели разведку в интересах военно-воздушных сил, выявляли военные объек-

ты врага, часто наводили на них пашу авиацию, уточняли результаты ее действий, нередко предоставляли ей свои посадочные площадки. Благодаря налаженной во многих партизанских районах метеослужбе наша авиация получала необходимые ей данные о состоянии погоды в глубоком вражеском тылу.

Своими разведывательными сведениями партизаны способствовали борьбе за господство в воздухе. Они выявляли вражеские аэродромы, нападали на них, уничтожая находившиеся там самолеты, сбивали летавшие низко самолеты противника. Партизаны уничтожали вражеские самолеты и летно-технический состав не только на базах, аэродромах и в воздухе, но и во время перевозок по железным дорогам и тем помогали нашим летчикам в борьбе с фашистской авиацией.

Транспортные самолеты имели огромные преимущества при засылке людей и выброске грузов на парашютах в тыл противника. Однако штаб партизанского движения на Юго-Западном, а затем 3-м Украинском фронтах всегда испытывал острую нужду в них. Это объясняется тем, что Военный совет фронта не имел в своем распоряжении транспортной авиации и Украинский штаб партизанского движения также не мог удовлетворить наши запросы. Всего за отчетный период было произведено 86 самолето-вылетов, из них большинство сделали летчики, которые прибыли к нам по распоряжению Маршала Советского Союза А. М. Василевского.

Одним из важнейших условий ведения эффективной партизанской войны была хорошо налаженная радиосвязь. Она позволяла максимально использовать возможности партизан, неизмеримо повысила эффективность действий в интересах наших войск. Партизанские силы во всех их звеньях мобильно и гибко управлялись из единых центров, действовали по конкретным заданиям: наносили удары там, где это было наиболее необходимо, по тем объектам, которые прежде всего интересовали советское командование, вели разведку целеустремленно и своевременно передавали данные по назначению.

Созданный при нашем штабе радиоузел имел три фронтовые радиостанции «РАФ», три станции «РСБ», 80 портативных радиостанций, большое число радиоприемников. Были укомплектованы свое аккумуляторное хозяйство и зарядная база. Всемерную техническую помощь оказывали мы и радистам, находившимся в тылу врага. Им доставлялись запасные части, радиолампы, фишки питания и отдельные агрегаты в полном комплекте. Были случаи заброски в тыл противника и целых радиостанций. По мере увеличения нагрузки наш радиоузел ввел в действие специальное радиобюро, осуществлявшее контроль работы радиосети с помощью специально выделенных радистов, которые, прослушивая корреспондентов, следили за радиодисциплиной. Были усовершенствована

ны антенные устройства, позволявшие добиваться связи с корреспондентами при существующих мощностях передатчиков на более дальние расстояния.

Штаб был полностью укомплектован кадрами радистов. Радионизел штаба поддерживал связь со 112 абонентами. Более половины из них находилось в тылу противника. Наши радисты держали связь с Центральным и Украинским штабами партизанского движения, штабами партизанского движения при Военных советах 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов, с Военным советом нашего фронта, оперативными группами при Военных советах армий, а также с другими корреспондентами. Всего за полтора года было передано 2640 радиogramм, получено 2807.

Хотел бы отметить исключительно ценную работу, проделанную радистами штаба Н. Белановым, М. Габайдулиным, А. Улановой и другими, кто, не зная сна и отдыха, безупречно обеспечивал радиосвязь с партизанскими силами в тылу врага.

Бывший начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко так оценил значение радиосвязи: «Радиосвязь, широко внедренная в партизанском движении, подняла это движение на новую, более высокую ступень. Движение стало более управляемым и направляемым, стали возможными крупные координированные операции большими силами партизан, ярким примером чему является «рельсовая война», стало возможным организовывать в широком объеме авиационные перевозки в интересах партизанского движения, значительно улучшить боевое снабжение, вывозку раненых и т. д. Без радиосвязи ничего этого осуществить было бы невозможно».

После освобождения оккупированной врагом территории оказалось, что органы Наркомата связи из-за сильных разрушений не в состоянии организовать связь районов с областными центрами, а областных центров — с республиканскими. Поэтому по указанию Центральных Комитетов республиканских компартий и обкомов партии на выполнение этой неотложной задачи была мобилизована партизанская радиосеть. Все освободившиеся кадры радистов и технические средства были использованы для организации связи в освобожденных от противника областях и районах. Большой опыт, накопленный радиоспециалистами в партизанской борьбе, помог им выполнить и это задание Родины.

Нельзя недооценить большое значение хорошей подготовки партизанских кадров, направлявшихся в тыл врага. Если в июльские, августовские и последующие месяцы 1941 года мы вынуждены были готовить партизанские кадры в известной мере наспех и основную закалку они проходили за линией фронта, участвуя непосредственно в боях, то теперь, пользуясь успешным продвижением армий фронта на запад, мы могли организовать более стабильную

подготовку партизан к действиям во вражеском тылу. Созданный с этой целью в январе 1943 года учебный пункт просуществовал несколько месяцев, пока надобность в нем не отпала, так как в дальнейшем за линию фронта выбрасывались партизаны, уже прошедшие соответствующую первоначальную подготовку. Партизаны изучали общую тактику и тактику партизанских действий, занимались парашютно-десантной подготовкой, обучались минноподрывному делу, стрельбе и т. д. Специальные часы отводились на изучение актуальных политических вопросов. С ликвидацией учебного пункта на первое место выдвинулась индивидуальная подготовка готовившихся к вылету в тыл врага.

Можно без преувеличения сказать, что подобная подготовка кадров, которые составили костяк партизанских сил, развернувших свои действия в полосе Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов, сыграла исключительную роль в эффективности партизанских действий. Всего было обучено методам партизанской борьбы 1910 человек, в том числе 196 женщин.

Очень важным моментом в успешном развитии партизанской борьбы было материально-техническое обеспечение партизан. В условиях войны это был нелегкий вопрос: Основную часть продовольствия и вещевого имущества для формировавшихся, действовавших и также выходивших в советский тыл партизанских отрядов приходилось изыскивать, как правило, за счет местных ресурсов. Так, значительная часть основных продуктов питания поступила в результате самозаготовок, а также из созданного при штабе партизанского движения подсобного хозяйства.

Так же обстояло дело и с вещевым довольствием. Обувь, теплая одежда, женская одежда, предметы обихода штаб в основном приобретал самостоятельно. В связи с этим нельзя не сказать о той огромной помощи, которую оказывали нам трудящиеся Армении, Узбекистана, а также Восточно-Сибирской области. Колхозники Камарлинского района Армянской ССР осенью 1943 года и зимой 1944 года в порядке шефства прислали партизанам 3-го Украинского фронта три вагона подарков. Несколько вагонов с продуктами и одеждой поступило от колхозников Узбекистана и Сибири.

Эта помощь позволила не только полностью обеспечить нам своих партизан, но и передать часть продовольствия и вещевого имущества отдельным отрядам соседних фронтов, а также в Украинский штаб партизанского движения, в войска и даже в народное хозяйство. Уже к концу 1943 года, например, наш штаб отправил семь вагонов овощей, другое продовольствие и разнообразное вещевое имущество в Украинский штаб партизанского движения, переведенный из Москвы в Харьков и нуждавшийся на первых порах в материальной помощи. Зимой 1944 года в УШПД было отправлено еще несколько вагонов с продовольствием. А всего штаб передал

различным организациям, в том числе и госпиталям, 12 тонн зерна, 2 тонны крупы, 85 тонн картофеля, 19,5 тонны овощей, тонну сала, 1,5 тысячи банок консервов, 2,5 тонны сухофруктов, 3 тонны меда и множество других продуктов. Было передано также 1295 шинелей, 393 бушлата, 253 пары ватных шаровар, 937 пар рукавиц, 1545 нательных рубах, 3224 пары ботинок, много кожи, ваты и др.

Не испытывали мы нужды в оружии, боеприпасах, военном снаряжении. Штаб располагал достаточным количеством автоматов, винтовок, пистолетов, пулеметов, противотанковых ружей, гранат, патронов, ножей, биноклей, ракет и т. д. При расформировании штаба мы передали в УШПД, воинским частям, штабу партизанского движения одного из фронтов 1050 автоматов, 822 винтовки и карабина, 57 противотанковых ружей, 52 пулемета, 7256 гранат, 7190 мин, 305 грузовых парашютов, 391 обычный парашют, много взрывчатки и патронов.

В отчете штаба партизанского движения, составленном при его расформировании, говорится: «Следует отметить, что задача материально-технического обеспечения при помощи Военного совета и УШПД была разрешена полностью и случаев несвоевременного обеспечения партизанских отрядов вооружением, боеприпасами и вещевым имуществом и срыва по этой причине выполнения боевых заданий за отчетный период не было. Были полностью вооружены засланные в тыл противника партизанские формирования и обмундировано до 5000 партизан... Выброшено самолетами в тыл противника для действовавших партизанских отрядов и групп более 200 грузовых мешков с вооружением, боеприпасами и продовольствием... Обмундировано, вооружено и обеспечено другим довольствием 120 партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп, а также запасная партизанская сеть в количестве 91 отряда...»

Важным условием успеха всей нашей деятельности являлась партийно-политическая работа в партизанских формированиях и среди населения оккупированной врагом территории. В апреле 1943 года при штабе была создана специальная группа, выполнявшая роль политического отдела, во главе с майором С. В. Прохоровым.

Свои главные усилия группа Прохорова направляла на то, чтобы партийно-политическая и агитационно-массовая работа в партизанских отрядах велась предметно и обеспечивала выполнение боевых задач. Эта работа помогала выковывать боевую спайку, содействовала дружбе среди партизан, их умению хранить военную тайну и соблюдать партизанскую клятву. Кроме того, нужно было научить партизан сочетать боевую деятельность с агитационно-массовой работой среди населения.

Мы постоянно зациклились об обеспечении необходимой партийно-комсомольской прослойки в отрядах. Уже в первом полугодии 1943 года нам удалось добиться того, что среди засланных в тыл врага партизан коммунисты и комсомольцы составили 57 процентов, а во втором полугодии 1943 года и в 1944 году — 73 процента.

Во всех отрядах, диверсионных и разведывательных группах были организованы партийные и комсомольские организации, деятельность которых сыграла огромную роль в выполнении боевых заданий командования. В героической борьбе с ненавистным врагом коммунисты и комсомольцы-партизаны были всегда впереди, увлекая своим личным примером беспартийных.

Например, в соединении партизанских отрядов «Грозный», которым командовал Я. И. Сиворонов, была создана партийная организация, в которой состояло 69 коммунистов. При выходе из тыла врага она насчитывала уже 135 членов и кандидатов ВКП(б), объединенных в две первичные организации. Вся партийно-массовая работа в соединении проводилась под руководством бюро парторганизации, секретарем которой был Алексей Григорьевич Мартынов, включившийся в партизанскую борьбу в октябре 1941 года и проявивший себя стойким большевиком, самоотверженным патриотом.

В отчете соединения, поступившем в наш штаб, так сказано о работе парторганизации: «Партийная организация всемерно помогала командованию соединения в выполнении всех проводимых мероприятий по нанесению ударов по коммуникациям противника. Проводились беседы в отрядах, обсуждались и популяризировались подвиги партизан, наиболее отличившихся при выполнении боевых заданий, обсуждались недостатки, мешавшие выполнению боевых задач, среди личного состава соединения прорабатывались важнейшие решения партии и правительства, а также приказы Ставки Верховного Главнокомандования, ежедневно объявлялись сводки Совинформбюро.

Кроме этого проводилась массово-разъяснительная работа среди населения. Специально посылались партизаны для распространения листовок, выпускаемых соединением, а также присылаемых с Большой земли. При встрече с населением как в населенных пунктах, так и в пути следования партизаны разъясняли успехи Красной Армии на фронтах, а также то, как нужно саботировать мероприятия немцев, дабы ускорить день своего освобождения от немецкого ига. Имея типографию, соединение напечатало 12 700 экземпляров листовок на разные темы, обращение к населению оккупированной территории Украины с призывом оказывать помощь Красной Армии и партизанам».

Нередко листовки изготавливались совместно с подпольными партийными органами и подпольщиками. В ряде мест, подобно тому,

как это было на Северо-Западе РСФСР, существовала целая сеть распространителей политической литературы. Например, Черкасский подпольный райком партии имел 35 распространителей печати, связанных с соединением Р. М. Соболева. Подпольщики написали от руки в книжечках размером 2 на 4 сантиметра только приказов И. В. Сталина 4200 экземпляров. Все это было сделано на чердаке у подпольщика Д. И. Логвиненко, который сконструировал хороший портативный радиоприемник, заделанный в кирпичах трубы русской печи. Подпольщики почти ежедневно записывали советские радиопередачи.

Подобных фактов было множество.

В целях улучшения этой работы наш «политотдел» подготовил на организованных им курсах 12 редакторов-печатников и вместе с 10 типографиями, полученными из ЦК КП(б) Украины, направил их в тыл врага на самолетах.

В ряде районов Полтавской, Запорожской, Криворожской, Харьковской и других областей печатная и устная пропаганда партизан и подпольщиков была настолько широкой и действенной, что гитлеровцы вынуждены были предпринимать жесткие репрессивные меры против нашей пропаганды.

Руководящая роль в организации партизанского движения в тылу врага принадлежала партии в лице подпольных партийных центров, партийных уполномоченных, партийных комитетов и подпольных партийных организаций. Их организаторские, направляющие функции в партизанском движении наиболее полнокровно осуществляли комиссары отрядов, облеченные наряду с командирами всей полнотой власти.

Поэтому особо хочется сказать о политических руководителях партизанских отрядов и соединений — комиссарах. Они сыграли огромную роль в развитии массовой партизанской борьбы в тылу врага. Большинство из них были районными партийными и советскими работниками. Партизаны видели в них наиболее преданных организаторов партизанской борьбы, а население — доверенных представителей партии и Советской власти.

Политическому работнику принадлежала в отряде огромная роль.

Многие из комиссаров, подобно Николаю Бойко, отдали жизнь в борьбе с врагом, навсегда обессмертив свои имена, вписав в историю партизанского движения одну из самых ярких его страниц. Другие, до конца исполнив свой долг, остались в памяти бойцов эталоном коммуниста и человека, поставленного партией на ответственный пост.

Неотъемлемой частью работы группы Прохорова и нашего шта-

ба являлась работа о семьях партизан. За полтора года мы получили от семей партизан 2020 писем по различным вопросам. Все они были внимательно рассмотрены и получили надлежащее решение. Много писем посылалось городским и районным военным комиссариатам, районным и городским комитетам партии и районным Советам депутатов трудящихся с просьбой оказать различную помощь семьям партизан, в особенности в обеспечении жильем, топливом, продуктами. Кроме того, штаб непосредственно оказывал материальную помощь многим семьям партизан, снабжая их мукой, консервами, крупами и другими продуктами, иногда и одеждой и обувью. Выдавалось, если это было необходимо, и единовременное безвозвратное денежное пособие.

Многим семьям партизан, которые считали своих родственников погибшими или пропавшими без вести, мы сообщали, что они живы и здоровы, находятся на выполнении боевого задания. Штаб нередко передавал партизанам по радио в тыл противника весточки от их родных. Подавляющему большинству партизан, вышедших из вражеского тыла, предоставлялись краткосрочные отпуска для поездок к семьям.

Моральная, материальная и денежная помощь партизанам и их семьям, постоянная письменная и живая связь между ними способствовали укреплению духа партизан и усилению их боевой деятельности.

Исключительная заслуга в организации и развитии партизанских действий как в полосе Северо-Западного, так и в полосе Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов принадлежала Военным советам. Являясь важнейшими органами коллективного военно-политического руководства войсками, Военные советы фронтов и армий несли полную ответственность перед ЦК ВКП(б), Государственным Комитетом Обороны и Верховным Главнокомандованием за боевую готовность войск, их политико-моральное состояние, материально-техническое обеспечение. Военные советы руководили также работой политических органов и партийных организаций, а с возникновением штабов партизанского движения и их деятельностью наряду с Центральным и республиканскими штабами партизанского движения.

На мой взгляд, роль Военных советов в руководстве партизанской борьбой в минувшей войне в нашей исторической литературе показана еще недостаточно. Между тем, следуя указаниям ЦК ВКП(б), ГКО, Ставки Верховного Главнокомандования и по собственной инициативе, они сделали многое для развертывания партизанской борьбы в ходе войны, и особенно для организации взаимодействия партизан с войсками.

Командующие фронтами П. П. Собенников, П. А. Курочкин, Н. Ф. Ватутин, Р. Я. Малиновский, Ф. И. Толбухин, члены Воен-

ных советов В. Н. Богаткин, Т. Ф. Штыков, А. С. Желтов и другие постоянно интересовались состоянием партизанского движения в полосе фронтов и всячески содействовали его развитию. Предоставляя партизанам наряду с другой помощью необходимое вооружение, боеприпасы, радиосредства, транспорт, медикаменты, обмундирование, продовольствие и т. д., Военные советы фронтов систематически ставили перед партизанскими силами конкретные боевые и разведывательные задачи, выполнение которых способствовало успехам действующей армии.

Существенную помощь оказывали Военные советы местным партийным органам в подготовке партизанских кадров, материально-техническом снабжении партизанских отрядов, политической работе среди партизан и населения, оказавшегося на оккупированной территории. Как на Северо-Западном фронте, так и на Юго-Западном и 3-м Украинском фронтах Военные советы были теми военно-политическими органами нашей партии и государства, которые достойно выполнили возложенную на них важную миссию в Великой Отечественной войне.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что все успехи партизанской борьбы, небывалым пожаром разгоревшейся в тылу фашистского вермахта, связаны прежде всего с невиданной самоотверженностью и героизмом воспитанных Коммунистической партией советских людей, поднявшихся на защиту своей социалистической Родины. Высокая патриотическая готовность с оружием в руках защищать завоевания Великого Октября, коммунистические идеалы была характерна для всех коммунистов, комсомольцев и беспартийных, направлявшихся в тыл врага для выполнения боевых заданий или уже сражавшихся там. Это был наш главный оплот в борьбе с сильным и коварным врагом.

Как свидетельство великой отваги и преданности делу борьбы с фашизмом стоят на украинской земле памятники и обелиски погибшим партизанам. Среди них и тем, кто в суровую годину для Родины был послан за линию фронта штабом партизанского движения Юго-Западного и 3-го Украинского фронта или был связан с нашими посланцами.

В Малинецком лесу у села Хотыни стоит скромный памятник отважной комсомолке Оле Степановой. Стоит памятник с надписью: «Партизану Великой Отечественной войны Терентию Фомичу Разгонову от колхозников колхоза «Родина» и на могиле Терентия Фомича Разгонова. В Кременском лесу в одной из партизанских землянок сооружен мемориальный комплекс в честь павших партизан из отрядов Я. И. Сиворонова. Прибывающие сюда слушают запись на магнитофонной ленте: «Ты вступил на священную землю Кременского партизанского леса, где в годы Великой Отечественной войны стояли насмерть герои-партизаны, боровшиеся за

свободу и независимость нашей Родины. Вокруг этой землянки лес изрыт окопами. Земля горела под ногами врагов. Отсюда уходили народные мстители — партизаны в свои смелые рейды, здесь получали напутствия, идя, возможно, в последний бой... Друг, внимательно прочитай на обелиске Славы у землянки имени Риммы Черкасской, Нины Беленковой, Тамары Абакуменко, Веры Еженко, погибших в застенках гестапо, но не выдавших партизанской тайны. Низко поклонись им, товарищ!..»

20 сентября 1944 года я сообщил генералу Т. А. Строкачу: «В соответствии с директивой ЦК КП(б)У и указаниями начальника Украинского штаба партизанского движения, полученными по радио от 3 сентября 1944 г. о расформировании штаба партизанского движения 3-го Украинского фронта к 20 сентября 1944 г., доношу:

«1. 20 сентября 1944 года штаб партизанского движения 3-го Украинского фронта расформирован.

2. Личный состав штаба и партизаны, находившиеся в резерве для засылки в тыл врага, откомандированы в военкоматы, а кадровый офицерский состав направлен в отделы кадров фронта в соответствии с их специальностью. Всего откомандировано 192 человека.

3. Все вооружение, боеприпасы, минноподрывные средства в связи с отсутствием поблизости фронтовых складов переданы по акту начальнику гарнизона г. Тирасполь...»»

Спустя день или два я выехал в Киев, чтобы лично доложить начальнику УШПД о завершении партизанской борьбы в полосе 3-го Украинского фронта и получить новое назначение.

ВОССТАНИЕ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

Направляясь в Украинский штаб партизанского движения, я намеревался попросить у генерала Строкача несколько дней для составления подробного отчета о действиях партизан в полосе 3-го Украинского фронта и изложить некоторые соображения о дальнейшем использовании партизанских сил. Но, выслушав меня, Тимофей Амвросиевич сказал:

— Для составления отчета времени нет. Пусть это сделают работники штаба. Тебе же есть предложение.

— Какое?

— Что ты скажешь, если мы пошлем тебя в Чехословакию?

— Зачем?

— В Словакии в конце августа началось антифашистское восстание. Гитлеровцы бросили на подавление повстанцев большие силы. И хотя им удалось потеснить повстанческую словацкую армию и партизан, в руках восставших все еще остается значительный район. Но положение у них сложное. Чтобы помочь восставшим, советское командование в начале сентября 1944 года начало в Карпатах большую операцию, цель которой — соединиться с повстанцами или хотя бы отвлечь на себя значительную часть тех гитлеровских войск, которые брошены на подавление восставших словаков. УШПД со своей стороны тоже оказывает всю возможную помощь. По просьбе Коммунистической партии Чехословакии мы перебросили в Словакию часть партизанских сил с Украины и из Польши, заслали туда организаторские группы, посылаем оружие, боеприпасы, медикаменты. А теперь чехословаки просят направить в созданный там Главный штаб партизанского движения нашего советника, имеющего опыт руководства партизанской борьбой.

Строкач протянул мне письмо, лежавшее у него на столе.

Председатель ЦК Коммунистической партии Чехословакии Клемент Готвальд, выражая горячую благодарность за большую и эффективную помощь, которую оказывал ЦК Компартии Украины в организации и развертывании партизанского движения на территории Чехословакии, просил и дальше продолжать ее. «Я убежден, — писал К. Готвальд, — что эта новая помощь еще больше укрепит братский союз между народами Чехословакии и Советской Украи-

ны и что на освобожденном отечестве мы будем иметь возможность от имени свободной Чехословацкой Республики выразить нашу благодарность за предоставленную вами помощь, имеющую историческое значение».

Готвальд называл конкретного человека, которого чехословаки хотели бы видеть в качестве советника в Главном штабе партизанского движения Словакии. Им был генерал-майор В. А. Андреев, заместитель Строкача.

Я обратил на это внимание.

— Относительно Андреева у нас иные планы,— ответил Тимофей Амвросиевич.— Возможно, мне придется возглавить борьбу с бандами украинских националистов. Андреев останется за меня. И, честно говоря, мне кажется, что для Словакии ты наиболее подходящий человек.

— Когда вылетать?

— Пока просмотри кое-какие радиogramмы, присланные нашими партизанами из Словакии, и документы, а потом я познакомлю тебя с чехословацкими товарищами, которые полетят вместе с тобой.

В кабинете начальника Украинского штаба партизанского движения и произошла моя первая встреча с одним из руководителей Компартии Чехословакии.

— Познакомьтесь,— обратился к нему Строкач,— это полковник Асмолов. Рекомендую его советником в Главный штаб партизанского движения Словакии.

Шверма улыбнулся и, пожимая руку, сказал:

— Очень рад, что мы летим вместе бить фашистов.

Оказалось, что Шверма уже несколько лет находился в Москве, приехал туда из Парижа, где он редактировал коммунистический журнал «Международное обозрение».

Когда мы уходили, Строкач сказал:

— Ваш вылет, товарищи, намечается на послезавтра. Будут ко мне какие-либо вопросы, просьбы?

— Хорошо бы получить оружие,— отозвался Шверма.— Вдруг случится вынужденная посадка или еще что-нибудь...

— Оружие будет,— ответил Строкач.

Я попросил выделить радиостанцию для связи с УШПД.

— Насчет радиостанции не беспокойтесь. На месте вы сможете использовать радиостанции партизанских бригад, а через несколько дней мы направим в ваше распоряжение целый радиоузел.

На следующее утро Строкач сообщил, что получена радиogramма от Готвальда.

— Твоя кандидатура для работы в Главном штабе партизанского движения Словакии утверждена. Теперь нас ждет Коротченко.

Секретарь ЦК КП(б) Украины Д. С. Коротченко, приняв нас, сказал, обратившись ко мне:

— Чехословацкие товарищи просили послать к ним опытного руководителя партизанской борьбы. Тимофей Амвросиевич рекомендовал вас. Я рад, что вы с такой готовностью летите в Словакию. Все мы понимаем, что это не обычное партийное поручение. Выполнить его вам помогут долг и совесть коммуниста и советского офицера, ваш опыт. Будем надеяться, что и с этим заданием вы справитесь. Хотя помогать в руководстве партизанскими действиями вы будете на территории иностранного государства да еще в особых условиях национального восстания, главное остается: там, как это было и на советской земле, действует в тылу гитлеровских войск фронт народной антифашистской борьбы. Помочь в меру ваших сил и возможностей Главному штабу партизанского движения Словакии активизировать партизанские действия — ваша основная задача.

Во второй половине дня 28 сентября 1944 года со святошинского аэродрома под Киевом поднялся «дуглас», на котором мы улетели в Словакию. Спустя пять с половиной часов после вылета из Киева самолет благополучно приземлился на аэродроме повстанцев «Три дуба», находившемся всего в нескольких километрах от города Банска-Бистрицы, ставшего столицей восстания.

Нас встретили руководители Компартии Словакии Карол Шмидке и Густав Гусак, а также командующий повстанческой армией генерал Ян Голиан. Тут же на аэродроме находились некоторые командиры партизанских бригад и отрядов, а также советский полковник Б. Ф. Чирсков — начальник оперативной группы, обеспечивавший вместе с командой аэродромного обслуживания прием и отправку самолетов, прибывавших из СССР.

Все сели в машины и направились в Банска-Бистрицу. Когда прибыли на место, Шмидке сказал:

— Товарищ Асмолов, прошу вас завтра зайти ко мне. А сейчас отдыхайте.

Шмидке, Гусак, Шверма и другие поехали дальше, а мы с капитаном Михаилом Цареградским, который прилетел со мной в Словакию в качестве офицера для особых поручений, отправились в сопровождении Петра Величко, одного из командиров партизанских бригад, в Народный дом, в гостиницу. Поднимаясь в гостиничный номер, я подумал, что обстановка в Словакии несколько отличается от того, что мне приходилось видеть раньше. Обычно партизаны жили в землянках, а не в гостиницах.

Впрочем, внутренне я в какой-то мере был готов к иным условиям, чем те, в которых приходилось нам действовать на территории Советского Союза. Помимо социальных и иных различий в СССР и Чехословакии, которые не могли не влиять на характер

борьбы с фашизмом, существующая значекне имело и то обстоятельство, что Словакия, управляемая клерикало-фашистской кликой, была выделена по воле Гитлера в «самостоятельное» государство, а по сути стала вассалом третьего рейха, армия которого до конца 1943 года находилась на советско-германском фронте, а теперь повернула оружие против своего бывшего союзника...

— Неплохо вы тут живете,— заметил я Величко, когда мы оказались в номере.

— Сейчас бригада на отдыхе,— ответил он.

Оказалось, что после тяжелых боев бригада была выведена на короткий отдых.

Я вспомнил, что Строкач называл Величко в числе лучших советских партизанских командиров и Готвальд в своем письме тепло отзывался о нем. Партизанская организаторская группа Петра Алексеевича Величко первой высадилась в Словакии 26 июля 1944 года.

Величко было чуть больше 30 лет. Родился он в Талды-Курганской области в Казахстане, по национальности украинец. До 1936 года учительствовал в сельской школе, затем поступил в Ульяновское военное училище бронетанковых войск и, закончив его, служил на Дальнем Востоке в танковых войсках в должности командира роты. Незадолго до начала войны поступил в Военную академию имени М. В. Фрунзе, ускоренный курс которой закончил в 1942 году. Воевал в воздушно-десантных войсках, до 1943 года был начальником штаба воздушно-десантной бригады. Получил ранение, лежал в госпитале. В мае 1943 года по собственной просьбе был направлен в тыл противника. В партизанском соединении генерал-майора М. И. Наумова занимался диверсионной и разведывательной деятельностью. Так что до прибытия в Словакию уже имел опыт партизанской борьбы в тылу врага.

Величко рассказал, что организаторская группа, с которой он прилетел в Словакию, превратилась в мощную партизанскую бригаду, насчитывающую в настоящее время 2080 бойцов более чем 12 национальностей, в основном словаков, героически сражающихся за свою свободу, национальную независимость, социальные преобразования. В обороне повстанческого района участвует еще несколько партизанских бригад, самой крупной из которых является бригада, которой командует капитан Алексей Егоров. Она также возникла из организаторской группы, подобно той, с которой прибыл в Словакию Величко. И ее основу, как, впрочем, и всех других бригад и отрядов, составляют словацкие граждане, которые не жалеют сил и самой жизни в борьбе с фашистами.

— Все партизанские формирования, как защищающие освобожденную территорию, так и действующие вне ее, в тылу фашистских войск, многонациональны по своему составу,— подчеркнул Велич-

ко, — но главную силу в них составляют словацкие патриоты. Основным ядром Словацкого национального восстания также является вооруженный словацкий народ — партизаны, повстанческие подразделения и части, местные национальные комитеты, народная милиция.

Коммунистическая партия Чехословакии давно ориентировалась на подготовку массового народного восстания. После вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз она стала создавать широкую сеть подпольных органов национально-освободительной борьбы. В марте 1942 года в Братиславе стал действовать Центральный национально-революционный комитет, возглавивший народно-освободительную борьбу в Словакии. Первые партизанские отряды возникли по инициативе коммунистов еще в конце 1941 — начале 1942 года, а уже летом появились крупные отряды в районе Нова-Баня, Банска-Штьявница. В начале 1943 года в Восточной Словакии стал действовать словацко-русский партизанский отряд под командованием славного сына словацкого народа Людовита Кукорелли. Вступили на путь борьбы с гитлеровцами и десятки других партизанских групп и отрядов в разных районах Словакии.

Когда группа Величко оказалась в Словакии, тут уже широко распространились антифашистские настроения. Они особенно резко возросли после победы наших войск под Сталинградом. Приход партизанских организаторов из СССР усилил эти настроения, словацкая армия все больше революционизировалась. В некоторых воинских частях и подразделениях даже изготавливали красные знамена, писали лозунги, прославлявшие Красную Армию. Население встретило советских десантников с небывалым радушием.

Вспоминая о первых днях пребывания в Чехословакии, Величко особенно тепло отзывался о местных жителях села Склабина, близ которого высаживались советские организаторские группы. Здесь нашли пристанище и партизаны других национальностей, в том числе и французские военнопленные, бежавшие из гитлеровских лагерей и вставшие на путь партизанской борьбы. Еще задолго до начала Словацкого национального восстания в Склабине был создан подпольный революционный комитет, координировавший и направлявший борьбу патриотов. Величко с особой похвалой отзывался о председателе революционного комитета Юрае Майерчике и секретаре Мирославе Хмурном, который стал и работником штаба бригады. М. Хмурный хорошо владел русским языком и часто помогал как переводчик.

Во время восстания я не имел возможности побывать в Склабине и оказался там лишь после войны. Хотел бы дополнить рассказ Величко тем, что Склабина была первым селом, где жители повесили чехословацкое знамя и в котором еще 21 августа 1944 го-

да, за неделю до восстания, как и в ряде других близлежащих селах и деревнях, было провозглашено освобождение Чехословацкой Республики. В августе 1969 года, в 25-ю годовщину Словацкого национального восстания, за большие заслуги в революционной и антифашистской борьбе Склабина была награждена орденом Отечественной войны I степени.

— С утра до вечера словаки шли и ехали к нам на всех видах транспорта — на телегах, велосипедах, машинах, — вспоминал Величко. — Среди них были молодежь и старики, солдаты и офицеры, рабочие и интеллигенты, крестьяне и студенты. Молва о нас, даже вопреки нашему желанию, распространилась слишком быстро. И эта молва привела в стан партизан многих.

Появление советских партизан подняло на ноги огромную массу людей. Рабочие, крестьяне, железнодорожники, торговцы, представители всех слоев населения охотно давали партизанам продукты, одежду, обувь, лошадей, повозки, автомашины, горючее, деньги. Некоторые склады в ближайших населенных пунктах были полностью переданы партизанам. Малые и крупные предприятия и даже банки выдавали партизанам финансовые ссуды под различные документы, иногда даже просто под расписку или сами привозили те или иные материалы. Мололи зерно на ближайших мельницах, часть муки заготавливали впрок, из остальной пекли хлеб, который местные хозяева развозили по партизанским лагерям.

— Иногда, — рассказывал Величко, — встретишь скромного, спокойного хозяина. Кажется, что занят он только своей работой и порядком в доме. А в действительности это отважный боец, который доставляет партизанам необходимый для строительства бункеров материал. Самым распространенным звуком в те времена был крик лесной сойки. Это означало: пришли снабженцы, в селе нет немцев, партизан ждут друзья.

Доставлялось партизанам и оружие. Правдами и неправдами, даром или за деньги оружие из военных складов оказывалось в руках партизан.

К середине августа 1944 года на сторону партизан стали все чаще переходить словацкие солдаты. Особенно много перешло из гарнизонов Мартин, Дольный Кубин, Ружомберок, Жилина.

По-своему выполнила приказ военного министра буржуазной Словакии Чатлоша «очистить Высокие и Низкие Татры и Большие Фатры от партизан» рота под командованием поручика Сметаника. Солдаты этой роты, как рассказал Величко, два дня «искали» партизан. После завтрака словацкие солдаты направлялись в горы, раздевались, загорали, играли с партизанскими патрулями в шахматы и шашки, затем возвращались к обеду в село и рапортовали, что «на таком-то участке партизаны не обнаружены». Это сообщение передавалось в вышестоящие штабы. На третий день

солдаты в последний раз возвратились в казармы. Вечером они со всем вооружением прибыли на грузовиках к партизанам.

Организаторские партизанские группы, заброшенные в Словакию, как отмечалось в одном из писем начальника Украинского штаба партизанского движения К. Готвальду, «нашли подготовленную почву для развития партизанского движения, встретились здесь с сильными коммунистическими организациями, которые вместе с остальными демократическими организациями сплотили во круг себя патриотически настроенных граждан и вели их на борьбу с врагом. Поэтому сразу же, с первых дней их пребывания на территории Чехословакии, группам удалось сравнительно легко установить связь с патриотическими организациями, которые оказывали им большую помощь, с одной стороны, тем, что посылали к ним бойцов, с другой стороны, связав их с населением, поставляли оружие и продовольствие. Народ и армия с восторгом приветствовали советских и чехословацких партизан-организаторов».

Генеральный секретарь ЦК Компартии Чехословакии, Президент ЧССР Густав Гусак в своей книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании» подчеркивает, что «нигде в Европе не вырастали партизанские отряды в такой благоприятной среде, при такой поддержке населения и так быстро, как в августе 1944 года в Словакии».

Уже к 23 августа 1944 года организаторская группа Величко превратилась в партизанскую бригаду, в которой насчитывалось свыше 300 бойцов. Выросла и организаторская группа А. Егорова. Группа Ладислава Калины, насчитывавшая при приземлении 15 человек, к 28 августа составила партизанскую бригаду численностью около 500 бойцов, а к середине сентября — почти 1400. Группа Вячеслава Квитинского из 23 человек, перешедшая в Словакию из Польши, за неделю выросла до 360 человек. Как это было в свое время на Украине, разрастались и другие организаторские группы. Быстро росли в августе 1944 года и местные партизанские отряды. Активнее стали действовать партизанские силы, которые формировались непосредственно Коммунистической партией Словакии.

С первых дней восстания, начавшегося 29 августа 1944 года, все эти силы активно участвовали в боях против гитлеровских войск. Партизанские бригады Величко, Егорова и Биелика вместе с частями повстанческой армии вели тяжелые бои в районах Стречно и Врутки. По решению Главного штаба партизанского движения и с согласия Совета по обороне Словакии в связи с ослаблением напора врага бригада Величко временно была выведена из боев.

Спать мы улеглись лишь на рассвете. Договорились, что 1 октября в Детве, где стоял штаб бригады, будет проведен смотр ее подразделений.

Утром, выйдя из Народного дома, я увидел у входа новенький «мерседес» ярко-красного цвета.

— Эта машина для вас, — сказал Величко.

На месте шофера сидел словак в жандармской форме. Величко пояснил:

— Это словацкий партизан. Надежный товарищ.

Подошел Шверма, и мы поехали к Шмидке.

Шмидке встретил нас радушно. Помню, он сразу отметил, что восстание в Словакии носит характер не кратковременной вспышки или путча, а представляет собой действительно широкое вооруженное выступление словацкого народа против немецко-фашистских захватчиков и их пособников внутри словацкого государства за права словацкого народа, за социальное освобождение, за новую, народно-демократическую Чехословацкую Республику. Восстание стало тем революционным выходом, который искали народы Чехословакии после раскола страны в результате фашистской оккупации чешских земель и создания так называемого Словацкого государства — вассала гитлеровской Германии. Фашизм не только лишил чехословацкий народ свободы, но и угрожал самому существованию чехов и словаков.

Победы Красной Армии ускорили созревание внутренних факторов, которые привели к восстанию. Оно готовилось долго и упорно. Все эти годы чехословацкие коммунисты вели мужественную борьбу с врагами своего народа, сплачивая вокруг себя широкие слои населения, готовя их к открытому вооруженному антифашистскому выступлению.

Теперь, после начала восстания, всю законодательную, государственную и исполнительную власть на повстанческой территории осуществляет Словацкий национальный совет, который с началом восстания образовал свой исполнительный орган — корпус уполномоченных. Основой новой, народной власти на освобожденной территории стали революционные национальные комитеты. Коммунистическая партия Словакии является главным организатором повстанческой борьбы. По сути, коммунисты выступают как единственная организованная политическая партия, они ведущая сила как в борьбе повстанцев, так и в строительстве народно-демократической власти. Широкие слои трудящихся поддерживают политику и практическую деятельность компартии.

— Сейчас, — подчеркнул Шмидке, — восстание находится в такой фазе, когда требуется еще большее сплочение всех антифашистских сил, еще более решительное сопротивление врагу.

Карол Шмидке заметил, что, к сожалению, не все получается. Хотя повстанческая армия в массе своей храбро сражается с врагом, ее руководители частенько оглядываются на Лондон, где находится в эмиграции буржуазное правительство Чехословакии. Оттуда

идут указания Голиану, подчас не совпадающие с указаниями Словацкого национального совета. Командующий восставшей словацкой армией сидит как бы на двух стульях: с одной стороны, пытается выполнять указания Совета, с другой — слушает приказы и распоряжения своих начальников из Лондона. С ними и с президентом Бенешем он поддерживает постоянную радиосвязь. В Лондоне находится и назначенный Бенешем командующий восставшей армией генерал Виест, несмотря на то что Словацкий национальный совет утвердил на этот пост кандидатуру подполковника Голиана, произведя его в бригадные генералы. В глубине души Голиан остается офицером, придерживающимся буржуазной ориентации, как и некоторые другие офицеры повстанческой армии. Классовые интересы лондонского правительства ему ближе, чем интересы восстания, которое носит характер антифашистской национально-демократической революции. Но то, что он твердо стал на путь антифашистской борьбы, у него не отнять.

— Мы помогаем Голиану, — продолжил Шмидке, — стараемся его направить, как говорится, на единственно верный путь служения своему народу, но не все получается. Общение со многими военными свидетельствует, что основная масса офицеров и солдат недовольна своим командованием. Мы попросили наших партийных руководителей в Москве войти с ходатайством к Советскому правительству и убедительно попросить прислать в Словакию группу советских генералов и офицеров, которые могли бы помочь армии лучше организовать отпор фашистам.

Шмидке обратился ко мне:

— И то, что в наш штаб партизанского движения помощь из СССР уже прибыла, это хорошо.

Высоко оценив деятельность партизан до начала и в ходе восстания, он особенно тепло отзывался о советских партизанах, направленных в Словакию Украинским штабом партизанского движения. Партизаны, по его словам, были вооруженной силой восставшего народа, надежной опорой Коммунистической партии. Партизанские отряды и бригады состояли из истинных патриотов Словакии — рабочих и крестьян, прогрессивной интеллигенции. При активной поддержке всего трудового народа они проявляют подлинный героизм в борьбе с оккупантами и внутренними врагами. Это касается и рядовых солдат повстанческой армии, и части офицеров, наиболее преданных делу восстания.

Как сказал Шмидке, партизанской армии побаиваются в Лондоне. За партизанами стоит компартия. Поэтому буржуазным лондонским правительством делается все, чтобы подчинить партизан штабу Голиана.

Президиум Словацкого национального совета неоднократно обсуждал этот вопрос. Представители Коммунистической партии

Словакии твердо стоят на том, что подчинять партизан буржуазному командованию нельзя, это ослабит революционный характер восстания. На сегодняшний день Совету по обороне Словакии рекомендовано усилить координационную и руководящую деятельность, в том числе и партизанскими силами, но вводить в бой их можно только по согласованию с образованным Главным штабом партизанского движения Словакии.

В общих чертах Шмидке рассказал, что представляет собой Главный штаб партизанского движения. Создан он 16 сентября 1944 года. Главная его задача — руководить партизанскими силами, координировать их действия с армейскими частями и подразделениями, организовывать новые партизанские формирования на освобожденной территории и в тылу вражеских войск, заботиться о снабжении партизан всем необходимым, вести политическую работу среди партизан и населения, поднимать словацкий народ на дальнейшую вооруженную борьбу с фашизмом. Главный штаб поддерживает связь с Украинским штабом партизанского движения и наступающими советскими войсками.

В конце Шмидке заметил, что наряду с руководством штабом у него много сил отнимают партийная работа, обязанности, которые он выполняет в Словацком национальном совете, в Совете по обороне Словакии, и другие дела. Так что в Главном штабе партизанского движения в основном находится его первый заместитель подполковник Бранислав Маница, на нем лежат практически многие дела и заботы.

Шверма попросил Шмидке указать точное расположение линии обороны повстанческих сил, спросил, где находятся на сегодняшний день немцы.

Шмидке ответил.

— А как снабжаются партизаны? — снова спросил Шверма.

— Как и армия, — отозвался Шмидке, — получают денежное содержание, а также продовольственные и фуражные деньги. На них они приобретают для себя все необходимое. Недостатка в деньгах нет. Мы считаем, что снабжаются партизаны хорошо. Не хватает другого — оружия и боеприпасов, особенно средств для борьбы с танками. Помощь идет лишь из Советского Союза. Из Лондона пока не прислали повстанцам ни одного патрона.

Рассказывая нам об обстановке в Словакии, Шмидке обо всем говорил обстоятельно, подробно и, хотя не раз возвращался к сложностям, верил в революционные силы восставшего народа, в его неизбежную победу.

Свидетельством тому была героическая борьба повстанцев в ходе восстания. И то, о чем рассказывал Шмидке, а раньше Велико, и то, о чем мне стало известно в Украинском штабе партизанского движения из документов и материалов, подтверждало, что

словацкий народ не только бросил вызов гитлеровскому и местному фашизму, поднявшись на открытую борьбу с ним, но и стремился довести эту борьбу до победного конца.

Воины повстанческой армии, партизаны, народная милиция, местное население оказывали героическое сопротивление гитлеровским войскам, посланным на подавление повстанцев. Особенно жаркие бои развернулись с началом восстания у Стречно, где фашисты пытались пробиться к Вруткам, Мартину и дальше. Около недели гитлеровцы с помощью танков и авиации атаковали защитников Стречно. Однако все их атаки были отражены, повстанцы не раз сами переходили в контратаки.

Несмотря на некоторые недостатки в руководстве повстанческими подразделениями, подчас слабую организацию взаимодействия между ними и партизанами, отвага и инициатива тех и других помогли сдержат натиск фашистских войск на стречненском участке. Словацкие воины и партизаны проявляли небывалое мужество, самоотверженность, особенно в критические минуты, в ближних боях с немецкими танками.

Исключительное мужество проявили бойцы повстанческих частей, защищавших направление Ружомберок — Липтовская Осада, на котором гитлеровское командование также организовало сильное давление на освобожденную территорию с севера. Враг пытался в первую очередь захватить населенные пункты Белый Поток и Остро. 15 сентября 1944 года он организовал мощную атаку на Белый Поток. Однако она была отбита, как, впрочем, и многие последующие.

Бои за Остро вошли яркими страницами в героическую летопись Словацкого национального восстания. Как и бои под Стречно, они сыграли огромную роль в защите освобожденной территории.

Мужественное сопротивление оказывали словацкие солдаты и партизаны и на других участках. Широко известно героичество повстанцев, проявленное в боях под Телгартом. Здесь бок о бок отважно сражались подразделения повстанческих войск под командованием капитана Я. Станека и партизаны из бригад Э. Биелика, А. Егорова, Л. Калины. Вначале из-за перешительности отдельных армейских командиров противнику удалось овладеть Телгартом, но затем после смены командования на этом участке город вновь оказался в руках восставших и оставался у них почти до того дня, пока существовала повстанческая территория.

В боях за Телгарт, как и во многих других случаях, ярко проявились замечательные боевые и моральные качества повстанцев. Геронзм, мужество, а также хорошо налаженное взаимодействие между партизанскими отрядами и войсковыми подразделениями, что было результатом инициативы местных командиров, исходив-

ших из конкретно складывавшейся обстановки, помогли продолжить время успешно противостоять более технически оснащенным вражеским войскам.

Телгарт и многие другие населенные пункты в данном районе достойно защищали местные жители, слабо обученные военному делу, но горевшие большим желанием сражаться с ненавистным врагом.

Одной из таких групп добровольцев командовал учитель Я. Бело. Вот что он вспоминал об этом: «Когда несчетное множество немцев двинулось на Горегронье, рабочие взяли в руки винтовки, набили карманы патронами, а к пальто прицепили гранаты, которые они же сами и делали на фабрике «Оцелови дом», и двинулись на передовую у Збойницка, куда со стороны Пустого Поля пробивались немцы... Как черти сражались они бок о бок со своими одетыми в военную форму товарищами-крестьянами из Шумяца, Погорелой, Хельпы и Телгарта, ротой которых командовал уроженец Хыба надпоручик Дано Корень. Они не обращали внимания ни на опасность, ни на дождь вражеских пуль, ими двигала только одна мысль: не пустить врагов и убийц в долину Грона, к нашим маленьким милым деревушкам, где живут наши матери, жены и дети. Любой ценой задержать захватчика и бить его, бить! Сегодня я должен признаться, что тогда нам и в голову не приходило, что наши парни ведут себя не так, как предписывалось, что они не умеют применяться к местности, а с открытой грудью несутся на врага лавиной, не думая о смерти...»

Бои за Телгарт и другие населенные пункты свидетельствовали о том, что борьба в период Словацкого национального восстания была подлинно народной и что народ Словакии проявлял в ней свойственные ему свободолюбие и мужество.

Думаю, что это все и рождало у Карола Шмидке веру в неизбежную победу над фашизмом.

Закончив беседу, мы отправились в Главный штаб партизанского движения. Штаб помещался в большом каменном здании, на котором виднелась надпись «Партизанске велительство», то есть «Партизанское командование». Шмидке отдал распоряжение собрать весь руководящий состав штаба, всех начальников отделов. Вскоре в большой, просторной, со множеством столов комнате оперативного отдела собралось руководство Главного штаба партизанского движения Словакии — 20—25 человек.

Шмидке представил нас собравшимся. Когда очередь дошла до меня, он сказал:

— Товарищ Асмолов в течение трех лет руководил партизанской борьбой на разных советских фронтах. Теперь по просьбе руководителей Компартии Чехословакии он прибыл к нам в качестве советника.

Шмидке познакомил нас с работниками Главного штаба — начальниками оперативного, разведывательного, материально-финансового, автотранспортного и других отделов и служб.

Особенно запомнился начальник оперативного отдела капитан Цирил Кухта, которого в скором времени я стал звать на русский лад Кириллом. Как выяснилось, Кухта был в числе тех словацких солдат и офицеров, которые в 1943—1944 годах помогали нашим одесским партизанам. Накануне восстания в Словакии Цирил Кухта вновь связался с советскими партизанами из бригады Величко, одним из первых вместе со своим подразделением перешел на сторону восставших. Много раз Кухта отличался в боях с немецко-фашистскими захватчиками. В ходе восстания вступил в коммунистическую партию.

Первый заместитель Шмидке подполковник Бранислав Маница по совместительству ведал материально-финансовым отделом. Очень скоро он сосредоточил свои усилия только на вопросах снабжения партизан.

По ходу представления работников Главного штаба я делал пометки в блокноте, записывал, кто чем занимается.

Оказалось, что, хотя штаб и выполнял большую и важную работу, его деятельность была организована не лучшим образом. Особенно это касалось связи с партизанскими бригадами и отрядами. Людей в штабе было достаточно, но настоящий контакт с партизанскими силами пока не установился.

Вечером, встретившись с Яном Швермой, я поделился с ним некоторыми своими впечатлениями, заметив, что кое-что в Словакии отличается от того, с чем приходилось сталкиваться в Советском Союзе. Это требовало поиска наиболее целесообразных действий, чтобы выстоять в тяжелой борьбе.

3 октября 1944 года Ян Шверма выступил на пленуме Словацкого национального совета. Он ознакомил членов Совета с линией руководства Компартии Чехословакии в народно-освободительной борьбе, остановился подробно на политических целях восстания, национальных и социальных вопросах в новой Чехословацкой Республике, за которую боролась партия. На примере борьбы Советского Союза с фашизмом Шверма показал значение единства, дисциплины, организованности, решительности, сплоченности в достижениях победы.

8 октября 1944 года ЦК Компартии Словакии обратился к воинам Словацкой армии и партизанам, к коммунистам, ко всем гражданам с воззванием, в котором говорилось:

«...Наша святая война за национальную честь и свободу опирается на единую волю и решимость всего словацкого народа. Необходимо организовать эти неисчерпаемые источники народной силы — развязать войну, действительно национальную, войну народную.

Мы должны покончить с легкомыслием, колебаниями и половинчатостью и мобилизовать все силы нашего народа и все материальные источники нашей страны для ведения войны. Каждый преданный родине словак — как в армии, так и в партизанском отряде, как на заводе, так и в поле — должен сегодня проникнуться одной мыслью: отдать все силы, отдать и жизнь за свободу своего народа!

Мы должны повышать боевую и трудовую дисциплину в бою и труде: кто вследствие нежелания расстаться с удобствами уклоняется от обязанностей, которые ему определяет современная обстановка, тот помогает немцам, и за это он должен получить по заслугам.

Мы должны повысить бдительность в отношении к пособникам и агентам врага, которые засланы в наши ряды, в отношении к паникерам и сеятелям тревожных слухов, помогающих врагу. Решительной и твердой борьбой против этих элементов мы сохраним жизни наших солдат и партизан.

Мы все должны действовать смело, отважно и решительно. Трусость в бою является предательством святого дела нашего народа, и поэтому необходимо беспощадно искоренять ее в наших рядах.

Словаки и словачки!

Родина зовет вас на решительный и последний бой!»

Воззвание заканчивалось словами:

«Члены КПС! Наступила минута, когда мы должны всеми своими делами доказать, что являемся достойными носить имя коммунистов, что мы действительно самые отважные бойцы за свободу своего народа и своей нации. Будьте всюду на переднем крае нашей великой борьбы, на фронте, в партизанском отряде, на заводе, в деревне, на работах по созданию укреплений, в учреждении... Наш путь ясен. Это путь единой и самоотверженной борьбы — путь национальной войны. Иного пути нет, колебание и нерешительность в современной обстановке имели бы самые тяжелые последствия.

Единство и революционная дисциплина, смелость и выдержка — и победа наша!»

В сложной обстановке, когда приходилось решать многие политические, идеологические и военные задачи общенационального восстания, ЦК Компартии Словакии, избранному на объединенном съезде 17 сентября 1944 года, и в целом партии очень помогли опытные представители руководства Компартии Чехословакии во главе с Яном Швермой.

Большое внимание в ходе восстания коммунистические руководители уделяли национальным комитетам — этим будущим органам народной власти. По инициативе коммунистов и при их непосредственном участии проводились многочисленные массовые

политические мероприятия. Так, 7 октября 1944 года в Банска-Бистрице состоялась многотысячная народная манифестация, которая показала боевую готовность населения, партизан, солдат отдать все силы борьбе с врагом. А 15 октября в промышленном городе Центральной Словакии Подбрзове была созвана конференция революционных профсоюзных заводских комитетов, на которую прибыло 200 делегатов от 137 заводов. Эта конференция заложила основы единого профсоюзного движения в Словакии. Ее решения укрепили руководящую роль рабочего класса в национально-освободительной борьбе и в будущей новой Чехословацкой Республике.

Руководство Компартии Словакии уделяло большое внимание политической работе в повстанческой армии, разъясняя цели Словацкого национального восстания, укрепляя антифашистские настроения, создавая моральные и политические предпосылки для упорной борьбы против гитлеровских оккупантов. Об этих задачах Г. Гусак в словацкой газете «Правда» от 13 сентября 1944 года писал: «В нынешнее революционное время мы должны создавать революционную демократическую армию, дух и руководство которой будут соответствовать стремлениям нашего народа к свободе, лучшей жизни, осуществлению наших национальных и государственных целей. Патриотические солдаты и патриотические офицеры в обстановке взаимного понимания и любви, будучи связаны борьбой и общностью целей, будучи поддержаны всем нашим народом, гарантируют создание такой армии... Наша армия, безусловно, должна избавиться от всяческого груза прошлого и по образцу наших героических партизан и бойцов из СССР, по образцу великой Красной Армии, воодушевленная революционным духом и революционным порывом, в братстве и дисциплине должна огненным мечом разбить те немецкие войска, которые Гитлер и Тисо направили против свободной Словакии».

Поэтому коммунисты, направленные в армию, выполняли роль офицеров-пропагандистов, перед которыми стояла очень важная задача — углублять самосознание солдат и офицеров. Вопреки сопротивлению некоторых руководящих армейских командиров, Президиум Словацкого национального совета в начале октября 1944 года послал в армию сто офицеров-пропагандистов, половину из них составляли коммунисты. Среди тех, кто вел эту работу и кого я хорошо знал, были И. Грозиенчик, Й. Гойч и другие.

Утром 30 сентября, заехав к Каролу Шмидке, я рассказал о своих беседах с руководящими работниками Главного штаба, поделился соображениями о необходимости его реорганизации, коснулся взаимоотношений Главного штаба с партизанскими бригадами и отрядами и некоторых других вопросов.

— Я во всем доверяю вам, товарищ Асмолов,— сказал Шмидке,— и во всем полагаюсь на вас.

Договорились, что в ближайшее время будет подготовлен приказ Главного штаба партизанского движения Словакии о введении для партизан удостоверений личности и порядке вступления в партизанские отряды. В Главном штабе введем пропуска, штат его сократим и укрепим новыми людьми.

Когда мы порешили все дела, Шмидке спросил, не хотел бы я встретиться с Голианом. Тут же по телефону он связался с командующим повстанческой армией.

— Приезжайте хоть сейчас,— ответил Голиан.

Штаб повстанческой армии находился в большом сером здании на берегу реки Грон. Дежурный офицер проводил нас на второй этаж. Голиан ждал нас.

Как только мы уселись в кресла, в кабинет вошел невысокого роста словацкий офицер. Это был начальник штаба повстанческой армии майор Юлиус Носко. Держался Носко скромно, уточняя то, что просил Голиан, и понравился мне своей осведомленностью, высокой штабной культурой, знанием дела в восставшей армии. Шмидке в разговор почти не вмешивался, лишь изредка делал какое-либо замечание. Однако слушал внимательно, иногда переводя то или иное слово, выражение, если Голиан не знал, как это сказать по-русски.

Я попросил Голиана ввести меня в обстановку, показать, где проходит линия обороны повстанческого района, какими силами обороняется освобожденная территория и чем располагают немцы, каковы взаимоотношения повстанческой армии и партизан, какие у штаба армии прогнозы относительно дальнейшего хода вооруженной борьбы.

Голиан начал издалека. Он сказал, что при подготовке военного выступления в Словакии разрабатывались два варианта — наступательный и оборонительный. Первый предполагал выступление Словацкой армии против гитлеровцев в момент, когда Красная Армия перейдет через Карпаты и вступит на территорию Словакии. Расчет строился на внезапности удара по немецко-фашистским войскам с тыла и соединении с советскими наступающими частями. При удачном исходе Красная Армия имела возможность в короткий срок и без больших потерь оказаться в стратегическом тылу фашистских армий, преодолев с помощью словаков труднопроходимую горную местность. Оборонительный вариант предполагал тот случай, когда немецкое командование узнало бы об этом замысле, упредило выступление повстанцев и попыталось оккупировать Словакию, прежде чем мог быть осуществлен первый вариант.

Как пояснил Голиан, две восточнословацкие дивизии, на ко-

которые возлагалась задача открыть «проход» через перевалы частям Красной Армии, в первый же день выступления были почти полностью разоружены немецкими войсками. Лишь небольшой части солдат и офицеров удалось избежать этого. Одни отошли в горы, перейдя на партизанские методы борьбы, другие достигли Центральной Словакии и соединились с теми частями и подразделениями, которые были в тылу. Неудача с восточнословацкими дивизиями неблагоприятно отразилась и на ходе боев в Центральной Словакии — вся тяжесть борьбы здесь легла на тыловые войска и партизан. Хотя численность войск в результате проведенной мобилизации была значительно увеличена, им постоянно недостает оружия, особенно тяжелого, и их боевая выучка не такая, какой должна быть.

— Какими же силами вы располагаете на сегодняшний день?

— На довольствии состоит 56 тысяч,— отозвался Голиан.

— А воюет?

— Воюет меньше.

— У вас нет точных данных?

— Численность постоянно меняется: боевые потери, маневрирование, выдвижение резервов, хотя, откровенно говоря, резервов практически нет. Часть военнослужащих просто не имеет оружия, другие охраняют склады, штабы, выполняют иные поручения.

— А какими силами располагают немцы?

Голиан ответил, что противник ввел в Словакию три пехотные дивизии, три боевые группы и другие многочисленные части СС. Против повстанцев также действуют тисовские вооруженные отряды, отряды словацких фашистов — гардисты. Немецкие войска в достатке имеют автоматическое оружие и минометы. В их распоряжении почти 100 танков и штурмовых орудий, несколько эскадрилий бомбардировщиков и штурмовиков. У повстанцев всего около 12 боеспособных танков, 27 артиллерийских батарей, 22 самолета, главным образом из истребительного полка, прибывшего из СССР.

— Сейчас начата переброска из Советского Союза чехословацкой парашютно-десантной бригады под командованием полковника Пршикрыла, полностью вооруженной и экипированной. Штаб ее и некоторые подразделения уже прибыли на аэродром «Три дуба» несколько дней назад. Остальные появятся в скором времени. Это хорошая поддержка. Бригада насчитывает свыше двух тысяч воинов, имеет боевой опыт, приобретенный на советско-германском фронте. Она прибывает со своей артиллерией и минометами. Мы ее сразу вводим в бой, ибо положение на отдельных участках обороны бывает прямо критическим.

Голиан считал, что с точки зрения подготовки и вооружения враг, безусловно, превосходит повстанцев, хотя численное преимущество на их стороне.

— В руках противника инициатива,— отметил Голиан.— Немцы наступают. Они хорошо маневрируют, концентрируя свои усилия на важнейших направлениях, и постепенно добиваются успеха. Мы обороняемся, маневрируем лишь тогда, когда надо закрыть где-нибудь брешь, образовавшуюся в результате прорыва немецких войск. Для контратак и обходов сил не хватает.

Подойдя к карте и взяв указку, генерал пояснил:

— В начале восстания в наших руках была значительная территория. Она доходила на севере до Жилины, Ружомберока, Липтовского Микулаша, Попрада и Левочи, достигала венгерской границы на юге, доходила до Елшавы, Прешова на востоке и заканчивалась на западе на границе с Моравией. Эта площадь составляла свыше 20 тысяч квадратных километров. Теперь освобожденный район занимает около 8 тысяч квадратных километров. В начале восстания полевые словацкие дивизии были всего в 50—60 километрах от передовых частей Красной Армии. Теперь расстояние, отделяющее Центральную Словакию от советских войск, намного больше.

— К большому сожалению,— продолжал Голиан,— узким нашим местом является отсутствие единого командования у повстанческой армии и партизан, которые принимают участие в обороне освобожденной территории вместе с армейскими подразделениями. Силы партизан достаточно внушительны, но они остаются практически вне сферы влияния нашего штаба, хотя существует договоренность о подчиненности их Совету по обороне Словакии.

— Это не совсем так,— возразил Шмидке.— Координация через Главный штаб партизанского движения существует. Мы считаем, что такая система может обеспечить необходимое руководство военными действиями. Дело в другом. Армейскому командованию необходимо предпринять определенные меры для повышения боеспособности своих подразделений и частей, улучшить управление ими. Партизанская же армия и так делает все, что может.

— А как бы вы повели дело в сложившейся обстановке? — неожиданно спросил меня Голиан.— Я бы хотел услышать ваше мнение.

— Пока мне трудно судить обо всем,— отозвался я.— В Словакии многое отличается от того, с чем мне приходилось сталкиваться у себя на родине. На мой взгляд, имея все же некоторое численное превосходство в людях, поддержку населения, перспективу приближения Красной Армии, близость победы вообще, можно было бы попробовать перехватить у врага инициативу и, удерживая освобожденную территорию, шире развернуть в тылу вражеских войск партизанскую борьбу.

Затем, обсуждая сложившуюся военную обстановку, мы говорили о тех приказах, которые поступают в повстанческую армию из Лондона, в частности от военного министра Ингра. Оказалось, что эти приказы зачастую отдаются без достаточного знания конкретной обстановки в Словакии.

— А оказывают ли вам какую-либо практическую помощь из Лондона?

Голиан покачал головой:

— Мы больше надеемся на вашу страну, на советские войска, которые прорываются через Карпаты, и на то, что вы шлете на «Три дуба». Я встречался с некоторыми вашими партизанскими командирами. Это настоящие друзья словацкого народа. Я думаю, история не забудет того, что ваша страна сделала и продолжает делать в трудное для нас время.

Мы договорились, что штаб повстанческой армии станет теперь ежедневно посылать в Главный штаб партизанского движения оперативную и разведывательную сводки. В свою очередь и мы тоже будем передавать свои оперативные и разведывательные донесения. Мы пригласили Голиана присутствовать на смотре партизанской бригады Величко в Детве.

Вспоминая об этой встрече с командующим восставшей словацкой армией Яном Голианом, хочу еще раз подчеркнуть, что повстанческая армия, представлявшая одну из важных частей вооруженных сил восставшего словацкого народа, делала многое для защиты освобожденной территории от наседавших на нее гитлеровских войск. Простые солдаты, младшие командиры, часть офицеров, твердо став на путь антифашистской борьбы, воевали честно, приняв близко к сердцу цели и идеи Словацкого национального восстания. Это была, бесспорно, антифашистская армия, превратившаяся в силу целого ряда факторов из вооруженного союзника гитлеровской Германии в ее непримиримого противника.

Однако, активно участвуя в восстании, которое представляло собой не только открытое выступление словацкого народа против фашизма, но и начало национальной и демократической революции, повстанческая армия не могла сразу преодолеть ряд внутренних противоречий, обусловленных разнородностью классового состава повстанческих войск и другими причинами. «Повстанческая армия политически развивалась в ходе Словацкого национального восстания,— пишет Г. Гусак в книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании».— Революционная борьба народа, позиция КПС и народных органов власти, ожидавшийся приход Красной Армии— все это не могло не оказывать влияния на солдат и офицеров, тем более что в ходе мобилизации ряды армии были пополнены рабочими, крестьянами и интеллигенцией,

которые несли с собой в армию антифашистские и революционные идеи. Процесс строительства армии, ее очищения и политического перевоспитания происходил непрерывно, однако его замедляли и тормозили многие негативные факторы».

Шмидке поехал в ЦК, а я направился в Главный штаб партизанского движения. Маница, Рашла и Кухта уже ожидали меня. Усевшись за стол, мы стали обсуждать, как лучше организовать работу Главного штаба, чтобы она наиболее соответствовала задачам партизан Словакии.

Рано утром 1 октября 1944 года я выехал в Детву. На полпути туда, в селе Ковачеве, располагался штаб партизанской бригады имени Яна Налепки, комиссаром которой был А. Шагат.

В штабе никого, кроме врача, не было.

— Где командир бригады, где штаб, где бригада?

— Воюют.

Выяснилось, что бригада ведет бой с противником.

Поднялись на высоту. На горе, поросшей лесом, встретили начальника штаба бригады советского офицера Химича.

— А где командир?

— Он там, внизу,— ответил Химич и показал рукой на склон горы, где засели партизаны. Оттуда доносились редкие автоматные очереди, слышался резкий звук от выстрелов противотанковых ружей.

Вскоре появился разгоряченный командир бригады с противотанковым ружьем.

Поздоровавшись с командиром, я спросил, где сейчас находится его бригада и почему у него в руках противотанковое ружье.

— Бригада ведет бой с фашистами, ну и я их бью из противотанкового ружья.

— Что доносит ваша разведка?

— Данные разведки уточняются.

Неожиданно на склоне горы показалось человек тридцать — пятьдесят.

— Что это за группа?

— Это партизаны.

— Сколько сейчас партизан введено в бой?

— Вся бригада.

— А сколько человек в бригаде?

— Почти восемьсот.

— И все сосредоточены на таком узком участке?

Командир бригады кивнул головой.

— А где ваш командный пункт?

— Поблизости,— он показал рукой.

Мы подошли к окопчику. В нем стоял телефон.

— С кем имеете связь?

— Со своим штабом в Ковачево.

Оказалось, что, введя бригаду в бой, командир вскоре сам, прихватив противотанковое ружье, ушел на передовую, поручив командование бригадой начальнику штаба.

Как показали дальнейшие события, отсутствие необходимого опыта у отдельных командиров было не такой уж редкой проблемой. Ситуация чем-то напоминала начало Великой Отечественной войны, первые шаги советского партизанского движения. Но тогда нам удалось решить многие вопросы довольно успешно. Как на Северо-Западном фронте, так и на Юго-Западном и 3-м Украинском мы в короткие сроки смогли обучить большинство командных кадров методам партизанской борьбы. В Словакии таких возможностей оказалось меньше. Главный штаб партизанского движения имел только один центр обучения, который возник на базе партизанской бригады Э. Биелика в Буйкове. Обучение партизан происходило в основном в ходе боев, а затем, когда была оставлена освобожденная территория, в горах, где начались по-настоящему партизанские действия.

Пришлось задержаться в бригаде, обстоятельно поговорить с командиром о его месте и роли. Капитану Химичу я посоветовал больше помогать командиру, вникать в его распоряжения, разрабатывать наиболее необходимые рекомендации.

Когда мы подъехали к Детве, главная улица была уже запружена народом. Прибыли Шмидке, Голиан и другие, кто был приглашен на смотр. Ко мне подошел незнакомый советский майор.

— Офицер связи от маршала Конева майор Студенский, — представился он. — Настоящая моя фамилия Скрипка. Иван Иванович.

Оказалось, что майор И. И. Скрипка, прибывший в Словакию в начале сентября 1944 года, возглавлял группу связи от 1-го Украинского фронта при штабе повстанческой Словацкой армии. С ним тут находились его помощники и радисты. В прошлом Скрипка был пограничником. В 1942—1944 годах выполнял специальное задание за линией фронта. За 13 месяцев, что он находился во вражеском тылу, прошел не одну тысячу километров от Севска до Ровно, а затем обратно до Шепетовки.

Незадолго до начала смотра появился еще один советский офицер. Это был кинооператор капитан Михаил Глидер, прилетевший в Словакию со штабом парашютно-десантной бригады. Глидер не первый раз вылетал в тыл врага, а теперь прибыл к словацким повстанцам.

Моросил дождь. Кое-кто прихватил с собой зонты. Однако ненастье не испортило дела. Улицы пестрели национальными костю-

мами, все выглядели празднично, нарядно. Прозвучали команды, и бригада подразделения за подразделением прошла мимо нас.

Затем состоялся митинг. Первым выступил Шмидке. Он говорил о том, что восставшие находятся в трудном, но не безнадежном положении. Борьба с немецко-фашистскими захватчиками и тисовскими прихвостнями предстоит еще упорная, но победа будет в конце концов одержана, так как словацкий народ никогда не покорится фашистам. В этой борьбе каждый должен найти свое место. Только сплочение и единство, активное сопротивление врагу принесет успех. Шмидке особо подчеркнул, что словаки не одиноки. На помощь спешит доблестная Красная Армия, которая делает все, чтобы помочь повстанцам. Он призвал население оказывать партизанам и подразделениям повстанческой армии всемерную помощь в борьбе с гитлеровскими войсками.

Вернувшись в Банска-Бистрицу, я позвонил дежурному по Главному штабу. Никаких особых новостей не было. На границе освобожденной территории продолжались бои. Из репродуктора, установленного в особняке, где нас поместили, лились чарующие звуки чардаша.

Я осмотрел дом. На столике в холле лежали словацкие газеты и журналы, а также наши «Правда», «Известия» и «Красная звезда».

Кто-то сказал, что в Банска-Бистрице идут советские кинофильмы. Кинофильмы и газеты привозят наши самолеты на аэродром «Три дуба». Советские газеты продаются даже в киосках.

Для человека, прибывшего в Словакию из Советского Союза, трудно было поначалу разобраться не только во всем, что происходило в эти дни на повстанческой территории, не только в обстановке сил, в политических целях различных группировок, в других вопросах и проблемах, которые породило восстание, но и просто привыкнуть к жизни в новых условиях.

Однако главное отличие заключалось в том, что борьба советского народа против фашизма протекала совсем в иных условиях. В нашей стране народ сражался исключительно под руководством одного организатора и вдохновителя — Коммунистической партии, и это идейное единство давало советским людям громадное преимущество. Тут же, кроме коммунистов, вместе с ними, а иногда и против них, действовали самые разнообразные силы, подчас реакционные и антинародные.

И все же, несмотря на это, в Словакии, в глубоком тылу фашистских войск, противостоящих наступающим советским армиям, полыхал пожар народной войны. Это был еще один партизанский повстанческий фронт. Подобно тому как это случилось в тылу группы армий «Север» или группы армий «Юг» на советской территории, сейчас здесь, на чехословацкой земле, фашисты, даже

окружив повстанцев плотным кольцом своих дивизий, снова терпели поражение в попытке поработить, поставить на колени еще один мужественный и свободолюбивый народ — народ Словакии.

Восстание в Словакии имело важное военно-стратегическое и политическое значение. Огромная территория в тылу фашистских войск с населением 1,7 миллиона человек оказалась под контролем восставшего словацкого народа. Повстанцы захватили важнейшие транспортные артерии протяженностью более 6,5 тысячи километров, чем поставили в трудное положение немецко-фашистские войска, державшие оборону в Карпатах.

Для гитлеровской Германии была потеряна почти полностью словацкая армия, которая теперь вместе с многочисленными партизанскими бригадами и отрядами удерживала в своих руках важный стратегический район в тылу фашистского вермахта.

Восставшие наносили врагу значительный урон в живой силе и технике. Они отвлекали на себя большие контингенты войск, тем самым содействуя наступлению наших частей. Гитлеровцы не могли использовать промышленные и сырьевые ресурсы страны, а также превратить Словакию в бастион своей обороны.

Чем дольше продолжалось бы такое положение, тем значительнее были бы потери фашистов, тем большая помощь оказывалась бы нашим войскам и войскам союзников, высадившимся во Франции незадолго до того, как восстала Словакия.

Словацкое национальное восстание носило ярко выраженный классовый и интернациональный характер. Единый антифашистский фронт, объединявший рабочих, трудящееся крестьянство, прогрессивную интеллигенцию и известную часть национальной буржуазии, вел борьбу не только с фашистскими оккупантами, но и с клерикально-фашистской марионеточной кликой, захватившей власть в так называемом «словацком государстве».

Политические цели восстания позволяли отнести его к народной революции, которая в период завершения второй мировой войны закладывала основы народно-демократического государства.

1 октября 1944 года был издан первый приказ Главного штаба партизанского движения Словакии, в котором объявлялось о том, что по решению Словацкого национального совета в Словакии действует Главный штаб партизанского движения, начальником которого является Карол Шмидке. Все распоряжения ГШПД, отмечалось в приказе, обязательны для партизанских бригад и отрядов, действовавших на территории Словакии.

Приказом вводились удостоверения личности для партизан, а также определялся порядок вступления новых бойцов в партизанские отряды. Партизан, подчеркивалось в документе, должен быть образцом гражданских и военных качеств, достойно представлять добровольческую партизанскую армию, которая борется за лучшее будущее своего народа. Не только героическими делами, но и своим поведением бойцы партизанских отрядов должны завоевать доверие широких слоев чехословацких трудящихся. Приказ обязывал каждого партизана дорожить добрым именем народного воина, сохранять в чистоте идеалы, за которые идет борьба.

Командирам бригад и отрядов предлагалось выслать в Главный штаб партизанского движения постоянных связных, а также регулярно направлять в ГШПД боевые донесения и разведывательные сводки.

В Главном штабе вводились новый режим работы, пропуска, устанавливалось круглосуточное дежурство.

Вслед за этим 4 октября был издан еще один приказ, которым определялись состав и структура Главного штаба партизанского движения. Вместо 250 человек в нем осталось лишь 28. Остальной офицерский состав возвращался в армию. Обязанности оставшихся были пересмотрены или уточнены. Теперь каждый отвечал за конкретный участок, имел определенный круг дел. Подполковник Бранислав Маница оставался первым заместителем Карола Шмидке. Майор Владимир Дакснер, второй заместитель, назначался начальником отдела кадров. Оперативным отделом продолжал руководить капитан Цирил Кухта. Материальным снабжением стал ведать капитан Штефан Ганус. Вводились автотранспортная, техническая, санитарная, интендантская и другие службы.

Это был небольшой, но деловой штаб, который мог более успешно влиять на положение дел на фронтах борьбы, состояние партизанских бригад и отрядов. В штабе оставались наиболее нужные люди.

Следующим практическим шагом было уточнение численности и дислокации партизанских сил. Мне хотелось самому увидеть, каково их состояние, познакомиться с руководящим составом бригад и отрядов, а тех, с кем не удастся встретиться, узнать хотя бы по их донесениям, переписке с ними. Необходимо было составить более или менее полную картину боевых дел, скоординировать деятельность партизан в масштабе всего повстанческого района, усилить отпор фашистам, попытаться удержать освобожденную территорию хотя бы еще в течение месяца в надежде, что части Красной Армии все же смогут пробиться к восставшим. Нужно было предусмотреть также возможные варианты использования партизанских сил в зависимости от изменения обстановки, чтобы при любом повороте событий партизанская армия, действующая в Словакии, оставалась боееспособной и могла продолжать борьбу, даже если бы ей не удалось вместе с повстанческими частями отстоять освобожденную землю.

В один из дней Маница представил список партизанских бригад и отрядов, оборонявших повстанческую территорию. Согласно этому списку, на освобожденной территории находились 21 партизанская бригада и отряд, насчитывавшие свыше 11 тысяч бойцов. Список был далеко не полным, так как не включал партизанские силы, действовавшие в Словакии в тылу гитлеровских войск, да и, как оказалось, в него не были занесены многие отряды, находившиеся на повстанческой территории, о чем Главный штаб партизанского движения не имел сведений. Даже по данным Украинского штаба партизанского движения, с которыми меня познакомил Строкач, в Словакии в конце сентября 1944 года действовало более 34 партизанских бригад и отдельных отрядов, общей численностью около 17 тысяч человек.

В списке бригад и отрядов, представленном Маницей, выделялись наиболее крупные формирования, которыми командовали П. Величко, А. Егоров, Е. Волянский, Л. Калина, Э. Биелик, В. Карасев, Ф. Гагара и другие чехословацкие и советские командиры. В состав этих бригад входило более половины партизан, на их счету было и больше всего боевых успехов, они составляли главную силу партизанского войска. Поэтому, выбирая маршрут очередной поездки, я не случайно оказался в селе Гарманце к северу от Банска-Бистрицы, где находился штаб партизанской бригады, которой командовал капитан Алексей Егоров.

Алексей Семенович Егоров познакомил меня с руководящим составом бригады, а затем подробно рассказал о своем соединении,

которое, подобно бригаде Петра Величко, возникло из организаторской группы, десантировавшейся в Словакию в начале августа 1944 года. Войну Егоров начал в отряде специального назначения Черноморской группы войск. Затем руководил одной из диверсионных групп в прославленном партизанском соединении А. Ф. Федорова, действовавшем на Украине.

Бригада Егорова, насчитывавшая 3080 партизан, дралась с врагом на довольно обширной территории, обороняя Турчанские долины в Больших Фатрах. Партизаны бригады вместе с повстанческими подразделениями Словацкой армии вступили 29 августа 1944 года в Банска-Бистрицу. Отличились они и в боях у Вруток, у Мартина и под Телгартом. В результате этих и других боев, а также диверсионной деятельности на 1 октября 1944 года партизаны бригады уничтожили около 1500 солдат и офицеров противника, 8 танков, 26 орудий.

— В последнее время напор врага стал слабее,— сказал Егоров,— часть сил противник перебросил в Карпаты, чтобы задержать наступление советских войск. Но бои местного значения продолжаются по всему периметру освобожденного района.

Вместе с Егоровым мы проехали на позиции партизан. Осмотр их оставил благоприятное впечатление. В долинах и на горных высотах оборона была организована эшелонированно,— в три-четыре линии. На наиболее вероятных направлениях наступления противника были устроены завалы, дороги заминированы, соответствующим образом расставлены противотанковые средства и пулеметы.

— Сейчас мы партизаны лишь по названию,— пояснил Егоров,— а по существу — полевые войска. Опыт боев показал, что в создавшейся ситуации нужно иметь крепкую, неприступную оборону и тактику партизанских действий сменить на тактику регулярных войск. У нас есть свои склады. В каждом батальоне оборудован медицинский пункт. Действует эвакогоспиталь бригады, который оборудован на высоте «Крышна».

Рассказывая о медиках, Егоров отметил исключительную самоотверженность словацких врачей, медицинских сестер, санитаров. Из партизанок-словачек, добровольно вступивших в бригаду, было подготовлено на специально организованных курсах 28 медицинских сестер. С первых дней восстания медицинский персонал оказался в самом пекле боев.

— Не могу не отметить подвиг наших партизанских санитарок. Одна из них, Юлия Главкова, в бою у Мартина вынесла из-под огня восьмерых раненых. Потом сама получила ранение, но осталась на поле боя, оказывая помощь другим, пока все раненые не были перенесены в безопасное место.

С особой гордостью Алексей Семенович говорил о системе свя-

зи между батальонами, отрядами, а также между штабом бригады, Главным штабом партизанского движения и штабом повстанческой армии.

— Голиан и его подчиненные сомневались, что это нам удастся сделать. Они прямо заявляли, что в сложных горных условиях создать такую систему связи невозможно. Но мы сделали это, проведя 120 километров телефонной линии и, кроме того, используя имевшуюся связь между городами и селами.

Там, где мы побывали, враг не проявлял активности. Лишь изредка где-нибудь раздавалась автоматная или пулеметная очередь или слышался глухой выстрел из противотанкового ружья.

Вернувшись в штаб бригады, я провел совещание с руководящим составом, на котором обратил особое внимание на возможность активной, маневренной борьбы с гитлеровцами в условиях относительно стабильной линии фронта. Я рассказал товарищам, как действовали отряды истребительного полка на Северо-Западном фронте, а также некоторые партизанские бригады и отряды, находившиеся в прифронтовой полосе.

Комиссар бригады старший лейтенант Григорий Мыльников доложил, что партизаны проводят большую политическую работу среди местного населения. В бригаде выпускается партизанская газета, печатаются листовки. Широкие связи партизан с местными национальными комитетами, коммунистическими организациями, со многими людьми, настроенными антифашистски, позволяют успешно вести политическую и другую работу. Например, успехи партизанской разведки в глубоком тылу фашистов, в том числе в районе Братиславы и Праги, возможны только благодаря тесным связям с населением, которое выполняет многие поручения партизан.

Побывав в эти дни в некоторых других бригадах и отрядах, я убедился, что партизаны представляли собой сильную, сплоченную и надежную армию, которая горела желанием бить фашистов и хотела во что бы то ни стало удержать освобожденный район. Высокую оценку действиям партизан дал еще в сентябре 1944 года К. Готвальд. Он писал: «Установлено, что партизанские отряды, во главе которых стоят такие опытные советские командиры, как Величко, Егоров, Волянский, в первые дни боев несли главную тяжесть обороны на всех участках борьбы против немецких захватчиков. Без них словацкие военные части, не имевшие боевого опыта, не смогли бы устоять перед кадровыми немецкими частями, поддерживаемыми танками, тяжелой артиллерией и авиацией. Большую роль сыграли и партизанские соединения (командиры Шукраев, Ягупов (И. К. Балута.— Авт.) и другие) в Восточной Словакии, которым удалось собрать тысячи словацких солдат, которые разошлись из своих частей вследствие натиска наступавших нем-

цев, и включили их в организованную антинемецкую борьбу бок о бок с партизанами».

Постепенно нам удалось наладить контакты и с некоторыми партизанскими бригадами и отрядами, находившимися во вражеском тылу вне повстанческой территории — в Восточной Словакии, Моравии и даже Чехии. Мы получили сообщения о партизанских соединениях, бригадах и отрядах, которыми командовали И. Д. Диброва, М. И. Шукаев, А. М. Садиленко, А. А. Мартынов, А. А. Снежинский, Я. Ушьяк, Ф. Гагара, Т. Пола и другие. Эти партизанские силы насчитывали также многие сотни и тысячи бойцов и своими действиями наносили серьезный урон противнику.

Все это время происходило создание новых бригад и отрядов как на базе уже существовавших, так и с помощью организаторских партизанских групп, продолжавших прибывать в Словакию на аэродром «Три дуба».

Одной из таких групп, прилетевших в Банска-Бистрицу в середине октября 1944 года, командовал майор Александр Святогор-Зорич. Его группа явилась ядром партизанского отряда, который после сформирования прорвался в тыл немецко-фашистских войск, наступавших на освобожденный район, и развернул боевую деятельность севернее Братиславы. Как вспоминает начальник штаба бригады В. Г. Волостнов, отряд нашел надежную поддержку у словацких партизан под командованием Ф. Гагары, с которыми нередко проводились совместные боевые операции.

Партизанские организаторские группы высаживались и в других районах Словакии, а также в Моравии. На базе их возникали сильные, боеспособные партизанские отряды и даже бригады, наносившие серьезный урон врагу. В сентябре и октябре 1944 года в Словакии и Моравии десантировалось несколько таких групп, которые возглавляли К. Иванов, В. Козлов, В. Могорита, И. Гечко-Гора, М. Савельев, Н. Дмитриев, П. Федоров, В. Киш, И. Лабунский, А. Фомин и другие, что во многом способствовало активизации партизанской борьбы, дезорганизации тыла противника, особенно на его важнейших коммуникациях.

Отличительной особенностью партизанских формирований, действовавших в Словакии, был их многонациональный состав. Основную часть добровольческой партизанской армии составляли, как я уже говорил, словаки. Могу засвидетельствовать исключительный патриотизм словаков-партизан, их высокие морально-боевые качества, преданность своей родине, идее антифашистского сопротивления, ненависть к фашистским захватчикам и их прислужникам.

Среди тех, с кем близко свела меня судьба, был командир партизанской бригады Эрнест Биелик. Родился Эрнест в многодетной семье кузнеца и ко времени захвата гитлеровцами Чехословакии

работал помощником пекаря. В конце 1941 года его призвали в Словацкую армию и отправили на Восточный фронт. В 1943 году Биелик перешел на сторону Красной Армии, вступил в 1-й Чехословацкий корпус, где занимал самые различные должности, в том числе инструктора парашютнодесантной службы и командира противотанковой батареи. Высадившись в Словакии накануне восстания во главе организаторской группы, он вскоре создал одну из самых крупных партизанских бригад. Особенно отличились партизаны Эрнеста Биелика в сентябрьских боях под Телгарттом, где они, несмотря на неравенство сил, вместе с другими партизанскими отрядами и повстанческими армейскими подразделениями остановили продвижение фашистов и ликвидировали опасность захвата части освобожденного района. В ходе восстания я встречался с Э. Биеликом несколько раз. Это был один из самых энергичных, волевых и дисциплинированных командиров.

В числе замечательных словацких партизанских командиров и комиссаров были Франтишек Гагара, Ладислав Калина, Людовит Кукорелли, Франтишек Мишее, Ян Репта, Антонин Шагат, Ян Ушьяк и многие другие. Разными были их судьбы, разными путями они пришли в восстание, но единым был их патриотизм, желание сражаться с фашистами, добиться независимости родины, внести свой вклад в революционные завоевания народа.

Франтишек Гагара вступил в Коммунистическую партию Чехословакии еще в 1939 году. Принадлежность к компартии, четкие классовые позиции определили его место в антифашистской борьбе. Он включился в нее с самого начала, создавал подпольные коммунистические организации, вовлекал в движение Соппротивления все больше людей. А когда гитлеровцы напали на Советский Союз, Гагара вместе с другими коммунистами Верхней Нитры провел ряд саботажных и партизанских акций. В апреле 1943 года Ф. Гагара вместе с другими патриотами организовал в горах Втачник ядро будущего партизанского отряда, комиссаром которого стал коммунист Франтишек Мишее. Этот партизанский отряд, слившись с другими отрядами, превратился с началом Словацкого национального восстания в сильную партизанскую бригаду, получившую наименование Горнонитрянской, возглавлял которую до самого конца борьбы замечательный коммунист и партизанский командир Франтишек Гагара.

Невозможно рассказать обо всех словаках-партизанах, проявивших мужество и героизм в борьбе с гитлеровскими оккупантами в ходе восстания, ставших признанными командирами и комиссарами боевых партизанских частей и подразделений. Но хотел бы назвать среди тех, кто принимал активное участие в партизанской борьбе, члена Президиума ЦК КПЧ, первого секретаря ЦК Коммунистической партии Словакии Йозефа Ленарта, члена Президи-

ума и секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии Вассиля Биляка, бывших председателей Словацкого национального совета Рудольфа Стрехая и Ондreja Клокоча, а также имена Йозефа Франё, Павла Гайдоша, Милоша Госиоровского, Милослава Грушковича, Йозефа Гуни, Яна Яника, Самуэля Кодая, Ивана Литвай, Елены Литвай, Павла Марцели, Александра Муха, Йозефа Новиседлака, Ондreja Павлика, Эгида Пепиха, Юрая Пиволуски, Милана Репаша, Карела Страни, Франтишека Шадека Яна Зелинки, Яна Земана. Восстание родило многих героев. Оно потребовало и многих жертв. Хочу отдать должное всем словацким партизанам, кто в трудный для родины и человечества час избрал для себя судьбу воинов-антифашистов, воинов-патриотов.

Героическая борьба словацких повстанцев нашла горячий отклик в Чехии, Моравии, вызвала в массе населения жажду помочь восстанию. Несмотря на то что гитлеровцы пытались наглухо закрыть словацкую границу, а тех, кто старался ее перейти, расстреливали, в Словакии оказалось свыше 2 тысяч чехов, добровольно влившихся в партизанские отряды и храбро сражавшихся против общего врага. Известна даже попытка перелететь из Праги к повстанцам на захваченном у оккупантов самолете. Общим боевым лозунгом для чехов стал родившийся в дни совместной борьбы призыв: «Чех — за свободу Словакии, словак — за свободу чешских земель». Многие чехи отдали жизнь в борьбе за счастье словацкого народа, будущее своей страны.

Широкая слава шла о партизанской бригаде, которой командовал чех Теодор Пола, действовавшей в тылу фашистских войск в районе Тренчин — Топольчаны — Превидза. Это была одна из самых крупных и активных партизанских бригад. Она возникла, подобно бригаде Э. Биелика, из организаторской группы, во главе которой Т. Пола прибыл из Советского Союза, где уже боролся с фашистами в рядах советских партизан.

Многочисленным был отряд советских партизан, которых оказалось в восставшей Словакии несколько тысяч. Около 500 из них составляли наиболее подготовленное и боеспособное ядро партизанских сил. Однако значение участия советских людей в Словацком национальном восстании не ограничивалось только их количеством. «Советские партизаны принесли к нам замечательный дух советских бойцов, дух ненависти к врагу, дух решимости в борьбе с фашистами,— писал после войны К. Готвальд,— советские партизаны показали чешскому и словацкому народам, как нужно бить фашистов и то, что в этой борьбе должны участвовать широкие народные массы».

Навсегда связаны с восстанием и партизанским движением в Чехословакии имена таких организаторов партизанской борьбы,

как Петр Величко, Алексей Егоров, Евгений Волянский, Вячеслав Квитинский, Виктор Карасев, Всеволод Клоков, Михаил Шукаев, Алексей Садиленко, Константин Попов, Геннадий Авдеев, Иван Балюта, Дмитрий Резуто, Даян Мурзин, и многих других. Высокую оценку деятельности советских людей дал Генеральный секретарь ЦК КПЧ, президент ЧССР Густав Гусак в книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании»: «Русские и украинцы сыграли в нем выдающуюся роль организаторов, опытных бойцов и командиров, на многих участках они были движущей силой и душой партизанского движения».

В Словацком национальном восстании участвовало около 800 венгерских антифашистов. Было создано несколько венгерских партизанских отрядов, которыми командовали венгр Ш. Ногради, а также советские воины Я. Кузнец, В. Козлов и другие антифашисты. С одним из них, Шандором Ногради, прибывшим в Словакию во главе организаторской группы, я познакомился в Главном штабе партизанского движения, куда он приехал, чтобы попросить у нас оружия и боеприпасов. Вместе со мной Ногради побывал у Шмидке. Договорились о координации действий венгерских отрядов, основным районом деятельности которых были южная часть Словакии и северная Венгрия.

Вспоминая об этой встрече, Шандор Ногради писал в одной из своих статей, посвященных Словацкому национальному восстанию: «На второй или третий день после моего прибытия на словацкую территорию я установил связь со штабом словацкого партизанского движения, с товарищами Шмидке и Асмоловым. Они очень помогли мне советом и оружием. Как одно из самых ярких осталось у меня воспоминание об искренней дружбе и братстве, которые родились в совместной борьбе венгерских, словацких и советских партизан».

Сильный отряд составляли французы. Вспоминает начальник разведки бригады, которой командовал Величко, капитан Ю. Е. Черногоров: «Хочется рассказать о том, как у нас в бригаде появился французский отряд численностью до 200 человек. Местные патриоты сообщили, что связные из Венгрии обещают переправить в Словакию к партизанам французских военнопленных, бежавших из лагерей. До них дошли слухи о разрастающемся партизанском движении, и они пожелали сражаться с ненавистным врагом на земле Чехословакии. Небольшая избушка лесника Лацо Фриммля у города Мартина стала для французских патриотов родным домом. По два, по три принимали их словацкие связные на вокзале, затем как живую эстафету переправляли к Фриммлям, а оттуда к нам в горы. Вскоре в составе нашей бригады был создан французский батальон имени Леклерка под командованием капитана Жоржа де Ланнурьена. Помнятся имена офицеров Рене

Пикарда, Мишеля Ардитти, Петита Юрманда, Филиппа Корнелли, Роберта Рингенбаха, Альберта Пуппета, Жанна Ламарка и многих других храбрых французских воинов. О создании этого батальона мы доложили штабу, отсюда сообщение пошло в Москву, Париж, и спустя несколько дней французы, а вместе с ними чехословацкие и советские друзья праздновали замечательное событие. По французским законам офицер, попавший в плен к врагу, лишается воинского звания. Но здесь в виде исключения за то, что французы, вступив в партизанское соединение на чехословацкой земле, продолжают борьбу с немцами, Шарль де Голль специальным указом восстановил всем нашим партизанам-французам воинские звания».

Французские патриоты были не только в составе бригады Величко, но и в других партизанских бригадах и отрядах. Следует отдать должное французским воинам — они храбро сражались с фашистами. В боевых донесениях не раз встречались сообщения о героизме французских партизан. Особенно они проявили себя в боях у Стречно, где им ныне воздвигнут памятник.

Всего в Словацком восстании участвовало около 400 французов, 107 из них пали смертью храбрых. С командиром французских партизан Жоржем де Ланнурьеном мы познакомились лично уже после войны. А Рене Пикард подарил мне свою книгу «И снова мы встретились с врагом», в которой он вспоминает об участии французских воинов в партизанской борьбе на территории Словакии.

Среди партизан было немало немецких антифашистов. В Гельницком районе партизанский отряд из немцев-антифашистов организовал коммунист В. Мюллер. Этому отряду, насчитывавшему 80 бойцов, было присвоено имя Эрнста Тельмана. В местечке Цах, нынешний Малинов, к восставшим словакам присоединилось еще 96 партизан немецкой национальности, которые участвовали во многих боях. Всего в Словакии сражалось несколько сот немецких антифашистов, главным образом шахтеров, металлостроителей и рабочих деревообрабатывающей промышленности. А когда повстанцы ушли в горы, на их сторону стали переходить и военнослужащие вермахта.

В номере от 28 сентября 1944 года, то есть в дни, когда в Словакии уже свирепствовал фашистский террор и банды СС убивали лучших сынов и дочерей словацкого народа, газета ЦК Компартии Словакии «Правда» писала: «Но есть и другие немцы. Это — немецкие антифашисты, немецкие коммунисты или демократы, которые сами сильно пострадали от нацистских террористов и которые уже много лет, вплоть до сегодняшнего дня, ведут борьбу на нашей стороне. Смешивать этих немцев с немецкими фашистами, проявлять к ним ненависть только из-за их национальной принадлежно-

сти было бы выражением мертвящего шовинизма, которому в наших рядах, в рядах словацких антифашистов, нет места».

Немецкие партизаны были полноправными бойцами в бригадах и отрядах. Они дрались с фашистами, как и подобает воинам-интернационалистам.

Почти во всех партизанских бригадах и отрядах можно было встретить поляков. Польский партизанский отряд, а также смешанная советско-польская группа, прибывавшая в Словакию с территории Польши, сражались в бригаде Егорова и соединении В. Карасева. Были поляки и в других бригадах и отрядах. По имеющимся данным, в рядах партизан находилось не менее 100 польских антифашистов. Действительное число поляков, принявших участие в вооруженной борьбе словацкого народа, думаю, было гораздо больше.

Одним из них был Станислав Вронский — заместитель по разведке в партизанской бригаде имени Александра Невского, которая пришла в Словакию из Польши в конце июля 1944 года. Эта бригада защищала освобожденную территорию возле города Крупины и в других районах Словакии. Несколько раз Вронский появлялся в Главном штабе партизанского движения для решения различных вопросов. Он в совершенстве знал несколько языков, в том числе и немецкий, и был замечательным разведчиком и командиром. Вронскому поручались в бригаде самые ответственные задания. В ходе восстания он организовал шесть партизанских отрядов, влившихся в бригаду. Вместе с другими партизанами Вронский совершил дерзкое нападение на школу немецкой разведки, в результате которого было уничтожено 93 фашистских диверсанта и 79 взято в плен, а также захватил документы в штабе немецкого генерала Шульца.

Партизанами были и многие болгарские антифашисты, главным образом студенты, учившиеся в высших учебных заведениях Словакии. Еще в 1940 году они создали подпольную организацию, установившую связь с антифашистским движением в Братиславе. Болгарские студенты тайно издавали журнал «Антифашист». Включенные в Нитрянскую партизанскую бригаду, которой командовал Г. Д. Авдеев, болгарские партизаны в основном действовали в окрестностях Златы Моравца, Топольчан и Нове Бани. Они минировали железнодорожные пути, уничтожали мосты, поджигали склады, участвовали в нападениях на фашистских солдат и офицеров. Вместе с Нитрянской бригадой болгарские партизаны совершили прорыв линии фронта на Гроне, а затем в рядах Красной Армии сражались против гитлеровских захватчиков. В память о погибших во время восстания болгарских партизанах в Братиславе воздвигнут памятник, на котором высечены слова Христо Ботева: «Тот, кто пал в борьбе за свободу, не умрет никогда!»

В партизанских отрядах сражались югославские граждане. Большею частью это были югославские военнопленные, бежавшие из лагерей Германии, Венгрии или из венгерской армии, в которую они мобилизовывались. Значительной фигурой при организации обороны в районе Турца был югославский офицер Илья Деретич. В партизанских бригадах и отрядах насчитывалось свыше 100 югославы, участвовавших в боевых действиях против гитлеровцев с первых дней восстания.

С общим врагом сражались австрийские антифашисты — рабочие из Австрии, солдаты из немецкой армии. Словацкая газета «Правда» 21 сентября 1944 года сообщала, что на освобожденную территорию Словакии перешли некоторые австрийские рабочие, «чтобы помочь нам в борьбе против гитлеровских захватчиков». Австрийцы находились также в партизанских отрядах, действовавших в горной части Погроныя.

Были среди партизан румыны, бельгийцы, голландцы, итальянцы, испанцы, грски — бывшие военнопленные, рабочие, мобилизованные на принудительные работы, лица, включенные в состав немецкой или венгерской армий.

Международная солидарность, которая скрепляла партизанские силы, действовавшие в восставшей Словакии, имела свои исторические корни, была тесно связана с революционными силами, представленными коммунистами, которые освящали борьбу с фашизмом идеей борьбы за новые отношения между народами.

Идеи интернационализма проявлялись и в названиях бригад и отрядов, которые большей частью носили имена передовых представителей народно-освободительной борьбы в прошлом и видных современных деятелей международного революционного рабочего движения. То, что в Словацком национальном восстании участвовали в схватке с фашизмом вместе со словаками представители 27 народов, свидетельствует о великой объединяющей силе идей международной солидарности и интернационализма, доказывает возможность преодоления и в современных условиях многих противоречий и расхождений во имя общих целей.

6 октября 1944 года стало известно о том, что советские войска вместе с 1-м Чехословацким армейским корпусом преодолели Главный Карпатский хребет, овладели Дуклинским перевалом и вступили на землю Чехословакии. Это сообщение было воспринято в Главном штабе с большой радостью. Оно благотворно подействовало на настроение повстанцев, в том числе партизан. В штаб звонили из бригад и отрядов, перепроверяя новость, а получив подтверждение, прямо в телефонную трубку кричали: «Ура!»

В этот день Главный штаб партизанского движения издал первую оперативную сводку, в которой, в частности, говорилось:

«Кралева Легота. 5.X.44. Погронский партизанский отряд прогнал 5 октября 1944 г. в 19.30 силой до 70 человек нападение на Липтовский Градок. Немецкий гарнизон бежал в Липтовский Святой Микулаш. Захвачено до 3 тысяч литров бензина, вагон различного продовольствия и др.

Яворники. На Яворниках находится партизанский отряд до 300 человек. Ищут связи и боеприпасы...»

Поступили из бригад и отрядов и первые разведсводки. В одной из них, присланной Величко, сообщалось:

«Данные французского отряда. В Банска-Штявница, Колпахи, Святой Антол имеется до батальона немцев, 3 танка, 2 бронемашины.

Левице, Шахи. В ночь на 12.X. через Левице на Шахи прошло до 200 автомашин пехоты.

Данные отряда имени Суворова. В районе обороны партизанского отряда действий противника не отмечено.

Район Лученец. Противник располагает до 1000 вооруженных солдат. Имеются неуточненные данные, что противник готовит наступление на Римавскую Сobotу...»

Все большее число бригад и отрядов, защищавших освобожденный район, переключалось на активный метод борьбы. Оставляя часть сил для обороны, партизаны стали выделять маневренные группы для контратак, а также для партизанских действий в ближайшем тылу врага. По 30—100 человек, а иногда и меньше, партизаны, вооруженные автоматами и пулеметами, уходили ночью за оборонительную линию на двое-трое суток и, удалившись на 5—10 километров, устраивали засады около дорог, совершали внезапные ночные нападения на гарнизоны, штабы, обозы и склады врага. Особенно активно стали действовать в тылу врага партизаны из бригад П. Величко, А. Егорова, Э. Биелика и некоторых других.

В Главный штаб приходили сообщения и об усилении партизанской борьбы вне освобожденной территории. Бригады под командованием М. Шукаева, А. Садиленко, В. Квитинского, Т. Полы, Я. Ушьяка и других советских и чехословацких командиров день ото дня усиливали удары по гарнизонам и штабам врага, по его коммуникациям. Так, только бригада В. Квитинского, согласно сохранившемуся в архиве отчету, в октябре провела 33 боевые операции, в том числе нападение на гитлеровский гарнизон в Вондришеле, подрыв нескольких воинских эшелонов близ Попрада, налеты на вражеские автоколонны. Рос боевой счет и других бригад и отрядов, бивших фашистов по всей словацкой земле.

В первых числах октября прибыл обещанный Строкачем ра-

диоузел. До этого мы пользовались передатчиком и приемником чехословацкого производства, выделенными начальником войск связи повстанческой армии майором Марко для Главного штаба партизанского движения.

Теперь у ГШПД появился свой радиоузел. Вместе с ним в Словакию прибыл заместитель начальника отдела связи Украинского штаба партизанского движения инженер старший лейтенант Игорь Верович Акаловский, энергичный и высококвалифицированный специалист, хорошо знавший радистов, находившихся в бригадах, которые действовали в Словакии. Это в значительной мере облегчало задачи Главного штаба по организации связи с подчиненными ему партизанскими силами.

Радиоузел был полностью укомплектован опытными кадрами, оснащен новейшей партизанской радиоаппаратурой. Начальником радиоузла был лейтенант Иван Курдюмов, старшим радиооператором Леонид Викторов, вторым радиооператором Наталья Беляева (Тележкина). С ними находились радиомастер Михаил Кулик, бывший до этого радистом в одном из партизанских отрядов, и радиомастер Афанасий Гаркушенко, также прошедший школу партизанской радиосвязи в тылу врага.

Буквально с первых дней наши радисты установили связь с руководством Компартии Чехословакии, находившимся в Москве, Украинским штабом партизанского движения в Киеве, со штабами партизанского движения при Военных советах наступавших в Карпатах 1-го и 4-го Украинских фронтов, а также с 16 бригадами и отрядами. Правда, в это время, когда большинство партизанских бригад и отрядов участвовало в обороне повстанческой территории в Центральной Словакии, радио не являлось главным средством связи ГШПД с ними. В большинстве случаев переговоры велись по телефону, использовались также для передачи указаний и донесений посыльные на автомашинах и мотоциклах. Однако доля радиосвязи все же была значительной. Всего на территории Словакии действовало пять радиоузлов, четыре из которых находились в бригадах. Радиостанции имелись также во всех бригадах и многих отрядах.

Вместе с радистами в Главном штабе партизанского движения появились опытные специалисты минноподрывного дела майор Ю. Г. Филатов, старший лейтенант М. Е. Клоков, техник-лейтенант З. П. Седненков. Они также прибыли по распоряжению начальника УШПД генерала Т. А. Строкача. Так при Главном штабе партизанского движения Словакии возникла еще одна служба — диверсионная, которой стал руководить майор Ю. Г. Филатов.

В исключительно короткий срок в селе Буякове близ Брезно советские специалисты организовали курсы по подготовке минеров-диверсантов. На курсы отобрали лучших партизан-доброволь-

цев. Одновременно при Главном штабе была создана оперативная группа из высококвалифицированных специалистов-подрывников, в разное время десантировавшихся в Словакии. Этой группе поручались задания непосредственно Главного штаба партизанского движения по организации диверсий на коммуникациях врага. С 9 по 25 октября 1944 года — с момента создания группы и до ухода ее в горы — ею были взорваны железнодорожный тоннель около Млинки в районе Елшавы, несколько железнодорожных мостов пролетом 30 метров каждый близ города Тисовец, заминирована спецприбором дорога Будча — Гронска-Брезница, а также выполнены другие ответственные задания.

Оборона повстанческой территории требовала массового применения минных заграждений, однако минноподрывной техники не хватало. Выпуск противотанковых мин на освобожденной территории составлял всего 300 штук в сутки.

На диверсионной службе ГШПД лежала задача обеспечения минноподрывной техникой партизанских бригад и отрядов. Это был острый вопрос. В нашем распоряжении находилось очень небольшое количество мин, взрывателей и тола. Пришлось принимать меры по обеспечению партизан взрывчаткой и минноподрывной техникой из местных ресурсов. Со складов повстанческой армии получили 10 тонн тола в порошке и около 300 штук противотанковых мин. 3 тонны астралита — взрывчатого вещества типа аммонита, 1 тысячу мин и 5 тысяч капсюлей-детонаторов предоставила в распоряжение партизан дирекция рудников в районе деревни Цирк. Все это распределили между партизанскими бригадами и отрядами.

Произведя обследование двух заводов, выпускавших противотанковые мины, наша диверсионная служба предложила командованию повстанческой армии организовать массовый выпуск деревянных мин по типу советских с соответствующими взрывателями. Технические возможности позволяли сделать это, образцы мин были представлены. Но по разным причинам их было выпущено очень мало.

В один из дней вместе с майором Цареградским я поехал на аэродром «Три дуба», чтобы поближе познакомиться с жизнью повстанческого аэродрома, который связывал восставших с Советской страной.

Нас встретил полковник Борис Федорович Чирсков, который вместе с оперативной группой прибыл в Словакию почти сразу после начала восстания — в первых числах сентября 1944 года. Эта группа обеспечивала работу «воздушного моста». Вместе с Б. Ф. Чирсковым на аэродроме «Три дуба» находились 12 советских военнослужащих и около 150 словацких солдат, обеспечивав-

ших прием и отправку самолетов, их разгрузку и погрузку, а также приводивших в порядок после бомбежек взлетно-посадочную полосу.

О себе Чирсков рассказал, что войну начал с первых ее дней. Был командиром тяжелой бомбардировочной эскадрильи, затем командовал тяжелым бомбардировочным авиационным полком. Воевал под Москвой, в основном бомбил аэродромы противника. Приходилось летать и к партизанам. Полк сбрасывал продовольствие и боеприпасы конному корпусу генерала Белова, рейдировавшему по тылам врага. В один из таких вылетов в районе города Дорогобужа самолет, который пилотировал Чирсков, был подбит, а сам он ранен. Спасли свои же летчики: совершили посадку на территории, занятой врагом, и вывезли его на Большую землю.

Как рассказал Чирсков, «воздушный мост» между Советским Союзом и восставшей Словакией был создан по решению Советского Верховного Главнокомандования, а его организация возложена на дальнюю авиацию. Он, Чирсков, является заместителем командира 53-й авиационной дивизии, которая непосредственно обеспечивает доставку в Словакию людей и грузов. «Воздушный мост» работает бесперебойно. В иные дни, а точнее ночи, аэродром принимает до 80—100 самолетов. Из-за необходимости соблюдения светомаскировки используется предельно малое количество огней на летном поле, что, безусловно, осложняет работу. Важно также быстро разгрузить прибывающие машины, чтобы они могли сразу улететь обратно. Самолеты приходят обычно «волнами» по 15—20 машин на протяжении всей ночи. «Конвейер» работает как хорошо отлаженный механизм.

На «Три дуба» доставлялись стрелковое оружие, минометы, артиллерия, автотранспорт, противотанковые ружья, тяжелые пулеметы, боеприпасы и многое другое военное снаряжение. Несколько дней назад стала прибывать чехословацкая воздушно-десантная бригада со всем вооружением, в том числе артиллерией. Однако полетам мешала плохая погода. Вот и сейчас из-за ненастья задерживается переброска бригады. Самолеты «сидят» во Львове.

Тут же мы решили вопрос о распределении грузов, прибывавших из СССР для партизан и повстанческой армии. Этим стала заниматься оперативная группа во главе с майором М. Цареградским, который непосредственно подчинялся начальнику Главного штаба партизанского движения Словакии К. Шмидке.

В эти дни я несколько раз встречался с Каролом Шмидке для обсуждения возникавших вопросов, и всякий раз он сетовал на то, что из-за чрезвычайной занятости не может уделять Главному штабу партизанского движения столько времени и сил, как это

требует обстановки, и просил меня смелее вмешиваться в дела штаба, самостоятельно принимать те или иные, не требующие его вмешательства решения. И я не удивился, когда в одной из встреч Шмидке предложил мне быть не советником, а его первым заместителем, то есть, по сути, непосредственно заниматься многими вопросами, которые лежали на Главном штабе партизанского движения, связанными прежде всего с оперативным руководством партизанскими силами.

— Возьмите эти заботы на себя, товарищ Асмолов,— сказал Шмидке,— у вас большой опыт руководства партизанской борьбой, вам не надо отвлекаться на те дела, которыми я так загружен.

6 октября 1944 года был издан приказ, которым я назначался первым заместителем начальника Главного штаба партизанского движения Словакии. Подполковник Маница, бывший первый заместитель Шмидке, стал его заместителем по финансовой и материальной части.

Именно в эти дни у меня произошла встреча с заместителем председателя Компартии Словакии и членом Президиума Словацкого национального совета Густавом Гусак, возглавлявшим одновременно ведомство внутренних дел Словацкого национального совета. Встреча состоялась в доме, где работал и жил Г. Гусак. Мы пришли к нему вместе с майором Цареградским.

Густав Гусак горячо говорил о роли коммунистов в подготовке и ходе восстания, значении участия их в работе Словацкого национального совета и Совета по обороне Словакии. Он назвал Словацкий национальный совет «революционным парламентом». Оказалось, что почти половина его членов — 24 из 50 — являются коммунистами, представляющими так называемый «левый блок» в восстании, в который входят объединившиеся в сентябре 1944 года в единую коммунистическую партию коммунисты и социал-демократы. Так называемый «гражданский» лагерь представляют все остальные политические силы восстания, в том числе и настроенная антифашистски национальная буржуазия. Эти силы имели в Совете также 24 места. Два места были отданы представителям восставшей армии.

— Если руководитель того или иного ведомства в корпусе уполномоченных в Словацком национальном совете является коммунистом,— говорил Г. Гусак,— то его заместитель представляет другой блок и наоборот. Таким образом, коммунистам удастся активно влиять на все дела, которыми занимается Совет, в том числе и на ход вооруженной борьбы по защите повстанческого района. Коммунистическая партия имеет своих представителей на всех участках — в местных национальных комитетах, на заводах и фабриках, в партизанских штабах и формированиях и т. д. Без

преувеличения можно сказать, что именно коммунисты являются душой восстания. Большинство народа идет за ними.

Особенно подробно Густав Гусак рассказал нам о работе органов безопасности восстания, руководство которыми возложено на него. В целом органы безопасности восстания справляются со своими задачами — помогают национальным комитетам поддерживать порядок и обеспечивать безопасность повстанческой территории.

Помимо представителей органов безопасности охрану порядка и безопасность на освобожденной территории, как выяснилось, осуществляли созданные местными национальными комитетами подразделения милиции, вооруженные формирования из населения. Они несли патрульную и сторожевую службу в городах и селах, следили за правопорядком, помогали армии и партизанам в боевых действиях, если противник угрожал занять тот или иной район.

Для охраны государственных интересов, борьбы с фашистскими агентами, шпионами в ведомстве внутренних дел был создан специальный отдел. В основном в нем работали коммунисты. Руководил им Йозеф Лиетавец, по словам Густава Гусака, человек беспредельно преданный делу восстания, революционной борьбе народа.

— Это очень нужный отдел, — заметил Густав Гусак. — На освобожденной повстанцами территории есть люди, для которых победа над врагом — не самое главное. Находятся тут и наши политические враги, и те, кто пытается свести с кем-то счеты, стремится обогатиться, есть и жулики, спекулянты, просто морально неустойчивые элементы.

Поднявшись из-за стола, Гусак прошелся по комнате:

— Есть у нас и анархистски настроенные личности, убежденные, что свобода пришла лишь для того, чтобы они могли делать, что им захочется, брать, что понравится. Поэтому мы не можем оставаться безразличными к соблюдению революционной дисциплины и порядка.

Закончив говорить, Гусак обратился ко мне:

— Я слышал, что вы с самого начала войны занимаетесь организацией партизанской борьбы и ее руководством. А кем вы были до войны?

Я ответил, что незадолго до начала войны был направлен на чекистскую работу в войска.

— Тогда вы, — заключил Г. Гусак, — безусловно, понимаете меня, когда я говорю о необходимости революционной бдительности и законности.

Многое из того, что было сказано Густавом Гусаком во время этой встречи с нами, советскими офицерами, прибывшими помо-

гать вставшим, изложено в его книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании». В заключение хотел бы привести отрывок из статьи Густава Гусака «Революционный порядок», опубликованной 26 сентября 1944 года в газете ЦК Компартии Словакии «Правде»:

«У революции свои собственные законы. Она ликвидирует один режим и тут же создает новый. Уничтожает старые законы и учреждает новые. Ликвидирует полицейскую систему прежнего режима и вводит революционный порядок. Потому что каждый переворот, любое народное движение и любая революция свелись бы к анархии, если бы они не создавали прочные основы порядка, нового порядка, отвечающего идейному содержанию переворота...

Наш рабочий, крестьянин и большая часть интеллигенции честно выполняют свой долг. Работая не только в рабочее время, они вносят свой вклад в скорую победу...

Революционный порядок — это порядок, который идет на пользу всему нашему народу. Ему должно подчиняться и его должно соблюдать все население. Тем самым будут искоренены самовольные выходы и станет невозможной деятельность злонамеренных лиц».

Спустя несколько дней после встречи с Густавом Гусаком разведывательный отдел ГШПД с согласия Карола Шмидке стал осуществлять и контрразведывательные функции, превратившись таким образом в орган, наделенный особыми полномочиями. Непосредственно борьбой с агентурой врага, пытавшейся проникнуть в партизанские силы, занимались подпоручик Штефан Шебеста, Штефан Зуберец и Йозеф Мосоряк.

Время от времени в Главный штаб партизанского движения поступали сообщения об убийствах отдельных командиров партизанских отрядов, грабежах, задержаниях гитлеровских шпионов, о подрывной деятельности словацких фашистов — гардистов. Нередко поступали доклады о том, что из Братиславы и других мест вражеской агентуре по радио передавались указания, которые ловили наши радиоприемники. А в один из дней ко мне пришел взволнованный Рашла и доложил:

— Совершено нападение неизвестными лицами на нашу радиостанцию в Мыте над Дюмбером. Радист убит, партизанские часовые ранены.

Самое печальное состояло в том, что это случилось не в тылу гитлеровских войск, а на освобожденной повстанческой территории. Расследование этого случая показало, что гитлеровцы с самолета сбросили своих диверсантов неподалеку от радиостанции. По подложным документам они проникли к партизанам, жили несколько дней с ними, а затем в удобный момент совершили свое злодеяние.

В ночь на 7 октября 1944 года на повстанческую территорию прибыл новый командующий восставшей Словацкой армией дивизионный генерал Рудольф Виест. Он прилетел из Москвы, где находился с конца августа 1944 года в составе чехословацкой правительственной делегации.

10 октября генерал Виест впервые выступил на заседании Словацкого национального совета.

— Я знаю, что меня ожидает тяжелая роль,— заявил он.— Я не хочу ничего обещать, кроме того, что я изо всех сил стремлюсь честно выдержать испытание. Я верю, что это мне удастся... И желаю, чтобы Словацкий национальный совет ту поддержку, которую он оказывал армии, оказывал и в дальнейшем, постоянно стоял за нее и во всех ее делах был ее помощником.

В один из дней середины октября Шмидке, встретив меня в штабе, сказал, что со мною хочет увидеться генерал Виест. Встреча состоялась в зале перед кабинетом Виеста, где обычно проходили заседания Совета по обороне Словакии. Мы оказались одни, и разговор, как говорится, проходил с глазу на глаз.

Указав на два кресла, стоявшие у небольшого столика, Виест пригласил меня сесть.

— Я хотел, пан полковник,— начал Виест,— выяснить вашу точку зрения на дальнейший ход событий, а также урегулировать некоторые вопросы между партизанами и армией.

Поднявшись, Виест подошел к карте, висевшей на стене.

— Обратите внимание, пан полковник,— продолжал он,— вот это свободная территория Словакии, вот немцы, а вот тут наступают части Красной Армии. Как видите, расстояние не так уж велико и все время сокращается... Вы полагаете, Красная Армия сумеет пробиться к нам?

— А какова цель вашего прибытия в Словакию? — вопросом на вопрос ответил я.

Виест пояснил:

— Я послан лондонским правительством командовать повстанческой армией и партизанскими силами в Словакии.

— Насколько мне известно, партизаны подчиняются Главному штабу партизанского движения Словакии,— заметил я,— а этим штабом руководит товарищ Шмидке.

— Однако согласитесь,— возразил Виест, вернувшись на свое место и удобно усевшись в кресло,— целесообразнее сосредоточить командование в одних руках. Вы человек военный и понимаете, что такое управление войсками. Надеюсь, вы получили приказ маршала Конева.

Я подтвердил, что приказ получен, но уже имеется и ответ из Москвы на запрос представителей Компартии. Главному штабу партизанского движения рекомендуют, как это и делается, согла-

совывать с военным командованием оперативные вопросы, не входя к нему в прямое подчинение.

Выяснив вопрос о руководстве партизанскими силами, мы стали говорить об армии, о том, как она воюет. Я рассказал о своих впечатлениях, оставшихся после посещения некоторых частей и подразделений в боевых группах, посетовал, что этим частям и подразделениям не хватает твердого руководства.

— Но армия все же сражается,— возразил Виест,— она в основном удерживает свои позиции:

— Однако действия войск могли бы быть, на мой взгляд, более активными.

— Вы полагаете?.. Но у нас не хватает оружия.

— Партизаны воюют тем же оружием, что и армия,— заметил я,— но они теперь все больше тревожат тылы противника, проникая через его оборону.

— Словацкие солдаты не приспособлены к партизанской войне.

— Это не совсем так. В наших партизанских отрядах сражается немало словацких военнослужащих, и они вместе с другими совершают дерзкие вылазки за линию повстанческого фронта. К тому же, как мне думается, следует предусмотреть возможности перехода всей повстанческой армии на партизанские методы борьбы, если не удастся удержать освобожденную территорию.

— Вы думаете, ваши войска не сумеют пробиться к нам?

— Я бы не исключал худшей ситуации.

— У меня несколько иные данные,— отозвался Виест.— Недавно я получил телеграмму из Лондона. В ней сообщается: переход советских и чехословацких войск через Карпаты создает именно ту ситуацию, на которую у нас только и есть надежда. Господин президент Бенеш призывает нас выдержать еще немного до установления контакта с Красной Армией, который, как он полагает, может произойти в ближайшее время. Советские войска также успешно продвигаются в направлении к Будапешту в Венгрии.

— И все же,— ответил я,— на войне нужно быть готовым ко всему и иметь на всякий случай запасной вариант.

— В Лондоне смотрят на положение дел более оптимистично,— улыбнулся Виест.— К тому же нам начинает поступать помощь не только из СССР, но и от наших западных союзников. Мне сообщили, что на днях на аэродром «Три дуба» прибыло несколько американских «летающих крепостей» с оружием и боеприпасами.

Я обратил внимание на то, что несколько американских самолетов, совершивших пока, как мне известно, единственный рейс в Словакию, доставили не так много оружия: несколько безоткатных базук, небольшое количество боеприпасов. В основном же они привезли различные консервы, спиртное, жевательную резинку.

— Это не совсем то, что нужно повстанцам.

— Самолеты должны прибывать еще,— уверенно сказал Виест.

— И все же,— заметил я, как говорят у нас, русских, на бога надейся, а сам не плошай. Если наступление советских войск задержится, а по сведениям, которыми я располагаю, это не исключено, то армии и партизанам, пан генерал, придется уходить в горы. Если вы в самом деле хотите знать мою точку зрения на дальнейший ход событий, то я бы не исключал это. На всякий случай нужно закладывать в горах базы с продовольствием и оружием. Это не повредит.

— Я думаю, мы выдержим, пан полковник, но мы подумаем над тем, что вы сказали.

К концу беседы, продолжавшейся около двух часов, Виест попросил меня помочь окруженной у Гронской Дубравы, близ Зволена, одной повстанческой части.

— У вас там есть партизанские силы?

— Да, там находится отряд Трояна, человек триста.

Тут же я написал Трояну записку-распоряжение о помощи и передал ее в штаб через адъютанта генерала Виеста, которого тот вызвал.

В книге чехословацкого историка Ч. Аморта «СССР и освобождение Чехословакии», изданной в 1976 году в Советском Союзе, есть строки, посвященные нашей встрече с генералом Рудольфом Виестом: «Для устранения разногласий между партизанами и армейским командованием было решено рекомендовать генералу Виесту пригласить в свой штаб полковника Асмолова и назначить его советником по партизанским делам... Подчинение полковника Асмолова генералу Виесту длилось, однако, недолго».

Досадная неточность. Советником Виеста «по партизанским делам» я никогда не был и в его подчинение не входил ни на минуту.

На границе освобожденного района продолжались большие и малые бои. Еще 3 октября 1944 года одна из боевых групп фашистских частей, «Шилл», заняла Святой Криж над Гроном (ныне Жиар над Гроном), вынудив повстанцев отступить к западным склонам Кремницких гор на новые оборонительные позиции. На этом участке создалась угроза прорыва фашистских войск в направлении Зволена и далее в глубь обороны к одному из важнейших мест повстанческой территории — аэродрому «Три дуба», через который главным образом осуществлялась связь восставших с Советским Союзом. 7 октября атаки гитлеровцев возобновились. А через два дня они захватили Банскую Штявницу, находившуюся на пути к Зволену.

В эти в известной мере критические дни большое значение имело прибытие из Советского Союза 2-й чехословацкой воздушно-де-

сантиной бригады под командованием полковника Владимира Пришкрыла, которая уже 8 октября, еще не будучи в полном составе, вступила в бой на подступах к Зволону, оказав существенную помощь сражавшимся здесь повстанческим подразделениям и партизанским отрядам. В ходе трехдневных напряженных боев десантники, взаимодействуя с остальными силами, находившимися здесь, сдержали натиск гитлеровцев и отбросили их к населенным пунктам Гронска Дубрава и Ялна. Положение стабилизировалось. Угроза захвата аэродрома «Три дуба» отпала.

Храбро сражались и летчики 1-го чехословацкого истребительного авиационного полка, сформированного в СССР и переброшенного в повстанческий район во второй половине сентября 1944 года. Буквально на следующий день после приземления на полевом аэродроме Золна, северо-восточнее Зволена, летчики полка нанесли дерзкий удар по гитлеровскому аэродрому Пештяны, уничтожив 10 и повредив 15 самолетов противника. Всего отважные чехословацкие летчики до своего возвращения в Советский Союз осенью 1944 года совершили более 560 боевых вылетов, сбив 9 и уничтожив на земле 20 вражеских самолетов, 186 автомашин, 13 танков, 19 артиллерийских и минометных батарей, а также нанесли противнику другой материальный ущерб. За боевые заслуги 1-му чехословацкому истребительному авиаполку, которым командовал штабс-капитан Франтишек Файтл, было присвоено наименование Зволениского.

Достоинно билась с врагом и так называемая смешанная эскадрилья, укомплектованная словацкими летчиками. Несмотря на то что в ней были преимущественно самолеты учебные или устаревших типов, словацкие пилоты сражались с фашистами героически. На одном самолете, считавшемся музейным экспонатом, как его называли, «ноевом ковчеге», летчик-словак вышел победителем в схватке с гитлеровским асом, управлявшим современным двухфюзеляжным разведывательным самолетом. Ротмистр Луптак на попрадском аэродроме уничтожил 12 самолетов врага. Всего летчики смешанной эскадрильи за шесть недель своих действий совершили 350 боевых вылетов, сбив при этом 7 самолетов противника и 3 уничтожив на земле, не считая особенно «счастливого» случая ротмистра Луптака. Словацкие пилоты истребили также 5 вражеских танков, уничтожили 33 артиллерийские и минометные батареи, 30 пулеметных гнезд, 800 гитлеровских солдат и офицеров.

Однако все эти и другие успехи в боях с фашистами, мужество и отвага повстанцев не могли изменить общей обстановки. Материальное и техническое превосходство противника было очевидным. И он продолжал наращивать его.

В середине октября я выехал в Зволен, где провел совещание с командирами некоторых партизанских бригад. Тут были П. Величко, А. Егоров, Е. Волянский и другие. Были даны четкие указания каждой бригаде, как действовать на случай осложнения обстановки. Бригада Величко уже в ближайшие дни должна была начать передвижение в горы для развертывания партизанской борьбы в тылу фашистских войск. Бригада Волянского, стоявшая непосредственно в Зволене, выходила к венгерской границе и там занимала оборону. Бригада Егорова оставалась в Старых горах, закладывая базы на Прашивой и в Доновалах. Сюда в случае необходимости должен был перейти и Главный штаб партизанского движения. Бригаде имени Яна Налепки выпало оборонять Банска-Бистрицу. Только при оставлении столицы повстанцев армейскими частями партизаны могли перейти в другой намеченный Главным штабом район.

В остальные партизанские бригады и отряды был передан письменный приказ Главного штаба партизанского движения, в котором сообщалось о необходимости начать подготовку к уходу в горы, не ослабляя усилий по защите освобожденной территории. В приказе намечались места новой дислокации и районы боевых действий партизанских сил в случае оставления повстанческого района, способы связи с Главным штабом, указывалось на важность срочной закладки баз, а также говорилось о проведении ряда других мероприятий. Все отряды, выполняя этот приказ, продолжали оборону свободного края, готовились к отражению нового наступления противника, приближение которого чувствовалось по многим признакам.

Принципиальное решение Главного штаба партизанского движения я изложил на одном из заседаний Совета по обороне Словакии. Было предложено, если не удастся удержать свободную территорию, готовить к переходу на партизанские методы борьбы и повстанческую армию. Для этого нужно было закладывать базы, наметить районы действий частям и подразделениям, организованно уйти в горы, когда этого потребует обстановка. Вместе с тем предстояло готовить войска к упорной обороне, укрепить некоторые города и населенные пункты, имеющие важное значение, не допустить их сдачи без боя. Только сочетание оборонительных мероприятий с мерами по подготовке к партизанской войне могло обеспечить успех, даже если бы врагу удалось занять весь свободный район. Вооруженная борьба десятков тысяч бойцов не прекращалась бы, а это значило, что урон, который наносило восстание оккупантам, все то, что было связано с ним, оставалось и продолжало причинять гитлеровцам не меньше, а, возможно, еще и больше беспокойства.

Большинство присутствовавших согласилось с внесенным пред-

ложением, в том числе и генерал Виест. Но согласие Виеста, на мой взгляд, было скорее формальным.

Дальнейшие события показали, что такое предположение оказалось не столь уж далеким от истины.

Выступая на заседании Совета обороны, генерал Виест не в первый раз попытался успокоить собравшихся.

— Выдержим, господа, выдержим,— повторял он после того, как заверил, что командование армии внимательно наблюдает за развитием событий и принимает все меры, чтобы попытаться выиграть у врага этот последний раунд. По его словам выходило, что повстанческая армия сумеет отразить натиск врага, а если паче чаяния это не получится, то отход в горы для продолжения борьбы партизанскими методами не застанет ее врасплох.

Между тем гитлеровские войска, стянутые и продолжавшие прибывать в Словакию, готовились к операции против повстанцев по всем правилам военного искусства. Советское наступление в Карпатах, отвлекавшее на себя основные силы фашистов в Словакии и явившееся одним из важнейших условий того, что восставшим удалось удерживать в своих руках освобожденную территорию в течение двух месяцев, затормозилось из-за исключительно сложного горного рельефа местности, плохих погодных условий, а главное, потому, что гитлеровскому командованию удалось перебросить на этот участок фронта крупные силы. Такая обстановка позволила фашистскому руководству направить в Словакию дополнительные войска. Сюда прибывали все новые пополнения, в том числе дивизия СС «Хорст Вессель» и бригада СС «Дирлевангер», переброшенная из Польши после подавления Варшавского восстания, где она «прославилась» особой жестокостью, моторизованная и пехотная дивизии. Так что к середине октября контингент гитлеровских войск состоял из дивизий СС «Татра» и «Хорст Вессель», дивизий «Принц Евгений» и «Эстландия», группы «Шилл», бригад СС «Дания» и «Дирлевангер», 60-й моторизованной и 17-й пехотной дивизий, а также многочисленных полицейских и других сил.

18 октября гитлеровцы начали решающее наступление на освобожденную словацкую территорию.

Бои вспыхнули на разных направлениях. В оперативно-разведывательной сводке Главного штаба партизанского движения от 19 октября 1944 года сообщалось:

«Из бригады Егорова:

17.X.44. Дивизия СС до 3 тысяч человек начала наступление на Турчанскую Блатницу, первые три атаки отбиты.

18.X.44. В 4.15 немцы, подбросив подкрепление, выбили численным превосходством батальон Николаева из Турчанской Блатницы. В 16.20, подтянув танки и артиллерию, выбили батальон

Николаева со второй линии обороны. Батальон занял третью линию обороны в 2,5 км от Турчанской Блатницы. Блатницкая долина в наших руках.

19.X.44. К 16.00 противник отеснил батальон Николаева.

19.X.44. В 5.30 в районе Коштыны — Прибовец взлетел на воздух вражеский эшелон. Второй в 13.15 подорвался на минах.

Из бригады Величко:

18.X.44. В 9.30 противник силою более 300 человек, 5 танков, 4 орудия, до 5 минометов начал наступление из района Святой Антол. К 18.00 противник занял Крупину, а к вечеру Пренчов. Французы, действующие в районе Жибритов, отошли в район Шваб. Потери французского отряда — 8 убитых, 6 раненых. Подорвалось на минах 2 танка «тигр».

Из бригады Волянского:

18.X.44. Неприятель силою 1 батальона занял высоты 777, 704, 651 восточнее Колпахи. В 11.30 противник при поддержке артиллерийского и минометного огня занял Жибритов. В 14.00 при поддержке 5 танков повел наступление на село Теплички. Уничтожено 2 танка...

Из бригады Биелика:

19.X.44. Отряд капитана Вознюка в районе Гуты имел бой с противником. Во время боя был взорван тоннель у Млинков.

Из бригады имени Яна Налепки:

19.X.44. Немцы ведут наступление из Банска-Штявницы по всем дорогам, идущим на Зволена...»

Подобные сообщения приходили и из других бригад и отрядов. В оперативно-разведывательной сводке Главного штаба партизанского движения от 20 октября говорилось о продолжении боев по всему периметру обороны повстанческой территории. Это же отмечалось в сводке от 21 октября.

Жестокие бои разгорелись в районе города Крупина, где оборону держала бригада В. А. Карасева. Гитлеровцы несколько раз атаковали позиции партизан, но каждый раз откатывались с большими потерями. Особенно хорошо зарекомендовали себя партизанские артиллеристы во главе с подпоручиком Ожвольдином. Они метко разили картечью цепи фашистов. Дело дошло до рукопашных схваток. Карасев сам водил партизан в контратаку. После войны на месте боя бригады был воздвигнут обелиск в честь партизан, которые не пропустили врага на этом направлении.

Долго удерживали свои позиции, несмотря на сильный напор фашистов, и другие бригады. До самого падения Банска-Бистрицы шли бои в Нецпальской и Блатницкой долинах, где противник стремился прорваться любой ценой. Находившаяся здесь бригада Егорова отошла лишь после отхода частей повстанческой армии.

До последней минуты мужественно сражались с врагом воины 2-й воздушно-десантной бригады. Бригадная газета «Пламя свободы» в эти дни призывала воинов: «...чехословацкий солдат, ты защитишь себя, свой народ и свою родину лишь непоколебимой стойкостью в самом упорном бою. Приказ: ни шагу назад! Действовать только наступательно! Отступая, мы помогаем немцам. Наступлением мы не даем уничтожить себя».

После начавшегося генерального наступления фашистских войск 20 октября было созвано заседание Словацкого национального совета, на котором уполномоченный ведомства национальной обороны подполковник Ферьенчик, занимавший в армии пост заместителя командующего по материально-техническому обеспечению, сделал сообщение о военном положении. Оценивая обстановку, Ферьенчик сказал, что ситуация за последние дни стала более серьезной. Противник начал активные боевые действия на всех участках обороны повстанцев. В районе Римавской Баши наступление остановлено. На участке Елшава — Ревуца — Мурань фашистам удалось форсировать реку Любеник и подойти к Мурани. Чувствуется, что враг ввел в бой крупные силы и намерен осуществить решительное наступление на повстанческую территорию.

— Но мы не должны падать духом, — заявил оратор, — если держались так долго, то выдержим еще. Боевых средств, а главное, людей, у нас достаточно.

От имени командования повстанческой армии Ферьенчик заверил собравшихся, что наступление гитлеровцев будет отбито. Командование армии готово выполнить свой долг и встречает новое испытание в полном спокойствии.

Это были красивые, но нереальные заверения.

Военный министр генерал Ингр прислал генералу Виесту телеграмму:

«Возобновление вражеского наступления, его расширение на новых направлениях является продолжением немецкого стремления освободить обе главные коммуникации, что еще больше приблизит к вам Красную Армию... Поэтому, исходя из общих, а также наших особенных доводов, необходимо приложить крайние усилия, чтобы в Средней Словакии, хотя бы и на самом ограниченном пространстве, удержать соответствующий организованный отпор до прихода частей Красной Армии. Есть возможность предполагать, что немцы не будут иметь достаточно времени ликвидировать ваше сопротивление, хотя и используют выгоды местности, усиленной укреплениями на избранных местах. Настаиваю на всестороннем усилении помощи со стороны русских и на материальной помощи англичан и американцев, перспективы считаю обнадеживающими...»

Помощь продолжала поступать только из Советского Союза. На аэродром «Три дуба» все время прибывали советские самолеты,

доставлявшие военные грузы. Что касается англичан и американцев, тут надеждам Ингра не суждено было сбыться. После прилета на аэродром «Три дуба» американских «летающих крепостей», о которых уже упоминалось, от западных союзников восставшим не поступило больше ни одного патрона. Не откликнулись англичане и американцы даже на просьбу Голиана, которую он еще до появления в Словакии Виеста изложил своим начальникам в Лондоне: «Моральное состояние падает в связи с не проявлением до сих пор даже небольшой нашей (из Лондона.— Авт.) или союзнической помощи. Организуйте для нас хотя бы пропагандистский полет английских истребителей, чем очень нам поможете».

Теперь было не до пропагандистских полетов. Виест откровенно сообщил Ингру: «Положение еще ухудшилось. Как видно, противник начал генеральное наступление, имея в виду нашу полную ликвидацию... Вчера противник быстро продвинулся к Червеной Скале и окружил там нашу боевую группу... Группа с боем пробивается к своим...»

Наши части под Тисовцем понесли значительные потери, охватами атаками были окончательно дезорганизованы и рассеяны... организуем новую оборону... у нас не будет твердой возможности на длительное время удерживать за собой долину Грона, а также пространство Зволэн — Банска-Бистрица, где сейчас сосредоточено большинство сил... В силу всех этих обстоятельств начинает вырисовываться последняя возможность — отход в горы. Главные причины такого хода событий я вижу прежде всего в недостаточном снабжении наших частей тяжелым оружием... нет минометов, мало артиллерии, мало противотанкового оружия. Например, к американским базукам мы получили только по десять гранат на ствол. Не было никакой возможности создать хотя бы минимальные резервы, потому что не хватает даже винтовок... Вся наша активная атакующая сила состоит из нескольких танков...»

22 октября Виест провел совещание с командирами всех тактических групп. Было решено всеми силами защищать центральную область Зволэн — Банска-Бистрица — Брезно, а также районы Большого и Малого Штюрга, Рудогорья (Поляна-Вепор), область Чертовице и восточную часть Низких Татр. На этих территориях, как утверждали военные, повстанческие войска смогут успешно обороняться как во взаимодействии, так и изолированно под самостоятельным командованием. Особенно надежен, по мнению Виеста, был район с центром в Доновалах, куда в случае осложнения ситуации должны переместиться штаб повстанческой армии и руководящие органы восстания. Эту часть Словакии, по расчетам штаба, можно было бы удерживать в течение нескольких недель.

На первый взгляд все обстояло вроде бы неплохо. Но для того чтобы воплотить в жизнь эти замыслы и действительно осуществи-

вить защиту названных районов, требовались энергичные и решительные меры. Нужно было оперативно произвести маневр силами и средствами, изыскать наилучшие способы ведения боевых действий, использовать все возможности армии и ее тесное взаимодействие с партизанскими силами, мобилизовать все население на отпор врагу.

Восстание выявило немало примеров героизма, много достойных и героических бойцов и командиров, в том числе и среди повстанческих офицеров. Однако высшее военное руководство, в руках которого находилась власть над армией, не исполнило в этот момент своего долга, не сделало многого для того, чтобы превратить огромное войско в сильные и искусные войска. Возможности для этого были. Но они так и остались нереализованными.

Даже после совещания, которое провел генерал Виест с командирами тактических групп 22 октября 1944 года, в руководстве повстанческими войсками мало что изменилось. «Военное командование во главе с Виестом,— пишет Г. Гусак в книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании»,— в критической ситуации потеряло голову, не выполнило свои обязанности перед родиной, перед тысячами бойцов».

23 октября я передал с нашими летчиками письмо генералу Т. А. Строкачу:

«Обстановка здесь очень и очень плоха, грозит полной ликвидацией освобожденного района. Противник нажимает со всех сторон и продолжает продвигаться. Главное то, что у нас нет резервов, нечем маневрировать. Единственное, чтобы сохранить живую силу партизан и армии, надо (частью сил) уйти из кольца окружения на запад и север, пока это еще не совсем поздно. Написал бы больше и надо это, но, поверьте, сейчас нет совершенно времени...»

К моменту отправки письма противник прорвался к Зволону, и я закончил свое послание начальнику Украинского штаба партизанского движения так:

«Повторяю и без всякого преувеличения, что если не будет помощи, не будет укреплено командование армий, не вышлют десантной бригады, то в ближайшие дни здесь все развалится...»

Видимо, это хорошо понимало и большинство членов Словацкого национального совета. 23 октября, в последний раз собравшись на свое заседание, Словацкий национальный совет единогласно принял решение, по которому вся полнота власти переходила к президиуму Совета, а если обстановка сложится так, что президиум не сможет собираться вместе, то к отдельным его членам. Этими чрезвычайными полномочиями члены президиума наделялись до тех пор, пока не появится возможность созвать новое заседание Совета.

В эти напряженные, горячие дни я почти не встречался с Яном Швермой, который был занят своей работой, а увидев, обратил внимание на его нездоровый вид. Но Шверма отшутился:

— Мы же летели не на пикник, Алексей Никитович!

Предвидя неизбежность ухода в горы, я посоветовал Шмидке предложить Шверме вылететь в Москву или Киев, тем более что было немало вопросов, которые нужно было решить там. Однако Шверма ототрез отказался.

— Посылайте кого-нибудь другого, — заявил он. — Я не могу улететь отсюда в это тяжелое время. Всю жизнь я буду испытывать стыд, если покину свой народ в минуту серьезной опасности. Я прибыл сюда не только произносить речи и писать статьи, но и сражаться с оружием в руках в любых условиях борьбы.

Шверма предложил вместо него послать в Москву и Киев меня.

— Лететь надо товарищу Асмолову, — сказал он. — Советскому офицеру, уполномоченному своей страны, легче, чем кому-либо другому, доказать, какая тут еще нужна помощь.

Естественно, и я отказался улететь из Словакии, так как считал своим долгом продолжать борьбу в тылу врага, пока был хоть один шанс для этого.

Линия повстанческого фронта все сужалась. Бои шли тяжелые, жестокие. Лазареты в Слияче под Зволеном и в Турецкой долине были переполнены ранеными партизанами и солдатами. Поступавшие в Главный штаб партизанского движения сведения с разных участков повстанческого фронта были крайне неутешительными, несмотря на героические усилия оборонявшихся.

И в этой тяжелой обстановке было так приятно знать, что на аэродром «Три дуба» продолжают прибывать советские самолеты с оружием и боеприпасами, увозя в СССР раненых солдат и партизан, а также тех, кому нельзя было оставаться в Словакии. Самолеты прилетали вновь и вновь.

В один из дней на «Три дуба» был доставлен золотой запас повстанцев — 20 ящиков с золотом, серебром и другими ценностями общим весом более тонны. Груз сопровождали председатели Словацкого национального совета Шмидке и Шробар, которые попросили полковника Чирскова отправить все это в Советский Союз. А погода, как назло, была нелетной. Шел мокрый снег с дождем. С реки Грон тянул сырой, липкий туман, обволакивавший близлежащие постройки и кустарники.

Вспоминает полковник Борис Чирсков:

«Все самолеты, вылетавшие в тот день на аэродром «Три дуба», не пробились через горы и возвратились на свои аэродромы. А обстановка вокруг аэродрома с каждым часом усложнялась. Уже отчетливо слышались не только орудийные выстрелы, но и пулеметная дробь. Я стал терять всякую надежду на своевременную

отправку ценностей. И вот, сидя на ящике из-под патронов и проклиная дождь, туман, снег и все на свете, я вдруг услышал звук моторов, работающих не в воздухе, а на земле. Самолет, словно крадучись, вырулил по полю. Это был самолет, который пилотировал летчик нашего соединения старший лейтенант Алексей Васильев. Я так был рад неожиданной встрече, что, не дослушав доклада, расцеловал растерявшегося пилота».

Только потом выяснилось, что Васильев из-за атмосферных помех не принял по радио команды о возвращении на Большую землю и прилетел на аэродром «Три дуба». Эта счастливая случайность помогла вывезти ценности.

Как вспоминает сам Чирсков, он поставил перед Васильевым задачу во что бы то ни стало и любой ценой доставить груз особой важности по назначению.

— Если случится такое несчастье, что самолет будет сбит,— инструктировал он Васильева,— то ваша задача загнать самолет в землю так, чтобы отыскать его могли только через сотни лет...

А погода становилась все хуже и хуже, мокрый снег усиливался. Однако Васильев полетел. После войны Чирсков рассказывал, как, сидя у радиостанции, он терзался сомнениями: правильно ли поступил, выпустив самолет, не приспособленный к полету в таких метеорологических условиях?

— Но что я мог сделать? — вспоминает Чирсков. — Не отдавать же золото врагу...

Через несколько часов Большая земля сообщила, что самолет Васильева, несмотря на обледенение, прибыл во Львов. Ценности направлены в Москву.

После войны драгоценные металлы были возвращены Чехословацкой Республике.

«Нельзя не сказать самые добрые слова и о наших летчиках, штурманах, бортовых техниках, радистах, воздушных стрелках,— вспоминает Б. Ф. Чирсков.— Только тот, кто находился здесь, на повстанческой территории, может в полной мере оценить их смелость, мастерство, беззаветную преданность порученному делу, подвиг, совершенный ими в дни восстания. Отвага, дисциплинированность, трудолюбие были отличительными чертами каждого советского экипажа. В считанные минуты от посадки до взлета в условиях ночи они успевали не только разгрузить свои самолеты, но и погрузить носилки с ранеными солдатами словацкой армии и партизанами. Если бы кто-нибудь видел их в эти минуты, это счастье-вое сочетание армейской твердости и смекалки с нежностью и заботливостью по отношению к раненым — братьям по оружию или соотечественникам, их умение, не причиняя боли, перенести и положить раненого в самолет, то непременно обратил бы внимание на то, что такой работе могут позавидовать сестры милосердия.

От имени всех, кто сражался в восставшей Словакии, хотел бы выразить благодарность нашим летчикам за все сделанное ими, и особенно экипажам под командованием Героев Советского Союза Марка Лановенко, Михаила Костенко, Алексея Васильева, а также экипажам, которые возглавляли летчики Александр Котелков, Николай Ларионов, Евгений Тимшин, Петр Губин, Владимир Безбоков, Юрий Езерский и многие другие прекрасные командиры воздушных кораблей».

По свидетельству командующего авиацией дальнего действия А. Е. Голованова, операция по обеспечению повстанцев Словакии была одной из крупнейших операций, проводившихся советской военно-транспортной авиацией в период Великой Отечественной войны. В ней участвовали шесть авиаполков 5-го авиационного корпуса и боевые экипажи из шести полков 4-го гвардейского авиационного корпуса авиации дальнего действия. Всего в ходе Словацкого национального восстания советские летчики доставили восставшим свыше тысячи тонн грузов, в основном вооружение и боеприпасы.

За время операции «Воздушный мост» наши летчики совершили в Словакию почти полторы тысячи полетов с посадкой на аэродроме «Три дуба» и несколько меньше по сбрасыванию вооружения и боеприпасов на приспособленных для этой цели площадках. Нередко грузы сбрасывали и на аэродром «Три дуба» параллельно с посадками или после выпуска последнего самолета на Большую землю.

В Словакию было перевезено около 5 тысяч человек, куда входили личный состав 2-й чехословацкой воздушно-десантной бригады, а также партизанские группы, чехословацкие политические деятели, люди, выполнявшие особые задания Компартии Чехословакии. С аэродрома «Три дуба» в Советский Союз было доставлено около 500 человек, в том числе раненые и больные солдаты повстанческой Словацкой армии, раненые и больные советские и словацкие партизаны, отдельные чехословацкие граждане, семьи руководителей восстания и словацких партизан.

В книге Г. Гусака «Свидетельство о Словацком национальном восстании» о работе аэродрома сказано: «Первая крупная партия оружия была доставлена на «Три дуба» в ночь с 4 на 5 сентября, главным образом противотанковые ружья и боеприпасы, которые немедленно были отправлены на фронт... Поставки оружия советские самолеты продолжали осуществлять и в дальнейшем. Каждый, кто жил в то время на повстанческой территории, помнит, как гул советских самолетов, доставлявших военные грузы, поднимал надежду, помогал преодолевать депрессию у колеблющихся и прямо-таки символизировал, что мы не одни, что у нас есть могучий и верный друг».

В ночь с 24 на 25 октября — после того как пало Брезно и враг прорвался к Зволену — было созвано экстренное совещание руководителей восстания, на котором довелось присутствовать и мне. Виест снова заверил, что армия сделает все, чтобы остановить наступление гитлеровцев.

— Войска будут защищать Банска-Бистрицу до последней возможности, — сказал он. — Мы все готовы лечь в окопы и драться до последнего патрона.

На это Гусак заметил:

— Генералы должны отдавать приказы. В окопах пусть сражаются солдаты. Есть ли приказ защищать Банска-Бистрицу до конца и будет ли он выполнен? Что предусмотрено, если город отстоять не удастся? Когда наконец армия получит четкие указания о переходе на партизанские методы борьбы в случае вынужденного отхода в горы?

Виест повторил, что повода для беспокойства нет. Все, что необходимо, командование армии делает. Во всяком случае, недели три еще будут идти бои за наиболее укрепленные пункты повстанческой территории.

— Вы думаете продержаться в Бистрице три недели? — вмешался в разговор Шверма. — Но как?

— Если не в Бистрице, то в Доновалах во всяком случае, — ответил Виест. — Там местность и наши силы позволяют держать длительную оборону.

— А что думаете вы, товарищ Асмолов? — обратился ко мне Шмидке.

— Мое мнение всем известно, — отозвался я. — Партизанская война в горах. Другого выхода нет. Еще не поздно кое-что предпринять. Войска должны иметь прямой приказ продолжать борьбу в горах вместе с партизанами.

Вечером 25 октября мы собрались на квартире у Гусака. Были Шмидке, Шверма, Рашла и некоторые другие коммунисты. Наместили ближайшие и дальнейшие задачи, составили призыв к населению Банска-Бистрицы, который был наутро развешан на улицах города.

От Гусака мы со Швермой отправились к себе. Тут уже был Цареградский, прибывший с аэродрома «Три дуба». Он доложил, что полковник Чирсков получил приказ убыть в Советский Союз. Документы Главного штаба отправлены в Украинский штаб партизанского движения одним из последних рейсов.

Все стали укладываться спать.

В тот момент мы еще не знали, что назавтра нам придется покинуть Банска-Бистрицу. Все-таки была какая-то надежда, что армия будет защищать город и уж во всяком случае не отступит от него без боя. Но эти надежды не оправдались. Отправившись с утра

в Главный штаб, где уже находился Шмидке, я узнал, что штаб Виеста убыл в Доновалы.

— Как это понимать? — спросил я.

— Не знаю, — отозвался Шмидке. — Похоже, что начинают оправдываться наши худшие опасения.

Подошел капитан Кухта:

— Какие будут распоряжения?

Я связался по телефону со штабом бригады Егорова, располагавшимся в селе Гарманце по пути в Доновалы. Ответил начальник штаба бригады Ржецкий.

— Как обстановка? — спросил я.

— Нас бомбят, — отозвался он, — везде немцы, мы в окружении.

— Партизаны всегда действуют в окружении, товарищ Ржецкий, а немцы в Словакии повсюду. Передайте Егорову: Главный штаб сейчас выезжает к вам.

Едва Главный штаб партизанского движения Словакии успел добраться до штаба Егорова, как началась бомбежка Старых гор и дороги на Доновалы, забитой войсками и беженцами. Оказавшись в стороне от бомбового удара, мы с болью в сердце наблюдали за безжалостной расправой гитлеровских летчиков над дезорганизованной армией повстанцев. Отход армии не прикрывался зенитной артиллерией, хотя в армии она имелаась.

В три часа дня и мы двинулись в Доновалы. Не успели выйти, как снова услышали взрывы бомб. Гитлеровцы сделали налет на Старые горы, где мы только что находились. Одновременно вражеские самолеты появились над рекой и лесом.

В тот день стояла прекрасная погода. Октябрьское солнце заливало все вокруг ярким светом. Когда мы пришли в долину, день уже клонился к вечеру, но было еще светло. Стрельба и бомбардировка на время утихли. Видимо, самолеты ушли на базу за новым бомбовым грузом. Поляна, поле и лес были усеяны трупами и ранеными, которые звали на помощь. Однако санитаров нигде не было видно.

Еще день назад тут, в долине Старых гор, на подступах к Доновалам, была сильная оборона. Теперь от нее ничего не осталось. «В узкую долину Старых гор набилось неопишемое множество солдат, гражданских лиц, автомобилей, повозок, оружия, снаряжения и прочего, — пишет Г. Гусак в книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании». — Лучших целей для немецких бомбардировщиков и не требовалось... Но даже потери не принесли такого вреда, как возникшая на дороге паника среди солдат и гражданского населения. Начинался полный развал армии. Дисциплина была нарушена. В частях началось брожение, появилось стремление во что бы то ни стало спасти свою жизнь. Начались разговоры об отступлении, бегстве, разложении армии».

В Доновалах, где находилась горная туристская гостиница «Спорт», принадлежавшая местному санаторию, и несколько деревянных домиков, все было забито войсками, машинами, техникой. Чувствовалось, что повстанческая армия как военный организм доживает последние часы.

В холле гостиницы мы застали генералов Виеста и Голиана. Между Шмидке и ними сразу возник острый разговор, в который вмешались другие представители компартии и Словацкого национального совета. Прежнее «величие» Виеста уступило место растерянности, он нервничал, сбивчиво говорил о том, что переведет армию на партизанские методы борьбы и положение поправится, однако по всему было видно, что и сам он уже ни во что не верил. Шмидке и те, кто прибыл с ним, требовали от Виеста решительных мер. Соглашаясь, что они действительно нужны, Виест заверял, что готовит приказ по армии, в котором будут даны четкие указания, как сражаться дальше.

Наконец Виест и Голиан куда-то ушли. У всех остался неприятный осадок: в такой обстановке армейское командование бросает все на произвол судьбы. В большом возбуждении Шмидке обратился ко мне:

— Товарищ Асмолов, возьмите на себя командование армией, иначе мы останемся без нее.

— Армии, по-моему, уже нет, товарищ Шмидке, командовать нечем. Сейчас нужно думать о том, как лучше сохранить и использовать партизанские силы, остатки повстанческих частей.

Вечером все ужинали в ресторане гостиницы. За сдвинутыми столами сидели плотно, один возле другого. Я оказался между Швермой и полковником Даниловичем. Напротив сидели Виест и Голиан. Ели молча.

После ужина я прошелся по гостинице. Она напоминала неустроенную большую казарму. В номерах стояли двухъярусные железные койки. В одной из комнат находилось шестнадцать советских военнопленных в летной форме.

— А кто вы такие? — удивился я.

— Техники с аэродрома «Три дуба», — ответил старший лейтенант.

— Почему не улетели домой?

— Не хватило места в последнем самолете.

— Как фамилия? — спросил я старшего лейтенанта.

— Быков.

— Ну вот что, соколы. Теперь вы не авиационные техники, а партизанский отряд особого назначения. Будете находиться при Главном штабе, а дальше посмотрим, как вас лучше использовать. Старшему лейтенанту Быкову принять командование партизанским отрядом.

Созданный в Доновалах из советского персонала аэродрома «Три дуба» отряд получил наименование «Сокол» и продолжал действовать до конца нашей борьбы в горах Словакии.

Поздно ночью Шмидке, Гусак, Шверма и другие опять пошли к Виесту и Голиану. Виест снова заявил, что сделает все возможное, чтобы продолжать борьбу. Однако по-прежнему это были лишь слова. Практически военное командование уже утратило контроль над армией.

Восстание переживало самый трудный, самый критический момент. Но даже в этой чрезвычайно сложной обстановке, когда из-за развала повстанческой армии партизанские бригады и отряды остались, по сути, один на один с врагом, они продолжали сражаться с ним. С боями, упорно сопротивляясь, партизаны, защищавшие до последней возможности свободную территорию, организованно отходили в горы, умело маневрируя, ускользая от фронтальных ударов, но по-прежнему нанося врагу серьезный урон. Несмотря на всю сложность положения, подавляющее большинство бригад и отрядов сохранили свою былую ударную силу или быстро восстановили ее, попав в новые районы боевых действий.

«...Необходимо упомянуть об организаторской деятельности и способностях опытейших партизанских командиров и их штабов, особенно советских офицеров, подготовленных для ведения партизанской войны,— пишет Г. Гусак в книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании».— Эти командиры и их штабы во время отступления в горы, когда начался распад армии, сохраняли самообладание и стремились не только спасти боевое ядро собственных частей, но и организовать дезориентированные части повстанческой армии. Они спланировали их и присоединяли к своим частям, они сохранили политические кадры восстания, сохранили боеспособную силу антифашистского движения. Тысячи солдат и других участников борьбы в эти дни были вырваны из стихии хаоса и подчинены командованию».

Около пяти часов утра нас разбудил шум. Оказалось, что все уходят, а многие давно уже куда-то ушли. Виест и Голиан покинули гостиницу, не предупредив об этом никого из нас. Вокруг царил суматоха.

Около шести часов и мы покинули Доновалы и направились к Прашивой. Неподалеку от гостиницы догорали два небольших самолета, которые принадлежали командованию армии.

Светало. Моросил по-осеннему холодный дождь. К нам стали присоединяться солдаты повстанческой армии, среди них и бойцы 2-й воздушно-десантной бригады. Колонна все увеличивалась и увеличивалась.

Часам к десяти утра пошел снег вперемешку с дождем. Видимость ухудшилась. Хотя это и мешало ориентировке, но все же в какой-то степени маскировало нас.

При переходе через Козий хребт мы неожиданно заметили группу людей, двигавшихся нам навстречу. Каково же было наше удивление, когда мы увидели переодетых в штатское генералов Виеста и Голиана. Виест опирался на суковатую палку. Я спросил:

— Куда вы направляетесь?

— Неподалеку,— показал рукой Виест на долину,— там у нас подготовлено надежное место в одном селе.

— Пойдемте с нами в горы.

— Тяжко ходить,— ответил Виест,— у меня болят ноги.

В тот момент мы еще не знали о приказе, отданном Виестом своей армии. Не знали и о том, что офицер связи маршала Конева майор И. И. Скрипка, который до этого находился с Виестом и Голианом, несколько часов уговаривал генералов во время привала на Козьем хребте уйти в горы к партизанам и там продолжать борьбу.

— Нет, пан майор,— отвечал Виест,— нам тяжело ходить по горам.

Не откликнулись руководители армии и на наше настойчивое предложение продолжать борьбу вместе. Мы попрощались.

Вскоре фигуры Виеста и Голиана и окружавшая их охрана, состоявшая, как выяснилось, из студентов, растворились в белесой мгле из дождя и снега.

В книге «Продолжайте в горах», которую вскоре после войны выпустил командир 2-й воздушно-десантной бригады полковник В. Пршикрыл, так описан переход на Прашиву: «Дорога через Козий хребет из-за тумана и дождя была непроходимой... Мы теряли людей, лошадей и провиант... Страшное сознание того, что смерть на фронте сменилась этим почти фантастическим театром уничтожения, конец которого не был виден, давило нас в этом утомительном походе... По пути встречали группы, которые шли нам навстречу без оружия: они направлялись в занятые немцами районы, чтобы сделать попытку раствориться среди местного населения. Около дороги валялись винтовки без затворов, а из кустов торчали стволы тяжелых и легких пулеметов... Многие группы потеряли связь с остальными, сбились с пути. Физическая усталость ни с чем не сравнима, а духовная сопротивляемость уменьшена до такой степени, от которой до безнадёжности один только шаг».

Полковник Пршикрыл с частью своей бригады пришел на Прашиву на несколько часов раньше нас. Когда мы ввалились в штабную землянку Егорова, все обедали за большим дощатым столом, ели вареное мясо. Нас также усадили за стол. Оказалось, что вместе с Пршикрылом на Прашивой около 500 человек из его бригады. Люди все продолжали подходить. Одиночки, группы, целые подразделения, решившие продолжать борьбу в горах, а также отдельные партизанские отряды. Все это прибывало сюда, всех надо было разместить, накормить, привести в порядок.

Поздно вечером в одной из землянок собрались Карол Шмидке, Ян Шверма, Рудольф Сланский, Марек Чулен, Богумил Лаушман, Карол Бацилек, Йозеф Лиетавец и другие руководители Словацкого восстания — всего около 30 человек. От полковника Пршикрыла стало известно о последнем приказе генерала Виеста.

Это был странный приказ. С одной стороны, Виест вроде бы призывал войска к дальнейшему сопротивлению, а с другой — предлагал делать это «по возможности» и только тем, кто пожелает этого. Такая двойственность породила массу слухов и домыслов, так как во многие части этот приказ не попал да и появился он с большим опозданием. Большинство поняло приказ командующего армией как «разрешение» разойтись по домам. Так он и был воспринят в войсках, которые сразу же прекратили организованное сопротивление и стали действовать, как говорится, всяк на свой лад.

Виест приказ не подписал, а просто направил его в части для исполнения. И тут командующий армией оставлял для себя возможность избежать ответственности за развал армии, равный в той обстановке предательству.

Составляя приказ, Виест и Голиан могли бы посоветоваться с другими руководителями восстания. Ведь, как оказалось, когда мы ужинали в гостинице в Доновалах, приказ уже лежал в кармане

мундира Виест. Зная руководителей восстания об этом, они бы непременно вмешались и не допустили передачи в войска преступного по своей сути распоряжения. Но Виест и Голиан не проронили ни слова ни в гостинице «Спорт», ни при встрече с нами на Козьем хребте.

Так и был оценен этот приказ на совещании руководящих деятелей восстания, решивших уйти в горы и разделить судьбу своего народа. Еще раз сошлюсь на свидетельство Г. Гусака в упоминавшейся ранее книге: «Мы все были огорчены этим поступком военного командования, он шел вразрез с нашей договоренностью с Виестом. Даже сам факт, что Виест и Голиан потихоньку исчезли из Доновал вместе с ротой охраны, составленной из студентов, исчезли без единого слова, без договоренности с ведущими политическими деятелями, создавал впечатление, что военные руководители в этой трагической ситуации думали прежде всего о спасении собственной шкуры».

На заседании в землянке на Прашивой выступил Шмидке. Он говорил, что словацкий народ не прекратит борьбу, не сложит оружие. Словаки ненавидят захватчиков и предателей родины, своей борьбой они ускорят приход Красной Армии, которая поможет чехам и словакам обрести национальную независимость. Борьба предстоит суровая, но она закончится неизбежной победой народа.

— Не теряя времени, нужно создавать из разрозненных войск, населения, ушедшего в горы, партизанские отряды, переводя на методы партизанской борьбы все, что можно,— заявил Шмидке.

Он предложил назвать старые и вновь созданные партизанские силы Народно-освободительной армией и переименовать Главный штаб партизанского движения Словакии в Главный штаб партизанского движения Чехословакии. Шмидке предложил также назначить меня командующим партизанскими силами в Чехословакии. В соответствии с правом, предоставленным Словацким национальным советом его президиуму, а в чрезвычайных обстоятельствах отдельным его членам — а именно такие обстоятельства сложились в конце октября в восставшей Словакии,— я с согласия и одобрения также руководителей Компартии Чехословакии и Словакии, оказавшихся на Прашивой, был назначен на этот пост. Думаю, что такое назначение было выражением исключительного доверия словацких товарищей, коммунистов к Советскому Союзу, советским коммунистам, тем советским людям, что оказались в Чехословакии в трудный для страны час и разделили вместе с чехословацким народом его судьбу.

На совещании было решено превратить 2-ю воздушно-десантную бригаду в партизанскую часть. Поступило предложение назначить комиссаром к полковнику В. Пршикрылу советского капитана

М. Глидера, который пришел на Прашиву с бригадой, имел опыт партизанской борьбы на территории СССР.

На этом совещание закончилось.

Был поздний час. Все стали располагаться на отдых, когда в землянке появился полковник Пршикрыл и доложил, что с новым командующим хочет встретиться представитель англо-американской миссии, оказавшейся в горах вместе с остатками бригады.

Это был майор американской армии Стукер, представившийся как глава англо-американской миссии, состоявшей из 36 офицеров американской и английской армий. Как я узнал позже, Стукер был летчиком, сбитым над Чехословакией и волею судеб оказавшийся вместе со своими согражданами на Прашивой. На самом деле не было единой миссии, а были отдельно американская и английская военные миссии, которые возглавляли соответственно капитан армии США Грин и майор армии Великобритании Сегмер. Однако по каким-то причинам Грин и Сегмер пожелали остаться в тени.

Стукер был в кожаном пальто, на голове его крепко сидела форменная фуражка с высокой тульей. Ботинки на толстой подошве, зашнурованные по щиколотку, безошибочно свидетельствовали о принадлежности Стукера к одной из наших западных союзных армий. Американскому майору было не более сорока, возможно, мы были с ним одногодки. Однако не в пример мне он отличался высоким ростом. Я предложил гостю сесть.

Шверма, знавший английский, перевел:

— Американец спрашивает, можете ли вы говорить по-английски?

— Скажите, что я могу говорить по-турецки.

Майор недоверчиво посмотрел на меня:

— Русский полковник шутит...

— Разве сейчас время шутить? Я действительно изучал в военной академии турецкий язык и мог бы на нем объясниться.

Но американец не знал турецкого. Тогда мы стали говорить через переводчика, которым выступал в основном Шверма.

В землянке топились несколько печек. На столе стоял фонарь «летучая мышь» и свечи. Было тепло. Стукер расстегнул пальто.

— Так какие будут вопросы? — обратился я к нему.

Стукер пояснил, что на Прашиву пришла вся англо-американская военная миссия, направленная в Словакию после начала восстания правительствами своих стран и находившаяся все это время при штабе повстанческой армии. Цель миссии — поддерживать связь с союзным СССР военным командованием США и Великобритании. До ухода в горы все было в порядке. А теперь в силу сложившихся обстоятельств миссия не имеет радиостанции. Поэтому он просит выделить радиостанцию, шифр у них сохранился.

— Такой возможности не имеем,— ответил я,— если есть необходимость, мы сообщим о вас в Москву, о всех ваших просьбах, как только развернем свою рацию.

— Нет,— американец покачал головой,— сообщать пока ничего не надо. Мы бы предпочли работать на рации сами.

Пришлось повторить, что такой возможности у нас действительно нет. Каждая рация на счету. Если в будущем они появятся, поможем.

Майор кивнул головой.

— А где ваш автомат? — спросил я.

— Автоматов у нас нет,— отозвался Стукер,— наша миссия не предназначена для открытого боя. У нас совсем другая задача. Мы имеем только пистолеты.

— А если понадобится применить оружие, как вы будете воевать без автоматов?

— Я имею указание от наших правительств не ввязываться в войну, а сделать все возможное, чтобы сохранить жизнь членам военной миссии. Мы прибыли сюда не воевать, а советовать, консультировать.

— Самое лучшее, что сейчас можно сделать для сохранения вашей миссии, это воевать вместе с нами,— заметил я.

Но американец покачал головой:

— Мы не имеем на это указаний.

— Ну и что вы намерены делать дальше?

— Мы хотим быть при партизанах, если вы позволите. Мне нужно сохранить жизнь моих коллег.

Я повернулся к Прикрылу.

— Миссия находится при вас. Пусть она при вас и останется. Американский майор ушел.

Весь день 29 и 30 октября мы приводили в порядок 2-ю воздушно-десантную бригаду.

Перед десантниками выступил комиссар бригады капитан Михаил Глидер. Его речь была короткой.

— Кто не хочет воевать,— сказал он,— пусть уходит. Борьба будет трудной, без жертв не обойтись. Но мы победим. Победим потому, что с нами весь народ, потому что к нам идет Красная Армия.

560 солдат, 6 ротмистров и 32 офицера из 2-й воздушно-десантной бригады, то есть все, кто оказался тогда на Прашивой, остались с партизанами.

Все это время внизу, в долине, слышались автоматные и пулеметные очереди, отдельные выстрелы, взрывы гранат. Разведчики доносили, что вокруг Прашивой рыскают гитлеровские солдаты. Нередко партизанские засады вступали в бой с противником. Ви-

наме, враг нащупал нашу базу, но пока не имел сил, чтобы атаковать ее.

Ночь с 30 на 31 октября оказалась особенно неспокойной. На одну из наших застав в темноте наткнулись каратели, подошедшие почти вплотную к высоте 1648. Огнем партизан они были отогнаны. Был взят в плен немецкий обер-ефрейтор. От него стало известно, что вокруг Прашивой действует множество отрядов противника. Руководство восстанием решило с рассветом покинуть Прашиву и уйти на восток, в район горы Дюмбер.

Рано утром все, кто находился на Прашивой, кроме партизан отряда Н. Каличенко из бригады А. С. Егорова, оставшихся для прикрытия нашего отхода и временной охраны базы, тронулись к Дюмберу.

Моросил дождь. Плотный туман окутывал все вокруг. Под его прикрытием мы все дальше и дальше удалялись от высоты, 1648. Однако туман не позволял как следует ориентироваться на незнакомой местности. Не помогала и карта, которая была у меня с собой, и проводники, бывавшие в этих местах, но теперь из-за тумана тоже оказавшиеся в трудном положении. Мы шли медленно и, сделав лишнюю петлю, оказались на каком-то гребне. Здесь туман стал еще гуще, к тому же стемнело. Пришлось спускаться в долину.

Утром выяснилось, что мы находимся в верховьях так называемой Клячанской долины близ горы Солиско. Связисты принялись за дело, и спустя немного времени Главный штаб партизанского движения Чехословакии уже имел радиосвязь со штабом 1-го Украинского фронта, Украинским штабом партизанского движения, а также с некоторыми партизанскими бригадами. В Клячанской долине к нам присоединилась группа связи майора И. И. Скрипки-Студенского, состоявшая вместе с ним из семи человек и имевшая несколько радиостанций. Маршалу Коневу была направлена радиограмма, в которой мы попросили оставить «миссию» Скрипки при ГШПД. Разрешение было получено, и на одном из совещаний майор Иван Иванович Скрипка был назначен начальником Главного штаба партизанского движения Чехословакии.

День и ночь на нашей стоянке в Клячанской долине горели костры. Люди отогревались за прошлое, а возможно, и на будущее. Лучше всех чувствовали себя американцы и англичане. В добротной обуви, в добротных палатках, со спиртовками вместо костров они оказались лучше всех приспособлены к походной жизни. Палатки миссий стояли неподалеку от бараков, где располагался ГШПД, и в окружении шалашей словацких десантников походили на дачный поселок, воздвигнутый посреди времянок. Однажды пришел «старший» англо-американской миссии, с которым мы встречались на Прашивой, и предложил сфотографироваться на память о совместном пребывании в этих местах.

— Это будет самый экзотический снимок боевого содружества Объединенных Наций,— перевел Шверма слова американского майора.— И если эта фотография попадет к Гитлеру, то ему придется убедиться, что ближе всего к Берлину союзные армии подошли со стороны Словакии.

Выйдя из барака, мы сели полукольцом у разведенного костра и сфотографировались. Американский майор пробыл с нами около часа. Уходя, поинтересовался нашими дальнейшими планами.

— Все зависит от обстановки,— ответили мы ему.— Будьте в бригаде Пришкрыла, он вас обо всем предупредит.

Утром 2 ноября Шмидке сообщил, что он и Бацилек уходят из Клячанской долины в подполье. Несколько дней тому назад на пути к Прашивой ушел в подполье Густав Гусак. «Согласно решению в Доновалах,— вспоминает он в книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании»,— мы со Шмидке должны были перейти на нелегальное положение и нести ответственность за руководство партией».

С нами оставался Ян Шверма, который, несмотря на все ухудшавшееся состояние здоровья, продолжал вселять бодрость в повстанческих солдат и офицеров, в тех, кто проявлял колебания, у кого в этой обстановке появлялись нотки уныния, желание отойти от активных действий.

— Мы ушли в горы не для того, чтобы скрываться,— говорил Шверма.— Мы должны воевать. И мы не одни. С нами Красная Армия, с нами словацкий народ. Мы должны бить врага по примеру советских друзей. Бить, пока не победим.

Ян Шверма никому не сулил золотые горы. Напротив, он говорил, что жизнь в горах будет нелегкой, а борьба — жестокой. Но только в таком случае жизнь приобретет глубокий смысл.

Хотя состояние Швермы оставляло желать лучшего, он стойко переносил тяготы и лишения горной жизни.

После войны Людвик Свобода так написал о нем: «Таким был Ян Шверма и в Мадриде, на Арагонском фронте, на Каталонском побережье, в окопах под Бельхитом и в Эскуриале. Товарищ Ян Шверма не пропускал ни одного случая, чтобы поддержать моральный дух партизан. Он был душой большой партизанской семьи».

Могу засвидетельствовать справедливость этих слов.

4 ноября мы перешли в Солисскую долину. 7 ноября в этой долине, несмотря на близость врага, состоялся митинг, посвященный 27-й годовщине Октября. Были торжественно построены 2-я воздушно-десантная бригада и партизанские отряды, пришедшие сюда. Прозвучала клятва продолжать борьбу с гитлеровцами до победы.

Между тем стали поступать сведения, что гитлеровцы блокируют все выходы с гор. Вечером 8 ноября наши радисты приняли

передачу из Братиславы о том, что генералы Виест и Голиан пленены. Разведка донесла, что противник готовит нападение и на наш лагерь. Это известие ускорило наш выход из Солисской долины. Приняли решение выступить наутро.

Ни за кого я так не беспокоился, как за Шверму. Он и так чувствовал себя неважно, а вдобавок еще простудился и уже несколько дней недомогал. Однако, стесняясь доставить нам лишние хлопоты, он молчал об этом. И вот надо уходить. Сланский отдал Шверме теплый кофуж, а сам надел его пальто. Это было сделано буквально в последнюю минуту. И никто из нас не успел вмешаться. А сам Шверма не подумал, что на ходу шуба будет слишком тяжела ему, отнимет силы. Случилось и другое: кто-то по ошибке надел сапоги Яна, оставив ему сапоги меньшего размера. Запасной обуви в ту минуту у нас не оказалось. Шверма вынужден был выступить в поход в тесных сапогах, без портянок. Все эти мелочи, которые в других условиях, возможно, не имели бы сколько-нибудь большого значения, в той обстановке усугубили положение, иначе я не стал бы о них говорить.

Однако Шверма не унывал. Когда за несколько минут до нашего выступления из лагеря я обратил внимание на его болезненный вид, он шутливо ответил:

— Все хорошо, Алексей Никитович, все хорошо.

Рано утром 9 ноября 1944 года была выслана вперед разведывательная группа во главе с майором Скрипкой. В 8 часов утра колонна, в которой насчитывалось свыше 700 человек, тронулась в путь. Я стал во главе колонны.

Дул пронизывающий до костей ветер. Сильно морозило. Метель слепила глаза. Ничего не было видно в десяти шагах. Предстояло подняться в горы на два километра. Мы карабкались по скалистым, заснеженным кручам к вершине хребта Хабенец. Колонна вытянулась. Каждый стремился ступить в след идущего впереди. Вместе с другими членами ЦК Компартии Чехословакии Ян Шверма шел где-то в середине колонны.

Перед выступлением из Солисской долины было объявлено, что с выходом на вершину Хабенецкого хребта мы повернем на восток. Когда мы наконец вышли на Хабенец, снегопад усилился и подул такой свирепый ветер, что временами не видно было ни эги. Карта показывала, что на запад двигаться легче — там хребет был более плоский и ровный. Мы решили повернуть в этом направлении.

Переход казался бесконечным. Через 15 часов непрерывного движения стали отставать даже самые выносливые. Ледяной ветер обжигал. Появились обмороженные. Продвижение дальше по хребту грозило всем нам гибелью. Был отдан приказ спускаться по склонам.

Так мы попали в Ломнистую долину, что начиналась у южных склонов хребта Хабенец, на опушку леса, близ высоты с отметкой 1105 метров над уровнем моря. Идти дальше не было сил да, видимо, и смысла. Мы достаточно оторвались от противника.

Разожгли костер. Колонна, вытягиваясь, оседала вдоль замерзшего ручья, протекавшего здесь.

К костру подошли Сланский, Лаушман, Лиетавец и другие. Не было Швермы.

Несмотря на то что люди смертельно устали, я направил группу на розыск Швермы. Спустя некоторое время они принесли его на себе. Ян был мертв. Шверма не дошел до места нашей остановки в Ломнистой долине всего несколько сот метров. Рассказывали, что в пути, утоляя жажду, Шверма ел очень много снега, сильно потел, а отдыхая, замерзал.

После войны ходило немало различных слухов о смерти Яна Швермы. Говорили даже, что кто-то выстрелил ему в спину. Это домысел. Ян Шверма погиб как герой, оставшись в Словакии в трудный для ее народа час, разделив участь тех, кто решил продолжать борьбу в горах.

Вот что вспоминает М. Глидер, видевший Яна Шверму на переходе:

«На тропе стоял человек, узнать которого было невозможно. Его поддерживал офицер, но видно было, что поддерживать надо было и самого офицера...

Я остановился рядом со Швермой. Он ни на что не реагировал и не отвечал на вопросы. Казалось, он стоит без сознания. Подошел Пришкрыл и спросил его:

— Пан Шверма, что с вами? Пан Шверма, одно усилие, пойдемте!

Но Шверма только качал головой. Лицо его, покрытое коркой льда, стало узким и длинным; глаза, казалось, вот-вот потухнут...»

Как вспоминает Глидер, когда все стали спускаться в долину, Шверма был рядом с ними. Однако во время спуска Глидер потерял Шверму из виду. Снова увидел его на краю горного потока. Ян лежал прямо на снегу без сознания. Глидер стал просить, чтобы проходившие поднимали Шверму... Небольшая группа солдат подняла его и, спотыкаясь, падая, скользя, повела дальше. Он буквально повисал на руках солдат.

«Мне казалось, что Шверма так и не пришел в сознание и двигался машинально,— заканчивает Глидер.— Впрочем, он не двигался, его двигали. Именно — двигали: ноги его заплетались, он обвисал на руках солдат, а они не в состоянии были приподнять его. Так они скрылись из моих глаз».

Подошел врач. Он осмотрел Шверму.

Был составлен акт о его болезни и смерти, в котором зафиксировано, что Шверма скончался от скоротечного крупозного воспаления легких.

Так 10 ноября 1944 года, на рассвете, не стало славного сына чехословацкого народа, его национального героя Яна Швермы.

Мы вырыли неглубокую могилу и похоронили Шверму около большой сосны, на которой сделали засечку топором, чтобы потом можно было найти это место. Теперь там установлен памятник Шверме.

Газета «Руде право» писала к 60-летию Яна Швермы: «Ему не суждено было дожидаться осуществления того, за что он боролся, за что вместе с 25 тысячами лучших сынов и дочерей нашей партии отдал национально-освободительной борьбе свою жизнь. Партия потеряла в лице Яна Швермы своего выдающегося работника и виднейшего представителя, который видел ясную перспективу социалистического завтра наших народов. Но из этих жертв родился наш новый мир, наша новая подлинная свобода. Поэтому имя национального героя Яна Швермы навсегда будет запечатлено в нашей памяти, в сердцах трудового народа Чехословацкой Социалистической Республики, основы которой он помогал строить всю свою жизнь».

Посмертно Яну Шверме было присвоено звание Героя Чехословацкой Социалистической Республики. Советское правительство наградило его орденом Ленина. Именем Яна Швермы названы заводы, школы, населенные пункты Чехословакии, в том числе и ближайший от места его гибели город Телгарт, который теперь называется Швермово.

Хотелось бы закончить эту главу выдержкой из книги Л. Свободы «От Бузулука до Праги», в которой он так написал о переходе через Хабенец: «Тяжелым был этот переход. Сильный мороз, вьюга, глубокий снег. Десятки бойцов погибли тогда. Одни замерзли в пути, другие, поскользнувшись на горных тропинках, упали в пропасть. Но патриоты шли вперед, поддерживая и подбадривая друг друга. Какая сила вела их вперед? Вера в победу над заклятыми врагами. Они шли, чтобы ночью и днем спускаться с гор и беспощадно уничтожать врага, чтобы помочь народу избавиться от страданий, чтобы на всех словацких и чешских землях реяли знамена свободной Чехословацкой Республики».

К началу ноября 1944 года советские войска, наступавшие в Восточных Карпатах, преодолели мощный рубеж обороны фашистских армий и глубоко вклинились в Словакию. От Ломнистой долины до передовых наших частей оставалось менее 100 километров. Однако гитлеровское командование, используя резервы и сложный горный рельеф местности, сумело приостановить дальнейшее продвижение советских войск. «Помогла» врагу в этом и начавшаяся ранняя зима.

Теперь, когда освобожденной территории в Словакии больше не существовало, целесообразнее было, прекратив штурм почти неприступных горных цепей, совершить стратегический маневр и попытаться с флангов охватить находившуюся в Чехословакии группировку фашистских войск. Дальнейшее наступление Красной Армии разворачивалось в основном севернее и южнее Карпат — на варшавско-берлинском и на будапештско-венском направлениях. Карпатско-пражское направление стало вспомогательным. Однако советское командование готовилось и здесь нанести более или менее сильные удары с целью освобождения ряда областей Словакии.

Такая обстановка ставила перед Главным штабом партизанского движения Чехословакии задачу развертывания и активизации партизанской борьбы как непосредственно в тылу фашистских войск, так по возможности и во всей Чехословакии. Однако новые условия борьбы и новый театр действий партизанских сил требовали новых усилий, чтобы война в тылу врага приняла организованный, целенаправленный характер, была более действенной, эффективной. Конкретной разработкой предстоящих действий и занялся Главный штаб партизанского движения Чехословакии, обосновавшийся в Ломнистой долине на южных отрогах Хабенецкого хребта.

В некоторых зарубежных исследованиях, посвященных Словацкому национальному восстанию, нередко встречаются заявления о том, что восстание «просуществовало» всего два месяца и к концу октября 1944 года было подавлено. Главным аргументом при этом выдвигается то, что повстанцы потеряли освобожденную территорию, а заодно и свою восставшую армию. С подобным мнением со-

гласильца нельзя. Еще 26 октября 1945 года Г. Гусак писал в чехословацкой газете «Новое слово»: «...Словакия вынесла самое тяжелое испытание тогда, когда через наши села и долины лавиной катились танковые и эсэсовские дивизии, когда вешали мужчин и жгли деревни, когда были переполнены тюрьмы и лагеря военнопленных. Этот «день свободы» был днем самого жестокого немецкого зверства и самой ужасающей у нас депрессии... Вся жизнь после этого проходила в невыразимо тяжелых условиях. Было бы по-человечески понятно, если бы нация признала ситуацию безнадежной и сложила оружие. И все же не произошло ничего подобного. Борьба продолжалась в массовых масштабах...»

По берлинскому и братиславскому радио на весь мир было объявлено о подавлении восстания в Словакии. В Банска-Бистрице гитлеровцы вместе со словацкими фашистами устроили помпезный праздник. Но это был кажущийся триумф. Белый флаг не был выброшен над Словакией.

Корреспондент «Правды» Б. Полевой, оказавшийся на повстанческой территории и оттуда освещавший ход Словацкого национального восстания, вспоминал после войны в книге «Тридцать лет спустя» о своей последней встрече с Каролом Шмидке в Банска-Бистрице незадолго до того, как перестала существовать освобожденная территория. Шмидке сказал:

«— Видите, какое теперь положение?»

— Поражение? — переспрашиваю я, не расслышав.

— Поражение?.. Это не поражение. Мы вынуждены отступить, но это не конец. Это — начало. Наш рабочий класс, наш народ приобрели боевые навыки, закалили себя для дальнейшей борьбы. Напишите в своей газете, расскажите маршалу Коневу, что в этих тяжелых испытаниях мы избавились от многих иллюзий и выходим из них настоящими солдатами... И еще напишите: это не конец, это — начало. Начало новой борьбы».

Около 20 тысяч вооруженных повстанцев ушли в горы и продолжали сражаться. Разве это можно было назвать «концом» восстания? Под ударами партизан оказалась еще большая территория, чем в период восстания. О каком же «подавлении» народного сопротивления может идти речь? Восстание продолжалось в новых условиях. Оно лишь приобрело специфическую форму партизанской борьбы. Думаю, что с этим согласятся все, кто оказался тогда в горах, все словаки, поддержавшие в трудную пору свое «горное войско» и доказавшие свою ненависть к фашизму, стремление к свободе упорной борьбой вплоть до полного освобождения своей родины от захватчиков.

На этом этапе национально-освободительной борьбы существенно ослабли позиции буржуазных и других некоммунистических кругов и, наоборот, усилились позиции народа, коммунистов. Если

во время восстания существовало два рода повстанческих вооруженных сил — армия и партизанские отряды, то теперь, в горах, они объединились в одно целое, в большинстве случаев создавались совместные боевые отряды, продолжавшие борьбу партизанскими методами. «Сошли со сцены силы, прежде всего армейское командование, которое оказывало значительную поддержку внутренним и лондонским буржуазным группам,— подчеркивает Г. Гусак в книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании». — После отхода в горы Коммунистическая партия стала руководящей силой не только в смысле завоевания политических позиций в народных массах и народных органах... не только в смысле выработки программы и определения перспектив, но и в смысле руководства вооруженной борьбой, в военном отношении... Вооруженные партизанские части действовали в интересах народа. В этом смысле это была гораздо более зрелая в политическом отношении армия, чем повстанческая армия. Это была армия, созданная, вдохновляемая и руководимая коммунистами. Это был чрезвычайно важный фактор в момент освобождения».

Не прекратили работу и организации коммунистической партии. Они только приспособлялись к новым условиям. Работа партийных организаций в Западной и Восточной Словакии не была прервана с отступлением повстанческих сил в горы. Сохранилась сеть организаций, их связи с другими группами антифашистов, контакты с партизанскими частями. В Братиславе и Прешове, например, не прекращали работу областные партийные руководства. Как отмечает Г. Гусак, на этом этапе активизировалась деятельность в Западной Словакии, куда передислоцировались отряды из Центральной Словакии. По инициативе партии были образованы новые отряды. Западная Словакия стала важной партизанской областью. Вся работа партии тесно связывалась с развитием боевой деятельности.

30 октября 1944 года руководство Коммунистической партии Чехословакии в Москве обратилось по радио к национальным комитетам, подчеркнув, что в новых условиях их работа будет состоять в поддержке постоянной связи с партизанами и военными отрядами в горах, в налаживании снабжения бойцов и в поддержке веры у населения в скорую и окончательную победу.

То, что ликвидация освобожденной территории не принесла гитлеровцам особого облегчения, подтверждалось ноябрьской сводкой немецкого командования. В ней говорилось, что в Словакии против партизан продолжают действовать значительные силы гитлеровских войск, среди которых были 14-я дивизия СС, дивизия «Татра», бригада «Дирлевангер», специальные противопартизанские отряды «Эдельвейс», «Йозеф» и другие.

Но обо всем этом в Главном штабе партизанского движения

стало известно несколько позже. В то хмурое ноябрьское утро, когда мы оказались в Ломнистой долине, никто из нас не имел не только этих сведений, но и уверенности, что лично для нас переход через Хабенец завершился благополучно. В нашем шалаше горел костер, дым ел глаза, и надо было решать, что делать дальше. Все мы были удручены гибелью Швермы, теми потерями, которые понесли этой ночью. Но каждый понимал, что в суровой борьбе неизбежны утраты, что эта борьба потребует новых жертв, что без этого она не может быть успешной.

Наши раздумья были прерваны сообщением о том, что в Ломнистой долине находится партизанский отряд. Чей отряд это мог быть? Выслали разведку. Она подтвердила, что в двух километрах от нашей стоянки базируется партизанский отряд под командованием капитана Данилова из бригады Величко.

Во второй половине дня вместе с Цареградским, группой связи во главе со Скрипкой, радистами и чехословацкими товарищами мы направились туда. Снег был глубоким, шли медленно. На середине пути увидели людей, идущих навстречу. Впереди в чехословацкой форме шагал капитан Константин Хрисанфович Данилов. Остальные партизаны, словаки, тоже были в военной форме. Не зная, что мы сами идем к ним, они несли для нас продукты.

В туристском домике, где обосновался штаб отряда, а сейчас и штаб бригады Пршикрыла, жарко топились железная печь. После всех мытарств оказаться в тепле было сущим раем.

Было решено, что бригада Пршикрыла перейдет в другой район, где она могла бы лучше разместиться и начать действовать партизанскими методами.

«Днем бригада выстроилась и двинулась в дальнейший путь,— вспоминает М. Глидер.— Пршикрыл и я пропустили людей перед собой.

— Да,— тихо сказал Пршикрыл,— это не парад в Проскурове.

В Проскурове бригада была образцовой частью — в новенькой одежде, с полным и новеньким вооружением. А сейчас... У кого сгорели полы шинели, у кого выгорела спина, кто совсем без шинели, в безрукавке, полученной у местных крестьян, все грязные, оборванные, в разбитых ботинках. Половина хромает, все небриты, лица изможденные, глаза слезятся от дыма.

И все-таки это шли солдаты. Все сберегли оружие. Винтовки или автоматы были у всех. Бросали продукты, но не винтовки».

Вслед за бригадой ушли Сланский, Лаушман, Лиетавец, их помощники и радист Виктор, который должен был поддерживать связь с нашим штабом. В 5—6 километрах к востоку был обнаружен домик лесника, и чехословацкие товарищи решили обосноваться в нем. Мы же стали приспосабливать для работы наш туристский дом. Было, конечно, тесно. Но, как говорят, в тесноте, да не в

обиде. Наш штаб, группа Скрипки, штаб отряда Данилова устроились в нижней половине дома. Радисты обживали чердак. В бараках вместе с партизанами расположились комендантский взвод ГШПД и санитарная часть.

С первых часов нашего пребывания в Ломнистой долине мы наладили радиосвязь с Украинским штабом партизанского движения, штабом партизанского движения при Военном совете 1-го Украинского фронта, а также с некоторыми бригадами и отрядами. Вскоре была установлена связь и непосредственно с Москвой.

Хотя Ломнистая долина оказалась непредвиденным прибежищем Главного штаба партизанского движения Чехословакии, но все же это было удобное для нас место. Одна из красивейших долин среднесловацкого нагорья Низкие Татры была удачной и с военной точки зрения. Начиналась она под вершиной Хабенца и тянулась на 8 километров до долины реки Грон. Там находилось село Ясене, ставшее в скором времени нашей главной базой снабжения. Крутые каменистые склоны долины покрывали хвойные, а ближе к низине лиственные леса.

Выбрав местом базирования Главного штаба Ломнистую долину, мы, стремясь хоть как-то уйти от гитлеровцев, ограничили поначалу выход из долины без крайней необходимости. Но постепенно эту меру пришлось отменить. Наши продовольственные запасы оказались на исходе. Первыми не выдержали жизни впроголодь англичане и американцы из военных миссий. В один из дней майор Скрипка доложил мне, что к нему обратились главы миссий Сегмер и Грин с просьбой сходить в ближайшие села за продуктами.

— У нас кончились шоколад и колбаса,— заявили они.

— Можно питаться кониной,— возразил Иван Иванович,— все партизаны едят конину.

— Нет, конина не для нас,— отозвались они.

— Что передать им? — спросил Скрипка.

— Попробуйте еще поговорить с ними, но если будут настаивать, пусть идут. Конечно, этого им не надо делать. Вся эта затея может плохо кончиться и для них, и для нас. Но пусть идут, если хотят...

По двое, по трое, оставив оружие своим коллегам, американские и английские офицеры покидали Ломнистую долину. Обратного никто из них не возвратился. Как оказалось, всех ушедших выловили гитлеровцы. Тогда «походы» в села прекратились.

В Ломнистой долине мы практически заново сколотили Главный штаб партизанского движения Чехословакии. Как я уже говорил, майор Иван Иванович Скрипка с согласия оказавшихся вместе с нами руководителей Коммунистической партии Чехословакии был назначен начальником Главного штаба партизанского движения Чехословакии и исполнял эти обязанности до соединения с частями

Красной Армии. Оперативное отделение опять возглавил капитан Цирил Кухта. Начальником особого отдела стал Йозеф Летко. Разведотделением руководил заместитель Скрипки в группе связи капитан Сергей Терехов. Майор Юрий Филатов остался начальником диверсионной службы. Административно-хозяйственное отделение принял майор Михаил Цареградский. Несколько позднее в Главном штабе было учреждено политическое отделение, начальником которого был назначен коммунист Эрих Розенцвайг, прибывший в Ломнистую долину.

Конечно, в ГШПД Чехословакии работали и другие товарищи. Всего в его составе в разное время было 15—18 человек. Но костяк составляли названные выше. Все они были хорошими специалистами и руководителями. И я благодарен судьбе, что работал в самое трудное и тяжелое время с такими надежными и верными товарищами.

Вспоминая о многих из них, я все же хотел особо выделить Ивана Ивановича Скрипку. Именно на него, майора Скрипку, была возложена основная работа по руководству отделами: штаба, сбору и анализу поступавших в штаб разведывательных и иных сведений, подготовке и отправке приказов и т. д. Если учесть, что в Ломнистой долине ГШПД издал 55 приказов, а также отдал множество приказаний и указаний, составил значительное число оперативных документов, главным образом разведсводок, если учесть также, что многие из этих документов нужно было размножить по количеству бригад, полков и отрядов, то станет понятна загрузка начальника штаба только канцелярской работой. И. И. Скрипка хорошо знал методы партизанской борьбы, диверсионную и разведывательную работу, был опытным и исключительно грамотным штабистом, требовательным и инициативным начальником, внимательным и чутким человеком. Это был исключительно работоспособный офицер. Не в переносном, а в прямом смысле я не знал, когда он спал. Он работал буквально день и ночь. Ко всему это был человек и большой личной отваги.

Первейшей задачей Главного штаба в эти дни было восстановление связи с партизанскими бригадами и отрядами, разбросанными по всей Словакии. Если с некоторыми из них почти сразу была налажена радиосвязь, то с другими это не получалось. С рядом бригад и отрядов вообще не удалось добиться радиосвязи: у кого были повреждены рации, где кончилось радиопитание, погибли радисты, а у многих просто-напросто радиосредств не оказалось.

Основная тяжесть по налаживанию связи, передаче приказов и указаний Главного штаба, необходимых денежных средств партизанским формированиям, по выполнению других поручений легла на связников. Они шагали по всей Словакии, принося сведения о дислокации бригад и отрядов, их состоянии, боевой деятельности,

пуждах и т. д. Легче было связаться с теми партизанскими единицами, о которых мы знали или которые вышли в заданные им районы по плану, составленному ГШПД еще в Банска-Бистрице в конце октября. Правда, и тут в связи с контрпартизанскими действиями врага подчас случались осложнения — бригады и отряды меняли свою дислокацию, связиники, натываясь на засады, погибали в перестрелках. Объявлялись и неизвестные нам дотоле формирования, которые уже давно действовали в Чехословакии, и те, что возникали уже после ухода повстанцев в горы.

За время, пока Главный штаб партизанского движения Чехословакии находился в Ломнистой долине, связь была налажена со всеми ранее подчинявшимися ГШПД партизанскими формированиями и со многими другими партизанскими соединениями, бригадами и отрядами, о которых мы узнавали в то или иное время. Правда, не со всеми партизанскими силами контакты оказывались прочными. Одни бригады и отряды действовали слишком далеко от нас, к другим трудно было добраться, третьи переходили в новые районы боевых действий, четвертые вообще подчинялись вышестоящим партизанским или иным штабам.

В необычайно сложной обстановке, в которой повстанцы уходили в горы, было трудно всем. Однако командирам бригад Величко и Егорову, пожалуй, труднее всех. Тут играло роль не только стремление гитлеровцев уничтожить прежде всего наиболее крупные партизанские формирования зоставших, но и престижные соображения. «Выловить» Величко и Егорова, которые первыми высадились в Словакии для усиления партизанской борьбы и которых знал в Словакии практически и стар и млад, было делом «чести» карателей. Ведь если бы в прессе появились снимки плененных прославленных советских партизанских командиров, подобно тому как появились фотографии Виеста и Голиана, можно было хотя бы в утешение заявить, что с партизанами в стране покончено.

Однажды в «Руде право» уже после войны было опубликовано открытое письмо словацкой партизанки Егорову. «Дорогой Алексей Семенович! — писала она. — В 1944 году, перед самым началом Словацкого национального восстания, мы с мужем поехали в Дубову. С нами в купе ехала группа государственных чиновников тогдашней Словакии. Я делала вид, что не замечаю их, а сама внимательно слушала, о чем они говорили. Они говорили о Вас и Ваших партизанах. Солидный полковник тыкал пальцем в сторону Прашивой и ворчливо говорил: «Посмотрите туда, господа, там партизан как мух. И руководит ими какой-то русский. Если бы вы только знали, сколько с ним горя! Его люди спускаются в села, покупают у крестьян скотину и хлеб, нападают на полицейские управления, отбирают оружие. И хоть бы что! Их поддерживает все население». — «Почему же вы не пошлете в горы солдат, гос-

подлин полковник?» — спросил поп, что ехал вместе с ними. — «Что вы, святой отец! — схватился полковник за голову. — Добрая половина солдат разбежалась бы по домам, а остальные перешли бы к партизанам».

Тогда я еще не знала, кто был этот русский. Позднее мы увиделись. 30 августа я везла из Гарманца журнал «Атака», который издавался в небольшой типографии на бумажной фабрике. На вокзале в Банска-Бистрице было много людей. Все спешили на поезд. Но кто-то на ходу выскочил из вагона и закричал: «Не напирайте, здесь Егоров со своими хлопцами едет освобождать Прешов!» И что бы вы думали? Все спокойно отошли от вагонов, потому что верили, что Вы со своими партизанами поможете Прешову.

Нацистам было известно Ваше имя. В тяжкие дни октября, когда фашисты наступали, они поспешили сообщить по радио, что Вас поймали. Как мы смеялись, слушая эту брехню! Ведь Вы же в это время были вместе с нами в горах. И тогда кто-то нашел пишущую машинку, и мы выпустили листовку, опровергающую выдумку фашистов...

Ваша Штепанка Урбаникова».

Схватить Петра Величко и Алексея Егорова фашистам так и не удалось. Сначала в Ломнистой долине появился со своим штабом Егоров. А затем и от Величко пришла радиogramма: «Суворовский отряд, группа Ахмадуллина — в районе под Банской, два наших отряда в районе восточнее Зуберец. Связь с ними живая через каждые 5—8 дней».

Один за другим объявлялись и другие командиры.

Пришли радиogramмы от Е. Волянского и Э. Биелика, появились связанные от К. Попова, В. Квитинского и других.

Одновременно с установлением связи с уже действовавшими партизанскими формированиями Главный штаб партизанского движения прилагал все силы для создания новых партизанских единиц на всей территории Чехословакии. Для этого хорошо проверенные люди из числа чехословацких и советских партизан посылались в те районы страны, где партизанских огрядов еще не было. Эти лица снабжались соответствующими документами, чтобы иметь полное доверие среди населения, у руководителей подпольных коммунистических ячеек, национальных комитетов, а также командиров партизанских отрядов и групп, если бы таковые в этих местах оказались.

Возможности для создания новых партизанских сил были большие. Почти во всех населенных пунктах осело значительное число как вооруженных, так и безоружных солдат и офицеров восставшей Словацкой армии, а также часть бывших партизан, которые по тем или иным причинам не смогли уйти в горы. В первую очередь пред-

лагалось организовать этих людей в боевые единицы. Другим источником пополнения партизанских сил были патриоты из местного населения, особенно молодежи, готовые взяться за оружие по первому зову.

Формировал новые партизанские силы и Главный штаб партизанского движения. На базе отрядов и подразделений повстанческой армии, оказавшихся в Ломнистой долине, создавались партизанские полки. 20 ноября 1944 года из роты охраны был создан 1-й партизанский полк, командиром которого стал В. П. Сурков, имевший большой опыт партизанской борьбы, его я знал еще по действиям в юго-западных областях Украины. Боевые действия полк проводил в местах, прилегавших к населенным пунктам близ Ломнистой долины.

На базе партизанского отряда К. Х. Данилова был сформирован 2-й партизанский полк, получивший имя Яна Швермы. Данилов, также опытный партизанский командир, стал им командовать. 2-й полк в основном охранял Ломнистую долину и занимался диверсиями на коммуникациях врага.

Почти одновременно были сформированы 3-й партизанский полк, командиром которого стал капитан Николай Каличенко, и 4-й партизанский полк под командованием подполковника Антона Циприха. 3-й полк действовал к югу от Ломнистой долины в районе Шайбы и Повразника, а 4-й — совершал диверсионные акции на коммуникациях между Липтовским Микулашем и Ружомбероком. Вскоре 4-й полк настолько вырос, что превратился в партизанскую бригаду численностью более тысячи человек.

Принимались меры и к объединению разрозненных партизанских отрядов вокруг действовавших и имевших связь с Главным штабом. В одной из радиограмм, направленной П. А. Величко, ГШПД указывал: «Объедините под своим руководством все отряды и группы партизан и солдат в районе Попрад, Ружомберок, Закопане. Создавайте из них отряды численностью 50—100 человек. Для удобства руководства и связи создавайте полки из 3—5 отрядов, которым указывайте район действий...»

В 20-х числах ноября командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев подчинил Главному штабу партизанского движения 2-ю воздушно-десантную бригаду под командованием полковника Пршикрыла. С этого времени она стала называться 2-й чехословацкой партизанской бригадой имени генерала Людвига Свободы, по имени командира 1-го Чехословацкого корпуса, в который ранее входила бригада. Главный штаб партизанского движения издал специальный приказ, определив район боевых действий бригады. Он простирался к северо-востоку от Ломнистой долины и перекрывал дороги, связывавшие Попрад, Кралеву Леготу, Брезно, Червену Скалу. Штаб бригады, обосо-

вавших в поселке Лом, приступил к планированию боевых операций.

Те первые дни в горах, как, впрочем, и многие последующие, были для партизан особенно тяжелы. Приготовленные заблаговременно базы снабжения оказались в силу разных причин в руках врага. Скудные запасы, взятые с собой, быстро таяли. Фашисты знали об этом. Они хорошо понимали, что без пищи, без тепла партизанам не удастся продержаться в горах зимой долгое время.

Но случилось то, что не предусмотрели, не предугадали гитлеровцы, надеявшиеся, что партизаны в горах «вымрут с голоду». Население беззаветно поддержало партизан. И эта поддержка в первую очередь выразилась в том, что сельские жители охотно взялись прокормить наше «горное войско». Надо было только организовать дело так, чтобы не обездолить самих хозяев. Для этого Главный штаб разделил «зоны продовольствия» по отрядам, бригадам, подобно тому как были разделены зоны боевых действий. Каждый отряд получал продовольствие только из определенных сел. Причем мы стремились все оплатить крестьянам: если имелась возможность, партизаны платили наличными, если денег не было, давали расписки, которые оплачивались уже после войны. Нередко крестьяне отдавали партизанам продукты безвозмездно.

В книге Д. Димина «Воевали вместе» приведено высказывание партизана Д. Кузнецова по этому поводу: «Мы обращались к людям в любое время дня и ночи, и всегда они шли нам навстречу... Бедность была уделом многих жителей гор, но они всегда делились с нами всем, что у них было».

Оказание продовольственной и иной помощи партизанам было делом небезопасным. Фашисты сурово расправлялись с теми, кто был связан с партизанами. Не миновала кара и некоторых наших помощников из Ясене и других сел. Гитлеровцы арестовали в Ясене владельца магазина Деметера, снабжавшего партизан продовольствием и товарами, а также несколько словацких женщин, выпекавших для нас хлеб. Село Ясене гитлеровцы вообще нарекли «партизанской Москвой» и не раз проводили репрессии против его жителей, но так и не смогли создать «продовольственную блокаду» Ломнистой долины.

«В моей жизни не было тяжелей зимы, чем та, 1944/45 года,— вспоминал после войны политрук роты Нитрянской бригады М. М. Дворянский,— и без помощи жителей словацких деревень мы вымерли бы, как мухи на морозе. Фашисты у тех, кого подозревали, жгли дома, сеновалы, чтобы партизаны там не могли прятаться. Арестовывали людей, пытали, а все же отказа нам никогда ни в одном словацком селе не было. Людей фашистские зверства не останавливали. Это я забыть не могу. И, выступая перед ребятами в школе, перед взрослыми на предприятиях, всегда говорю, что в

Словакии мы были приняты, как дома, люди последнее от себя отрывали, но помогали нам. Помогали, если даже им за это грозила смерть».

Вспоминаю, как однажды в деревне Горная Легота гитлеровцы заставили население в канун нового, 1945 года готовить подарки для фашистской армии, приказав доставить их в военную комендатуру, размещавшуюся в другом селе. Население при активном участии подпольной партийной организации деревни, которой руководил член подпольного национального комитета Э. Опаторный, с энтузиазмом принялось за дело. Было приложено немало сил, чтобы посылки получились большими и полноценными. Вот только доставлены были они не в комендатуру. Их привезли в бригаду полковника Пршикрыла. Гитлеровцам же объяснили, что по пути на обоз напали партизаны и захватили подводы с подарками.

Помощь населения партизанам не ограничивалась лишь продовольствием. Для суровой борьбы в горах нужны были одежда и обувь, транспорт, топоры, пилы и многое другое. Нам нужны были разведчики, проводники, часто необходимы были просто приют или надежные места для явок. Трудно перечислить все самые разнообразные случаи, когда партизаны обращались за помощью к населению.

Однажды группа партизан из отряда, которым командовал М. Савельев, зашла в село, расположенное недалеко от железной дороги Чадца — Оходница, и обратила внимание на то, что многие женщины были швеями-надомницами. В горах лежал снег, и партизаны, особенно те, что выходили на диверсии, нуждались в масках-халатах. Женщины охотно согласились их сшить. Через некоторое время в деревню был доставлен необходимый материал. Первая модель, чем-то напоминавшая обыкновенный домашний халат, оказалась непрактичной — длинные полы цеплялись в лесу за ветви, путались под ногами. Партизаны вновь обратились к словачкам, и они сшили штаны и куртки, которые надежно служили партизанам.

Так было во всем. Как-то одна из наших диверсионных групп отправилась на железную дорогу в район Кросно. Мина, которую несли партизаны, была обернута в белый материал — везде лежал снег. Когда прибыли на место, поняли, что с диверсией ничего не получится, так как на железной дороге снег растаял, она была темной, а этот тип мины устанавливался прямо на полотне, возле рельсов. Возвратиться, не выполнив задания, партизаны не могли. Тогда они постучались в первую попавшуюся им хату. Пожилая женщина, впуская партизанских подрывников в дом, была немало удивлена их необычной просьбе — дать лоскут темной ненужной ткани. Не колеблясь, словачка открыла сундук и извлекла добротную, в бесчисленных складках черную юбку, явно предназ-

наченную для праздников. Партизаны отказались принять этот дар, объяснив, что им нужен просто лоскут темной материи. Тогда женщина принесла из чулана старую тряпку — то, что и просили у нее чудаковатые пришельцы. Довольные партизаны покинули дом. Миной, обернутой в тряпку, был подорван вражеский эшелон. Жаль, что добрая словачка так и не узнала о последствиях этого неожиданного визита партизан в ее дом.

Очень важной была помощь населения в лечении наших раненых и больных, которых местные жители к тому же и прятали у себя. У нас были самые дефицитные лекарства, партизан лечили и оперировали буквально под носом у врага. Самоотверженность словацких врачей и другого медицинского персонала была поразительна. Медики-словаки приходили по первому зову на нелегальные квартиры, в другие места, где укрывались раненые, они шли в горы и леса, в партизанские бригады и отряды, принимали раненых партизан у себя на дому.

Вспоминаю врача курорта Слияч товарища Гелену, как ее называли. В ее доме был устроен настоящий партизанский госпиталь, а заодно и склад боеприпасов. А ведь в особняке появлялись немецкие офицеры и даже обосновались постояльцы. И никому из них было невдомек, что обширный подвал дома занимает партизанская лечебница. Вход туда находился прямо в вестибюле дома, за вешалкой, на которую гитлеровские офицеры вешали свои шинели.

Рассказывали о другом докторе — главном враче Бардеевской районной больницы, который «по совместительству» руководил партизанским госпиталем. Рискуя жизнью, словацкий патриот Франтишек Радач уходил из Бардеева под разными предлогами и шел за 25 километров в лес, в свою подпольную лечебницу. Такие «прогулки» он совершал по ночам два-три раза в неделю. Но вскоре обстоятельства сложились так, что доктору пришлось уйти к партизанам. Он остался у них и стал лечить больных и раненых. В партизанском госпитале, который располагался в двух землянках и в создании которого принял большое участие словацкий патриот И. Марцинек, находилось 40 человек. Не один месяц просуществовала эта лесная партизанская больница. Многие партизаны, а также советские разведчики и спустившиеся на парашютах со сбитых самолетов летчики обязаны И. Марцинеку и Ф. Радачу своим здоровьем и жизнью. За этот подвиг словацкий врач Франтишек Радач был награжден после войны орденом Отечественной войны I степени.

Много писем получал партизанский доктор от своих бывших подопечных после войны. Вот отрывок из одного из них: «Уважаемый товарищ Радач! Этим письмом хочу выразить вам сердечную благодарность за помощь, которую вы мне оказали в Чехословакии, в стране, которая для меня дорога, как родная

советская земля. Я хорошо помню, что за вашу голову фашисты обещали большие деньги. Ваш труд был не напрасен. Мы все вернулись в свои воинские части и добивали врага в его логове».

Два с лишним месяца находился в горах в шалаше с 11 ранеными партизанами из бригады Петра Величко доктор Юрай Бернат. Это были тяжелейшие месяцы для всех, кто оказался с ним в партизанском госпитале, блокированном карателями. Без медикаментов, почти без пищи словацкий патриот Юрай Бернат поставил на ноги всех раненых. В феврале 1945 года он прошел по горам без сна и отдыха около 50 километров, перешел линию фронта и привел с собой советских воинов, спасшихся ослабевших партизан. Через день, когда сам Бернат и раненые находились уже в советском госпитале, гитлеровцы все же наткнулись на опустевшую партизанскую лечебницу и сожгли ее.

Конечно, в каждой бригаде и во многих отрядах были врачи и медперсонал, переброшенные в Словакию в составе организаторских групп. Только Украинский штаб партизанского движения направил в Чехословакию несколько десятков врачей и фельдшеров. Большая земля посылала партизанам, оказавшимся в горах, медикаменты, перевязочные средства, различный медицинский инструмент. Как свидетельствуют отчеты, большинство раненых и больных получали медицинскую помощь непосредственно в бригадах и отрядах. Например, в бригаде К. К. Попова за все время боев в Словакии было 108 раненых, из них только пять человек пользовались услугами местных врачей и больниц. Еще в ходе восстания значительное число тяжелораненых было переправлено самолетами в партизанский госпиталь в Киеве. Тем не менее словацкое население, словацкие медицинские специалисты сыграли исключительную роль в спасении жизни партизан.

Местное население оказывало огромную помощь партизанам в добывании взрывчатых веществ. Это было исключительно важно. Что могут сделать партизаны без взрывчатки? В условиях современной войны не так много. В тех условиях, в которых мы оказались в Словакии, и того меньше. Вышестоящие штабы да и мы сами ставили партизанским бригадам и отрядам задачу как можно эффективнее нарушать коммуникации противника. Но тот запас взрывчатки, что был взят в горы, быстро иссяк. Доставка взрывчатых веществ самолетами из Советского Союза оказалась из-за ненастной погоды недостаточной. Из 17 грузовых мешков, которые за время нашего пребывания в горах попали в Ломнистую долину, лишь в одном оказалось минноподрывное имущество и... всего 60 килограммов тола. Было время, когда нам буквально нечем стало взрывать эшелоны противника.

И тогда на помощь пришли местные жители. Из старых камоломен, из других мест, где до войны или в войну производи-

были взрывные работы, извлекались запасы взрывчатки и передавались партизанам. В основном это был астралит и экрозит. В частности, в 10 километрах от города Брезно, близ которого располагался Главный штаб, был найден в горах основательный запас экрозита, который с успехом заменял тол. Благодаря экрозиту и взрывчатым веществам, полученным из других мест, взрывы на железных и шоссейных дорогах врага следовали один за другим.

В тот сложный период, когда в партизанских бригадах и отрядах не хватало взрывчатки, изыскивались все возможности для проведения диверсий. В упомянутой бригаде Попова, например, имелись мины, а минометов для них не было. Партизаны приловчились взрывать этими минами железнодорожное полотно, делая связи из нескольких мин, а к головкам привязывая немецкую ручную гранату. С помощью шнура это устройство подрывалось при подходе эшелона. Для минирования шоссейных дорог применялись противотанковые гранаты, которые партизаны переделяли в мины нажимного действия. Эти и другие устройства оказались достаточно эффективными. Однако в основном для подрыва эшелонов, вражеского автотранспорта, мостов, других видов диверсий использовалась взрывчатка, переданная партизанам словацкими патриотами, которых мы и поныне вспоминаем добрым словом.

Такая широкая добровольная поддержка партизан населением Словакии была важна не только в силу своей «материальной» ценности, что имело, как я уже говорил, чрезвычайно большое значение, но она также важна была для нас и в моральном отношении. Прекрасный, трудолюбивый и отважный народ Словакии, ненавидевший фашизм и его так называемый «новый порядок», высказал свое отношение к нему своей борьбой, всенародной поддержкой развернувшегося по всей стране партизанского движения.

Пытаясь задуть народное сопротивление, покончить с партизанами, гитлеровское командование огнем и мечом расправлялось с патриотами. Жертвами фашистского террора стали тысячи мирных жителей и повстанцев. 9 декабря 1944 года руководитель германской службы безопасности в Братиславе сообщал в Берлин об аресте 12 937 участников восстания. Из них более 9 тысяч были обречены на смерть в фашистских концлагерях, а 2237 расстреляно.

В Словакии нет, пожалуй, села, в котором не было бы замученных или увезенных в Германию, пропавших без вести. Многие села были уничтожены фашистами полностью, подобно Лидице. Печальная участь постигла село Склабину, где когда-то высадились первые советские десантники. Гитлеровцы забрали из села

135 мужчин, из которых расстреляли 48 человек, остальных угнали в Германию. Среди расстрелянных были председатель революционного комитета Юрай Майерчик и несколько других членов комитета. Гитлеровцы сожгли соседнее село Склабинский Подзамек. В селе Нецпалы было расстреляно 14 человек, 40 угнано в Германию. В небольшом селе Загай у Словенского Правна остался в живых лишь один старик. Остальные жители были найдены после войны в братской могиле у Турчека. В районе Мартина замучили более 400 человек, в том числе много женщин и детей.

Массовые убийства продолжались всю зиму 1944/45 года. С 4 по 11 января 1945 года в селе Немецка было убито более 400 словацких и чешских граждан. У села Кремничка расстреляно около 800 человек. Фашисты зверски убили многих жителей из Балажова, Калиште, Клака, Острога Груня, Стречан, Токайки. Их дома и даже целые деревни сожгли. За участие в восстании и помощь партизанам оккупанты жестоко отомстили жителям более чем 60 словацких деревень. В 176 братских могилах, обнаруженных на территории Словакии после войны, находилось 3723 жертвы фашистских палачей, из них 720 женщин и 211 детей.

Однако, несмотря на жесточайшие репрессии и террор, фашистам так и не удалось подавить волю чехословацкого народа к свободе, его готовность помогать партизанам, беззаветно поддерживать их, оказывать фашистским захватчикам всяческое и все возраставшее сопротивление. Именно такое отношение народа Словакии к своим защитникам позволило партизанам выстоять и развернуть буквально с первых дней пребывания в горах небывалую, не утихавшую ни на день, ни на час борьбу с фашистами.

Уже в начале ноября 1944 года активные партизанские действия начались в предгорьях Втачника. Сюда вышла бригада имени Яна Налепки, в которой насчитывалось тогда 490 партизан. Штаб бригады располагался в окрестности деревни Клак. Совместно с местными жителями партизаны удерживали Клаковскую долину вплоть до освобождения этого района советскими войсками. Исключительную поддержку партизанам оказывали жители большинства окрестных деревень в предгорье Втачника, и прежде всего таких, как Клак, Острый Грунь, Грабичев, Зупков, Прохот, Горна и Дольна Ждань, Трнавка и других. Они полностью взяли на себя обеспечение бригады, передавали сведения о передвижении фашистских войск, доставляли лекарства, заботились о больных и раненых.

Еще при отходе из Банска-Бистрицы партизаны бригады имени Яна Налепки подбили две фашистские самоходки «Фердинанд» и следовавшие за ними грузовые автомашины, уничтожив при этом

около 70 гитлеровцев. В первых числах ноября они вывели из строя высоковольтную линию, которая снабжала электроэнергией Гандлову, а также угольные шахты Гандловой. Попытки гитлеровцев отремонтировать электролинию были сорваны. В течение долгого времени угольные шахты не получали электроэнергии. Спустя некоторое время бригада совместно с Горнонитрянской бригадой, которой командовал словацкий коммунист Ф. Гагара, также действовавшей в этом районе, совершила налет на фашистский центр подготовки новобранцев в Новаках. Затем партизаны пустили под откос поезд на линии Кремница — Гронская Дубрава, уничтожили мост на дороге Жарновица — Осланы и совершили несколько налетов на дорогу Жиар над Гроном — Гандлова. В районе деревни Прохот они захватили заместителя начальника «глинковской гарды» из Банской Штявницы и его вооруженную охрану, следовавшую в Братиславу. Было совершено нападение на железнодорожную станцию в районе Глиник над Гроном. У деревни Прохот партизаны перехватили две грузовые автомашины с зимним обмундированием.

Крупную операцию бригада провела в начале декабря 1944 года на дороге между Подзамчи и Глиником над Гроном. Рано утром на эту дорогу вступила рота гитлеровцев. Партизаны устроили засаду, разгромили фашистов и захватили трофеи.

Операции партизан в этом районе продолжались.

«Партизаны не только наносили фашистам урон в живой силе и технике,— вспоминает комиссар бригады имени Яна Налепки А. Шагат,— они постоянно держали в страхе фашистов, так как фашисты не знали, где и когда будет совершено очередное нападение, какой мост будет взорван, где будет перерезана коммуникация».

Вместе с бригадой имени Яна Налепки, помимо Горнонитрянской бригады, в этом районе действовали бригада имени Василия Боженко, которой командовал А. Снежинский, партизанский отряд «Зарубежный» под командованием А. Святогорова-Зорича, отряд А. Мартынова и другие.

Разгоралась партизанская борьба и в других местах. 19 ноября 1944 года партизаны отряда под командованием В. Горячева произвели налеты на важный железнодорожный мост через реку Ипель и станцию Полгора в районе города Лученец. Во второй половине ноября группа партизан из отряда В. Козлова разгромила фашистский гарнизон в селе Розложна юго-западнее Рожнявы. Партизаны из соединения М. Шукаева взорвали мост на участке Брезно — Тисовец, в результате чего железнодорожное движение здесь прекратилось на длительное время.

В начале ноября 1944 года партизанская бригада под командованием Т. Полы, оборонявшая село Угровец, не только отбила

Все попытки гитлеровцев прорваться на этом участке, но 4 ноября сама перешла в наступление, выбила фашистов из города Бачовце и удерживала его почти до середины ноября.

Соединение имени В. И. Чапаева под командованием В. Коккина совершило в начале ноября дерзкое нападение на село Суков, где расположился штаб 97-й горнострелковой дивизии, брошенной на подавление партизан. Непосредственно в нападении участвовали отряды из бригад имени Богуна и Щорса. Без единого выстрела, сняв выставленные немцами караулы, партизаны ворвались в село. Бой длился не более получаса. В результате враг потерял 450 солдат и 45 штабных офицеров. Был убит и начальник штаба дивизии. Партизаны захватили 35 автомашин, 4 радиостанции и всю оперативную штабную документацию.

Добрые вести приходили из бригады В. Квитинского. Диверсионные группы бригады действовали в районе Ростокинской долины, горы Великий Бок, в районе населенных пунктов Елшава, Мурань и других. Основной состав бригады, совершив трудный марш из Клячанской долины по хребту Низкие Татры через Прашиву, сосредоточился в Вайсковой долине. Под воздействием партизан оказались все близлежащие коммуникации, нападения на которые начались уже 2 ноября 1944 года. Всего за ноябрь бригада провела 15 боевых операций, пустив под откос 2 воинских эшелона, взорвав 3 моста, уничтожив важный участок связи, убив и ранив более 250 солдат и офицеров противника.

Бригада А. Егорова, вернувшаяся на Прашиву, вновь развернула боевые операции. В начале декабря 1944 года был взорван воинский эшелон врага и подбито несколько автомашин. «В последующие 10 дней,— говорится в отчете бригады,— диверсии по обстрелу вражеских автомашин стали так часты, что немцы были вынуждены издать приказ, запрещающий ездить на автомашинах с 6 часов вечера до 8 часов утра. На перегоне Немецка — Святой Ондрей они вырубили весь лес, подходящий к дороге, и ставили знаки: «Ахтунг! Партизаны!»

Немцы до того были напуганы партизанами, что даже днем, проезжая участок Немецка — Святой Ондрей, обстреливали леса...»

Борьба, однако, продолжалась не только в горах. «Тысячи участников восстания, которые были вынуждены спуститься в долины и разойтись по домам,— пишет Г. Гусак в книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании»,— пополнили подпольную сеть и местные партизанские отряды; они поддерживали связь с действующими партизанскими частями, с подпольными организациями Коммунистической партии, нелегальными национальными комитетами и другими органами антифашистского движения. Политическая и вооруженная борьба велась одновременно в горах и деревнях и местечках Словакии».

Удары по врагу, особенно по его коммуникациям, усиливавшиеся день ото дня, вызывали все большее беспокойство у гитлеровского командования. Все чаще в Главный штаб партизанского движения приходили сообщения о том, что противник усиливает контрпартизанскую борьбу. Осенью фашисты почти ежедневно производили облавы, «чистку» гор, а с наступлением зимы они попытались блокировать все населенные пункты, расположенные вокруг партизанских баз и лагерей, стремясь не допустить сюда партизан, заставить их мерзнуть и голодать, спуститься с гор в долины. Теперь, убедившись, что этих мер оказалось недостаточно, фашистское руководство вновь послало войска в горы, усилило свой натиск на партизанские силы.

Особенно в сложном положении оказались бригада имени Чапаева, отряды имени Буденного, Пожарского и другие, действовавшие в Восточной Словакии севернее Гуменне под общим командованием представителя штаба партизанского движения 1-го Украинского фронта капитана В. Н. Кокина. Окружая все плотнее партизан, гитлеровцы вынудили сняться с насиженных мест и часть населения, активно помогавшего партизанам. В соединение из сел прибывало все больше людей, искавших помощи и защиты. В штаб бригады имени Чапаева поступили сообщения о зверствах фашистов в селах Колбовцы, Брусница, Токайка. Продвигаясь от села к селу, фашисты оставляли после себя руины. Кольцо вокруг партизан сужалось.

12 ноября 1944 года партизанам были розданы остатки продовольствия и боеприпасов. Связавшись со штабом партизанского движения фронта, капитан Кокин получил указание прорываться через линию фронта. Соединение было разбито на отряды, каждый из которых имел определенное задание. Передовой колонной командовал начальник штаба бригады имени Чапаева Людовит Кукорелли, активный участник Словацкого национального восстания, человек исключительной отваги.

Двигаясь по лесам темными ночами, партизаны и влившееся в их ряды население, в том числе женщины и дети, приблизились наконец к своей цели. Прорыв предполагалось совершить между селами Вареховцы и Гавай. Однако фашистские разведчики заметили скопление партизан. Пришлось идти дальше. Соединение перешло шоссе возле Малой Поляны и остановилось в шести километрах от линии фронта.

Враг тоже не терял времени, постепенно окружая партизан. Была занята круговая оборона. Противника следовало задержать любой ценой до тех пор, пока не вернется разведка.

На рассвете 22 ноября фашистская артиллерия и минометы ударили по партизанам. После обстрела гитлеровцы пошли в атаку, но, не выдержав встречного огня, отступили. Снова били ар-

тиллерия и минометы, больше становилось раненых, не хватало медикаментов, бинтов. Люди валились с ног от голода, недосыпания, переутомления.

Так прошли день и еще ночь. Наконец вернулись разведчики. Они сообщили, где немецкая оборона наиболее слаба.

В 4 часа утра 24 ноября 1944 года мощным броском партизаны, несмотря на сильное огневое противодействие врага, прорвали его оборону. Бой длился всего около получаса. Женщины и дети были спасены. Но при прорыве погибли Людовит Кукорелли и еще 60 советских и словацких партизан.

В конце ноября 1944 года выдержал натиск врага и Главный штаб партизанского движения. Думаю, что фашистское командование знало о нашем штабе, так как уже вскоре после того, как мы прибыли в Ломнистую долину, в селе Ясене появились радиопеленгаторы. Если не по содержанию, то по интенсивности радиопередач — а их бывало до десяти в сутки и больше — можно было судить, что в долине находится не совсем обычный штаб.

В 6 часов утра 30 ноября гитлеровцы внезапно напали на Ломнистую долину. Так случилось, что вместе со Скрипкой и Егоровым, прибывшим к нам накануне со своим штабом, мы были в это время в отряде «Сокол» у Быкова. В те дни меня валила с ног простуда, были случаи, когда от высокой температуры я не мог даже двигаться.

Утром мы слышали стрельбу, доносившуюся оттуда, где находился штаб. Тотчас туда ушли Скрипка, Егоров и все, кто был с ними.

Руководство боем осуществлял майор Скрипка. Большую помощь ему оказали Данилов, а также Егоров со своими подчиненными. Общими силами всех находившихся в долине партизан неоднократно атаки врага были отбиты.

Вот что вспоминает об этом бое генерал-лейтенант Ф. Шадек, в ту пору заместитель командира отряда в полку имени Яна Швермы:

«Сотни гитлеровцев устремились в Ломнистую долину. На их пути встал заслон из тридцати человек. Отчаянно сопротивляясь, горстка смельчаков задержала врага, и мы сумели подготовиться к его встрече... Мелкие группы фашистов мы пропустили беспрепятственно. Но когда подошли основные силы, ударили дружные залпы. Фашисты в панике заметались. Те, что пытались спрятаться под склон... были видны нам как на ладони, и мы прицельным огнем уничтожили их... Гитлеровцы, побросав оружие, убитых и раненых, бросились вон из долины. Но и тут их встретил заранее подготовленный заслон. Так была наголову разгромлена карательная экспедиция врага».

Противник понес серьезные потери. Четыре дня гитлеровцы вывозили своих убитых.

С первых дней прихода в Ломнистую долину были приняты меры к обучению минеров в большинстве партизанских соединений. В бригады и отряды, расположенные на значительном удалении от Главного штаба, посылались учебные программы, подробные технические указания, а также инструкторы минноподрывного дела. Общее число подготовленных минеров за время нашего нахождения в горах составило около 250 человек. Только в ноябре — декабре 1944 года подрывниками из бригад А. Егорова, В. Квитинского, Э. Биелика, А. Циприха, В. Пршикрыла было взорвано 76 воинских эшелонов, 282 автомашины. Всего за этот срок на территории Словакии пошло под откос 109 эшелонов врага.

Каждый день приносил все новые свидетельства усиливавшихся партизанских действий по всей стране. Летели под откос вражеские поезда, уничтожался его автотранспорт, совершались нападения на штабы и гарнизоны и т. д. Вот некоторые отрывочные сведения о боевых действиях, сохранившиеся в дневнике Главного штаба партизанского движения.

«Боевая деятельность Квитинского с 15.XII.44 по 1.I.45.

1. Подорваны и уничтожены из засад 9 автомашин с живой силой, боеприпасами и продовольствием. При этом убито 60, ранено 52.

2. Взорвано 10 мостов общей длиной 50 метров.

3. Три раза порвана телеграфно-телефонная связь общим протяжением 2,5 км.

17.I.45. Боевая деятельность Биелика с 23.XII.44 по 14.I.45. Убито солдат и офицеров противника 360, разбито 8 автомашин. 23.I.45. Боевые действия Егорова.

За ноябрь и декабрь 1944 г. разрушено 15 мостов, совершено крушение 22 воинских эшелонов, уничтожено 132 автомашины.

С 15 по 22.I.45 данные уточняются...»

Партизанская борьба в горах ежедневно выявляла отважных патриотов. Невозможно рассказать обо всех героических эпизодах. Расскажу лишь о некоторых подвигах, в которых, как в капле воды, отразились величие души и патриотизм чехословацкого народа и тех, кто вместе с ним сражался в словацких горах в ту суровую пору.

Иво Бердне, самому юному из пулеметчиков в бригаде В. А. Квитинского, было всего шестнадцать лет. Бригада стояла близ Липтовской Теплички и очень «докучала» гитлеровцам диверсиями на железной дороге. 15 декабря 1944 года фашисты, подбросив подкрепление, сделали попытку окружить партизан, среди которых было много раненых. Бригада стала отходить, ос-

тавив для прикрытия группу пулеметчиков у небольшой часовенки.

Поднявшись на перевал Черный Ваг, бойцы бригады увидели в свете наступившего утра, как вокруг часовни густо ложатся немецкие мины. И вдруг все заметили трех партизан, которые отделились от колонны и бросились к часовне. Среди них оказался и юный Иво. Кричать было бесполезно. Шум боя заглушал все. Да и стоило ли гасить благородный порыв. Бригада продолжала отход.

В бою Иво Бердна показал себя настоящим храбрецом. Он выбрал выгодную позицию и метко разил наступающих гитлеровцев из своего пулемета. Не выдержав огня, фашисты отошли. За пулеметчиками послали санитаров с носилками.

Темнело. Крепчал мороз. Люди сидели у костров. Никто не смыкал глаз в ожидании санитаров. Когда наконец раздались их голоса, первый вопрос после пароля был:

— Как Иво?

Иво был тяжело ранен, без сознания. Когда юношу привели в чувство, он спросил:

— Где пулемет?

Узнав, что оружие в сохранности, Иво облегченно вздохнул и уснул.

Николай Хмельницкий воевал под Севастополем, там был ранен. Фашисты захватили его в плен, откуда ему удалось бежать. Летом 1943 года он организовал в словацких горах небольшую партизанскую группу. К ней вскоре присоединились партизаны, которыми командовал молодой словак Ондрей Краткий. Создали отряд. Командиром стал Николай, начальником штаба — Ондрей. В конце 1944 года этот отряд влился в партизанское соединение, которым командовал А. М. Садиленко.

Однажды Николай и Ондрей вместе отправились в разведку. Зайдя в одну из деревень, они неожиданно увидели, как с противоположной стороны появились вражеские автомашины с автоматчиками. Гитлеровцы заметили партизан.

— Давай к лесу! — крикнул Николай.

Стреляя по очереди из автоматов, прикрывая друг друга, партизаны бежали по рыхлому снегу к лесу. Но вот Ондreja тяжело ранило, он упал на снег. Николай бросился на помощь. Но фашисты были уже близко, их автоматный огонь обрушился на Хмельницкого, его тоже ранило. Превозмогая боль, Николай обхватил здоровой рукой своего друга, ползком потащил его к лесу, однако вражеские пули настигли разведчиков у самой опушки. Когда другие партизаны услышали перестрелку и выбежали на опушку леса, было уже поздно. Они увидели обнявшихся Николая и Ондreja, лежавших неподвижно на снегу.

Так, спасая словацкого друга, погиб черноморский моряк Николай Хмельницкий. Его именем назвали отряд, который вошел в историю Словацкого национального восстания как отряд имени Николая Хмельницкого. В дни празднования 25-летия восстания, в 1969 году, в селе Драгове, возле которого погибли герои, поставлен обелиск, на котором написано: «Русский Николай Хмельницкий, словак Ондрей Краткий пали смертью героев за освобождение Словакии».

В одном из донесений командир бригады Вячеслав Квитинский сообщал: «20 декабря 1944 года тридцать мужчин из села Погорела, снаряженных пилами и топорами, ночью спилили 50 столбов телефонно-телеграфной связи. 2 января 1945 года на 2-й отряд, расположенный в селе Кокава, внезапно напали немцы. Отряд быстро занял оборону. В течение двух часов он сдерживал атаки врага. У партизан оказались на исходе патроны, нужно было отходить в горы. В самый разгар боя из села пробралось десять человек с мешками. Это местные жители несли партизанам 50 тысяч патронов. Атаки немцев были отбиты».

Подобным примерам бесстрашия и героизма не было числа.

Серьезный урон наносили врагу бригады и отряды, которые с самого начала вели борьбу в тылу врага вне освобожденной территории в Восточной и Западной Словакии, в Моравии и Чехии, а также возникшие в течение зимы 1944/45 года.

Вот как характеризует боевые действия партизан и повстанцев Людвик Свобода в своей книге «От Бузулука до Праги»: «Вооруженная борьба охватывала все большую территорию. Партизанские отряды неустанно нападали на противника, снова занимали оставленные города и села и громили фашистов по всем правилам тактики партизанской войны...

Словацкие партизаны и повстанцы, руководимые Коммунистической партией, с помощью советских партизан отвлекли на себя значительные силы фашистов и тем самым оказали помощь советским войскам и чехословацким частям, действующим на фронте».

С каждым днем все более активизировали свою деятельность коммунисты. Руководство Компартии Словакии в конце 1944 года, а затем вновь в январе 1945 года издало директиву, предназначенную для всех подпольных национальных комитетов, в которой говорилось о необходимости вовлечения в борьбу всего патристически настроенного населения. На нелегальные организации партии и национальные комитеты возлагалась задача — всесторонне поддерживать партизанское движение, собирать и прятать от оккупантов продовольствие, строительный материал, различные сырье. Следовало срывать насильственную эвакуацию словацкого населения и мобилизацию его для работы на строительстве

оборонных укреплений гитлеровцев, организовывать местные вооруженные отряды, которые с приближением Красной Армии должны стать главной силой вооруженного восстания и не позволить отступающему врагу уничтожать города и деревни, заводы и другие важные объекты.

Подобное происходило и во многих других районах Чехословакии. В Оломоуцком крае развернула активную деятельность подпольная организация, созданная коммунистами еще в начале 1944 года. В ней насчитывалось 120 человек. С этой организацией сотрудничали так называемые ударные группы, возникшие в 50 деревнях края и объединявшие в общем около тысячи бойцов.

Об активизации партизанского движения в чешских землях в конце 1944 — начале 1945 года свидетельствовали отчеты, поступавшие фашистским руководителям в Праге. Согласно этим отчетам, на территории Чехии ежедневно в среднем происходило около 40 случаев различных партизанских выступлений. В ноябре — декабре 1944 года партизаны провели крупные операции на важнейших железных дорогах страны: Брно — Ческа-Тршебова, Брно — Пршеров, Ческа-Тршебова — Оломоуц, Брно — Гавличкув Брод.

Наряду с активным участием в партизанском движении рабочий класс страны по-прежнему широко применял свое испытанное оружие — саботаж военного производства.

Все чаще из Украинского штаба партизанского движения стали поступать указания о необходимости ведения дальней разведки в интересах наступающих советских войск. В начале декабря 1944 года Главный штаб издал приказ, в котором ставились новые задачи по сбору разведывательных данных. Обширная разведывательная информация стекалась в ГШПД, где она тщательно обрабатывалась и перепроверялась. В поле нашего зрения оказался обширный район Словакии, Чехии и Моравии, а также часть Польши, Австрии и даже Германии.

Надо сказать, что условия для разведки в Словакии, как и во всей Чехословакии, были самыми благоприятными. Практически почти все население страны было настроено против фашистов и всячески помогало нам.

Гитлеровское командование и не подозревало, что многие словаки, принудительно мобилизованные на строительство оборонительных сооружений, часто по собственной инициативе помогали партизанам в составлении подробнейших планов и схем этих объектов. Словаки, жившие в горах и работавшие в городах и на станциях Поважья и Кисуцкого края, по поручению командования одного из отрядов занимались сбором данных о характере и масштабах военного производства в Дубнице и других городах, о

количестве транспорта и характере военных грузов, проходящих через те или иные станции, о военных складах и прочем.

Советское командование получало исчерпывающие данные о направлении, времени и количестве перебрасываемых противником войск по территории Чехословакии, номерах частей или их опознавательных знаках, районах сосредоточения танковых и моторизованных сил врага, размахе и характере оборонительных работ, составе вражеских гарнизонов, их численности, национальном составе, именах командиров и начальников гарнизонов и т. д.

Особое направление составлял сбор сведений, которые запрашивались из Москвы для руководителей Компартии Чехословакии. Нас просили информировать о политике оккупационных властей на территории страны, мероприятиях, проводившихся захватчиками и их пособниками, о том, что пишут чехословацкие газеты, и т. п.

Приведу несколько сообщений, переданных в Москву с 24 по 29 декабря 1944 года.

«Для Готвальда.

Словацкие газеты сообщили, что 13.XII немцы сожгли деревни Гречушки, Магали, Разтока, что южнее гор. Маков, за поддержку партизан».

Словацкая газета «Словак» сообщала, что в Братиславе раскрыта подпольная организация студентов университета, обнаружен большой склад автоматов и боеприпасов. Во главе организации студентов стоят участники восстания, вернувшиеся тайно в Братиславу.

«Братиславские власти издали закон, по которому усиливаются наказания за политические преступления. В большинстве случаев вместо тюремного заключения вводится смертная казнь».

«Большинство партийных активистов и членов национальных комитетов после 28.X находятся в горах и отдельных деревнях вместе с партизанами. Через партизанские отряды имеем с ними связь».

Примерно тогда же Главный штаб партизанского движения сообщил в УШПД и партизанские штабы фронтов об усилившемся дезертирстве в немецкой армии, переходе солдат и офицеров вермахта на сторону партизан. Вот одна из подобных радиোগрамм: «В немецкой армии имеется рост дезертирства. Большое количество солдат и офицеров закупают гражданскую одежду, бросают оружие и скрываются. Немецкое командование издало приказ, запрещающий населению под угрозой расстрела продавать немецким солдатам и офицерам гражданское обмундирование».

Герой Советского Союза В. Клоков, сражавшийся в бригаде Т. Полы, а позднее ставший комиссаром бригады имени Суворо-

ва, вспоминает, как однажды немецкие офицеры пришли прямо в партизанскую землянку: «Кто-то откинул заменявшую дверь плащ-палатку, но, видимо, не решается войти. Оглядываюсь и на секунду замираю: в дверях, как страшные призраки, стоят два немецких офицера. Схватываю лежавшую на столе гранату, нащупываю чеку и... поднятые руки офицеров, их возгласы: «Коммунист, Тельман!» — в последний момент сдерживают меня от рокового броска. В землянку вваливается мой помощник по штабу бригады Сергей Панфилов. Нейцы отдают ему свое оружие. Начинается допрос. Только теперь я обращаю внимание на их потрепанную одежду, худые, давно не бритые лица, жадный блеск глаз, не отрывающихся от лежащих на столе колбасы и хлеба. Густав и Фриц — так звали немецких офицеров. Они рассказали, что уже давно сбежали из своей части и несколько дней бродили возле расположения партизанской бригады, ожидая удобного случая перейти к партизанам».

Трудно было верить им, вспоминает Клоков, слишком велико было у нас чувство ненависти к серо-зеленым немецким мундирам. Но так явственно звучала в словах офицеров ненависть к фашизму, так страстно они говорили о руководителе немецких коммунистов Эрнсте Тельмане, о невыносимых моральных муках людей, насильно одетых в военные мундиры, что воспитанное долгими годами партизанской борьбы чувство к немецким военным, которые все рассматривались как фашисты, было поколеблено.

Густав и Фриц положили начало организации немецкого антифашистского взвода в бригаде, который хорошо зарекомендовал себя в боях.

В начале января 1945 года войска 2-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского начали наступление в Словацких рудных горах со стороны Венгрии в направлении на Банска-Бистрицу. Вскоре перешли в наступление и войска 4-го Украинского фронта в Восточной Словакии. Это вызвало большие передвижения фашистских частей к фронту, их замену в тылу менее надежными венгерскими и так называемыми «добровольческими» частями.

Главный штаб, партизанские бригады и отряды вели большую работу по разложению вражеских войск. И она давала результаты.

Вспоминаю, как в первых числах января 1945 года фашистское командование послало снятый с фронта венгерский батальон, усиленный минометной ротой, на ликвидацию партизан в долине Кислая по соседству с Ломнистой долиной. Венгерская охрана находившейся там электростанции, уже перешедшая на нашу сторону, сообщила по телефону, что «идут чужие мадьяры». Обо-

роявлявший долину отряд Марчука оказался в это время на диверсиях, за исключением больных и поваров. Превосходство противника было очевидным. Но Марчук не растерялся. Собрав всех находившихся в лагере, а их было 15—20 человек, он вместе с комиссаром Воковченко с автоматом через плечо вышел венграм навстречу.

Колонна остановилась. Партизаны дали знак, что идут на переговоры. Венгерского командира через переводчика спросили, куда и зачем идет батальон. Венгры ответили, что «по заданию немецкого командования они идут уничтожать партизан и жилые помещения в этой долине». Тогда им сказали: знают ли они, что все они окружены партизанами и что партизан в 4—5 раз больше. Венгры заколебались. Тогда для успешного окончания переговоров командование батальона было приглашено в дом лесника на завтрак. Договорились, что воевать не будут ни партизаны, ни венгры и что вообще при первой возможности батальон перейдет к партизанам или к Красной Армии.

Для отвода глаз венгры инсценировали бой. На «прощание» у них было взято 20 пулеметных лент и гранаты.

Близость Красной Армии вызвала новый подъем у чехословацкого населения и партизан. Удары по врагу усилились. 23 января 1945 года из Украинского штаба и штаба партизанского движения 4-го Украинского фронта пришла радиограмма, в которой давалась оценка боевым действиям партизан и деятельности ГШПД.

«Гордимся вашей героической борьбой с врагом в исключительно сложных условиях», — говорилось в радиограмме.

Во второй половине января 1945 года началось непрерывное движение отступающих немецких войск по дороге Брезно — Банска-Бистрица. Все села, расположенные в этом районе, оказались забиты фашистами. Настроение у гитлеровских вояк было подавленным, особенно у пожилых солдат.

Приближение Красной Армии к районам действий партизанских сил поставило вопрос о дальнейшем их использовании. Перебрасывать ли партизанские соединения, бригады и отряды на запад или оставить для тесного взаимодействия с нашими наступающими частями и соединениями? На первый взгляд, целесообразной была бы их переброска в глубь обороны гитлеровцев. Однако в связи с тем, что в горах и лесах лежал глубокий, до пяти метров снег, а все населенные пункты на пути были заняты войсками противника, переброска крупных партизанских единиц в новые районы действий оказалась весьма затруднительной. При постоянных морозах, ветрах и метелях остановки для отдыха были чреваты обморожениями и массовыми простудными заболеваниями среди партизан. Продукты в этих условиях доставали только

с боем. Из-за глубокого снега невозможным оказалось использование лошадей. К тому же у многих партизан была исключительно плохая обувь, недоставало и боеприпасов. «Учитывая все это,— сообщали мы в УШПД,— считаем совершенно нецелесообразным посылать в этих условиях на запад партизанские отряды и соединения, находящиеся восточнее линии Ружомберок — Банска-Бистрица — Зволена... Мы предлагаем на запад послать самолетами организаторские группы... Со своей стороны мы уже послали на запад несколько организаторских групп».

С мнением ГШПД согласились. В Западную Словакию, Моравию и Чехию ушли организаторские группы и небольшие отряды, созданные в каждой бригаде из наиболее опытных партизан, снабженные радиосредствами. Украинский штаб партизанского движения и штабы партизанского движения при Военных советах 2-го и 4-го Украинских фронтов начали забрасывать в эти районы организаторов партизанской борьбы самолетами. Все это способствовало активизации партизанских действий в Чехии и Моравии, а оставшиеся в прифронтовой полосе партизанские силы были использованы для оказания непосредственной помощи Красной Армии.

Удары партизан по отступающим фашистским войскам слились с ударами вооруженного словацкого населения прифронтовой полосы. Главный штаб партизанского движения совместно с подпольными партийными организациями и местными национальными комитетами вели в городах и селах Чехословакии широкую подготовку к вооруженному восстанию, которое должно было быть приурочено ко времени подхода к этим населенным пунктам советских войск.

С приближением Красной Армии к тем или иным городам и селам население Словакии переходило к активным вооруженным действиям против захватчиков. Орган Компартии Словакии газета «Правда» писала 28 января 1945 года: «Из Восточной и Южной Словакии приходят известия, что словацкие партизаны вместе со всеми боеспособными мирными жителями при приближении Красной Армии нападают на отступающих немцев, стреляют по ним из окон и чердаков, нападают на их обозы и автомашины. В последнее время участились случаи, когда партизаны совместно с населением изгоняют из деревень немцев, которые пытались грабить и вывозить жителей, и в этих селах встречали Красную Армию и передавали ей оружие и пленных немцев».

Начиная с января 1945 года и до полного освобождения страны от фашистских захватчиков партизанские отряды и бригады, оказавшиеся в прифронтовой полосе, действовали в самом тесном взаимодействии с наступавшими передовыми частями советских войск.

В начале января 1945 года партизанская бригада под командованием П. А. Величко получила задание штаба партизанского движения 4-го Украинского фронта освободить до подхода советских войск город Липтовский Градок, а главное — захватить и удержать мост около Липтовского Градока, чтобы им могли воспользоваться наши наступающие части. Спустившись с Высоких Татр, отряды бригады внезапно ворвались в город и завязали уличные бои. Партизанам не удалось очистить от врага весь Липтовский Градок из-за его значительного превосходства в силах. В их руках оказались лишь западная и северо-западная окраины города. Но и это было чрезвычайно важно. Противник не смог вытеснить отряды бригады Величко и вернуть мост, который партизаны удержали до подхода советских войск. Благодаря этому наши части успешно продвинулись в направлении Липтовского Микулаша.

Успешно взаимодействовало с наступающими советскими частями партизанское соединение, которым командовал А. М. Садиленко. Партизаны находились вблизи поселка Черный Балог юго-восточнее города Брезно. Штаб партизанского движения 4-го Украинского фронта передал А. М. Садиленко приказ не пропускать к Черному Балогу и Брезно отступающие части 208-й дивизии гитлеровцев. Как донесла партизанская разведка, сюда двигался 309-й горнострелковый егерский полк этой дивизии, носивший название «Эдельвейс». Непосредственное руководство операцией возлагалось на командира бригады Н. С. Радула, входившей в соединение А. М. Садиленко. Партизаны установили контакты с разведкой 42-й гвардейской дивизии и согласовали свои планы с советским командованием.

В течение одной ночи с помощью местных жителей все дороги, ведущие к Черному Балогу, были завалены деревьями и заминированы. Обильный снегопад и ударивший вдруг мороз завершили это своеобразное блокирование путей передвижения. Для врага оставался только один проход — через ущелье.

И вот 28 января 1945 года сотни вражеских солдат и офицеров начали медленно втягиваться в ущелье. Прозвучала команда, и по черной, растянувшейся на два километра ленте гитлеровцев, четко выделявшихся на ослепительно белом снегу, ударили партизанские пулеметы, автоматы и минометы. С тыла горнострелковый полк фашистов теснили советские подразделения 42-й гвардейской дивизии, а с флангов, с крутых заснеженных горных вершин и с фронта разили огнем партизаны. Несколько раз фашисты бросались в атаку, но безуспешно.

«Дав распоряжение выставить боевое охранение, я отвел партизан в села Доброчь, Черный Балог и Яношовка на отдых,— вспоминает Н. С. Радул.— Теперь, как говорят, «власть перемени-

лась». Партизаны в селе, в тепле. А немцы в лесу, в снегу, на морозе. Бойцы долго не ложились спать. Разгоряченные боем, они бурно обсуждали все, связанное с ним, вспоминали, как били пытавшихся вырваться из ущелья гитлеровцев. Особенно много похвал выпало на долю пулеметчиков. Они у нас оказались прямо-таки именинниками. И в этом была большая заслуга командира взвода пулеметчиков словака Кароля Чабая. Человек беспримерного мужества, он примкнул к нам еще где-то в районе Гуменного или Кошицки Гамры, когда мы только приземлились. И с тех пор был с нами до конца».

На следующее утро гитлеровцы попытались пробиться к Черному Балогу уже не через ущелье, а в обход, через Доброчь, чтобы потом уйти к Брезно. Но и здесь их ждала неудача. Партизаны снова выиграли бой, продолжавшийся почти до темноты. Была пресечена и третья попытка врага прорваться в Брезно через село Яношовку 30 января 1945 года. Сотни гитлеровцев нашли свой бесславный конец во время этих боев. А 31 января партизаны, возглавляемые Н. С. Радулом, соединились с одним из советских полков 42-й гвардейской дивизии и вместе с ним ворвались в Брезно, приняв участие в освобождении города от гитлеровцев.

В боях за Брезно отличились и другие отряды соединения А. М. Садиленко, а также бригада Э. Биелика. Удачно взаимодействовали партизаны с наступающими советскими частями в других районах Словакии.

28 января 1945 года наша разведка донесла, что гитлеровцы собираются занять Ясеньскую электростанцию и одновременно с этим начать «чистку» Ясеньской долины, чтобы обезопасить тылы на своем очередном рубеже обороны, который должен был проходить по высоте, где находилась электростанция. Главный штаб отдал приказ находившемуся в этом месте отряду Марчука немедленно занять электростанцию. На помощь ему были выделены батальон Киреева и еще некоторые партизанские подразделения.

Вот что пишет о защите электростанции национальный комитет деревни Ясене: «Немцы хотели вернуть электростанцию и с помощью 3 танков пошли в атаку. Но это им не удалось. Так повторялось много раз. Партизаны держали электростанцию уверенно в своих руках. В одном бою было убито 2 партизана и 18 немцев. Электростанцию партизаны сохранили до прихода частей Красной Армии в исправности... Национальный комитет Ясене и словацкий народ будут всегда благодарить партизан за сохранение этой электростанции».

После успешного наступления войск 2-го и 4-го Украинских фронтов была освобождена значительная территория Восточной и

Южной Словении, в том числе такие крупные города, как Прешов, Кошице, Бардеев, Рожнява, Кежмарок, Попрад, Липтовский Градок, а в последних числах января наши части совместно с партизанами выбили гитлеровцев из Брезно, от которого до Ломнистой долины было всего около 18 километров. Однако затем наступление приостановилось. Противник перешел к жесткой обороне на заранее подготовленном в инженерном отношении рубеже. Попытка овладеть этим рубежом с ходу не удалась. Кое-где гитлеровцы даже потеснили наши части.

Такая обстановка отразилась на положении партизан, оказавшихся непосредственно в прифронтовой полосе. Все чаще Главный штаб получал сообщения из бригад и отрядов, что обстановка в районах базирования накаляется. В Украинский штаб партизанского движения и штаб партизанского движения 4-го Украинского фронта ушла просьба разрешить отдельным бригадам и отрядам перейти линию фронта и соединиться с советскими войсками. По согласованию с этими штабами в начале февраля 1945 года Главный штаб партизанского движения Чехословакии издал приказ, в котором говорилось:

«Линия фронта к 31 января 1945 года приблизилась и остановилась в непосредственной близости от мест базирования партизанских бригад и отрядов и имеются данные предполагать, что она в этом районе будет находиться еще длительное время. Нахождение крупных партизанских отрядов и бригад в условиях прифронтовой полосы, т. е. в условиях большой плотности войск противника, создает угрозу разгрома и ликвидации партизан, тем более когда у партизан осталось небольшое количество боеприпасов».

В приказе указывалось, что в связи с создавшейся обстановкой необходимо немедленно приступить к подготовке партизанских отрядов для выхода на соединение с частями Красной Армии. Полная готовность к выходу намечалась на 15 февраля 1945 года.

Всех, кто не мог выступить в поход — а к ним относились прежде всего больные и раненые, — Главный штаб приказал укрыть в безопасных местах. Для их охраны выделялись специальные отряды партизан, а для лечения — медперсонал и медикаменты. Все раненые и те, кто оставался с ними, обеспечивались продовольствием.

Скопление вражеских войск происходило и в селах вокруг Ломнистой долины. Был отдан приказ заминировать подходы к долине, а также все дороги, ведущие к стоянкам партизан. Часть населения уходила в лес, в землянки. «Все деревни в районах Святой Микулаш, Ружомберок, Подбрезово, Банска-Бистрица заполнены немецкими войсками, — радировали мы на Большую землю 17 февраля, — вход и выход из деревень население запрещены под угрозой расстрела...»

Из Украинского штаба партизанского движения поступила радиограмма: «По имеющимся данным, обстановка вокруг вашего лагеря чрезвычайно напряженная. Вы лично и ваш штаб подвергаетесь опасности. Срочно сообщите, соответствуют ли эти данные действительности? Помочь вам не можем. Учтите, ваша безопасность не является вашим личным делом. Примите меры обезопасить себя и ваш штаб».

Для уточнения маршрута движения Главного штаба партизанского движения Чехословакии мы выслали разведывательные группы под командованием старшего техника-лейтенанта Быкова и лейтенанта Кукушкина. Однако группе Быкова не повезло. Ее задержали уже за линией фронта для проверки. У Быкова отобрали рацию, с помощью которой разведчики должны были связаться с нами.

Группа Кукушкина выполнила свою роль и, связавшись с соответствующими командирами, вернулась в Ломнистую долину в распоряжение ГШПД. В этот период наши радисты Л. Виктор и Н. Беляева уверенно поддерживали радиосвязь со штабом партизанского движения при военном совете 4-го Украинского фронта.

В 8 часов утра 19 февраля 1945 года из Ломнистой долины к линии фронта, до которой было около пяти километров, вышел Главный штаб партизанского движения Чехословакии вместе с полком имени Яна Швермы и одним из батальонов бригады имени Людвика Свободы. В Ломнистой долине осталась оперативная группа во главе с майором Цареградским, которая имела рацию для связи с Большой землей. С этой опергруппой и охраной находились тяжелобольные и раненые — около 20 человек. Все они должны были ждать прихода наших наступающих частей.

Мы шли по склонам гор, по снегу, так как долины были заполнены фашистскими войсками. С высоты было видно, как передвигаются гитлеровцы по дорогам к фронту и обратно. Во второй половине дня наша колонна, в которой насчитывалось 410 человек, благополучно пересекла линию фронта.

Вначале мы прибыли в город Брезно, а затем переехали в деревню Поломка — в 15 километрах восточнее Брезно. Из Поломки связались с заместителем начальника Украинского штаба партизанского движения генерал-майором В. А. Андреевым, находившимся при штабе партизанского движения 4-го Украинского фронта, и сообщили ему, где мы находимся. Он ответил, что мне надлежит прибыть в местечко Кремпах в Польше, где стоял штаб 4-го Украинского фронта. Но прежде предстояло поехать в Святой Петер к генералу Людвигу Свободе, командиру Чехословацкого корпуса, чтобы передать ему материалы на присвоение воинских званий чехословацким офицерам-партизанам.

Встреча была очень теплой. Мы передали генералу Свободе приказы Главного штаба о присвоении воинских званий. В числе других словацких воинов очередные звания были присвоены Ц. Кухте, Ф. Шадеку и другим. Взяв список, Свобода сказал:

— Мы обязательно утвердим эти приказы.

И действительно, список был утвержден полностью.

После войны мне не раз приходилось встречаться с Людвиком Свободой. Сошлюсь еще раз на его книгу «От Бузулука до Праги». Есть в ней и такие строки о партизанах: «Помощь, которую Советский Союз оказывал чешскому и словацкому народам в период их борьбы с фашизмом, была огромной. Без этой помощи партизанское движение в Словакии, Моравии и Чехии не могло бы развиться так успешно.

Во время второй мировой войны на территорию Чехословацкой Республики было заброшено 700 советских и чехословацких военнослужащих — прекрасных организаторов партизанского движения. Великолепные и мужественные люди, они сумели сплотить и мобилизовать на борьбу с врагом широкие народные массы и в тяжелейших условиях вражеского тыла наносили по немецко-фашистской военной машине тяжелые удары. Многие из организаторов и руководителей партизанского движения были воинами нашей воинской части, созданной в СССР. В боях против гитлеровских орд, сражаясь плечом к плечу с советскими воинами, они проявили себя как отважные бойцы».

В Кремпахи, где расположился штаб 4-го Украинского фронта, я прибыл в начале марта. Зайдя к Андрееву, неожиданно увидел у него писателя и поэта Константина Симонова, стихи которого хорошо знал и любил. Симонов стал расспрашивать меня о нашей борьбе в Словакии, затем записал некоторые из моих ответов.

В книге К. Симонова «Незадолго до тишины» приведены фронтовые записки писателя, сделанные в Кремпахах: «...Я поехал в село Кремпахи, где размещался тогда штаб партизанского движения Четвертого Украинского фронта, и около двух недель записывал там рассказы участников Словацкого восстания; они легли в основу моих очерков, напечатанных в «Красной звезде» и объединенных потом в книгу «Письма из Чехословакии».

В блокнотах осталось несколько отрывочных для памяти записей о наших ребятах-парашютистах, пришедших на помощь словакам...

Тогда, в сорок пятом году, я, конечно, знал, а сейчас не помню, с чьих слов сделана запись. Но в ней чувствуются дух времени, готовность солдат революции до конца выполнить свой интернациональный долг всюду, где это от них потребуется...»

В эти дни у меня произошла еще одна памятная встреча — с председателем Компартии Чехословакии Клементом Готвальдом. Эта встреча произошла в городе Кошице, куда прибыли чехословацкое правительство и чехословацкие коммунистические руководители и где я оказался по приглашению чехословацких товарищей.

Расспросив подробно о нашей борьбе и жизни в горах Словакии, деятельности Главного штаба партизанского движения Чехословакии, К. Готвальд вдруг с улыбкой сказал:

— А ведь на одну вашу радиogramму, товарищ Асмолов, я не ответил. В ней вы просили присвоить какой-то бригаде мое имя.

— Да, ответа мы действительно не получили, — отозвался я. — Но имя ваше, товарищ Готвальд, бригаде, которой командовал советский офицер Квитинский, было все же присвоено. Главный штаб посчитал, что молчание, как говорится, знак согласия...

Затем Готвальд спросил, какие у меня планы на будущее.

— Надо ехать в Киев, там решать, — ответил я.

Однако ехать в Киев не пришлось. Мне было приказано остаться в Кремпахах в штабе партизанского движения при Военном совете 4-го Украинского фронта.

Знакомясь с боевой деятельностью партизанских бригад и отрядов, сражавшихся с фашистами на территории Чехословакии, донесениями, передававшимися по радио из-за линии фронта, я получил представление о размахе партизанской борьбы в той части чехословацкой земли, которая еще находилась в руках противника.

Партизанская сеть практически охватила всю страну. Группы сопротивления из рабочих и крестьян были созданы почти на каждом предприятии, в каждом городе и в каждой деревне, в том числе и в населенных пунктах, окружавших столицу Чехословакии. На крупнейших предприятиях Праги действовали сотни организованных, хотя в большинстве своем не вооруженных рабочих, проводивших диверсии и акты саботажа и готовых по первому зову поднять восстание в тылу фашистских армий.

И это восстание началось. Оно охватило всю территорию Чехии и Моравии. Коммунистическая партия Чехословакии вышла из подполья. Повсюду устанавливалась власть национальных комитетов. Восстание чешских патриотов слилось с завершающими ударами Красной Армии, принесшей освобождение чехословацкому народу.

Майское восстание чешского народа имело огромное политическое и военное значение. Оно явилось одной из ярких страниц национально-освободительного движения в стране. В боях участвовало в общей сложности свыше 100 тысяч человек.

Восстание чешского народа в мае 1945 года существенно дезорганизовало тыл крупнейшей группировки фашистских войск — одного из последних плацдармов гитлеризма. Вместе с восставшими, в их первых рядах — на баррикадах, улицах и площадях — сражались и партизаны.

Это были последние удары партизанского фронта в тылу вермахта, дни которого были сочтены.

Погожим ясным днем 23 августа 1945 года со Святошинского аэродрома под Киевом поднялся военно-транспортный самолет и взял курс на Чехословакию. На борту его находились 12 организаторов партизанского движения, которые были приглашены Словацким национальным советом и ЦК Компартии Словакии для участия в народных празднествах по случаю первой годовщины Словацкого национального восстания. Вместе с автором этих строк в Словакию летели Петр Величко, Алексей Егоров, Вячеслав Квитинский, Евгений Волянский, Алексей Садиленко, Всеволод Клоков, Михаил Шукаев, Дмитрий Резуто, Михаил Цареградский и другие.

Накануне вместе с Т. А. Строкачем мы встретились с секретарем ЦК КП(б)У Демьяном Сергеевичем Коротченко.

— Ну что, товарищ Асмолов, — сказал он, — на этот раз вам предстоит выполнить в Чехословакии мирное задание, но тоже важное. Восстание в Словакии теперь принадлежит истории. И все вы, кто был там, теперь навсегда связаны с этой страной. Помните об этом.

Часть пути по Чехословакии мы совершили на автомашинах. Радостно было смотреть на поля и леса, мимо которых мы проезжали, на работающих крестьян, на города, залечивающие раны войны. Уже три с лишним месяца Европа жила миром. Молчали орудия, не рвались бомбы, не трещали автоматы и пулеметы. Поезда спокойно шли по железным дорогам. Партизанские армии, наводившие страх на врага, вернулись к мирному труду.

— Даже не верится, что война кончилась, — сказал Квитинский.

Да, позади скитания по горам, опасность, тревога за друзей, товарищей по оружию. Человек рождается для созидания, а не для разрушения того, что создано руками человеческими. Но войны бывают разные. Те, кто ехал сейчас по Словакии, знали, во имя чего они воевали. Они пережили трудный 41-й и радостный 45-й и сделали все, что могли, чтобы фашизм был уничтожен, чтобы их Родина и родина других народов была свободной и счастливой. Потому так радушно встречали советских партизан словаки, и прежде всего жители словацкого города Кошице, где мы сделали первую остановку. Так же тепло принимали нашу делегацию в

Мартине, где состоялась первая окружная конференция партизан, на которую пришли и приехали бывшие партизаны из многих сел и городов Словакии. Здесь, близ Мартина, приземлились первые советские парашютисты.

И вот мы снова в Банска-Бистрице — столице восставших. Знакомые дома, улицы, знакомые лица боевых друзей.

29 августа 1945 года в Банска-Бистрице состоялся общегосударственный чехословацкий праздник, посвященный первой годовщине восстания в Словакии. 8 часов утра. На центральной площади города выстроились подразделения Чехословацкой армии — 10 тысяч солдат и офицеров. Вместе с ними — 10 тысяч партизан. На площадь пришло, казалось, и все население города.

Как только показались советские партизаны, войскам была подана команда «Смирно! Равнение налево!». Это приветствовали нашу делегацию. Особая честь. Дань глубокого уважения советским партизанам, воевавшим на чехословацкой земле, и всему советскому народу, нашей стране, вынесшей главную тяжесть в борьбе с фашизмом.

На митинге частей чехословацкой армии и партизан мне выпала честь вручить наиболее отличившимся чехословацким партизанам, партизанам других национальностей, а также некоторым руководителям восстания советские награды. Медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени были награждены К. Шмидке и Г. Гусак.

Медаль была вручена и командиру французских партизан Жоржу де Ланнурьену.

Советским партизанам вручили чехословацкие медали, которыми награждались наиболее отличившиеся участники Словацкого национального восстания. Их вручал председатель Компартии Словакии и председатель Словацкого национального совета Карол Шмидке. Всех нас тепло поздравил с наградами Клемент Готвальд.

Затем началась демонстрация, продолжавшаяся до середины дня. Перед трибуной, на которой стояли члены чехословацкого правительства и Словацкого национального совета, а также наша делегация, прошло не менее 60—70 тысяч человек, в том числе войска и партизаны, съехавшиеся из разных концов страны. Шли рабочие, крестьяне, служащие, студенты, школьники... Они несли многочисленные лозунги, которые выражали благодарность советскому народу, Советской Армии, советским партизанам.

А после полудня в Банска-Бистрице состоялся грандиозный митинг, какого мне никогда не доводилось видеть до этого. На него собралось около 130 тысяч человек. Еще за несколько дней до 29 августа все дороги, ведущие в Банска-Бистрицу, заполнили машины, повозки, велосипедисты. Железные дороги были перегру-

жены. На митинг съехались делегаты всех организаций Словакии, Чехии и Моравии, прибыли десятки тысяч трудящихся со всей страны.

Митинг открыл Густав Гусак. На митинге выступали представители чехословацкого правительства, чехословацкой армии, Советской Армии и советских партизан, от партизан других национальностей.

Это был общегосударственный праздник. Он продолжался во всех областях, районах и крупных городах. Разбившись на группы, мы разъехались по всей стране. Члены нашей делегации присутствовали в общей сложности на 37 митингах, приняли активное участие в работах многих конференций партизан, в том числе в Мартине, Банска-Бистрице, Братиславе, Праге, Брно, Злине, Градец-Кралове, Кошице и многих других городах. Бывших партизан везде встречали как самых близких людей.

Мы были полны впечатлений от увиденного, услышанного, пережитого. Не могу в связи с этим не привести свидетельство из книги Г. Гусака о Словацком национальном восстании: «Возрожденная республика сохранила то же название, что и раньше, но внутри страны многое изменилось. Иные силы, силы трудового народа, стали движущими в ее дальнейшем развитии... Эта весна 1945 года наполнила надеждами и наш народ. После тяжелых боев, жертв и потерь перед ним открылись перспективы решения вековых, наболевших национальных и социальных проблем. Сотни тысяч людей внесли личный вклад в борьбу за свободу, за ее новое содержание, за ее социалистическое будущее».

Словацкое национальное восстание — одна из самых ярких страниц в истории словацкого и чешского народов. По размаху, ожесточенности и продолжительности боев с гитлеровскими захватчиками, по количеству участвовавших в них словаков и антифашистов различных национальностей, по своему вкладу в разгром общего врага это восстание — одно из крупнейших международных вооруженных выступлений трудящихся Европы против фашизма. Восстание ознаменовало высший этап борьбы народов Чехословакии против немецкого и местного фашизма. Это был подвиг народа, осуществленный под руководством коммунистической партии.

Одним из важнейших заветов Словацкого национального восстания, которое оно передало новым поколениям, является верность дружбе с нашей страной, союз с ней на вечные времена. «Если мы говорим о восстановлении чехословацкого государства, о восстановлении нашей национальной жизни, мы должны сказать о том, как мы завоевали эту свободу, кто нам помогал, — подчеркивал Г. Гусак в своей речи на митинге в Банска-Бистрице 29 августа 1969 года. — Конечно, каждый народ, словацкий и чешский, внес

большую долю в завоевание свободы. Но могли ли, друзья, Словацкое национальное восстание, партизанское движение в нашей стране иметь сколько-нибудь большую перспективу без помощи и без наступления Советской Армии в направлении наших границ и нашей территории? Мы знаем, что вся наша борьба — и борьба не только чешского и словацкого народов, но и других европейских народов — была связана и зависела от борьбы и жертв Советской Армии и советского народа. Об этом мы должны постоянно напоминать. На основе этого была восстановлена наша свобода, на этом и впредь основаны безопасность и уверенность чехословацкого государства».

В послевоенные годы я нередко бывал в Чехословакии, посещал места, связанные с борьбой против общего врага. Бывал, конечно, в Банска-Бистрица, Мартине, Слияче, в Ясене, городах и селах, жители которых избрали меня своим почетным гражданином. Как много изменилось и продолжает меняться с тех пор, как прошли здесь бои. Но неизменной остается память чехословацкого народа о том времени.

Бережно сохраняется отстроенный заново домик, где располагался Главный штаб партизанского движения. Заботливые руки сохранили саму эту избушку и все, что в ней было в те давние дни: грубо сколоченный стол у окна, нары, глиняный рукомойник у входа, чернильницу-невыливайку на столе, папку с бумагами на полке. Чугунная печка, закопченный потолок, сковородки и кастрюльки... Оружие — наши советские автоматы времен войны. Гранаты. Папаха и ватник на деревянных гвоздях у входа.

На открытии этого музея-мемориала побывал в августе 1974 года Борис Полевой. Вот как описал он свои впечатления в книге «Тридцать лет спустя»:

«Вереница людей медленно, тихо проходит через это партизанское жилье, словно бы приобщаясь к героической атмосфере тех дней, уже подернутых дымкой легенды. И невольно начинаешь волноваться, будто и впрямь вступаешь в свое прошлое. Невольно думаешь, что эта вот хата — кусок бережно восстановленной подлинной истории — с точки зрения коммунистического воспитания молодежи не менее действенна, чем памятники из гранита, мрамора, бронзы, как и наиболее действенными в сегодняшнем Сталинграде являются не грандиозные монументы с аллеями и фонтанами, а руины мельницы на берегу Волги, сплошь искалеченные пулями и осколками...»

В моей московской квартире, которую друзья по минувшей войне называют нередко «партизанской землянкой», многое напоминает о партизанских годах, о Чехословакии. Боевые реликвии, сохранившиеся с войны, многочисленные сувениры. Но особенно много писем, которые шли мне все эти годы, в том числе и из Чехо-

словакии. Пишут знакомые и незнакомые, те, с кем воевал, и те, кто родился уже после войны. И эти письма, а также встречи с бывшими чехословацкими партизанами, убеждают, сколь прочна дружба между советским и чехословацким народами, нашими коммунистическими партиями, сколь слита наша история, страницы которой в годы минувшей войны были написаны и скреплены совместно пролитой кровью.

И я благодарен судьбе за то, что в годы великих испытаний, которые пережили народы Советского Союза и Чехословакии, других стран, мне довелось сражаться с фашизмом не только на своей земле, но и на земле братской страны, ставшей мне навсегда родной и близкой.

Алексея Никитовича Асмолова не стало, когда он готовил книгу «Фронт в тылу вермахта» к переизданию. Он умер 3 сентября 1981 года.

В Большой советской и Советской военной энциклопедиях имя А. Н. Асмолова стоит в ряду других известных имен, внесших значительный вклад в великую освободительную миссию Советских Вооруженных Сил.

За свои боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны генерал-майор А. Н. Асмолов награжден многими советскими и зарубежными орденами и медалями, в том числе одной из самых высоких государственных наград Чехословацкой Социалистической Республики — орденом Белого льва, которого он удостоивался дважды.

По случаю награждения вторым орденом Белого льва Генеральный секретарь ЦК Компартии Чехословакии, Президент Чехословацкой Социалистической Республики Густав Гусак писал в своем личном письме Алексею Никитовичу:

«Мы высоко ценим Ваши заслуги в развитии партизанского движения во время Словацкого национального восстания и Вашу выдающуюся роль в антифашистском Сопротивлении на территории Чехословакии».

В большом очерке о командующем партизанским движением в Чехословакии генерал-майоре А. Н. Асмолове «Генерал с орденом льва», давшем название всей книге министра иностранных дел Чехословацкой Социалистической Республики Богуслава Хнеупека, сказано:

«Эпопея Словацкого национального восстания навсегда связана в нашем сознании с именем человека, который отдал ему всего себя. Его жизнь и подвиги являются подтверждением старой истины: люди не рождаются ни героями, ни трусами, они просто становятся выразителями своего времени.

Эта страница нашей истории тесно связана с именем солдата, чьи дела и подвиги вошли в суровую летопись первого социалистического государства и нашей страны,— с именем Алексея Асмолова».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
С первых дней войны	7
Советский край в тылу армий «Север»	26
За линию фронта	44
Провал карательных экспедиций	71
Борьба продолжается	84
На юго-западе	102
Тыл вермахта в огне	129
Последние удары на советской земле	160
Восстание в центре Европы	194
На освобожденной территории	217
Уходим в горы	252
«Ахтунг! Снова партизаны!»	262
Послесловие	300

Асмолов А. Н.

А30 Фронт в тылу вермахта.— 2-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1983.— 302 с.

В этой книге рассказывается о партизанской борьбе советских людей в тылу врага на северо-западе России и юго-западе Украины. Большое место уделено также рассказу о борьбе с фашизмом во время Словацкого национального восстания. Автор воспроизводит малонизвестные страницы минувшей войны, вспоминает о партизанах и подпольщиках, чей массовый героизм и высокое боевое искусство нанесли фашистскому вермахту невосполнимый урон.

А 0505030202—257
079(02)—83 204—83

63.3(2)722.5
9(С)277

**ФРОНТ
В ТЫЛУ
ВЕРМАХТА**

Литературная
запись *Ж. В. Таратуты*

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Л. Г. Беляева*
Младший редактор *И. А. Дегтярева*
Художник *Т. Г. Садовников*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Н. П. Межеричная*

ИБ № 4602

Подписано в печать с матриц 15.02.83. А00332.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Условн. печ. л. 17,67. Условн. кр.-отт. 18,13.
Учетно-изд. л. 20,08. Тираж 300.000 (150 001—
300.000) экз. Заказ 3201. Цена 80 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

80 коп.

ПОЛИТИЗДАТ